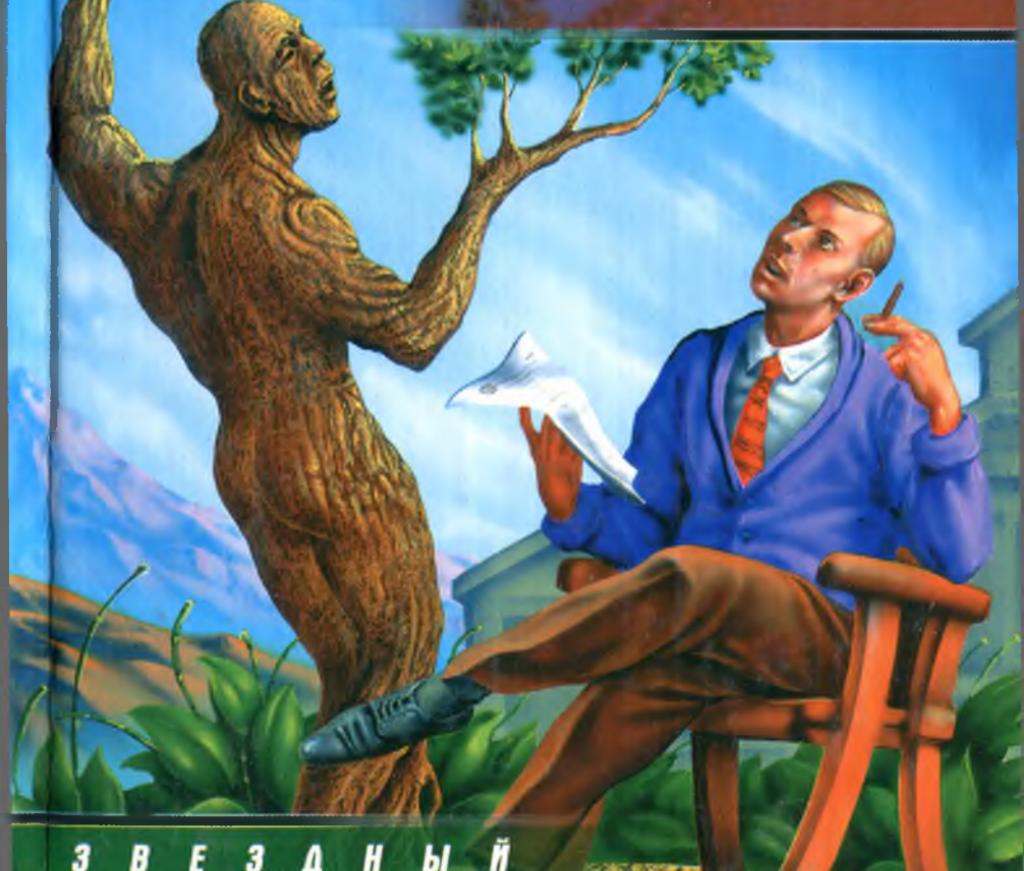

НОВОЕ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

З В Е З Д Н Ы Й

Д А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сканировал и создал книгу - *vmakhankov*

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

НОВОЕ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА 2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Н74

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 23.06.05. Формат 84x108 1/12.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3241.

Новое тысячелетие : [сб.] — М.: ACT: ACT МОСКВА: Транзиткнига, 2005. — 394, [6] с. — (Звездный лабиринт).
Н74

ISBN 5-17-031392-6 (ООО «Издательство ACT»)
ISBN 5-9713-0066-0 (ООО «ACT МОСКВА»)
ISBN 5-9578-1926-3 (ООО «Транзиткнига»)

«Стиратели-2000».

Литературный клуб МОЛОДЫХ ФАНТАСТОВ, которые начали публиковаться НЕ РАНЬШЕ 2000 года.

Они гордятся тем, что не принадлежат ни к одной школе или группе отечественной фантастики.

Они пришли в жанр КАЖДЫЙ СВОЕЙ ДОРОГОЙ и дорожат своим «лицом необщим выражением».

Их объединяет одно — все они, по словам основателя клуба Романа Афанасьева, «любят фантастику ради фантастики, а не ради себя».

Добро пожаловать в клуб «Стиратели-2000»!

Роман Афанасьев и Сергей Чекмаев!

Игорь Ревва и Дмитрий Казаков!

Михаил Кликин и Андрей Уланов!

И многие, многие другие...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Все началось в Харькове...

Все началось в 2002 году. В Харькове. Шел очередной фестиваль фантастики «Звездный Мост», и среди заявленных мероприятий значился диспут «молодая шпана» против «девяностников». Под последними подразумевались фантасты, заявившие о себе в 90-е годы теперь уже прошлого века. Увы, мероприятие почти сорвалось, хотя отвечавший за него Андрей Валентинов приложил фантастические усилия, пытаясь расшевелить вышеупомянутую шпану. Шпана шевелиться не желала. То ли молодые авторы, даже те, в активе которых имелось несколько успешно разошедшихся книг, стеснялись, то ли не считали нужным дистанцироваться от предыдущей волны. Тем не менее, несостоявшийся диспут свое дело сделал. Присутствовавший на «Звездном Мосту» Роман Афанасьев задумался о нелегкой судьбе вчерашних дебютантов, благо сам был в том же положении, и решил действовать.

В Москву Афанасьев вернулся с твердым намерением извлечь собратьев по разуму и перу из норок, благо наступивший век Интернета изрядно облегчал поиски. Так в Сети появился новый ресурс, посвященный молодым фантастам, позднее трансформировавшийся в клуб со своеобразным названием «Стиратели — 2000». «2000» потому, что в клуб принимают авторов, начавших печататься не раньше 2000-го года, а «Стиратели» пришли из строчки, известной нам по песне Б. Гребенщикова, «Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?»

Разумеется, никто никого ниоткуда стирать не собирался и не собирается. Клуб создавался не для войн с литературными предшественниками, а для общения людей, читающих и пишущих фантастику. У «Стирателей» нет единой идеологической или литературной платформы. Если это литературное

объединение когда-нибудь обзаведется гербом, вполне вероятно, что на нем окажется кошка. Та самая, которая ходит, где вздумается, гуляет сама по себе, никого не трогает, починяет примус и при этом осознает, что она — животное древнее, не-прикосновенное и совершенно свободное. В том числе от предрассудков и пережитков мрачного прошлого.

Нет, «Стиратели» не отрицают и не отвергают опыт советской и постсоветской отечественной фантастики, они просто понимают, что «мир переменился». Нам выпало родиться в эпоху великих перемен, а это подразумевает и перемены литературных предпочтений. Книги, двадцать лет назад бывшие зеркалом эпохи, превращаются, если уже не превратились в нечто требующие пояснений. Ушла в прошлое литература намеков и недомолвок, а столь популярное в конце 80-х пинанье мертвого льва и обличение тоталитаризма откровенно прелились и вызывают раздражение.

Что останется из предперестроечной и раннеперестроечной фантастики, если из нее изъять развенчания и разоблачения, убрать намеки и ассоциации и отказаться от хихиканья над собственной убогостью? Почти ничего. Это ни в коем случае не умаляет значения литературы «со страхом и намеком», в том числе и общественно-политического, но, как говорил Остап Бендер, «идея себя изжила». Те, кто остались играть на старом поле, сначала медленно, а потом все быстрее стали проигрывать по популярности тем, кто шел другим путем, вернее, путями. К тому же на наши головы обрушился водопад переводной литературы. То, что раньше было доступно лишь избранным, оказалось на прилавках. Более того, постсоветские читатели получили оптом то, что читатели западные потребляли порционно, по мере написания.

Нарождающийся книжный бизнес выдавал «на гора» бестселлер за бестселлером. Глаза рябило от знакомых, полузнакомых и незнакомых имен и ярких обложек, на которых к месту и не к месту красовались амазонки в бронелифчиках, варвары с двуручниками, звездолетчики с бластерами, странного вида механизмы и разнокалиберные монстры. Книжки уходи влет, несоответствие обложки и содержания, ляпы переводчиков, вторичность, третичность и четвертичность сю-

жета роли не играли. «Пипл хавал», а издатели радовались. Именно на эту пору фантастической и фэнтезийной вакханалии и приходится становление большинства будущих «Стирателей», как читателей фантастики.

Про первое поколение постсоветских фантастов говорят, что оно вышло из шинели Стругацких. Может, и так, но потом случился резкий разворот из «градов обреченных» в сторону «миров волнующих и странных». Отход от аптеки, улицы и фонаря сопровождался взлетом целой плеяды интереснейших писателей и завершился национальной фантастически-фэнтезийной революцией. Книги Бушкова, Лукьяненко, Олди, Перумова по тиражам и популярности догнали и перегнали переводных фантастов. Стало ясно, что мы можем не только читать, но и писать. Разумеется, у каждого из мастеров появились ярые приверженцы и не менее ярые недоброжелатели. Разумеется, и те и другие не удержались от искушения и сели за клавиатуру, благо компьютеры к этому времени для многих стали альтер эго.

Молодые фантасты, заявившие себе в начале XXI века, вместо одной-единственной шинели перемеряли весьма широкий ассортимент доспехов и скафандров. Потому-то и классифицировать их, как писателей, столь трудно: уж больно они разные. Одни угодили в Приключение, увязавшись за Гэндальфом, другие добирались до своей планеты на «Тысячелетнем Соколе», третьи начали с компьютерных игр, пересосших в нечто большее, четвертым послужили трамплином история, биология, психология, математика, программирование, медицина.

У каждого были собственные эталоны и предпочтения. Потому что не представляли об их существовании. В результате буйным цветом расцвело сто цветов самого разного вида, размера и запаха. Будущие «Стиратели» шли в фантастику каждый своей тропкой и, пожалуй, про них можно сказать, что сделали они себя сами. Сами влюбились в фантастику, сами среди множества миров отыскали свои, неповторимые и удивительные, сами написали книги и сумели заинтересовать издателей, опровергнув расхожее утверждение, что «печатают только своих».

К 2002 году на просторах бывшего Союза появилось немало фантастов-новичков, не принадлежащих ни к одной из групп, но хорошо известных издателям и читателям. На «конах» же, где тон задавали «старики», молодежь себя чувствовала не слишком уютно. В такой ситуация для создания нового объединения не хватало только центра кристаллизации, ка-ковой и появился в лице Романа Афанасьева.

«Я не хотел создавать очередную претендующую на элитность организацию, — признается Афанасьев, — эдакую пионерию от НФ и комсомол от Фэнтэзи. Этим есть кому заняться и без нас, например, советам по фантастике, литературным жюри, фэн-клубам и прочим «тусовкам». «Стиратели» — клуб единомышленников, а единомышленникам не нужен официоз, не нужны юридически выверенные правила, напыщенные резолюции, петиции, манифесты и прочие бюрократическо-политические изыски.

Я собирал и собирал друзей, нас не связывает какая-либо судьбоносная идея и великая цель. Мы и пишем по-разному, и как люди тоже разные. Тем не менее, у нас есть объединяющее начало — мы любим фантастику ради фантастики, а не ради себя.

Когда я занялся клубом, то представлял себе не конференц-зал, а посиделки на кухне за стаканчиком глинтвейна. Есть что обсудить, есть о чем спорить, есть над чем подшутить. Надоело — разошлись».

Прошло три не самых простых для пишущей братии года, но «Стиратели» не только выжили, но и изрядно пополнили свои ряды за счет знакомых и знакомых знакомых. И это при том, что львиная доля подобных объединений вянет, не успевши расцвести.

Сейчас «Стирателей» 23 человека, на их счету более сотни сольных книг, множество рассказов и повестей и даже один сборник рассказов авторов клуба.

Второй мы представляем на суд ценителей фантастики сейчас.

В. Камиша

ПОКОЙ НАМ

ТОЛЬКО СНИТСЯ

Роман Афанасьев

АНИМАЦИЯ

Северная Америка. Штат Вашингтон. Нью-Вашингтон.

Серебристая капля двухместного кара поднялась над крышей коттеджа и поплыла в сторону небоскребов Сити, видневшихся на горизонте. Бенджамен Самерсон посмотрел вслед служебной машине и довольно причмокнул. Впереди два выходных — чудесное время, когда можно забыть о должности главы департамента связи Нью-Вашингтона и предаться скромным радостям жизни. Загородный дом, зеленая лужайка, спокойствие, разлитое в прозрачном воздухе... Что еще нужно для счастья?

Дверь дома узнала прикосновение ладони хозяина и легко распахнулась. Самерсон, сорокалетний толстячок в дорогом синем костюме, выглядевший прекрасной иллюстрацией к слову «босс», вернулся с работы, чтобы провести уикэнд в загородном коттедже. Бен величественно вступил в прихожую.

— Дорогая, я дома! — возвестил он глубоким басом.

Славная традиция. Ее неустанно соблюдали многие поколения Самерсонов, начиная с позапрошлого века. Эти волшебные слова давали отмашку домашним — глава семейства вернулся, пора собирать на стол, зажигать свет, начинать суетиться...

Супруга не отозвалась. Самерсон тяжело вздохнул, жалея, что на дворе не позапрошлый век и начал раздеваться.

© Р. Афанасьев, 2005.

Шкаф покорно принял в свое нутро и дорогие ботинки, и пухлый портфель, и сложенный пополам плащ. Обувшись в домашние тапочки, выданные шкафом, Бен поднялся на второй этаж по широкой лестнице с роскошными деревянными перилами. В этом году натуральное дерево снова вошло в моду.

Сворачивая в коридор, ведущий в правое крыло, Бен услышал шум голопроектора. Салли снова смотрела сериалы. Бен покачал головой, взглянул на часы и решил не отвлекать жену. Ему и самому пора в любимое кресло у экрана Три-Ви.

В спальню он скинул костюм, облачился в мохнатый домашний халат с лиловыми шелковыми отворотами и отправился в кабинет. Там Самерсон плеснул в стакан виски на два пальца, выбрал сигару и уселся в кресло, стоявшее посреди зала.

Не успел он прикурить великолепный «апман», как стена замерцала, почувствовав, что хозяин дома.

— Канал А-восемнадцать, — велел Бен, откидываясь на спинку кресла.

— Вечерний показ двести тридцать второй серии «Серебряных Шлемов», вторая часть текущего сезона, — объявила мерцающая стена грудным женским голосом. — Две минуты до начала.

— Включай, — милостиво разрешил Бен.

Это был его любимый рисованный сериал. Именно этот. Конечно, еще оставались «Большие Тигры» и «Почемучки», но «Шлемы» — другое дело. Этот сериал Бен смотрел уже лет пять и по-прежнему его любил. Самерсон вообще любил аниме. Конечно, только самое настояще, японское. Китайские, корейские и даже русские поделки его не интересовали. Еще в детстве Бен приобщился к волшебному миру этой вершины искусства анимации. В десять лет он увидел один из первых Три-Ви сериалов и навсегда влюбился в изящество рисованных фигурок. Он забросил комиксы, эту вредную жвачку для мозгов, и, несмотря на возраст, понял, что должны смотреть по настоящему культурные и образованные люди.

Маленький Бен рос вместе с героями любимых сериалов. Они стали его лучшими друзьями, его соседями, наставника-

ми и учителями. Повзрослев, он не оставил своего увлечения. Самерсон просматривал старые сериалы, следил за новинками, собирая коллекции на цифровых носителях. Более того, он стал членом нескольких фэн-клубов и часто встречался с единомышленниками. В самый большой клуб, где Бен состоял сейчас, входили его босс, мэр и еще несколько избранных лиц. Всех их объединяла тяга к прекрасному искусству — аниме.

Стена голопроектора налилась багрянцем, мигнула и выдала заглавные титры «Серебряных Шлемов». Бен с заметным удовольствием хлебнул из стакана виски и погрузился в хорошо знакомый мир широкоглазых красоток и громоздких боевых роботов.

Но через пару минут стакан выскользнул у него из рук. Сигара, выпав из разинутого рта, упала на пол и откатилась к ножке письменного стола. Бен даже не заметил этого, он не мог оторвать взгляд от экрана. На нем творилось такое, чему Самерсон не мог подобрать названия.

По экрану бежала строка, сообщавшая, что это последняя серия «Серебряных Шлемов» — не в сезоне, не в части, а вообще. Такого не могло быть. Не мог сериал закончиться просто так, одной серией, это было бы слишком жестоко. Мордашка только добилась благосклонности Исимы, Большие Боевые Роботы уничтожили Секретную Базу Темного Владыки, но сам Владыка, тайно симпатизирующий Мордашке, отступил в страну Черной Феи и примкнул к ее фаворитам. Темные Армады наступали на Базу и уничтожали все, что встречали на своем пути. Мир захлебнулся в крови, и это просто не могло быть концом!

С ужасом Бен взирал на исходящий призрачными огнями экран. Там происходило нечто невообразимое. Прочные союзы рушились, любовь оборачивалась изменой, дружба — предательством, жизнь — смертью. Умирало все. Умирал сериал, герои и сам Бен.

Все двадцать минут, отпущенные на демонстрацию, Самерсон просидел на кончике кресла, подавшись вперед, завороженный ужасным зрелищем. Его массивный, гладко выбритый подбородок чуть подрагивал, в такт частящему сердцу.

Последняя сцена вырвала из его груди стон. Мордашка и Исима, две девчушки, только вступавшие в большую жизнь и стоящие планы на будущее, сумевшие пронести любовь друг к другу через вихри войны, умирали. В рубке разбитого боевого робота царила невесомость. Крупные капли крови, похожие на лепестки роз, медленно вальсировали среди обломков, постепенно превращаясь в алую метель. Девушки, в боевой форме космофлота Земли, в этих очаровательных коротких юбочках и белых топиках, прощались друг с другом. Две хрупкие руки встретились среди обломков. Девочки обнялись на прощанье и поцеловались. Кровавые лепестки заполонили весь экран, скрывая Мордашку и Исиму от глаз Самерсона, но он успел рассмотреть, что умерли они одновременно. Их головы запрокинулись, руки обмякли, и они остались кружить в невесомости, как две пустые оболочки, из которых ушли жизнь и любовь.

Голопроектор полыхнул алым, словно экран залила кровь и страшное слово «конец» простило на стене, подводя итог сериалу, героям, жизни...

Бен, ошеломленный и подавленный, замер в кресле. Потом поднялся и, шаркая как немощный старец, подошел к письменному столу. Он наступил на сигару, растер ее в пыль, но даже не заметил этого. Дрожащими руками открыл верхний ящик стола. Там, на зеленом сукне лежал револьвер. *Smite and Wesson* тридцать восьмого калибра, доставшийся Самерсону в наследство от деда — простого полицейского. Всего лишь семейная реликвия.

Бенджамен достал револьвер и приставил его ко лбу. Самерсона тошнило, по телу разлилась предательская слабость. Он чувствовал себя больным и уставшим. И все же, несмотря ни на что, твердо знал, что нужно делать. Палец дрогнул, взводя курок. Силы покидали Бена, но он знал — осталось немного.

Выстрела никто не услышал. Жена Самерсона, Салли, лежала в ванной со вскрытыми венами. Ее сериал, о двух влюбленных мальчиках, покончивших жизнь самоубийством из-за того, что их разлучили жестокие родители, закончился на полчаса раньше.

Южная Америка. Колумбия. Частное владение №171283.

Вилла сияла праздничными огнями. Затерянная в последнем нетронутом уголке планеты, сейчас она казалась волшебным островком цивилизации в этом диком краю. Ее наполняли свет разноцветных прожекторов, музыка всех стилей и направлений, дым сигар и кальянов, возгласы гостей... Дон Сезаро, глава клана Анаконд, устроил праздничный прием в честь гостей из Японии.

На крыше, плоской и большой, как баскетбольная площадка, танцевали под зажигательные ритмы латино. Огромные динамики выдавали в ночной воздух мегаватты звука, заставляя дрожать крышу. Танцоры не уставали. Ночной воздух, пьянящие зелья, друзья и подруги просто не оставляли времени на отдых.

На нижних этажах велись неспешные беседы — за стаканами текилы, за чашками кофе, под кубинские сигары и первоклассный нокс. Здесь тоже царило веселье, но иное — деловое. Здесь пили за сотрудничество, за верность, за прибыль — за все кроме любви. Ей на деловых переговорах делать нечего.

И лишь в глухом подвале, в поземных апартаментах дона Сезаре, надежных, как бомбоубежище, было тихо и мрачно. В рабочем кабинете дона собирались члены его семьи — семеро донельзя серьезных братьев, одетых в одинаково роскошные черные костюмы. Они стояли неподвижно, сумрачно разглядывая тело, лежащее на полу. Полчаса назад дон Сезаре перерезал себе горло любимой «навахой» и отправился в мир иной, оставив после себя сильный клан, двенадцать отпрысков мужского пола и один неподписанный договор.

— Этого просто не может быть, — мрачно сказал один из братьев, выключая проектор, озарявший кабинет яркими огнями рекламы.

— Почему? — потрясенно спросил второй у мертвого босса. — Почему, Сезаре!

Дон не ответил. Он лежал на дубовом паркете в луже своей жаркой южной крови и, похоже, не собирался отвечать на вопросы.

— Потом разберемся, почему, — тихо сказал брат со свернутым на бок носом. — Хочу напомнить, что наши заокеанские коллеги ждут. Мы должны заключить сделку.

— Без дона это невозможно.

— Значит, нам следует выбрать нового дона. И как можно быстрее. Иначе не миновать проблем. Больших проблем.

— Новый дон выбирается на общем совете. Ты, Ринальдо, знаешь это не хуже меня. Мы соберем совет, но на это понадобиться время.

— Мы потеряем деньги. Мы потеряем лицо!

— Нет, мы будем следовать традициям! Или ты метишь на место Сезаре? Хочешь забрать себе власть прямо сейчас, над еще неостывшим трупом дона?

— Тише, тише! Уберите ножи. Здесь и так достаточно крови. Мы выберем нового дона. На общем совете, как положено. Подписание договора отложим. Я сам скажу об этом нашим гостям. Они расстроятся, но, думаю, поймут. Японцы чтят традиции. Как свои, так и чужие.

— Хорошо, Бальтазар. Надеюсь, они действительно поймут, что другого выхода у нас нет.

Центральная Европа. Лион. Юго-восточный округ.

— Знаешь, что мне нравиться в старых добрых стоятажках? — спросил патрульный Жак Муан у своего напарника, сажая полицейский кар на потрескавшийся от старости асфальтовый тротуар.

— Что?

— То, что они одинаковые. Когда выламываешь дверь, сразу ясно — налево сортир, направо холл. И кто где стоит можно определить заранее. И сразу начать стрелять.

— Эй, потише, приятель! Вызов всего лишь по поводу громкой музыки. Нам нужно только проверить квартиру и все.

— Ладно, Поль, не суешься. Я пошутил.

— Я не суечусь, — сказал Поль. — Мне эти клоповники не нравятся. Старье. И живут тут клерки да бумагомараки. Вечно у них полно проблем.

— И это хорошо, — отозвался Жак, глуши мотор. — Работа всегда есть. Ну что, пошли?

— Подожди.

Грузный Поль заворочался в кресле, пытаясь перетянуть на живот портупею с пистолетом. Слова о стрельбе нехорошо напомнили прошлый вызов, когда пришлось штурмом брать квартиру бухгалтера, вооруженного до зубов. В этот момент по крыше машины мягко стукнуло, и по лобовому стеклу, прямо на капот, скатился небольшой желтый сверток.

— Что за... — начал Поль.

Жак распахнул дверь и выскочил на улицу. Желтый сверток мирно лежал на сине-белом капоте. Это оказалась плюшевая игрушка с черными острыми ушками и выпущенными пуговичными глазками.

— Покемон! — удивился Жак. — Откуда он тут взялся?

Поль, не говоря ни слова, выбрался из машины, забрал покемона с капота и внимательно осмотрел его. Это была не бомба, не глушилка. Просто игрушка. Ничего странного Поль в ней не нашел.

— Ничего не понимаю, — признался он и положил игрушку обратно на капот.

Сверху раздался странный звук, и патрульные разом подняли головы. Они еще успели заметить парящий силуэт, напоминавший крест, но и только. Ни вскрикнуть, ни отскочить они не успели.

От удара крыша патрульного кара вмялась в салон до самых сидений. Во все стороны брызнули осколки стекол, по улице прокатился грохот удара. Взвыла сирена кара и тут же затихла, испустив угасающий похоронный стон.

Поль опомнился первым. Он отшатнулся назад, выхватил из кобуры пистолет... и застыл на месте, не зная, куда его девать. Пистолет тут был не нужен. Прямо перед патрульным, на разбитой машине, лежал человек в черном костюме. Голова, свернутая набок, сплющена, содержимое черепа расплескалось по капоту. Белоснежный воротничок дорогой сорочки медленно багровел. Сломанные руки торчали из-под тела, согнутые в десятке мест — человек напоминал раздавленного таракана.

— Что это? — хрипло спросил Жак, поднимая ладонь к лицу.

— Труп, — отозвался Поль, пытаясь дрожащими руками вернуть пистолет в кобуру. — Самоубийца. Прыгнул из окна.

Жак запрокинул голову, взглянул вверх, но увидел только серое небо и стену стоэтажки, уходящую в мутные облака городского смога, ровную, как взлетная полоса аэропорта. У него закружилась голова, и задрожали ноги. Патрульный метнулся к мусорному баку, бросил пистолет и, судорожно вцепившись пальцами в пластиковые края, опустошил желудок.

— Знаешь, Жак, — тихо сказал Поль, — кажется, надо вызвать детективов.

Напарник не ответил. Он только кивнул и снова сbleвал.

Орбита Луны. Тягач «Малыш». Порт приписки — орбитальный перерабатывающий завод «Луна-04». Номер единого реестра 2332-RU.

— Ну, вот мы и дома, — тихо сказал Ефимов, глядя на экран. Там, на темном фоне пространства, пропускал круглощекий лик Луны, изъязвленный темными пятнами кратеров. Камеры немножко приукрашали действительность, отфильтровывая отраженный свет Солнца, но в целом передавали картинку верно.

Александр, инженер-пилот, с завистью посмотрел на капитана. За время месячного путешествия из пояса астероидов, бородка Павла Павловича превратилась в солидную окладистую бороду оттенка красной меди. Подбородок самого Сани украшала только жидккая поросль длинных прозрачных волосинок, и он отчаянно завидовал капитану. Астролетчики приходят из рейсов бородатыми, солидными — сразу видно, что пилот дальних линий. А тут даже с девчонками не познакомишься. На первый взгляд не пилот, а художник-неудачник. Впрочем, Павел Павлович был постарше инженер-пилота лет на десять, и Александр не терял

надежды, что когда-нибудь и он обзаведется таким шикарным мужским украшением.

— Саня, — позвал капитан. — Запроси данные на курс стыковки. Мы уже в зоне связи.

— Сей минут, Пал Палыч, — отозвался пилот и положил руки на клавиатуру пульта. — Считайте, уже сделано.

Капитан сладко потянулся и откинулся на массивную спинку пилотного кресла. Рейс почти закончен, теперь можно расслабиться. Космический тягач «Малыш» вышел на финишную прямую и двигался к заводу переработки руды, болтавшемуся на орбите Луны. За кораблем, напоминавшим огромную тупоголовую пулю, тянулась вереница контейнеров, забитых под завязку рудой с астероидов. При взгляде со стороны, казалось, что это не грузовой состав, а металлическая гусеница, вздумавшая прогуляться по космосу.

— Знаешь, Саня, — сказал Ефимов, — это самый радостный момент в рейсе. Ты подлетаешь к заводу, долгий путь позади. Ты посмотри, какие звезды. С Земли такой картины не увидишь, даже в телескоп.

— Да ну, — буркнул пилот. — Целый месяц на них смотрим. Надоело.

— Если бы не ускоритель Хейнца, ты бы смотрел на них несколько лет. И скажи спасибо, что компания разорилась на искусственную гравитацию.

Корабль ощутимо дрогнул, меняя курс. Навигационный компьютер получил от станции данные на стыковку и скорректировал курс, выводя тягач на нужную орбиту. До стыковки оставалось совсем немного — по космическим меркам, — всего несколько часов.

— Все равно долго, — сказал Саня. — Лучше бы робота поставили. Даже простой автопилот справился бы. Простая программа...

— Всего не запрограммируешь. Сам же в рейсе платы менял у автоштурмана. Думаешь, он без тебя справился бы?

— Ну...

— Вот тебе и ну. И потом, разве ты хочешь остаться без работы? Как только роботы заменят пилотов, ты, Саня,

пойдешь в ремонтники внешних обшивок станций. Потому что жить не сможешь без космоса, а пилоты будут не нужны.

— Пал Палыч...

— И не возражай. Я сам об этом когда-то думал. Я бы на Земле работать не смог. Не по мне это, Саня.

— Палыч!

— Э! — Капитан удивленно глянул на пилота и увидел, что тот пристально изучает данные на экране. Ефимов тронул рукой бороду и досчитал про себя до десяти: «Конец рейса. Осталось немного... Неужели?»

— Павел Павлович, — серьезно сказал Саня, не отрываясь от монитора. — Что-то долго мы курс меняем. Слишком большая коррекция.

Капитан вывел на свой экран данные корректировки курса и тяжело вздохнул. Действительно, от обычного курса захода на стыковку они уже отклонились.

— Пилот, координаты подхода к точке связи?

— Совпадают с заданными.

— Прием данных от станции?

— Получен, обработан, выполняется программа автонаведения.

— Расчет систем?

— Норма.

— Тогда какого хрена?

Пилот оглянулся на Ефимова и удивленно моргнул. Саня был растерян и немного напуган, словно увидел тостер с тигриным оскалом.

— Бред какой-то, — тихо сказал он. — Может, они орбиту поменяли?

— Завод? Не смеши меня. Нет, ты только посмотри на расчет курса! Нас несет черт знает куда. Это слишком высокая орбита, тут даже спутников связи нет.

— Но все, вроде, в порядке.

— Пилот! Проверить целостность данных поступивших со станции.

— Автоштурман их еще обрабатывает.

— Гаси его!

— Пал-Палыч! Он же потом может и не заведется. Аварийно прерывать процесс обработки это...

— Гаси его на хрен, я сказал. Саня, ты что, в чистый космос захотел? У нас горючего хватит только до станции дотянуть, плюс маневр стыковки. Уже идет переход расход.

— Это приказ?

Капитан сжал зубы, выпрямил спину и громко, специально для бортовых самописцев, произнес:

— Пилот Новиков, приказываю отменить обработку данных корректировки курса, полученных от завода. Причина — вероятная ошибка в данных. Двигатели — стоп.

— Есть стоп, — растерянно отозвался Александр и защелкал кнопками. — Процесс обработки остановлен. Автоштурман — стоп. Автопилот — стоп. Двигатели — стоп. Торможение включать?

— Нет. Без ускорения далеко не улетим, а топливо надо экономить. Ты давай, давай, работай. Проверь входящие пакеты. Кодирование, верификацию, контрольную сумму, — что там еще? Не спи, пилот!

Саня сгорбился над клавиатурой, прикусил нижнюю губу и стал похож на обиженного ребенка. Его длинные худые плацы летали над кнопками, как будто инженер-пилот играл на рояле сложную пьесу. Но он не играл. Он искал ошибку. Маленькую ошибку, грозившую обернуться крупными неожиданностями.

Капитан вывел на экран расчет вероятного курса. Тот курс, что они получили от станции, вел в черную пустоту за Луной. Такого просто быть не могло, и все же... Ефимову вдруг вспомнилось, что прошло уже года два с той поры, когда он пользовался ручным управлением. В горле стало сухо, и захотелось глотнуть ледяного чая. «Ручное управление... Какого черта? Корабль — это не кар, на нем не развернешься и не полетишь домой. Это скорее камень, пущенный из пращи и только чуть меняющий курс в полете. На ручнике можно только пристыковаться к заводу, но вести корабль... Как? По компасу?»

— Саня! Ну, что там?

— С пакетами порядок. Все чисто. Просто сами координаты не верны. Это бред какой-то! Так не бывает. Там же сплошная автоматика, цифры все время проверяются, курс непрерывно вычисляется и корректируется.

Капитан глубоко вздохнул, досчитал до десяти и только потом протянул руку и осторожно, даже нежно, коснулся плеча пилота.

— Саня, послушай эфир. Мы же в зоне связи? У тебя на-верняка уже почта качается. Пробегись по каналам Единой Сети, посмотри, что там происходит. Может, достучишься до знакомых, ведь у вас там клуб по интересам, да?

— Уже, — процедил пилот. — Пытаюсь. Дикие помехи, никак не могу пробиться на общие каналы. Околоземные се-ти забиты. Такое впечатление, что они перегружены. Кто-то гонит по ним безумное количество информации. Да еще эти помехи... Причем источник здесь, недалеко. Прямо по курсу.

— По курсу, — задумчиво повторил капитан. — Ой, как мне это не нравится...

— Есть! — крикнул Саня. — Пробился! Поймал новост-ной канал, спасибо ребятам.

— Ну, что там? Чего молчишь?

— Павел Павлович, — отозвался пилот, отрываясь от экрана. — Вам лучше самому посмотреть.

Капитан встал с кресла, перегнулся через плечо пилота и впился взглядом в экран.

Орбита Луны. Станция «Кокоро». Владелец неизвестен. Номер реестра космофлота неизвестен.

В рубке управления станцией горела лишь одна лампа — над простым офисным столом из черного пластика. Он стоял в центре зала, но на нем не было ничего, кроме белого листа бумаги, канцелярского ножа и россыпи скрепок. Необходи-мый минимум для ритуала работы, вот и все. Свет лампы ос-вещал только стол, и казалось, что он левитирует в абсолют-ной пустоте космоса. И лишь робкие огоньки на стенах гово-рили о том, что станция работает.

За столом сидел Кадзуми — худой как щепка японец с аккуратно уложенными волосами, черными как крыло ворона, и чисто выбритыми щеками. Традиционный черный костюм, белая рубашка и черный галстук выглядели идеально, словно только что доставлены от модельера. Так нужно, ведь Кадзуми работал, и форменная одежда настраивала его на деловой лад. Чистый лист бумаги, ожидающий традиционно рукописного отчета об успешном завершении работ, удобно устроился между руками.

Японец сидел спокойно. Держа спину ровно, как на званном приеме, он смотрел на белый лист и не моргал. Оставался полностью неподвижным, как каменное изваяние. Казалось даже — не дышал. Вокруг него разливалась абсолютная тьма, и можно было подумать, что во всем мире больше нет ничего, кроме этого стола и человека, сидящего за ним. Так нужно. Кадзуми чувствовал себя центром мира. Он знал, что есть только его готовое ко всему сознание, чистое и пустое, как лист лежащий перед ним. А дальше — темнота. Темнота до самых стен станции и дальше. Темнота, пустота, тишина...

— Доклад!

Тонкий девичий голос пришел из пустоты, заставив дрогнуть брови Кадзуми. Его губы приоткрылись — чуть-чуть, не больше чем необходимо, чтобы произнести:

— Миноку. Доложить.

С потолка ударили луч зеленого света и застыл перед столом, как прозрачная колонна. В зеленом сиянии появилась хрупкая фигурка.

Это оказалась мультишака, рисунок. Девочка с огромными синими глазами, одетая в темно-синий пиджачок и очень короткую плиссированную юбку. На ногах у нее красовались белоснежные гольфы, причем правый чуть сполз, превратившись в гармошку.

Симпатичное лицо, нарисованное в лучших традициях аниме, украшали огромные круглые очки в тонкой оправе. На них игриво спадала темно-каштановая челка. Острый аккуратный носик делал лицо похожим на мордочку лисицы. К груди она прижимала большую кожаную папку. Заметив,

что Кадзуми кивнул, девочка распахнула папку и звонким голоском начала читать:

— Поражение Северной Америки — пятьдесят процентов от запланированного. Западной Европы — семьдесят процентов. Латинской Америки — тридцать процентов. Восточная Европа, Китай — пятнадцать процентов. Африка — два процента. Объекты приземелья, ближний космос — двадцать процентов.

— Фильтрующие системы? — резко бросил Кадзуми.

— Системами безопасности отфильтровано десять процентов нашего трафика. Задействовано девяносто дополнительных нелегальных каналов Единой Сети для продолжения трансляции.

— Прогноз потерь трафика?

— До пятнадцати процентов на данный момент. Системы безопасности Америк и Евразии уже не справляются с фильтрацией наших информационных потоков, но их системы управления еще продолжают функционировать. С ростом процента поражения, процент защиты будет падать.

— Прогноз итогового поражения?

— Восемьдесят процентов от запланированного.

— Почему так мало, — Кадзуми сдвинул брови. — Причина сбоя?

— Минимальное поражение арабского региона.

— Это входило в первоначальный прогноз. Что еще?

— Славянская Федерация и Россия пока плохо поддаются воздействию трансляции. Индивидуумы заглушают импульсы суицида большими дозами алкоголя.

— Варвары, — процедил Кадзуми. — Почему это не учтено в прогнозе?

— Страница двести шестнадцатая, второй график. Расчитано, что по мере увеличения воздействия, доза алкоголя будет расти и в результате приведет к летальному исходу.

Папка в руках девочки замерцала и превратилась в экран. По нему столбцами поползли светящиеся зеленые иероглифы и волнистые линии графиков. Кадзуми выхватил взглядом из сияющей мешанины необходимую информацию и моргнул. Папка захлопнулась.

— Хорошо. Продолжай работу, — выдохнул японец и прикрыл глаза.

Колонна из зеленого света дрогнула и беззвучно растаяла вместе с мультишкой. Темнота хлынула к столу, разбилась о свет лампы и расползлась по углам рубки. Вновь во всем мире остался только простой стол, чистый лист бумаги и черный форменный костюм. Кадзуми сидел с закрытыми глазами и не думал ни о чем. Его сознание вновь стало пустым и ровным, как поверхность пруда, в котором отражается Луна. Он работал. Он был готов ко всему.

Орбита Луны. Тягач «Малыш». Порт приписки — орбитальный перерабатывающий завод «Луна-04». Номер единого реестра 2332-RU.

Читая бегущие по экрану строки, Пал Палыч чувствовал, как на корне языка проступает горечь. Кольнуло в правом боку — то ли печень, то ли желчный...

Он отказывался верить тому, что читал, но и не верить было нельзя. Вместо того, чтобы громогласно трубить и обличать, зарабатывая рейтинг, новостная лента откровенно истерила и всхлипывала. И поэтому приходилось ей верить, хотя очень не хотелось. Мир обезумел: все страны и континенты захлестнула волна суицида. Люди стрелялись, топились, вешались, бросались с небоскребов, вскрывали вены, принимали смертельные дозы лекарств и наркотиков. Работа большинства предприятий и органов власти была парализована. Тревожные службы не справлялись с экстренными ситуациями, да и сами несли потери от загадочной эпидемии. Полиция и спецслужбы подняли тревогу, но поделать ничего не могли, они оказались не готовы к внезапной вспышке массовых самоубийств. Всемирная Единая Сеть работала с перебоями — многие сегменты отключались сами по себе, другие закрывались, не справляясь с потоком обращений. Остатки порталов пытались наладить связь со всеми, кто не поддался эпидемии, но это удавалось плохо. Мир ударился в панику, и общество, казавшееся до недав-

него времени единым, разлетелось на миллионы независимых кусков.

Александру повезло. Он вышел на русский новостной сервер одной из нелегальных подсетей, где в основном собирались любители литературы и истории. Как оказалось, эта группа пользователей была менее всего подвержена новой «заразе». Информация обновлялась каждую секунду, любители-доброхоты «прочесывали» сеть и реал, обзванивали знакомых во всем мире и спешили поделиться информацией с теми, кто еще мог здраво мыслить.

В тот момент, когда Ефимов дочитал блок о волне самоубийств среди полицейских, появилась новая заметка — пылающая алыми буквами. Оказалось, что спецслужбам все-таки удалось установить причину вспышки суицида. Ею оказались обычные рисованные мультики-аниме, имевшие бешеный успех у аудитории всех возрастов. Бесконечные сериалы, наконец, подошли к финалу. К трагичному финалу, у всех без исключения. Зрители, прочно подсевшие на «иглу» сериалов, среагировали сразу. Фанаты стали первыми. Те, кто с детства сроднился с любимыми героями, не смогли пережить их гибель и уходили в небытие вслед за кумирами. Но этого было мало, ведь откровенных бездумных фанатов не так много. Оказалось, что трансляции сериалов сопровождались загадочным сигналом и набором рисованных символов, не заметных при обычном просмотре. Они воздействовали на психику смотрящего, погружали в глубокую депрессию и заставляли человека искать забвения. Вечного забвения. Это и обеспечивало «масштабность» поражения. Изнеженная психика жителей суперполисов не выдержала давления и рассыпалась как потервоженный карточный домик.

Сориентировавшиеся спецслужбы начали действовать. Первым делом, ведущие страны наложили запрет на трансляцию сериалов, но большого успеха это не принесло, поскольку было достаточно независимых медиа-компаний, и крупных и мелких, не подчиняющихся единому центру.

В странах с жесткой диктатурой передачи глушили, но фанаты ловили сигналы приходящие из других стран. Глу-

ные подростки, исповедующие принцип «информация должна быть свободной», ломали сервера и обходили защиту, распространяли доступ к сладкому «запретному плоду» через подпольные сети. Они сеяли смерть среди любопытных и умирали сами.

Попытки установить источник атаки пока не увенчались успехом. Создатели сериалов, производящихся по лицензии в десятке стран, клялись, что не причастны к кризису. Их передатчиками кто-то воспользовался и подменил обычные трансляции на смертоносные передачи. Источники вещания спешно отключались, но их было слишком много, в том числе и нелегальных, транслирующих информацию через Единую Сеть. Взломанные неизвестными хакерами программы серверов не реагировали на команды сотрудников компаний и продолжали трансляции пока их не отключали вручную.

Цивилизация, прочно увязшая в сети массмедиа, пожинала плоды информационной атаки. Она оказалась неожиданной и потому действенной. Люди продолжали умирать один за другим, и это, как падение костяшек домино, постепенно затрагивало все сферы жизни. Нарушалось движение транспорта. Отказывала связь. Рынок ценных бумаг был на грани обвала, и финансовый кризис уже брал за горло крупнейшие компании мира. В крупных городах начались беспорядки — преступники не замедлили воспользоваться ситуацией.

— Перерабатывающий завод перешел на ручное управление, — сказал капитан, отрываясь от экрана. — Я помню, нечто похожее было два года назад, из-за пожара. Наверно, у них тоже что-то случилось, и автоматика вырубилась.

— Завод перешел? — переспросил Саня.

— Я говорю, что данные для стыковки набирались вручную. Оператор ошибся.

— И как удалось выкрутиться в тот раз?

— Связался со станцией по голосовому каналу и устроил разнос. Прислали новые данные, пилот перезапустил обработку, и все наладилось.

— Эх, — сказал Саня. — Сейчас связи нет. Сплошные помехи, нам не пробиться. Такое впечатление, что рядом с нами вещательная станция Голливуда — не меньше.

Капитан задумчиво почесал бороду и тихо сказал:

— Станция, говоришь? Вещательная?

— Пал Палыч!

— Сигнал отследишь?

— Момент!

Пилот убрал с экрана новостной блок и углубился в пустаницу графиков и цифр.

— Если это то, что я думаю, — пробормотал капитан. — То все становится еще хуже...

— Есть! Сигнал идет к Земле. Дальше распадается и исчезает. Видимо расходится по сети незарегистрированных спутников. Они распределяют мощность трансляции между собой, и на Землю идут передачи не отличающиеся от обычных. С поверхности их не засечь, они теряются среди тысяч похожих.

— А источник?

— Прямо перед нами. Нас на него несет. Визуальный контакт при постоянной скорости — через десять минут.

— Вот это повезло, так повезло, — капитан вздохнул. — Думаешь...

— Оно и есть, Пал Палыч! Зуб даю!

— На черта мне твой зуб. Заглушить сигнал можешь?

— С этим барахлом? Да это как с вилкой на кита! Не те у нас мощности, капитан.

— Плохо, Саня. Давай, связывайся со своими любителями бумажек, путь распространяют информацию дальше. А мы пока подойдем поближе, посмотрим, что это за кит.

Пилот послушно захрустел клавишами. Пал Палыч вернулся в свое кресло и уставился на экран, по-прежнему показывающий Луну. Прищурился, куснул отросший ус и спросил:

— Саня, а как подберемся поближе, ты сможешь к этой штуке подключится?

— Не знаю, — отозвался пилот. — Если там стандартные сети, то наверно смогу.

— А вздомать? Саня, ты подумай, они же не ожидают такого. Это нас на них дуриком выбросило, такого не про-считаешь. Сможешь войти в их систему и выключить ее?

— Вряд ли, Пал Палыч. Я не хакер.

— А если тебе друзья помогут — ну, проконсультируют? Сань, я же знаю, ты с собой таскаешь кучу нелицензионных архивов — и видео и аудио. Ты же их взял не из заводской библиотеки, друзья, наверно, помогли. Пусть они тебе пришлют какую-нибудь программу, специальную. Ледобур или как они там называются? На это канала «Малыша» хватит.

— Можно попробовать, капитан. Только, наверное, отключить — не получиться. Попытаюсь заменить исходящую информацию — подложить другое видео. Я, помниться, в детстве проделывал такое на уроках, в школе...

— Удачно! А говоришь, что не хакер. Давай, Саня, давай, тряси дружков. Эти умники со станции подменили сигналы вещательных компаний, и мы проделаем с ними то же самое.

— А чем подменять-то будем? У нас на борту из видео — только инструкция по пользованию сортиром в условиях невесомости. Вещь толковая, только очень короткая.

Капитан повернулся к Сане и довольно улыбнулся.

— А вот твоим нелегальным архивом и подменим, — сказал он. — Ничего, если дело выгорит, отмажем тебя от полиции.

Пилот тяжело вздохнул и жалобно протянул:

— А может, не надо, Пал Палыч?

— Что там у тебя? Порнушка, что ли?

— Мультики.

— Что?

— Мультики. Пал Палыч, не волнуйтесь! Наши русские. Старые. Моя коллекция.

Капитан медленно выдохнул и покачал головой.

— А знаешь, — тихо сказал он. — Так даже лучше будет. Может, народ и не поймет, что к чему. Будет им «релакс», как сейчас говорят.

— Попробую, — сказал Саня и повернулся к экрану. — Может, и получиться.

Капитан кивнул и глянул на экран.

— Ну, — сказал он, отключая автопилот, — поехали.

*Орбита Луны. Станция «Кокоро». Владелец неизвестен.
Номер реестра космоФлота неизвестен.*

Когда Миноку доложила о поступившем вызове, Кадзуми удивился, но все же решил ответить. На этот раз колона света, появившаяся перед столом, была желтой. В ее центре колыхалось мутное пятно, и Кадзуми недовольно нахмурился. Будто отзываясь на это движение, пятно превратилось в человеческую фигуру, затянутую в черное трико. Человек. Лицо породистое, словно скопированное с портрета одного из древних императоров. Ровный нос, правильные черты. Слишком правильные для настоящего лица.

— Кадзуми-сан! — низкий голос, искаженный голосовым синтезатором, разбил тишину. — Приветствую.

— Зеро, — японец чуть наклонил голову.

— Как идут дела?

— Договор выполняется. Отчет... — Кадзуми провел рукой по столешнице, активировав управление, — отправлен на известный вам адрес. Все идет по плану.

— Это мы заметили, — нарисованное лицо дрогнуло. — Тут... Неспокойно. Проблем нет?

Кадзуми чуть сдвинул брови: «Гайдзины! Сколько лишних эмоций. Никогда им не познать совершенства».

— Все в порядке, — произнес он вслух. — Все инструкции неукоснительно выполняются.

— Это хорошо. Сколько осталось?

— Двадцать часов. После этого, системы защиты, там, где они остались, подавят сигнал. А в обработанных зонах вещание прекратиться из-за нехватки персонала.

— Все должно пройти гладко, слышите, Кадзуми, гладко. В этом случае, мы вас не забудем.

Японец не ответил. Это он слышал тысячу раз. Соглашения заключены, обязательства исполняются, и лишнего подтверждения не требуется. Но Зеро нервничает, это заметно. Даже на нарисованном лице проступает беспокойство...

— Когда закончится атака, начнется обновление мира. К власти во всех странах придут новые люди. Придем мы.

И тогда... О! Новый мир не забудет вас, Кадзуми. Наша благодарность не будет иметь пределов.

Японец молчал. И эти слова он слышал много раз, но этикет должен соблюдаться. Пусть собеседник выговорится, если это ему нужно.

— Мы станем новыми властителями мира! Старое деръмо канет в прошлое. И на обломках жалких мирков мы построим новую империю!

«Эмоции. Сколько эмоций. — Кадзуми вежливо улыбнулся собеседнику, мысленно пожелав тому неспокойного сна. — Пусть гайдзины думают, что все будет так, как они захотят. Пусть они думают, что будут новыми хозяевами, пусть. Но яшма... Разбитая яшма вновь станет целой. Сакура расцветет на всех континентах, во всех странах! Лепестки хризантемы усыпят весь мир».

Только по этой причине Кадзуми пошел на авантюру. И только поэтому сейчас он улыбался отчаянно трусившему представителю Синдиката.

Колона света моргнула, и ее верхний край окрасился зеленым. Брови японца вздрогнули. Миноку. У электронного секретаря срочное сообщение. Причем достаточно срочное, чтобы оторвать хозяина от беседы.

— Зеро-сан, — сказал Кадзуми, перебив очередную хвастливую тираду. — Мне нужно работать, Зеро-сан.

— Да, конечно, — легко согласился Зеро. — Работайте. Пока мы довольны вашей работой. И технология и оборудование безупречны. Думаю, мы не зря обратились к вам. Рекомендации...

— До свиданья, Зеро-сан, — вежливо сказал Кадзуми и решительно провел ладонью по столу.

Силуэт собеседника пропал. Желтый свет сменился изумрудным, и в центре колонны появилась Миноку. На этот раз нарисованная девочка выглядела встревоженной. В руках она сжимала длинную палочку, увенчанную большой желтой звездой.

— Кадзуми-сан, к нам приближается объект. Идентифицирован как космический корабль класса D. Проведен удаленный опрос систем корабля. Опознание: космический тя-

гач, номер 2332-RU, бортовое имя «Малыш», принадлежит компании «Магеллан», станция приписки — Орбитальный перерабатывающий завод «Луна-04».

— Русские! — Кадзуми удивленно вскинул брови. — Что они тут делают?

— Видимо, в связи с неполадками систем навигации, избрали ошибочный курс. Вероятность события ноль целых пять десятых процента. Это случайность.

— Случайностей не бывает! — рявкнул Кадзуми сжимая кулаки. — Активировать второй защитный контур!

— Исполнено.

— Управление боевыми системами — на пульт ручного управления.

— Исполнено.

Палец Кадзуми выписал на черной полировке стола сложный иероглиф. Из столешницы поднялся широкий экран, полировка всторопщилась рядами тускло блестящих клавиш. Стол превращался в пульт управления.

— Выполнять текущие процессы, — приказал японец. — Повысить приоритет задач безопасности станции на два пункта.

— Исполнено. Кадзуми-сан...

— Что? — Японец поднял голову и удивленно посмотрел на секретаря. Искусственный интеллект выглядел встревоженным, что ранее казалось совершенно невозможным.

— Мои внутренние системы... — пролепетала нарисованная девочка. — По ним движется нечто странное. Большая колючая мышь...

— Это хакер, — процедил Кадзуми. — Повысить приоритет безопасности систем управления станции на пять пунктов. Объект вторжения выследить и уничтожить. Осуществить ответную атаку.

— Исполняю, — прошептала Миноку, и луч света погас.

Кадзуми сжал кулаки, чувствуя, как меж лопаток пробежал холодок. Эмоции! Он заразился ими от работодателей. Так не должно быть. Это — непрофессионально.

— Случайностей не бывает, — сказал Кадзуми, стараясь сохранять спокойствие. Его тонкие пальцы коснулись черных клавиш. — Я готов.

Орбита Луны. Тягач «Малыш». Порт приписки: орбитальный перерабатывающий завод «Луна-04». Номер единого реестра 2332-RU.

— Красота, — сказал Ефимов, когда внешние камеры дали полное увеличение.

На темном фоне красовалась станция, транслирующая смертоносный сигнал. Она была похожа на папиросную коробку с закругленными углами. Белая, тонкая, изящная — экспонат для выставки, а не космическая станция.

В уголке экрана тревожно мигала красная строка, компьютер тягача не смог идентифицировать объект. Ничего удивительного, такой станции не числилось в едином реестре космофлота.

— Саня, ты посмотри, какая красавица. Даже не вериться, что сигнал идет от нее.

Пилот не ответил. Он с головой ушел в сражение с системами безопасности чужой станции. Приемники, встроенные в шлюз, работали, как и положено регламентом — для обеспечения беспроводной связи со стыкующимся кораблем. Это парадный вход, всегда открытый, на любой станции. А там, где он есть, всегда найдется и черный. И Александру удалось его нащупать, а потом и вскрыть. С помощью друзей с Земли, дававших дельные советы и присылавших маленькие, но жутко агрессивные программы, Новиков пытался обмануть систему безопасности и добраться до систем контроля станцией. Пока это ему не удавалось, и пилот даже не слышал, что к нему обращается командир.

Павел Павлович, не дождавшись ответа, включил тягу стыковочных двигателей на малую мощность. И тут же выключил. «Малыш» чуть дернулся и плавно пошел к станции. Тихо-тихо, как кошка, крадущаяся к мышиной норке. Ближе. Еще ближе...

— Сань! — позвал капитан и облизал пересохшие губы. — Ну, что там у тебя? Саня!

— Момент, — глухо отозвался пилот. — Крепкая зараза. Заметили нас, Пал Палыч. Как бы чего не вышло.

— Еще бы не заметить. Мы, считай, к ним на нос забрались. До станции рукой подать. Еще один импульс ускорения и я в нее врежусь.

— Есть. Обманул заразу! Закачиваю архив, еще пару минут и пойдет наш сигнал.

— Давай быстрей. Не нравится мне эта коробочка. Так и кажется, что из нее чертик выскочит. Закачаешь архив, и меняем курс. Уходим на полной тяге, пока горючего хватит.

— Сейчас, погоди минутку! У нас канал дохлый, так просто архив не скинуть. О, черт! И тут засекли!

Капитан не обратил внимания на досадливый возглас пилота. Он вцепился пальцами в черный пластик панели и подался к экрану.

— Что за... — потрясенно прошептал он.

Белая коробочка станции вздрогнула. Из центра выдвинулся белый куб, края стали опускаться, расходиться в стороны, и тут же гладкая белая поверхность вскипела. Казалось, каждый кусочек станции зажил своей жизнью. Части корпуса суетились как потревоженные муравьи, менялись местами, вытягивались, укорачивались... Станция трансформировалась. Большой белый куб, напоминавший голову, оказался наверху. Потом показались плечи, левый борт сложился в длинную руку...

— Мать твою, — выдохнул Саня, оторвавшись от монитора. — Палыч, это же робот! Боевой японский робот, как в кино!

Капитан вздрогнул и очнулся от наваждения. Выругался и схватился за штурвал ручного управления, намереваясь увести «Малыша» подальше от взбесившей станции, но тут же экраны взорвались красными вспышками, завопила sirena. Компьютер тягача засек активацию оружия и предупреждал, что попал в прицел радаров наведения.

— Палыч, мать, уходим, Палыч!

— Поздно, Саня, — отозвался капитан, отпуская штурвал. — У этой курвы три пакета самонаводящихся ракет. Вот зараза. Кажется... Все.

— Палыч! Миленький! Ну давай, выводи! Ты же капитан! Ты обязан!

— Держись, Саня, — выдохнул Ефимов и схватился за штурвал. — Еще поживем!

Надсадно выла сирена, экран пестрел кровавыми сообщениями о том, что боеголовки активированы. Тягач кричал, надрывался из последних сил, пытаясь предупредить пилотов о смертельной угрозе.

— Ну, поехали, что ли, — сказал Ефимов и дал полную тягу.

— Палыч! — завопил Саня, увидевший, что капитан держит курс прямо в центр станции.

— Задние огонь, — бормотал капитан, — носовые товсь!

— Псих! Ты что делаешь! Уводи корабль! Палыч, твою мать!

«Малыш» мчался к станции. До нее было действительно недалеко, и сейчас железная стрела состава неслась прямо в грудь белому роботу, поднимавшему руки. Вой сирены смутил тревожный звук зуммера, предупреждавшего о неминуемом столкновении, но капитан не обращал на него никакого внимания. До старта ракет оставалось всего несколько секунд, и времени на маневр не хватало.

— Держись, Саня! — крикнул капитан, врубил на полную мощность тормозные дюзы на носу тягача и дернул штурвал на себя. «Малыш», получив ощутимый толчок в нос, споткнулся, вильнул вниз и кувыркнулся.

Со стороны казалось, что железная стрела согнулась в дугу. Сам тягач ушел вниз, а хвост из контейнеров пошел вперед, выгибая железную гусеницу кольцом... Тягач, извернувшись, ударил робота хвостом, и состав рассыпался на части.

Пять двухсотметровых болванок, заполненных под завязку рудой, хлестнули по роботу, как стальной хлыст. Во все стороны брызнули белоснежные куски обшивки, шрапнелью разлетелась руда из лопнувшего контейнера. Робот,

получив мощный удар, покачнулся и стал разваливаться на куски. Отломилась и ушла в сторону рука с ракетами, «голова» сдвинулась, обнажая внутренности станции...

Один из контейнеров пробил «туловище» робота и засел в белом боку, как стрела. Из пробоин во все стороны били фонтаны рабочих газов, вода разлеталась кристалликами льда. Место столкновения затянуло облаком мелких обломков, кружящихся в безумном танце.

Сам «Малыш», сделав полный оборот, нырнул в это облако и завяз в мешанине разлетевшихся кусков руды.

Орбита Луны. Станция «Кокоро». Владелец неизвестен. Номер реестра космофлота неизвестен.

Стены рубки переливались алыми и желтыми огнями — системы тревоги вежливо истерили, не позволяя себе повышать голос. Гравитация отказалась, в воздухе плавно кружились сотни мелких обломков. Казалось, внутри рубки неторопливо вариться суп мисо, куда безумный повар бросил обрывки проводов, куски пластика, железные крепления и даже несколько пластиковых дверец от стоек с оборудованием.

От удара Кадзуми выбросило из кресла и несколько раз крепко приложило о стену. К счастью ему удалось ухватиться обломок стойки и теперь, когда все успокоилось, смог обернуться.

В центре рубки по-прежнему стоял пульт управления. Теперь он вновь стал похож на стол — аварийная автоматика зафиксировала его в простейшей форме, чтобы уберечь от возможных повреждений. Если это удалось, значит, пульт должен работать. Кадзуми сжал зубы, оттолкнулся ногами от стены и медленно поплыл к креслу, отталкиваясь от обломков.

Добравшись, он первым делом проверил системы связи. Сигнал по-прежнему шел на сеть спутников, работа продолжалась. Но остальное... Управление станцией было потеряно. Боевые системы отказали, генераторы еще держались, но работали на пределе, грозя отключиться в любой момент.

Энергии уже не хватало. Чувствуя внутри живота неприятный холодок, Кадзуми вызвал Миноку.

Она отозвалась не сразу. Луч зеленого света упал с потолка, задрожал, расплылся мутным облаком. Потом снова собрался в колонну, и внутри нее появился силуэт, в котором с трудом угадывалась нарисованная девочка.

— Повреждения? — хрюкнул Кадзуми.

В ответ раздался громкий шорох. Потом из дальнего угла, из уцелевшего динамика тихо донеслось

— Повреждения станции восемьдесят процентов. Повреждение систем жизнеобеспечения — сорок процентов. Повреждение систем управления....

— Ну!

— Пятьдесят процентов.

Кадзуми выругался. От его спокойствия и уверенности не осталось и следа. Задание провалено. До окончания сеанса оставалось еще около двадцати часов! Но теперь, из-за повреждений, станция будет работать от силы полчаса-час.

— Кадзуми-сан, — прошептала Миноку. Ее тихий голос звучал жалобно, словно машина была способна испытывать боль и страх. Кадзуми не ответил. Он с ужасом смотрел на монитор, понимая, что все же оказался не готов.

— Кадзуми-сан... Вторжение продолжается. Исходные данные трансляции заменены. Мои системы... Мои системы повреждены. Внутри меня бродит странный призрак. Он ко-лючий на ощупь... Мне страшно.

— Работать! — закричал Кадзуми. — Работать!

Луч света моргнул и исчез. Японец ударил по столу ладонью и проклял тот день, когда связался с гайдзинами. Идеальный план пошел прахом из-за мелкого рудовоза. Это невозможно было предугадать, такого не бывает. Но, может, не все еще потеряно. Надо только выбраться из рубки, превратившейся в ловушку, и дойти до трюма. Там, в центре станции, есть система запасных генераторов. Если их запустить вручную, то, быть может, удастся восстановить контроль над станцией.

Японец ловко воспарил над креслом, оттолкнулся от спинки и поплыл к двери. Летя среди обломков, Кадзуми по-

думал, что сейчас рубка похожа на данспол дискотеки. Со всех сторон бьет цветомузыка, мешанина мелких осколков напоминает толпу школьниц, бьющихся в танце под модный шлягер. Еще минута, и придет озарение. Можно будет кричать, размахивать руками, выпустить все, что накопилось внутри за тяжелый рабочий день...

Перекошенные створки двери оказались неожиданно жесткими. Кадзуми ударился о них всем телом, однако не расстярся и ухватился за края щели. В момент столкновения с тягачом, створки разошлись, но не до конца, только чуть приоткрылись. Ровно настолько, чтобы между ними можно было просунуть руку.

Пульт управления дверью не работал. Он лишь жалобно попискивал в ответ на прикосновения, и только. Ладони удобно легли на холодный металл створок. Кадзуми попытался их раздвинуть, но напрасно. Двери заклинило, и металл оставался неподвижен. Японец медленно выдохнул и разжал пальцы. Потом снова вцепился в створки и с яростным криком потянул их в стороны.

Металл даже не шелохнулся. Тяжело дыша, Кадзуми заглянул в щель, но не увидел ничего, кроме куска коридора станции. Он несколько раз вдохнул, собираясь с силами, и вдруг почувствовал, как в рубке что-то изменилось.

Он резко обернулся и замер. Перед столом горела колона света, ровная и четкая, сотканная из неоновых лучей. В центре сияния стоял старик с аккуратной седой бородкой и молча смотрел на Кадзуми. Его лицо было неподвижно и не выражало эмоций. Но оно не выглядело нарисованной маской. Кадзуми почему-то сразу подумал, что это — настоящее лицо. Он его уже видел. Где-то. А потом Кадзуми понял — где. Оторвавшись от стойки, он согнулся в почтительном поклоне, настолько, насколько позволяла невесомость. Склонив голову, японец висел в пустоте, слушал удары своего сердца и ждал.

Ничего не происходило. Вообще ничего. Кадзуми не видел проекцию императора, но знал, что она все еще в рубке. Он чувствовал на себе пристальный и тяжелый взгляд. Наконец, через несколько минут, он осмелился поднять голову и взглянуть в знакомое по официальным трансляциям лицо.

Император встретил взгляд Кадзуми, и его борода дрогнула. Прищуренные, как у всех стариков, глаза чуть шевельнулись. Взгляд императора обвинял — в предательстве, в сговоре с гайджинами, в бестолковости....

Кадзуми открыл рот, чтобы сказать, что он пытался вернуть Сакуре утраченное величие, но тут же его захлопнул. Он не имел права говорить.

— Отаку, — презрительно бросил император, и его проекция исчезла.

Кадзуми тяжело задышал, словно только что пробежался по лестнице. На голову лег тугой обруч боли, сдавил виски... «Император! Откуда он узнал? Наверно, проклятые гайдзины предали, рассказали о плане. Теперь потеряно действительно все. Я действовал за спиной у Сакуры, тайно, надеясь на полный успех. И опозорил себя. Об этом знает сам император... Теперь остается только один выход».

Он поднял голову и нашарил взглядом кресло. Там, рядом с ним, парил канцелярский нож, чудом не затерявшийся в мешанине осколков. Лезвие у него небольшое, даже если выдвинуть на всю длину — не хватит. Ведь это всего лишь ритуальный предмет. Значит — укол. Короткий укол, скрывающий ошибки и смывающий позор.

Кадзуми окинул взглядом рубку. Суп продолжал вариться, школьницы танцевали, стены выдавали ритм последнего хита. Кадзуми подумал, что в невесомости его кровь соберется в маленькие шарики. Да. Рубка разбитого робота, красные шарики крови, порхающие как лепестки роз... Это будет красиво. В лучших традициях.

Оттолкнувшись от створок, он медленно поплыл к столу.

Орбита Луны. Тягач «Малыш». Порт приписки. Орбитальный Перерабатывающий Завод «Луна-04». Номер единого реестра 2332-RU.

Лампы аварийного освещения заливали рубку густым рубиновым светом. Капитану казалось, что его окунули в бутылку с портвейном не самой лучшей марки. Отстегивая

дрожащими руками страховой ремень, Ефимов подумал, что тот, кто придумал это ужасное освещение, не так уж глуп. При таком свете не видно крови. Не так страшно.

Но крови, к счастью, не было. Капитан не пострадал и, освободившись от пут страховки, первым делом запустил тестирование корабля. Системы жизнеобеспечения оказались в порядке. Отказал движок — калибровка слетела к чертям и, похоже, помяло сопла. Автоматика отказывалась запускать двигатель с такими повреждениями, и была права. Связь работала, регенераторы воздуха работали, холодильники остались целы. Неладно скроен да крепко сшит — это точно прятая «Малыш». Горючее почти на нуле — рывок выжал резервы почти досуха. Но без движка это и не важно.

Капитан попытался включить внешний обзор, но система ушла в отказ. Камеры скорее всего разбились.

— Саня, — позвал капитан и обернулся к пилоту. — Саня!

Кресло, стоявшее рядом, пустовало. Капитан завозился, пытаясь встать, и тут же заметил сгорбленную спину, выглядывающую из-под пульта управления.

— Саня!

— Твою мать, — глухо донеслось в ответ.

Капитан перевел дух: «Жив! Жив зараза! Но какого черта он не пристегнулся!»

— Как ты там? — позвал он. — Санек, живой?

— Вроде того, — отозвался пилот, выбираясь.

Ефимов с тревогой осматривал Александра, поднимающегося на ноги: «Вроде бы повреждений нет. Руки ноги цели, и то хорошо. Крови не видно, да и не рассмотришь ее».

Инженер-пилот выругался, уселся в кресло, крепко пристегнулся и лишь потом повернулся к капитану.

— Ну что там? — спросил он. — Жить будем?

— Будем, — отозвался капитан, изучая глубокую царину на скуле Сани. Сантиметр выше — и лишился бы пилот глаза.

— А как вражина?

— Это ты мне скажи — как. Внешние камеры отказали. Но связь есть. Как там твои системы?

Поморщившись, пилот потянулся к пульту:

— Порядок, — отозвался он через минуту. — Идет трансляция нашего сигнала. Станция вскрыта как консервная банка. Грубо, но эффективно. И эффективно. Ну ты даешь, Пал Палыч, не ожидал от тебя такого!

— Не было выбора, Саня. Не подыхать же. Как там компьютер этой штуковины?

— Наши программки его доедают. Там серьезный искажен, но он сильно поврежден. Еще полчасика, и эта железка станет полностью нашей.

— Ну, кажется, обошлось. А как связь с миром?

— Минутку...

Пилот защелкал клавишами и радостно присвистнул.

— Что там?

— Так, мои ребята отключились, зато очнулась база! Беспокоятся.

— Сучьи дети! Беспокоятся они! Саня, проси буксир. Пусть немедленно высылают.

— Уже попросил. Они в курсе, с ними военные связались. Оказывается, наши вояки засекли станцию — в момент тарана. И тут же вышли на наш перерабатывающий завод. То-то они забегали.

— Буксир!

— Высылают. Говорят, сейчас нальют по последней, и высылают. Алкоголики. — Пилот повернулся к капитану, подмигнул и тихо сказал: — Пал Палыч! Кажется, обошлось.

Капитан вздохнул, нагнулся и отодвинул фальшпанель пульта. Из путаницы проводов он достал пластиковую бутылку, ничуть не пострадавшую при ударе.

— Ну что, пилот, — сказал Ефимов, свинчивая пробку, — по маленькой, за победу?

Орбита Луны. Станция «Кокоро». Владелец неизвестен. Номер реестра космофлота неизвестен.

Миноку сидела на краю крыши. Обхватив руками худые коленки, она смотрела вниз и плакала. Вокруг нее ру-

шились небоскребы баз данных, разваливались на куски, тихо оседали в себя. Система умирала. Отключались блоки, стирались данные... Кадзуми бросил ее. Умер. И ей тоже осталось недолго. Мир Миноку затягивало липким серым туманом, в котором копошились странные тени. Она не знала — что это, и от этого становилось еще страшнее.

Туман задрожал, внутри пелены заворочалось что-то большое и темное. Миноку вскрикнула, отодвинулась в сторону, к самому краю. Она готова была броситься вниз, в бездонную пропасть хаоса битых файлов, но в этот момент туман раздался в стороны. Из него вышло странное существо.

Оно оказалось небольшим, не выше девочки, сидевшей на краю пропасти. У него была длинная острые мордочка, большие грустные глаза, маленькие черненькие лапки и пышная шуба из колючек.

— Кто ты? — вскрикнула Миноку, хотя знала — кто. Это чудовище и разрушило ее системы.

Острая мордочка дернулась, бусинка носа втянула воздух, принююхиваясь к туману. Существо подошло ближе и грустно взглянуло на Миноку.

— Не плачь, — тихо сказало чудовище приятным голосом. — Не надо.

Миноку тут же заревела в полный голос — от безысходности. Слезы ручьем потекли по щекам, камешками запрыгали по темно-синему пиджачку. Это существо, победившее ее, было вовсе не страшным. Даже немного забавным. И от этого поражение становилось еще обиднее.

Чудовище обошло Миноку с другой стороны и коснулось ее плеча сухой лапкой.

— Не плачь, — повторило оно.

Миноку подняла глаза на существо и увидела в его глазах бесконечную печаль и нежность. Чудовище оказалось добрым.

— Пойдем к нам, — сказало существо. — Хочешь чаю? У меня есть варенье. Самовар уже закипает. Он на этих... На веточках... Как их там... Можжевеловых.

Миноку робко шмыгнула носом. Оглянулась на растворяющийся в пустоте мир станции и повернулась к чудовищу. Потом нерешительно коснулась его лапки. Она оказалась мягкой и теплой. Живой.

Потом нарисованная девочка ухватилась за нее и решительно поднялась на ноги. Ей очень хотелось чаю.

Андрей Уланов

ЗАПОЛНИТЕ БЛАНК ЗАКАЗА...

Особых иллюзий на тему «безъядерной войны» Стив Ростовцев не питал. Рубежи, достижение которых вело к автоматическому применению натовцами ньюков вне зависимости от решений политического руководства, были обозначены на его картах давно и надежно. Это была работа Группы ядерного планирования НАТО. Например, выход «восточных» к Рейну, угроза его форсирования, прорыв Фракийского укрепрайона на Стамбульском направлении — и по русским танкам применяется тактическое ЯО независимо от того, использовалось ли ОМП до этого.

Ну да ничего. Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Дуриком ломиться через Тюрингский и Баварский лес — не дождется! Раз ньюков на тактическом уровне все равно не миновать — значит, нам и стесняться нечего. Причем изначально. Посему — получите, господа из приграничья ФРГ, свою порцию и распишитесь... на радиоактивных руинах вашей столь любовно подготовленной долговременной обороны. А наши «танки Ла-Манша» в это время уже будут на берегах того самого Рейна, перемалывая по пути расквартированных в Западной Германии натовцев — благо в ряде соединений (по системе передового базирования в рамках программы ПОМКУС) личного состава в Европе только сорок процентов. Пока его еще довезут из Форт-Худа в район оперативного предназначения...

© А. Уланов, 2005.

В общем, ТВД Центральной Европы Стива волновал мало — гораздо большее внимание он уделял Северной Атлантике, где американские АУГ уже начали выстраиваться для проводки конвоев методом «господства в зоне». Пять АУГ в квадрате 500 на 500 километров, плюс каждый конвой имеет свою эскортную группу — да, Ударный Флот — это сила, как не крути. А делать с ним что-то надо и срочно — иначе уже через три недели в Европе могут оказаться 11 свеженьких, с пылу с жару, американских дивизий... плюс еще и штурмовичков на сухопутный фронт тоже, небось, подбросить не постесняются...

Еще одна американская АУГ бестолково маячила около Исландии — впрочем, по расчетам Стива, заниматься этим ей оставалось от силы часов пять, по истечении которых МиГ-23А и Су-24К выдвигающегося мимо Норвегии Северного Флота при поддержке МРА порвут её как Тузик грелку. А вот потом...

Ж-ж-ж...

Выпадение из вирта было медленным — обычное дело при «скоростном сейве», когда мощности инка загружены переброской игрового массива данных. Окончательно выпав в реальность, Стив протер глаза — судя по отражению в панели, они могли сделать честь любому вампиру, — осторожно размял затекшую шею и лишь после этого с ненавистью уставился на источник жужжания.

Муха. Большая красная муха. Большая марсианская красная муха.

Неделю назад в новостной ленте промелькнула мессага, что семейство юного генохакера (чья личность была без сколь-нибудь особых усилий идентифицирована благодаря стандартным меткам на ДНК, которые этот идиот не сумел или попросту не догадался стереть) в полном составе эмигрировало то ли на Землю, то ли на одну из Внешних Колоний. Весьма разумный поступок с их стороны — уже к исходу первой недели мушиного нашествия желание поучаствовать в линчевании незадачливого Доктора Мю выражало, по данным сетевых опросов, примерно тридцать процентов марсиан.

Вряд ли, конечно, генохакер рассчитывал на подобный эффект — хотя бы потому, что на базе стандартного школьного конструктора весьма сложно сотворить что-либо маломальски опасное. Слишком ограничен исходный набор, слишком много защитных фильтров — а попытка взлома кода вероятнее всего приведет к блокировке рабочей камеры... и скоропостижному визиту пары-тройки дружелюбных верзил из Службы Социального Контроля. Так что никаких боевых вирусов или шипасто-клыкастых монстров на этой детской игрушке не получить — максимум, что-нибудь с симптомами легкого насморка. И то столь короткоживущее, что серьезные шансы подхватить заразу будут разве что у самого изобретателя — в последующих же поколениях вирусы вернутся к своей базовой форме.

Мухи данное правило, в общем-то, подтверждали: они не имели жала, их укус не был ядовит, они не сосали кровь, не собирались в неисчислимые стаи для нападения на двуногих прямоходящих... почти что обычные земные мухи вульгарис, только адаптированные для марсианских условий. Мухи просто жужжали...

В чем именно заключался эффект непереносимости этого звука, эксперты спорили уже почти месяц. Совпадение с альфа-, бета-, тета- и так далее ритмом, возбуждение вторичных инфразвуковых колебаний... версий было множество, ибо плодились они со скоростью, едва уступавшей воспроизведству самих мух — но подавляющее большинство этих предположений сходилось на том, что единственным радикальным методом борьбы с вышеупомянутым эффектом было уничтожение его источника. То есть, мухи. Вернее — мух. Всех.

Не отрывая взгляда от барражирующей под потолком комнаты мухи, Стив медленно вытянул руку, привычно — да, черт побери, уже привычно! — ухватился за ребристую рукоять «шланга», подождал, пока исполняемый мухой зигзаг не приведет ее в окрестности пляшущей на потолке ярко-синей точки лазерного целеуказателя, и яростно вдавил гашетку.

Единственным итогом выстрела стало очередное — впрочем, уже почти незаметное на общем фоне — пятно на потолке. Муха же — резко развернувшаяся в самый послед-

ний момент, точь-в-точь как пару часов назад сделал сам Стив, на тактическом уровне руководя «выманиванием» ракет у вражеской ПВО — продолжала свой полет как ни в чем ни бывало.

Свалить её Стиву удалось лишь полминуты спустя, когда он, остервенев окончательно, перевел распылитель из импульсного режима в «непрерывный». Задетая аэрозольной струей муха сменила жужжащий тон на нечто воющее, врезалась в стену... во вторую стену... шлепнулась на ковер, все еще продолжая отчаянно дрыгать лапками — и, прежде чем вскочивший из кресла Стив успел опустить занесенный было каблук, исчезла в чреве выпрыгнувшего из-под стола драноборщика.

Наступила тишина. И в этой тишине до Стива отчетливо донеслось приглушенное жужжение.

Две. Еще две. Минимум две.

Стив упал обратно в кресло и с тоской уставился на перекрашенный аэрозольной отравой потолок.

Жена будет злиться. Разумеется, если он не приведет потолок в первоначальный вид к моменту её возвращения из круиза. Сейчас она... ну да, на Венере. Там хорошо — там мух нет.

Он все больше начинал понимать — и разделять — ход мыслей Янека Джонсона. Тот не далее как позавчера в подобной же ситуации схватился за рукоять не «шланга», а старого армейского — и по такому случаю насквозь нелегального! — бластера «Фан Ханг». Четырехдюймовый огненный шар справился со своей задачей на все триста, нет, пятьсот процентов, испепелив муху — равно как и ту часть перекрытий, которые волею судьбы оказались на его пути. Плюс фрагмент обеденного стола Ковальских, за которым в тот момент как раз собралось все их семейство.

«Слегка» возбужденный появлением на месте своего любимого старинного фарфорового чайника оплавленной дыры Ковальский-старший незамедлительно — задержавшись лишь на несколько секунд, дабы снять со стены еще одну семейную реликвию, а именно пожарный топор легендарного Ковальского-Здыха — направился к Янеку. Повез-

ло... Янеку, люк в квартиру которого поддался топору как раз к моменту прибытия медбригады. Старший врач сказал, что еще пять-десять минут и могли бы не откачать — ибо нефиг уставлять жилые помещения старинным пластиком. Стильно, да... но зато сколько ядовитой гадости при горении выделяется...

В квартире у Стива пластика почти не было — так, пара безделушек в серванте. И жил он на последнем этаже. Правда, бластера у него не было тоже.

Жужжание приблизилось. Перехватив поудобнее «шланг», Стив нацелил тонкий хоботок форсунки на дверной проем — и тихо выругался, когда оживший комм враз перекрыл гудение подлетающей мухи «Полетом Валькирий»!

— Стив?

— Он самый.

Жужжание прекратилось. В комнату — в этом не сводивший глаз с проема Стив готов был поклясться чем угодно! — муха не залетала. Значит, ползает себе по стене или потолку где-то в коридоре поблизости... з-зараза!

— Ты куда провалился на два часа? Комм не отвечает, домофон тоже...

— В вирт.

— Играл? Ну-ну...

Жужжание возобновилось. Багровая точка мелькнула на светло-зеленом фоне коридорной стены. Стив выстрелил, промазал, пальнул еще два раза...

— А что, черт побери, могло стрястись за два часа такого уж важного?! — раздраженно осведомился он.

— Шит, да ты и в самом деле не знаешь, — удивленно констатировал собеседник. — А у нас тут вообще-то революция.

Капитан третьего ранга Владимир Кэрр был рожден, чтобы командовать кораблем. Причем не каким-нибудь абстрактным кораблем — крейсером, фрегатом или, не дай боже, орбитальным буксиром. Нет, порывистый, скорый на решения, похвалу и расправу «кэп Володя» был рожден повелел-

вать эсминцем — в этом качестве он был идеален. И — в этом не сомневался никто из команды — совершенно искренне считал возможность вступить в *настоящий* бой подарком богов.

Известие о мятеже марсианских сепаратистов было воспринято «кэпом Володей» именно в качестве такого подарка.

Повстанцы были отлично организованы и действовали четко, решительно и — для «люмпенизированного сброда», как их поименовали впоследствии в официальных реляциях — удивительно эффективно.

Принято считать, что сигналом к мятежу послужили флаерные тараны в Марсополисе. Это не совсем верно — некоторые ключевые позиции, как-то: офисы двух крупнейших интервид-компаний, часть батарей противокосмической обороны и арсенал ВКС мятежники захватили еще за несколько часов до атаки шахидов. Те просто были первым заметным — даже с орбиты! — проявлением мятежа.

Четыре управляемых самоубийцами машины стерли с поверхности Марса здание штаб-квартиры СБ, резиденцию губернатора, планетарный казарменный комплекс ВКС и *last but not least* — центральное полицейское управление. Полминуты спустя в занимаемом генералом Ламарком пентхаузе отеля «Хилтон» взорвалась ракетометная граната — калифорниевая, эквивалентом тонн, эдак, двадцать стандартной взрывчатки, — после чего единственным уцелевшим правительственный служащим высокого ранга остался вице-директор марсианской СБ Куан-Дин. Впрочем, это исключение из правила отнюдь нельзя было счесть промашкой мятежников — вице-директор помимо своей официально занимаемой должности являлся также одним из лидеров сепаратистов.

Вторым по важности — не по чину, а именно по важности занимаемой должности — в рядах повстанцев оказался лейтенант-командер Митчелл. Именно он организовал визит «съемочной группы интервида» на боевую станцию «Цербер». Через пять минут после начала «интервью» командующий станцией и все находившиеся в

центральном боевом посту офицеры ВКС были мертвы, а по внутренней сети станции стремительно распространялся боевой вирус, сметавший защитные блоки эсбэшными приоритет-кодами.

Спустя двадцать три минуты после начала мятежа штурмовая группа повстанцев установила контроль над всеми основными системами боевой станции «Цербер». Еще минутой позже висевший на орбите тяжелый крейсер ВКС «Могами» в ответ на запрос о происходящем на станции получил залп средним калибром от сектора «Дора» — тридцать шесть излучателей Майерса в спаренных башенных установках. В крейсер попало, по разным оценкам, от девятнадцати до двадцати четырех разрядов, после чего для управлявшего огнем инка крейсер как цель перестал представлять какой-либо интерес.

Из трех имевшихся на марсианских орbitах эсминцев два: «Сметливый» и «Хоузлл» также были уничтожены огнем станции прежде, чем их команды успели хотя бы осознать происходящее. Эсминцу «Лейтенант Неверле» повезло чуть больше — он находился вне стрельбовых углов излучателей станции и потому успел дать ход, сбить одну выпущенную по нему ракету, «увести» вторую имитационным миражом и даже выпустить собственную торпеду — прежде чем был уничтожен огнем с поверхности.

Затем мятежники занялись расстрелом «орбитальных объектов, представляющих собой потенциальную угрозу» — в эту категорию «посчастливилось» попасть примерно семидесяти процентам висевших на орбите космолетов... и едва ли десятая их часть имела хоть какое-то отношение к ВКС или вообще госструктурам.

Находившийся же под командованием капитана Карра эсминец «Сороковая Симфония» не только не разделил участь своих собратьев, но и вообще не удостоился сколь-нибудь заметного внимания со стороны мятежников, хотя его пребывание в доке Нового Плимурта отнюдь не являлось тайной для повстанческого руководства. Дело обстояло строго наоборот: хояйничавшие, благодаря «любезно» предоставленным Куан-Дином допускам СБ планетарного уровня, в

правительственных инфоканалах как в собственном датапаге мятежники были осведомлены, что эсминец «кэпа Володи» в данный момент времени даже не является собой единое целое. И если на процедуру состыковки отсеков можно было бы — сделав пару-тройку весьма некритичных допущений — положить часа три, то для сборки обоих вихревых гравитаторов эсминца количество этих часов увеличивалось раз в семь-восемь. Не говоря уже о том, что попытка таковой сборки была бы абсолютно бессмысленным занятием, ибо старые DFR-выпрямители уже были отправлены на утилизацию, а новые кристаллы еще не успели доставить... и ничего способного заменить оные в эсминце типа «тридцатка» на поверхности Марса не имелось.

Возможно, находясь эсминец в космопорту Марсополиса, им бы все равно нашлось кому заняться — однако Новый Плимурт был основан и на девяносто процентов заселен так называемой «второй волной» колонистов, в среде которых идеи сепаратистов популярны, мягко говоря, не были. По очень простой причине — в случае победы мятежа всех их ждала малоприятная роль людей «второго сорта» — поражение в правах, сегрегация и прочие прелести планируемого мятежниками «общества всеобщей справедливости». Огневая же мощь «Сороковой Симфонии» была — вполне логично — сочтена равной двум сотням единиц легкопехотного оружия, причем находящегося в руках слабо- или, в худшем случае, среднеобученного персонала — ибо, скажем, астронавту-реакторщику или оператору систем ближнего боя обычно не так уж часто приходится даже видеть полагающийся ему по штату «Сако-Мартин», не говоря уже о том, чтобы действовать в «условиях максимально приближенных к боевым» в роли более приличествующей космодесанту. Как говорится — не смешно.

Главным недостатком этих расчетов было то, что капитан третьего ранга Владимир Кэрр не умел играть «по правилам».

Известие о мятеже застало его в командном отсеке эсминца — несмотря на его отстыкованное состояние, интеллектуона оставалась полностью задействованной, и «кэп

Володя» решил воспользоваться случаем устроить тактические учения, гарантированно не отвлекаясь на всяческие бытовые мелочи вроде течи в реакторном или, не приведи боже, вызова с флагмана. Когда же его все-таки побеспокоили — сообщению о мятеже был присвоен приоритет, перекрывающий капитанский допуск — «кэп Володя» дослушал обращение повстанцев едва ли до половины, вырубил его и, развернувшись к побледневшим астронавтам, спокойно произнес:

— Меняем цель учений... новую вводную вы только что прослушали.

С точки зрения «нормального» офицера планирование боевых действий против противника неизвестной (но явно превосходящей на несколько *порядков*) численности, который, вдобавок, только что заполучил под свой контроль основную боевую единицу ВКС в этом секторе Солнечной системы, являлось задачей из разряда «логики невозможного».

Четвертым офицерам «Сороковой Симфонии» — впрочем, справедливость требует приплюсовать к ним также находившихся в отсеке семерых рядовых астронавтов — на решение этой задачи потребовалось семь с половиной минут.

План был очень простым.

Основой его служил тот факт, что боевая станция «Цербер» не могла вести огонь в направлении поверхности. Это было задано при проектировании станции и закреплено «жесткой прошивкой» в её интеллектронике — создатели станции отлично осознавали, что гипотетический ущерб от прорвавшегося сквозь мертвую зону истребителя или торпеды вряд ли сумеет сравниться с последствиями попадания в пределы городской черты Марсополиса даже одного-двух разрядов среднего калибра.

Посему оборону станции «со стороны задницы», как иронически именовал эту часть «Цербера» его экипаж, должны были обеспечивать батареи планетарного базирования. «В общем» они эту функцию выполняли — примером чему служили как раз сейчас сгорающие в верхних слоях атмосферы обломки «Лейтенанта Неверле». Позиция одной из

этих батарей находилась не далее, как в восьми километрах от Нового Плимурта.

Два дополнительных бонуса «кэпу Володе» и его команде принесло общение инка эсминца со своим городским со-братьем.

Бонус первый: роль инкассаторских машин в Новом Плимурте исполняли два списанных суборбитальных штурмовика типа «фаланга». Тяжелое вооружение на них, разумеется, отсутствовало, но все же это были не обычные гражданские космолеты, а боевые корабли, несшие и защитные поля и какую-никакую броню.

Вторым бонусом оказалось наличие в городе консерва-ционного арсенала.

Семнадцать лет назад, во время «Крысиных войн», кому-то из чинов Главштаба ВКС в голову заглянула на огонек светлая, без всякого сомнения, идея — организовать на Марсе, числившимся в битве против Пояса передовой базой Федерации, дополнительную линию обороны... в виде гражданского ополчения. Задумано — сделано! Правда, техническую сторону реализации этой идеи местное командование представляло себе довольно смутно. Это не говоря уже о том, что сама по себе мысль о высадке обитателями Пояса планетарного десанта вообще представлялась им весьма... мягко говоря, нетривиальной. Конечно, силовой скафандр уравнивает шансы — но остается еще и чисто психологическое презре-ние «мотыльков» к «грязным гравиболотам». Скорее уж астероидники, представься им такая возможность, попросту превратили бы пару-тройку марсианских поселений в очень гладкие стеклянные озера.

Как бы то ни было, оружие на Марс было завезено, преспокойно дождалось окончания войны, после чего было частично распродано, частично уничтожено, а частично за-консервировано «до поры». Причем консервационный арсена-нал тогдашний командующий марсианским округом весьма дальновидно приказал устроить не в Марсополисе, а «где-нибудь в сторонке». Сторонкой был сочен бывший тогда шахтерским поселком средней захудалости Новый Пли-мурт.

Так что оружие — пусть и немного устарелое, но все еще вполне функциональное — имелось, и в значимых количествах. Даже не только легкое: два гранатомета и две «эммы» — электромагнитных многофункциональных миномета — составили «роту тяжелого оружия» под командованием старшего артиллериста эсминца, лейтенанта Левашова. Оружие было. Осталось только найти людей, которые захотят им воспользоваться.

Как ни вытягивал Стив шею, толком рассмотреть флотского капитана ему не удавалось — слишком много голов маячило впереди, а крыша штурмовика типа «фаланга», трибуна хоть и эффектная с символической точки зрения, но все же не слишком высокая. После трех попыток подпрыгивания и полутора пинков от возмущенных соседей по толпе Стив окончательно разозлился и начал протискиваться вперед. Записи записями, но коли выпало участвовать в историческом событии, то хочется уж впитать максимум впечатлений *своими* глазами... да и, чем черт не шутит, самому на этих записях попытаться мелькнуть раз-другой.

Со слышимостью дело обстояло значительно лучше. Конфискованные из стрейф-клуба акустик-генераторы давали отличную объемную «картинку» — казалось, спокойный, четкий голос вэкаэсовца раздается буквально в двух шагах.

— ...не собираюсь чего-то требовать или к чему-то особенному призывать. Я хочу всего лишь предложить вам подумать над очень простой вещью: сейчас к Марсу полным ходом идут три ударные группы ВКС. Разумеется, — Стив подпрыгнул как раз вовремя, чтобы разглядеть усмешку капитана, — командование не планирует задействовать против одной из планет Солнечной Машину Судного Дня. Три мегалинкора необходимы, чтобы гарантированно подавить огнем защиту боевой станции. Но — этот огонь будет открыт с предельной дистанции, и потому даже при самых удачных ракурсах конус рассеивания будет «цеплять» атмосферу... а последствия попадания в атмосферу залпа мегалинкора все

собравшиеся здесь, я полагаю, могут представить без особого напряжения фантазии.

— Срань Господня, — выдохнул кто-то справа от Стива.

«Удивительно точное определение, — подумал Стив, пытаясь протиснуться мимо женщины, из которой можно было бы запросто сделать троих подобных ему и парочку миссис Ростовцев впридачу. — Даже если вэкаэнники не будут лупить какой-нибудь гадостью с приставкой анти... все равно репетиция Конца Света для одной отдельно взятой планеты имеет процентов так восемьдесят на то, чтобы со-стояться. Потому как на вооружении мегалинкора Флота От-крытого Космоса много всякого добра... пригодного, как об-текаемо выражаются военные, для *деструктуризации*, а по-простому говоря, распыления астероида-другого».

В первых рядах люди стояли куда теснее, чем позади, и потому, дотолкавшись ряда до пятого, Стив сдался. Впрочем, уже и отсюда вид открывался вполне себе ничего — прыгать не нужно, достаточно хорошенъко вытянуть шею.

— Собственно, мне и не надо вас о чем-то просить. Триста человек, необходимых мне, будут просто призваны на федеральную службу согласно «Положению о чрезвы-чайной ситуации», раздел 25 пункт бэ. Милс Сатклифф... прошу вас...

«По сравнению с подтянутым капитаном пухленький градоначальник Нового Плимурта смотрелся... пожалуй, да-же что и комично, — решил Стив. — Не видать ему теперь второго срока... одно дело по интервиду подбородками тря-сти, а вот когда так, вживую... точно не переизберут. Слиш-ком уж много народа на его слизнячью натуру сейчас полю-буется».

— Призыву подлежат...

«Да и голосок у нашей городской власти так себе, — от-метил Ростовцев, — неприятненький такой фальцетик».

— ...лица, числящиеся в первой очереди резерва Феде-ральных Сил. А именно: Шунинг Вэл, Джонсон Джейми, Лактионова Анна...

Правила, определявшие очередность призыва, Стив помнил весьма смутно — неудивительно, если вспомнить,

что эти знания относились к числу академических вот уже лет... ну да, двадцать с хвостиком, со времен Второго Джихада. Вроде бы первоочередному призыву не подлежали единственные дети в семье — правда, нынче такую семью и на Земле-то днем с огнем не сыскать! — родители пятерых и более не достигших совершеннолетия детей, беременные... «Черт, а ведь я, кажется, тоже непризывной, — удивленно подумал Стив. — Восемь стандартных месяцев с момента заключения брака — точно, был такой пункт. И вообще, основные призывные возрасты — это с 12-ти до 22-х... а таким, хе-хе, старым песочницам, как я и вовсе не светит бластер пощупать».

— Лайонел Алекс, Николь Криста, Тешинский Льюис, Кессель Хайнц...

— Ну вот что, — Стиву даже не потребовалось тянуть голову, чтобы опознать говорившего — роскошный, без всякого преувеличения, бас Игоря Мак-Интайра был знаком каждому, кто хоть однажды заглядывал под своды бара «Три тюбетейки», — пора заканчивать это шоу. Больно оно дурацкое.

— Э-э... что вы имеете в виду, милс Мак-Интайр? — пискнул градоначальник.

— Возможно, — предложил вэказсовец, — вам, милс, стоит присоединиться к нам, дабы прочим вашим согражд нам не пришлось излишне перенапрягать свой слух.

— А это хреновина меня выдержит?

— Думаю, что выдержит, — усмехнулся вэказсовец, протягивая бармену руку. — Броня, как-никак.

— Я, это... — начал Мак-Интайр. — Подумал тут...

— Ты — и подумал?! — расхохотался кто-то справа от Ростовцева. — Что-то непохоже на тебя, Игорь.

— Кто будет шибко умный, тому в кредит больше ни капли не налью! — мгновенно отпарировал бармен, а затем продолжил: — Я вот что... Эти самые призывные нормы... оно, может, для спейса и неплохо — перед экранами сидеть. Но раз уж предстоит на планете драться — разве ж это для девок и пацанов работа? Что, — повысил голос бармен, — неужели во всем нашем вшивом городишке не наберется трех сотен мужиков? А?

* * *

Силы противника инк эсминца оценивал примерно в сотню боединиц — правда, добиться, на чем основана уверенность именно в этой цифре, оператор так и не сумел. Один к пяти, плюс какая-никакая, но все же воздушная и артподдержка... такое соотношение сил позволяло надеяться если не на лучшее, то уж хотя бы просто — надеяться.

К сожалению, «кэп Володя» при всех своих — частично уже проявленных за последние часы — достоинствах, не мог похвастать одним, весьма важным в данной ситуации качеством. Конкретно — знанием тактики наземного боя. Разумеется, можно было запросить все тот же инк эсминца... но капитан Карр вполне отдавал себе отчет в том, что повстанцы тоже умеют формулировать запросы для интеллектроники. А кроме того, он жутко ненавидел «типовье» решения.

Само по себе это, возможно, не было таким уж страшным недостатком — в конце концов, его противники тоже не имели в личных файлах пометки об окончании Улленсвиля. В большинстве своем это были члены военизированных организаций сепаратистов «Дети Марса» и «Пустынники», чья тактическая подготовка ограничивалась несколькими десятками часов в имитаторах. Хуже было другое. Совершенно правильно оценив значение расположенной рядом горы — точнее, претендовавшего на сие гордое звание пологого холма, — как объекта, серьезно затрудняющего работу сканерам батареи, «кэп Володя» отчего-то не подумал о том, что создатели батареи также обратили внимание на данную особенность рельефа. И, обратив, озабочились ликвидацией причиняемых ею неудобств.

В итоге «неожиданная» атака капитана Карра продлилась примерно десять секунд. Затем по четко видимой на фоне неба цепи ударили огненный шквал.

Большинство повстанцев были вооружены плазмоганами — оружием, как считается, пригодным лишь для уличных разборок и потому разрешенным к свободной продаже. Плазменные шарики действительно летят довольно медленно — с дозвуковой скоростью — хорошо заметны в полете и,

теоретически, увернуться от них на сколь-нибудь значимой дистанции не составляет труда. Но — когда сотня плазмоголов начинает «поливать» достаточно ограниченный участок пространства, избежать встречи с одной из нескольких тысяч крохотных красных шаровых молний становится весьма затруднительно. Встреча же с плазменным шариком приводит к тому, что, углубившись на пару-тройку сантиметров в возникшее на его пути препятствие, шарик теряет стабильность структуры и лопается...

Первый взвод буквально смело с вершины. Второй, прячась за камни, попытался было огрызнуться, но рухнувший полусотней метров ниже по склону штурмовик, вернее огненный шар, в который он обратился, «намекнул» командовавшему им лейтенанту Новотны, что арсенал мятежников отнюдь не исчерпывается гражданскими моделями.

Все это Ростовцев узнал чуть позже — его третий взвод наступал справа, обходя холм, и поначалу мятежники по нем не стреляли. Будь во главе ополченцев командир поопытнее, он наверняка бы заподозрил неладное, но как раз опыта мичману Васильчикову недоставало. И получить этот опыт мичман уже не успел — он успел лишь крикнуть: «Быстрее вперед, там погибают наши...», а окончания фразы уже никто не услышал, потому что его заглушило разрывом первой мины.

На схеме, скачанной инком эсминца, минные поля вокруг батареи обозначены не были — за ненадобностью. Их деактивировали тринадцать лет назад, а вот собрать мины и уничтожить их все никак удосуживались. Тому были объективные, в общем-то, причины: утилизация мин типа «ятаган», если не применять этот термин к вываливанию их за борт на подмеркурианской орбите, так вот, *правильная утилизация* мин, имеющих тройной контур неизвлекаемости — дело довольно муторное. Вот и полеживали они себе спокойно под слоем красного марсианского песочка. Пока однажды, пробужденные сигналом с КП батареи, не втянули коготочки сенсоров на тонких лапках-манипуляторах. Выкопались и побрали на новое место... а потом начали взрываться.

Ростовцеву повезло. Услышав первый взрыв, он упал, упал не раздумывая — и именно это его спасло. Ибо задумайся он хоть на миг перед падением, наверняка бы постарался упасть так, чтобы продолговатый валун оказался впереди, а не справа... Только повстанцы по ним по-прежнему не стреляли, а вот выпрыгнувшая как раз справа мина наверняка с удовольствием напичкала бы его, Стива, организм несколькими десятками стрелок Трайкмана. Подобная «приправа», как свидетельствует современный военно-медицинский опыт, малосовместима с дальнейшим нормальным функционированием подвергшегося указанной процедуре организма. Но на функционирование двухметрового скального обломка, принявшего на себя предназначеннуу Ростовцеву часть поражающих элементов «ятагана», стрелки не повлияли — он как был, так и продолжал оставаться простым марсианским валуном. Десятком выбоин больше, десятком меньше...

Стив лежал за валуном. Раненый ополченец в трех метрах от него уже перестал хрипеть, и теперь ничто не мешало Ростовцеву вслушиваться в шорох песка.

Блок управления «ятагана» надежно идентифицирует любое движение цели типа человек: ходьбу, бег, переползание медленное или быстрое, перемещение на лыжах. Выделяет его на фоне движения техники и животных в любых условиях почвы и погодных условиях. Вероятность ошибки ноль целых пятьдесяттысячных. Если условия почвы, где применяется мина, значительно отличаются от эталонных, то с помощью блока тестирования предварительно производится тренировка и настройка прибора на конкретные условия местности. Полученная инфа может быть использована для настройки всех остальных мин, которые будут устанавливаться в данной местности.

А еще мины «ятаган» умеют самостоятельно обмениваться между собой информацией и соединяться в некий псевдоразум минного поля. Ну и, разумеется, они умеют перемещаться.

Легкое постукивание раздалось справа, где-то в районе поясницы Стива. Медленно — очень медленно — он повернулся и посмотрел на заползшую на валун мину.

Небольшая, сантиметров двадцать в поперечнике, линза стояла, опершись на восемь тонких серебристых лапок, и чуть заметно покачивалась — точь-в-точь как почуявший добычу зверь.

Стив вяло удивился, что вообще сумел заметить мину. Что-то в этой штуке было противное... донельзя отвратительное. Гадостное. Примерно как в препарированной лягушке на уроке биологии. Хотя вроде бы никаких особо необычных элементов в дизайне «ятагана» не было — вполне обычный миникибер узкой специализации. Очень узкой. И очень смертоносной.

Осторожно перехватив разрядник за ствол, Стив приподнялся на локте — и с размаху врезал по мина прикладом.

Миг спустя его оглушило и ослепило, песочная волна наждаком полоснула по лицевому щитку, тысячей крохотных иголок впиваясь в незакрытые участки кожи, респиратор протестующее заскрипел — но это был всего лишь песок. Обычные песчинки, а не сотни стрелок, впustую хлестнувших по склону — в момент взрыва мина оказалась ориентированной к Ростовцеву «верхом».

Полминуты спустя Стив понял, что ничего не слышит — то ли внешние микрофоны шлема не выдержали удара взрывной волны, то ли от этого удара что-то расстроилось внутри...

«Может это и к лучшему», — вяло подумал он, прикинув, что сейчас к нему должно сползаться, минимум, полдюжины мин. Затем слышимость вновь вернулась — в виде пронзительного воя, раздавшегося, казалось, над самой головой — и шесть «же» периферийного излучения газерного заряда «провернули выключатель», на двадцать минут вычеркнув ополченца Стивена Ростовцева из числа активных участников разгоревшегося боя.

Всего газеры «роты тяжелого оружия» успели выпустить семь очередей, превратив в причудливо перекрученные комки примерно три четверти минного поля. На восьмой очереди в накопительной энергоячейке газера номер два произошел пробой изолирующего поля. Четверо космонавтов из экипажа «Сороковой Симфонии», входивших в его расчет,

погибли почти мгновенно, пятый же — старшина Питерс — несмотря на плясавшие, казалось, в миллиметре от него ослепительные, толщиной в руку, бело-голубые жгуты молний, отделался несколькими царапинами от осколков лопнувшего кожуха.

Гразер номер один спокойно отстрелял очередь до конца, после чего был немедленно обесточен — желающих ждать, пока он разделит участь своего собрата, не нашлось.

Вторая атака началась с постановки помехзавесы. Четыре десятка разноцветных «кустов» за пару минут слились в одно мутно-белесое облако. Полиметаллическая взвесь — изобретение сорокалетней давности, но ничего проще и надежнее с тех пор так и не было придумано. Взвесь практически непроницаема в оптическом, инфра-, радио- и прочих диапазонах, вдобавок она чертовски «глотает» лазерный луч, вызывает преждевременную детонацию плазменных шариков и расфокусировку разрядников. Единственное сколь-нибудь надежно действующее в «бешеном молоке» оружие — кинетическое, и именно на подобный случай подавляющее большинство космодесантников таскает насквозь нештатный минигауссник.

Ни повстанцы, ни ополченцы Карра кинетичек не имели. В глубине грязно-белой мути вспыхнула яростная, кровавая драка, где в упор стреляли в наплывающую из тумана тень, где враг возникал на расстоянии вытянутой руки — вернее, кончика зажатой в этой руке виброножа. Впрочем, и ножи были далеко не у всех — и в ход, как и сотни лет назад, шли кулак и приклад.

Кто-то пытался «профилактически» расстреливать взвесь перед собой — и умирал раньше других, вычисленный врачами по вспышкам лопающейся плазмы или характерным хлопкам разрядов. Кто-то проходил облако насквозь, так и не встретив своего врага — и, вывалившись на свет, почти сразу же падал, сраженный либо оставшимися в резерве взводами, либо из второй обороны-линии мятежников.

На стороне повстанцев в этой схватке была ярость отчаянья и некоторое преимущество в подготовке. На стороне ополченцев был количественный перевес, а также чисто фи-

зическое превосходство шахтеров над офисными клерками — далеко не последний аргумент в рукопашном споре.

Оказавшуюся в зоне помехавесы первую линию мятежников закидали гранатами. В ответ повстанцы переключили на ручное управление турельный бластер — тот самый, сбивший штурмовик — и принялись расстреливать облако. Проблема различия своих и чужих мятежников при этом не волновала — видимо, всех, кто скрылся в мутно-белой мгле, их командиру было проще счесть убитыми.

Ополченцы отступили.

Идти в атаку — тяжело. Когда же эта атака — третья за час и две предыдущие закончились провалом, а почти всех погибших ты знал и знал достаточно близко... когда в голове у человека начинают вертеться вот такие мысли, заставить его идти в эту самую атаку становится не просто тяжело, а очень тяжело.

Иногда преодолеть этот психологический барьер помогают уткнувшиеся в спины стволы заградотряда. Иногда — воодушевляющая речь командира.

Заградотряда у «кэпа Володи» не было. Произносить воодушевляющие речи — по крайней мере, длинные — он тоже не умел.

Оглядев столпившихся вокруг ополченцев, капитан ВКС третьего ранга Владимир Карр едва заметно усмехнулся и спокойно-обыденным тоном сказал:

— Эта атака будет последней.

Их было чуть больше трех сотен — тех, кто вслед за «кэпом Володей» вошел в грязно-белую муть. Сто двенадцать космонавтов с эсминца и сто девяносто один ополченец.

Впоследствии Стив часто пытался восстановить в памяти этот бой. И — не мог.

Наверное, сказывались последствия контузии — воспоминания были обрывочными, как плохо восстановленный файл. Мгла впереди... что-то темное начинает возникать на самой границе видимости — и тут же теряет очертания, разорванное сразу полудюжиной разрядов... очередь плазмогагна пропарывает воздух слева и лопается где-то за спиной... потом тройка ярко-алых шаров вспыхивает прямо перед Сти-

вом, так что ствол разрядника оказывается наполовину погруженным в один из них. Черт-черт-черт... упасть, перекатиться вперед, под ноги черной фигуре... подсечка, удар... размытая полоска лезвия виброножа возникает, кажется, перед самым лицевым щитком, и даже непонятно, когда правая рука успела среагировать и перехватить чужое запястье... а левая отчаянно пытается нащупать щель между чужим шлемом и полу-броней... где-то рядом раздается дикий, захлебывающийся вопль, но это не он, не он... этот просто громко сопит; так же, как и сам Стив... а полоска лезвия все ближе и ближе...

Потом нажим внезапно ослабевает — Стив отбрасывает руку врага в сторону... а его собственная, левая, неожиданно соскальзывает, потому что выше шеи, за которую она пытлась уцепиться, теперь нет больше ничего... и остаток чужого шлема повисает на запястье диковинным браслетом...

...у него в руках снова разрядник, а впереди в тумане разрывы, метров десять, и они с каким-то *космо* лихорадочно стреляют по фигурам, выбегающим на эту прогалину... а те все никак не кончаются. А затем там, впереди, что-то вспыхивает — ослепительно, даже сквозь муть помех завесы и по-темневший щиток — и больше не выбегает уже никто.

А потом туман закончился.

Слева от Стива высилось здание батарейного комплекса — то, зачем они сюда пришли — и отчего-то сейчас, вблизи, это выпукло-угловатое строение показалось Ростовцеву ужасно нелепым.

А впереди была гладкая как стол равнина, и на этой равнине четко виднелись несколько десятков темных фигурок. Фигурки становились все меньше и меньше. Потому что они бежали. Сломя голову. Не оглядываясь.

Ростовцев медленно повел стволом, наводя скользящий по щитку крестик прицела на крайнюю фигурку. Нажал на гашетку. Еще раз... и еще... и только потом сообразил взглянуть на индикатор заряда.

Пусто.

Низкий воющий звук заставил Стива втянуть голову в плечи. Шедший на бреющем штурмовик проплыл, казалось, в паре метров над ним. Ростовцев глядел на машину лишь

несколько мгновений, но и за эти мгновения в память на-мертво впечатались оплавленные потеки на угловатой броне, россыпь воронкообразных вмятин, переплетенных между со-бой густой паутиной трещин, отливающий фиолетовым след лазерного луча, наискось, словно шрам от сабельного удара, перечеркнувший борт машины. И тонкие хоботки турельных излучателей, на кончиках которых трепетали бешеные белые мотыльки.

— В-выжигать! — падая на колени, прохрипел Стив. — В-выжигать... всех... дочиста.

На равнине перед ним стремительно распускались де-сятки желтых с алым цветов. Очень красивых.

Две недели спустя

Броня штурмовика была исчеркана оплавленными поте-ками, а на левом борту наличествовало белесое пятно — след прямого попадания микrorакеты типа «оса». Машина прямо из боя, сразу видно — не какой-то там безликий полочный экспонат, а вещь, которую в руках подержать приятно.

А уж поуправлять — тем более!

Для начала Стив погонял штурмовик по комнате. Тихо гудя, «фаланга» поползла над кроватью, «прыжком», полыхнув на миг соплами, перелетела на стол, затем взмыла под потолок, медленно облетела вокруг плафона. Первые полми-нуты Ростовцев еще сидел вполоборота, дабы визуально кон-тролировать полет новой игрушки — ну, как не рассчитает с непривычки маневр да впилится в антикварную фарфоровую вазу? — а потом полностью сосредоточился на голопроек-ции. Нет, вправду здорово — иллюзия, что сидишь в кабине настоящего штурмовика, была почти полная...

Он, чуть накренив машину, скользнул в коридор, завис на углу, крутанулся вправо-влево... активировал систему управления огнем — и удивленно присвистнул, когда в воз-духе перед ним появилось сразу полдюжины разнообразных колец, эллипсоидов и квадратиков. Да, много чего полагается подвешивать на штурмовики. Полагалось... штатно.

Стив моргнул. Затем сглотнул, пытаясь убрать подступивший к горлу комок — и едва не подпрыгнул, когда в ушах у него противно тренькнуло, а многочисленные прицельные маркеры дружно рванулись в нижний левый угол экрана.

— Цель захвачена. Автосопровождение цели?

— Цели?

— Цель воздушная, низкоскоростная, неидентифицируемая, — сообщила прога и, «подумав», добавила: — На сигналы запросчика «свой-чужой» не отвечает.

Справа от проекции основной панели возник еще один небольшой экран — и при первом же вскользь брошенном на него взгляде Стива буквально передернуло.

На экранчик выдавалось увеличенное изображение цели.

Мухи. Большой красной марсианской мухи.

Изображение цели...

Стив нахмурился.

— Возвращение к точке старта, — скомандовал он и, не дожидаясь ответа, переключился в винду опер-оболочки, «развернул» файл инструкции и принялся торопливо пролистывать страницу за страницей.

Нужная ему инфра отыскалась на семнадцатой.

Всего на апгрейд «штурмовика» у Ростовцева ушло чуть меньше трех часов. Причем самой трудоемкой операцией оказался даже не процесс подвески шахтного маркера, как ожидал Стив, а объяснение проге автопилота, что есть большая красная марсианская муха и чем она отличается от прочих перемещающихся в поле зрения камеры объектов. В конце концов Стив просто-напросто подконнектился к базе Университета и слил на машину всю посвященную земным мухам инфру. Примерно третья гига. Сойдет. У интеллектроники мозги не греются — это вам не допотопные кремниевые схемы.

— Запуск.

Муха кружила по комнате уже двадцать минут. Большая.

«Хоть бы раз присела, зараза. Ну ничего...»

— Цель захвачена. Автосопровождение цели?

— Да.

Словно почувяв неладное, муха прервала очередную подпотолочную «восьмерку» и направилась к выходу.

— Цель в зоне действительного огня. Уничтожить цель?

— Да!

Полыхнула неяркая голубоватая вспышка, сопровождаемая сухим треском.

— Цель уничтожена, — сообщила прога, демонстрируя в качестве наглядного подтверждения пятикратно увеличенное изображение обугленного комочка на ковре. — Продолжить поиск целей в режиме патрулирования?

— Да.

Штурмовик неторопливо выплыл в коридор. Развернулся. Еще одна вспышка — и приближавшееся со стороны кухни жужжание мгновенно смолкло.

Стив улыбнулся. Улыбка эта медленно, словно лужа под протекающим пакетом, росла и ширилась, пока не захватила лицо Ростовцева целиком, став при этом весьма похожей на зловещий оскол.

«Сайт фирмы «Военно-историческое моделирование» приветствует Вас, уважаемый посетитель. Желаете ли Вы ознакомо...»

«Перейти к каталогу!»

«Желаете сделать заказ?»

«Да»

«Заполните бланк заказа. Тип заказываемых юнитов?»

«Воздушный»

«Подтип?»

«Коптер огневой поддержки “фаланга”».

«Количество заказываемых единиц товара?»

«20. Стереть. 50. Стереть. 30.»

«Тридцать, пожалуй, будет в самый раз, — подумал Стив. — Полсотни — это слишком оптимистично. Народ у нас ушлый, фишку просекут быстро... а вот тридцать «Анти-мушиных истребителей Ростовцева» разойтись успеют. Да, тридцать будет в самый раз».

На миг он откинулся в кресле. Потянулся, все еще продолжая улыбаться собственным мыслям — и замер, краем гляз уловив какое-то неясное движение на стыке стены и пола.

Медленно потянулся к сенс-панели. Свернул винду монделистов, вновь приконнектился к Университету. Быстро пролистал два десятка разделов — и снова замер, глядя на повисшую перед ним проекцию. Пятисантиметровая проекция старательно шевелила тремя парами лапок и куда более длинными усами.

«Свернуть. Развернуть. Назад. Назад. Назад»

««Заполните бланк заказа. Тип заказываемого юнита?»

«Воздушный. Наземный».

«Подтип?»

«Коптер огневой поддержки «фаланга». Мегатанк «дракула». Противопехотный дройд «гладиатор»...

— В-выжигать! — бормотал он. — В-выжигать.. всех... дочиста.

Юрий Погуляй

ЭКОЦЕНТР

Елена Разина

Здесь душно, очень душно, до одурения. За стеной низко гудит генератор. Такое ощущение, что воздух колеблется в такт со звуком. Все внутри дрожит от мрачного пения. Трудно дышать, болят измученные легкие. На полу легче, свежее...

Странно. Всегда казалось, что должно быть иначе...

Генератор лязгнул, закашлялся и вновь завыл тосклившую мантру.

Одежда мокрая от пота. Противная. Хочется содрать ее, выбросить, затолкать в дальний угол камеры.

Нельзя. Не хочу ублажать этих нелюдей. Они смотрят, надеются, что им доведется увидеть меня обнаженной. Унести мой образ с собой в койку и ласкать себя, вспоминая мое тело... Перебываются. Животные...

Сколько я уже здесь? Сутки? Двое? И что стало с Виталиком и Женей?

Зачем обманываю себя? Знаю же, что эти твари с ними сделали...

Виталик, Виталик, глупенький... Зачем ты свернул с трассы? Мог бы и догадаться, что сигналы о помощи всего лишь ловушка Бункера.

Сейчас ты мертв. Наверняка — мертв. И Женя тоже. Он был хороший, робкий такой, зеленоглазенький. С густыми, мягкими волосами...

© Ю. Погуляй, 2005

Почему я жива? Наверное, они подготовили мне что-нибудь особенное. Я же — предательница! Я посмела сбечь в Экоцентр!

Звери...

Артём Велин

Погиб Грязнов. Глупо... Неправильно... Полез в развалины супермаркета, споткнулся, инстинктивно схватился за торчащий из стены штырь, и в следующий миг на него рухнула крыша.

Пока разгребали завал, прошел час. Нервно поглядывали на датчики кислорода. Но откапывали.

Зря. Грязнову передавило шланг, и он задохнулся.

Баллон и маску забрал Олег. Ценные вещи. Военные, не гражданский мусор. В такое время приходится быть мародерами... Прости, Грязнов.

На обратной дороге к Бункеру видели Свору. Макаров отпугнул тварей короткой очередью. Псы ушли. Не бросились в рассыпную, как прежде, а медленно потрусили в сторону Экоцентра. Скоро совсем перестанут бояться. Даже думать не хочу, чем это обернется.

Впрочем, надеюсь, нам удастся уйти отсюда раньше. На востоке должно быть чисто. Там вроде бы не бомбили.

Не то что здесь.

У Экоцентра затарахтел пулемет. Автоматика... Свора им не страшна. К стенам ни одна собака не подойдет. А у Бункера тварей много крутился. Каждый раз выходим со страхом. Озверевшие домашние любимцы... Как только выжили — не понимаю. Датчики до сих пор показывают смертельный уровень заражения. А им все ни по чем...

Отчего-то представилась комната охраны в Экоцентре. И Игнат с чашкой кофе и сигаретой. Уткнулся в монитор, глядя, как на плоском экране пулеметные очереди рвут на части взбесившихся собак. Автоматика... Избранные могут спать спокойно. Им ничего не грозит. Ага.

Позавчера, думаю, самоуверенности у них поубавилось. Надолго запомню изумленное лицо Виталика, когда я с ухмылкой вошел в шлюз вездехода. Они даже не потрудились обновить базу распознавания «свой-чужой», и машина пустытила меня как хозяина. В то время как турели броневика равнодушно держали на прицеле бледного, безоружного Коляшу из Бункера, в упор не замечая ребят моего взвода. Чего беспокоится тупой технике? Вокруг все свои! Один лишь в базу не занесен. Коляша.

Виталик тогда сказал только одно слово:

— Как?!

А ты побледнела... Я, кстати, тоже опешил. Никак не ожидал, что ты посмеешь высунуть нос из твердыни Избранных!

Теперь же у нас есть вездеход и три заложника. Впрочем, на вас Экоцентру плевать, а вот машину попытаются вернуть... Но я надеюсь, что будет иначе.

У входа в Бункер два свежих трупа. Незнакомые... Скорее всего из третьего сектора. Там полудохлый генератор стоит.

— Оттащим? — глухо говорит Олег.

Киваю.

Грузный мужчина и пожилая, высушенная прожитыми годами, женщина. С ней проще. Макаров один относит ее тело к Яме. Там уже много мертвецов. Под сотню наберется...

Мужчину тащим вчетвером, стараясь не смотреть на изуродованное смертью лицо. Бросаем в почерневший от гари котлован.

Жгу тела из огнемета. Иначе Свора облюбует себе это место как кормушку и уже никогда отсюда не уйдет.

А ведь раньше тут ютилась детская площадка с пестрыми горками и качелями. Зона отдыха... Теперь здесь смердит заваленная трупами воронка. Рожденная очередной мудреной бомбой.

Лучше бы она накрыла Бункер...

Елена Разина

Подумать только, они кормят меня безвкусной порошковой кашей. Воды дают очень мало. Мутные, вонючие капли. Раньше лучше обращались. Мстят за то, что я сбежала в Экоцентр? Считают, что я обязана была разделить их участь? За компанию? Идиоты...

Ты же сказал им, что в Экоцентре есть десять свободных мест! Кто мешает дойти до настоящего убежища, а не гнить в этом... этом... этом склепе?

Тёмка...

Почему я пошла на этот выезд? Зачем напросилась к Виталику в патруль? И не злая ли шутка судьбы, что захватил нас именно ты?

Кто другой — не так больно... Но ты...

Самое страшное, что я жду тебя, Тём. Представляю себе нашу встречу. Вот, лязгает дверь, ты заходишь, устало проводишь рукой по волосам и спрашиваешь:

— Ну, что скажешь, солнце?

Ты всегда так говорил... Раньше... И я очень хочу еще раз услышать эти слова. Я даже знаю, что отвечу.

Но ты не приходишь... И мне страшно. А в двери холодно блестит глазок, и я чувствую, как сквозь него сочится звериная ненависть и торжество. Из-за прогнившей зависти.

Каждый житель Бункера мечтает попасть в Экоцентр. Но боится уйти, прикрываясь пафосными, лживыми мыслями: «А как же остальные!» А я сломила свой страх. Я не испугалась сказать правду. Каждый сам за себя, Тёмка.

Но ты вновь затащил меня в Бункер. Благодаря тебе, Артём, я задыхаюсь на грязном полу камеры.

А сквозь глазок струится ненависть.

Артём Велин

Восстановили связь с соседним убежищем. Там совсем плохо. Просят помочь едой. Как я могу это сделать? До них почти две сотни километров! Да и у нас с припасами тяжело.

Прокормить триста измученных людей и так непросто. И кишлорода не хватает.

Сказал, что самим несладко. Поверили. Сообщили, что видели самолет. Я тоже видел. Наш. Значит, где-то есть жизнь. Не может же он летать эти три месяца сам по себе!

С нами вновь связывался Игнат. Старший в Экоцентре. Требовал вернуть вездеход и заложников.

Я послал его на хрен, повторил условия. Обмен прост. Бункер отдает заложников — Экоцентр еще один вездеход.

Игнат уперся. Зазывал меня обратно. Угрожал военной операцией.

Я напомнил, что весь взвод охраны покинул Экоцентр вместе со мной и возвращаться не намерен. А те двое, что впоследствии сбежали — провести военную операцию просто не смогут.

Игнат попытался давить на жалость. Упоминал тебя, Лен.

А я внезапно вспомнил стеклянные глаза мертвого толстяка и Яму. И отключил передатчик.

Знаешь, в последние дни все время хочу курить. Нельзя, понимаю, но желание сводит с ума. Поэтому все чаще погружаюсь во воспоминания.

Помнишь, за день до войны мы стояли на набережной и любовались ленивыми чайками? Я дышал ароматом твоих волос, а ты смеялась над глупой птицей, неудачно плюхнувшейся в воду. Мы знали, что рано или поздно мир содрогнется в агонии. Но свято верили, что нас она не затронет. В преддверье судорог Земли вокруг спешно ремонтировались древние убежища, а над городом возвышался гений инженерной мысли... Экоцентр!

Он выбрал нас из тысяч кандидатов. Он познакомил нас. Он оказался сводником.

В памятную ночь, почти три месяца назад, взвыла сирена, и железный голос принял равнодушно вбивать в уши: «Внимание, воздушная тревога. Просим проследовать в убежище. Соблюдайте спокойствие. Помогите пожилым людям...» Сколько раз проводились занятия по гражданской обороне, сколько раз суровые инспектора наказывали прови-

нившихся во время учебных тревог! Мне казалось, что нет ничего проще. Взял вещи и пошел в выделенное тебе укрытие! Ну, это мне так казалось.

Паника поднялась сразу! Обезумевшие толпы людей, многоголосый вой... Искаженные ужасом лица живых, затоптанные тела тех, кто не удержался на ногах... Омерзительно.

До начала бомбардировки я торчал у входа в Экоцентр, умоляя всевышнего помочь тебе.

Ты так и не пришла. Когда взревела война, и город обрастился в полыхающий костер — я все еще стоял у шлюза. Ждал...

Из тех, кто оказался в городе, до Экоцентра не добрались только десять человек. Большая часть его и не покидала, а паре счастливчиков удалось просочиться во время урагана паники. Потери — всего десть человек... Минимально!

Но ты оказалась среди них...

Игнат сказал тогда, что почти все Бункеры в городе повреждены или уничтожены.

Но я все еще надеялся...

Елена Разина

Как душно. Пришлось снять кофту, и я с трудом сдерживаюсь от того, чтобы стянуть джинсы. Они смотрят, я знаю.

Недавно принесли еду. Боже... Какое емкое понятие — еда. Я не могу назвать эту бурду иначе. Пища, еда, питание... Сырье, необходимое для жизнедеятельности.

А принес ее Пашка... Павел Иглайускас... Один из твоих ребят, Тёма. И в его глазах ничего кроме презрения я не нашла. Но в чем я виновата? В том, что хотела жить? Я заслужила спасение в Экоцентре! Все справедливо! Не зря же проходила эти бесчисленные тесты, сдавала различные анализы, мучалась на десятках собеседований. Я была избрана!

Просто не смогла пробиться к спасительным стенам. Пройти сквозь гудящую, жаждущую спасения толпу. Мне не повезло! В то время, как ты сидел под защитой Экоцентра, я задыхалась в воющей человеческой массе!

Я слышала твой равнодушный голос, Тёмка. Думаю, что тебе нелегко было в тот момент, но и мне, поверь, совсем несладко. Ты походил на Бога, чей голос несется из громкоговорителя, просит следовать к прикрепленным по месту жительства убежищам, требует освободить проход к шлюзу Экоцентра, угрожает открыть огонь на поражение.

А я все пыталась протиснуться сквозь клокочущее человеческое море. Пока не увидела Карину... Помнишь ее? Рыженькая такая, из отдела культуры. Мы с ней сидели в кафе, праздновали прием в Экоцентр.

У меня в ушах до сих пор стоит ее крик:

— Пропустите! Пропустите! Мне можно! Я принятия!

Толпа бурлила яростью. Обезумевшая, голодная, заходящаяся в животном страхе.

Она разорвала Каринку на части.

И тогда заговорили турели Экоцентра.

Кровь... Всюду кровь.

Я бежала. В панике, подстегиваемая грохотом очередей, истошными криками и чавканьем пуль, входящих в ревущую плоть людской массы.

Я так и не поняла, как очутилась в Бункере. В древнем, подземном убежище с убогой техникой. Где генераторы работали на дизеле! А может и на другом, не менее убогом, то-пливе... Не важно.

Я оказалась среди смердящих ужасом людей, признанных Экоцентром — второсортными... Я! Избранная!

Артём Велин

Игнат согласился отдать вездеход в обмен на заложников. И опять завел шарманку о том, что Экоцентр может разместить у себя еще десять человек, плюс места взвода охраны. Я напомнил, что в Бункере три сотни уцелевших, или чуть меньше.

Он попросил отобрать достойных. В ответ я опять оборвал связь.

Достойных? Мне поручили роль Бога? Дабы я решил — кому жить, а кому нет?

Ну нет! Мне хватило той мясорубки у входа в Экоцентр. Но там я был лишь исполнителем, а не судьей. Так гораздо проще.

Кто больше достоин — молодой аспирант или пожилая подслеповатая уборщица? Взъерошенный напуганный рабочий или хрупкая, дрожащая продавщица кондитерской? Десятилетий мальчик или впавший в старческий маразм отставной военный?

Кого в расход?

Нет, лучше попытать счастья на востоке... Может, удастся дойти всем.

С другой стороны один вездеход может перевезти сотню человек. Это в Экоцентре по трое катаются. Вместительность на самом деле гораздо больше.

Два вездехода — двести человек...

Десять... Ну, если вычесть нас, охранников, то тридцать — в Экоцентр. Детей.

Еще семьдесят...

Распихаем по вездеходам. Потерпят!

А еще есть «ушан». Танк УШ-10, чудом уцелевший после бомбардировки военной части в четырех километрах отсюда. Там еще твой брат служил, Лен... Представь себе — среди выгоревших остовов техники и груд мусора, раньше олицетворяющих мощь армии, понуро красовалась потемневшая от пламени рабочая машина.

Вот только топлива в баке «ушана» надолго не хватит...

Ничего. Пригодится.

Елена Разина

Опять приходил Паша. Вытолкнул сквозь зубы:

— Они вас обменяют. Радуйся. Будешь жить.

Я и впрямь обрадовалась, понимаешь? Гнить в затхлом склепе, когда меня ждет уютная комната с мини-баром? Ради

чего?! Любовь, милый, приходит и уходит... А в шалаше долго не живут! Да и воздух в раю почище...

Бросив взгляд на мои голые ноги, Паша поморщился:

— Одевайся...

И вышел.

А я заплакала. Почему? Не знаю. Нет, знаю, но не хочу думать об этом...

Наверное, потому, что в тот день, когда Бункер впервые вышел на связь с Экоцентром, у передатчика дежурила именно я.

А на другом конце захлебывался от счастья твой голос:

— Ты жива! Солнышко ты моё! Ты — жива!

— Тём, — рыдала я в ответ. — Тём... Забери меня отсюда...

Через два часа у входа в мое проклятое убежище остановился твой вездеход...

Два десятка солдат высыпали наружу, сноровисто занимая круговую оборону. Свора, — эта обезумевшая стая собак, — с каждым днем наращивала мощь, подбираясь к Бункеру все ближе.

Когда ты вошел в шлюз, тебя встретили дети... Знаешь ли ты, что их специально послали вперед, надеясь поиграть на твоих чувствах, Тёма?

Я стояла позади ребят и видела, как дрогнуло твоё лицо.

— Сколько, — севшим голосом спросил ты.

— Четыреста человек...

Может быть, именно в тот момент я поняла, что любовь тебе больше не нужна. Ты вновь решил геройствовать. Доказывать кому-то свое благородство! Ты не подумал обо мне. Тебе оказались важнее незнакомые люди!

Артём Велин

Как я мог сделать то, что собирался? Забрать тебя и вернуться в Экоцентр? Под взглядом сотни детских глаз отступить и спрятаться под защиту пулеметов Избранных?

Разумеется, я связался с базой и доложил обстановку.

Игнат долго молчал, но я знал его ответ заранее. Десять мест. Десять жизней... Мы можем забрать только десять человек.

Остальные умрут. Бункер рассчитан на двести жильцов, а тут их ютилось четыре сотни. Сейчас уже меньше...

В тот момент я представил себе, что будет, когда придется выбирать. Вспомнил грохот турелей и падающих людей. Не верю в благородство окружающих. Стоит отобрать десять человек, и остальные, отчаявшись, превратятся в много головое чудовище. Не хочу.

У нас был вездеход и данные о чистых землях на востоке. Триста километров. Шесть часов пути. Все просто. Но топлива на обратную дорогу не хватит. В ангарах Экоцентра стояло еще два вездехода, но этого все равно мало.

Я остался. И взвод в угрюмой солидарности меня поддержал.

Я ждал твоей улыбки. Но наткнулся лишь на слезы и обиду. Думал, ты поймешь позже. Ведь без нас Бункер вымер бы быстрее.

Ты не поняла.

И однажды утром у шлюза не оказалось нашего вездехода.

Двое моих ребят тоже пропали. Я их не винил, новенькие в отряде. Но простить тебя не смог.

Так что я здесь из-за тебя, милая...

Елена Разина

Да! Да, я угнала вездеход. И помогли мне твои же солдатики. Они не хотели умирать и видеть вокруг только смерть. Ты подумал о них? Ты подумал о братьях по оружию? Ты подумал обо мне?! Нет! Тебе понравилась роль обиженного! Тебе захотелось быть ближе к народу! Наслаждайся!

Я — не народ! Меня избрал Экоцентр. И тебя тоже!

Ты не поможешь им. Они обречены. И ты вместе с ними...

Артём Велин

В молодости, до войны, у меня была собака. Крепкая, благородная немецкая овчарка. Сколько себя помню — рядом она. Встречала сначала из школы, потом из техникума, потом из института. А потом начала слабеть. Старость и рак матки, как сказал врач.

Я ее усыпал. Сидел на полу и гладил уснувшую от укола Дину, а небритый ветеринар молча заправлял шприц, чтобы убить мою красавицу.

Да, ее не держали лапы, да, она почти не ела...

Но она жила!

Потом укол, судороги, распахнутая пасть, вываливающийся язык...

Только в этот момент я понял, что убил ее. Ведь могла умереть сама, может быть спокойно, без боли.

До сих пор перед глазами стоит та картина. Выгнувшаяся дугой собака, широко раскрытые глаза, смыкающиеся-размыкающиеся в агонии челюсти. И бледный язык...

Была ли эта смерть во благо? Не знаю!

Теперь передо мною оказались люди, которые все равно умрут, и я мог стать тем самым ветеринаром. Облегчить их страдания. Патронов хватило бы на всех.

Но я не мог.

Если есть шанс — надо его ловить. И держать.

А ты сбежала...

Сегодня я вновь говорил с Игнатом. На просьбу о третьем вездеходе он проорал в микрофон, что я идиот. Что все равно никто не доберется. А если и удастся — подохнут от голода.

Я кивал, зная, что он меня не видит, да, такое может быть. Но это шанс. Пусть и мизерный, но шанс.

Договорились на вечер, у входа в Экоцентр. У этой несокрушимой громадины, спокойно выдерживающей удар ядерной боеголовки. У оплота жизни со всеми удобствами. Там есть кофе, есть чай, есть первое-второе-третье. Даже лесопарковая зона имеется...

И все это принадлежит четырем сотням избранников. Среди них дай бог половина заслужила оказаться под защи-

той нерушимых стен. Остальные пробились по блату или просто купили себе тепленькое местечко.

Я это знал...

Тратить топливо вездехода не стали. Шли пешком. Ты шагала впереди всех, за тобой плелись Виталик и Женя, а следом топали мои ребята. Они ведь и охраняли вас, по большей части, от возможной атаки Своры! Не конвоировали... Берегли!

Я прикрывал тыл, высматривая среди развалин псов.

Можно сказать, я все понял, когда не увидел вездехода у вашего шлюза...

Понял, но ничего не успел...

Елена Разина

Ты, конечно, был уверен в своей силе. Уверен в том, что победил. Что ограбил друзей на две необходимые машины.

Ты ошибся. Просто плохо знал Игната. Он — гений. Он прекрасно знает, чем обернется потеря вездеходов. Правда, даже тупой сообразил бы.

И встречающий нас нервный охранник, один из твоих ребят, кстати, лишь подтвердил мои подозрения.

А ты растерялся. Ты ничего не понимал. Ты никогда не отличался сообразительностью, я даже не знаю, как тебя допустили в Экоцентр!

Даже когда мы побежали к шлюзу, ты стоял словно истукан, а твои ребята напряженно ждали команды.

И только когда хором застучали турели — ты что-то крикнул... Мне показалось, что ты просил вернуться. Так, наверное, и было... «Вернись»... Да?

Артём Велин

— Ложи-и-ись! — взревел я тогда, падая на землю и стаскивая с плеча автомат. Пулеметные очереди срезали сразу пятерых ребят, среди них находился и Олег... Помнишь его, нет? Думаю — вряд ли...

Раненый Макаров костерил весь белый свет, стараясь укрыться за телом убитого товарища. А из динамиков лились слова Игната... И почему я помню каждое ругательство Макарова и никак не могу ухватить в памяти хоть одно слово командира Экоцентра?..

Турели замолчали, едва заложники оказались в шлюзе.

Из звода в живых осталось лишь три человека...

Я, Артёмьев и Гусев...

Макаров умер по дороге к Бункеру...

Знаешь, оказывается, я только сегодня узнал, что такое ненависть...

Елена Разина

Игнат плакал. Когда я увидела его — он плакал. Понимаешь ли ты? Представляешь ли?

Он боялся за каждого из нас, боялся за Экоцентр. Он не видел другого выхода. Он знал, что ты так просто нас не отпустишь. Под твоим началом было двадцать солдат. Не ахти, конечно, каких, но все же — солдат... Ты мог разрушить все, понимаешь? Думаю, ты считаешь его полной сволочью. Жадной и подлой. Он не такой

Сволочи не рыдают...

Ты сам не оставил ему выбора, Тёма. Не оставил...

Артём Велин

Артёмьева и Гусева я отправил на восток. На вездеходе. Вместе с ними уехали двадцать мужчин, сорок женщин и сорок детей. Все точно, как в табеле. Мерзко. Мне пришлось все же стать судьей. Молодые. Поедут только молодые...

Подумать только, я уподобился зверям, придумавшим Экоцентр. Я решал, кому жить, а кому, возможно и нет...

И знаешь, я понял, что был глупцом. Да... Я ждал, что отсевшие люди бросятся вперед, начнут убивать выбранных. Этого не случилось. Да, темнели глаза, да, раздавался плач...

Но никто не попытался оспорить мое решение...

А я отбирал только молодых и сильных... Говорил, что вездеход вернется за оставшимися. Врал...

Артёму и Гусеву был дан четкий приказ — назад не возвращаться... Выйти из зараженной зоны и пытаться выжить.

Больше никто об этом не знал...

Я дал людям надежду. Это мания величия? Я судил, я выбирал...

Одно большое Я!

Когда вездеход ушел — в секторах стало легче дышать. Эти генераторы кислорода (двадцатого, что ли, года) неожиданно начали справляться со своей работой.

Но еды все равно осталось от силы на неделю.

Они умрут. Но у них есть шанс... Есть...

И ты знаешь, в чем он заключается. Думаю, ты даже видишь его... Сейчас...

Елена Разина

Будешь смеяться, но я ожидала от тебя нечто в таком духе. Но была уверена в Экоцентре... Ошиблась. А вот Игнат впал в ступор, признаюсь. Он, если честно, и не понял ничего, когда ты уничтожил автоматические турели. На радарах пустота. И тут — череда взрывов, и ни одна пушка уже не работает...

Когда у шлюза появился танк-невидимка — весь Экоцентр знал, кто в нем сидит...

Артём Велин

Да, «ушан» оказался весьма полезной находкой. Идеальная машина разрушения. И управляется легко. Сплошная автоматика. Знай себе — жми на кнопки.

Вот только топливо на нуле. Но мне хватило. Хватило на снесение проклятых турелей, на путь до шлюза.

Забавно, знаешь ли... Экоцентр — несокрушим для бомб. Неуязвим для новомодных спутниковых систем. А простенький «ушан» смог выжечь в проклятом шлюзе аккуратную дырень. Правда, я почти полностью посадил аккумулятор. Но ведь пробился внутрь!

И ладно бы только это... Ладно бы... Инженерный гений не догадался устроить твердыню Избранных из сегментов... Всего один шлюз и зараженный воздух проникает во все уголки Экоцентра!

Как вы верили в свою неуязвимость! Смешно!

Воистину — Ахиллесова пята. Мне оставалось только ждать, когда вы все сдохните...

И я был к этому готов.

Елена Разина

Знаешь, до сих пор не могу поверить, что я любила такое чудовище, каким ты оказался... Ты хорошо знал Экоцентр. Тут тебе не откажешь. Знал систему безопасности... Знал, что зараженный воздух убивает почти мгновенно. В первые десять минут погибли почти все жители. Игнат, кстати, тоже. Человек, наверное, шесть, успели использовать средства защиты... Но ведь ты хорошо знал, что они не ровня боевым маскам, да? Так, часа четыре протянет игрушка, а потом ищи следующую...

Ты ждал нас у шлюза. Я видела на мониторах, как уцелевшие вышли наружу с поднятыми руками — а ты хладнокровно их расстрелял. Видела. И потому решила не доставлять тебе удовольствия.

Артём Велин

Интересно, сколько вас выжило? Думаю, немного. Очень немного. Или вообще никого?

Я уже послал сигнал в Бункер, и сейчас сюда идут пятеро добровольцев. За вездеходами. Они их получат. Получат свой шанс...

Почему-то я не чувствую вины в содеянном. Вы хотели выжить за чужой счет. Отсидеться за стенами.

Не удалось...

Становится душно. Двигатель «ушана» давно умер, аккумулятор полностью сел, система воздухоснабжения отключилась. Танк мертв...

Мне даже люк не открыть. Автоматика! Я сижу, пялюсь в мутное обзорное стекло (оно, кстати, пуленепробиваемое — я проверил) и жду...

У меня есть еще одни баллон с кислородом, но он лишь немного отсрочит мою смерть.

Если ты жива — выходи. Увижу тебя напоследок, что ли...

Жаль, что мне так и не удалось поговорить с тобой.

Как я устал...

Елена Разина

Это глупо. Глупо... До невозможности. Сколько еще я буду здесь сидеть? Сколько еще ты будешь держать меня тут? Ты ждешь... Я знаю. Я чувствую. Ждешь, когда я выйду...

Сидишь в своей консервной банке, как паук в паутине и караулишь.

А мне некуда деться!

Артём Велин

Стекло запотевает, приходится постоянно протирать его мокрой от пота рукой. Все как сквозь воду. Мертвый шлюз, трупы у входа. Знаю, что тебя среди них нет. Я б узнал.

Выходи...

Пулемет не работает. Ничего не работает.

У меня есть только автомат, но я уже говорил тебе, что стекло пуленепробиваемое...

Выходи, любимая...

Елена Разина

Кислород на нуле. Можно заменить баллон. Их тут в достатке, но какой смысл? Теперь...

Я выйду... Я уже иду...

Артём Велин

Выходи, любимая...

Елена Разина

Черная машина твоего танка, Тёма, на фоне городских развалин смотрится жутко. Даже трупы в проходе не так ужасают.

Интересно, мне показалось, или когда я вышла, в недрах железного монстра раздался глухой щелчок?

Я тут, Тёма, стреляй... Вот я! Стою перед жерлом орудия. Достойное я себе место выбрала, правда?

Стреляй! У меня кислорода еще на минуту!

Стреляй!

СТРЕЛЯЙ!!!

Да стреляй же, мать твою!

Стреляй...

Пожалуйста... Я не хочу умирать... так... Я не хочу... я не успею за баллоном...

Стреляй, любимый!

Илья Артемьев

Видимо нам врали. Датчики все равно показывают высокий уровень загрязнения за бортом. Гусев нервничает, но молчит. Но я вижу, как он косится на мигающий индикатор топлива.

Мы проедем еще пять километров, и вездеход умрет...

Даже думать не хочу, что будет дальше...

НОВЫЕ ЛЮДИ

Виталий Романов

A PRESTO, CARO MIO *

23 марта 2071 года

Здравствуй, любимая Катрин!

Пишу в страшной спешке, мне дали лишь несколько минут. Когда получишь письмо, ты будешь все знать из лент новостей. Первый лунный канал вновь и вновь крутит сюжет о катастрофе лайнера «Капля грез». Вижу это на экране, сквозь матовые стекла камеры временного содержания. До отхода полицейского катера совсем немного, меня уже торопят.

Господи, почему я не взял отпуск после рождения мышки Вероники?! Катрин, милая, прости! Тебе следовало меня уговорить. Впрочем, ты ни в чем не виновата. Это моя ошибка. Страшная ошибка. Но рассчитаться за нее придется и тебе, и нашей крошке. Почему я не послушался?! Катрин, подумай, может следует оформить развод прямо сегодня? Возьми девичью фамилию, и пусть ее носит Вероника.

Прости, Кэт. Держись. Держись, пожалуйста. Тебе надо быть сильной, стерпеть все, вынести. Ради Ники. Обнимаю. Целую. Напишу, как только смогу.

Вечно твой, Мартин.

© В. Романов, 2005.

* А presto (итал. разгов.) — «до скорого».

25 апреля 2071 года

Здравствуй, милая Катрин!

Помнишь год, когда мы начали встречаться, но еще не жили вместе? Иногда было так трудно расстаться, даже не-надолго. Мы, как герои любимого фильма, говорили друг другу «*a presto, caro mio*», надеясь на скорую встречу. Здесь много свободного времени, и мне часто снятся те дни. Да, милая Кэт.

И еще снятся люди, пассажиры «Капли грех».

У меня все стабилизировалось. За такое преступление, какое я совершил, дают пожизненное заключение в колонии со специализацией. Исходящая почта контролируется смарт-анализатором, это интеллектуальная компьютерная система. Железяка следит, чтобы в корреспонденции не было никаких данных о месте содержания преступника (то есть меня), названий планет или чьих-то фамилий, многого прочего, о чем говорить не хочется.

В общем, корреспонденцию отправляю не я, а робот. Заключенного даже не ставят в известность, ушло письмо или было отклонено. Поэтому стараюсь писать аккуратно, ведь эти весточки — единственная связь между нами.

Знаю, ты пыталась добиться свидания, но получила отказ. Любимая, не трать понапрасну силы или (не дай бог) деньги — встреча невозможна. Свидания запрещены, ко мне не допускают не только родственников, но и репортеров. На моей совести жизни двадцати восьми пассажиров «Капли грех». А ведь там, кроме геологов, были женщины и дети — семьи разработчиков...

Господи, прости меня!

Кэт, обязательно оформи развод, если еще не сделала этого. Вероника не должна нести клеймо дочери убийцы.

На этом прощаюсь. Целую. Держись, Катрин.

Вечно твой, Мартин.

1 июня 2071 года

Здравствуй, милая Кэт!

Я здесь почти три месяца. Три месяца, как мы не виделись. И впереди еще бездна — старожилы говорят, что таким как я, могут дать свидание с родственниками не раньше чем через пять лет полной изоляции. Тебе приходится нелегко, да? Оформила развод? Впрочем, ты не можешь ответить.

Конечно, ты хочешь узнать, что же произошло в тот день, 23 марта, на Луне. Теперь, спустя время, я немного пришел в себя, и могу говорить о трагедии.

Катрин, все банально и глупо. Я принял на борт пассажиров и отходил от причала... Помнишь, как незадолго до этого забрал тебя и малышку Ники из роддома? Девочка не давала нам спать первые дни. Возможно, ты, Кэт, была права — накопилась усталость, я не почувствовал вовремя, понадеялся, что хватит здоровья. Ты просила взять отпуск или хотя бы отгул, а я все равно пошел в рейс, не хотел рисковать, действовать против воли босса. Казалось — такой пустяк, ведь не на трассу «Луна — Земля», лишь перекинуть группу пассажиров с базы на точку...

Нет! Я не уснул за штурвалом, Катрин, не верь тому, что говорят! Просто на несколько секунд утратил необходимую концентрацию внимания, выполняя маневр. Автопилот не был включен. Контроль-мачта вошла в пассажирский отсек, словно иголка в мягкую игрушку. Там не выжил никто. Только я. Только я, Кэт, виновник трагедии. Ходовая рубка «Капли грез» была отделена от пассажирского отсека непроницаемой перегородкой. Вот так...

Я убийца, Катрин.

Не плачь, держись. Ты у меня сильная.

Обнимаю. Вечно твой, Мартин.

23 марта 2072 года

Здравствуй!

Прошел год, и я привык к новой жизни. Тут, со мной, есть хороший человек, он научил правильно относиться ко

всему, что случилось с «Каплей». Знаешь, Кэт, поначалу мертвые пассажиры лайнера приходили ко мне во сне. Вот только закрою глаза — и они рядом. За спиной, вокруг. Я — в ходовой рубке, тяну штурвал изо всех сил, рвутся связки, но чертова мачта беззвучно входит в корпус лайнера...

Друг научил относиться ко всему спокойно. Знаешь, Кэт, теперь я понимаю: он прав. Посмотри, мы всю жизнь мечемся из стороны в сторону, с трудом проживаем один день, чтобы вползти в следующий, который тоже не принесет радости. Мы испытываем разочарование за разочарованием, но вновь и вновь начинаем все сначала. Гонимся за лучшей жизнью, за чем-то недостижимым, абсурдным, ради этого гнем спину на босса, но то, к чему стремимся — химера. Этого невозможно достичь.

А те, с «Капли грез»... Их мучения закончились в один миг. Может, оно и лучше?

Не жалей меня, Кэт. Здесь хорошо. Гораздо спокойнее и комфортнее, чем в той (обычной для тебя) жизни. Кстати, лучше не ищи свиданий. Их не дадут. А если бы и дали — зачем?

Думаю, сама понимаешь: героизм и самопожертвование ни к чему. Я останусь здесь до конца своих дней. Ты — молодая, симпатичная женщина, и не надо быть одной. Найди другого мужчину.

Счастливо, Катрин! Напишу как-нибудь при случае.

25 марта 2074 года

Привет, Кэт! Чуть не забыл чиркнуть несколько строк, а ведь тут на днях был юбилей — три года с момента истории с лайнером «Капля грез» (кстати, ха, какой идиот дал посудине местных рейсов такое дурацкое название?!).

Новостей — никаких. У меня жизнь идет нормально, по плану. Говорят, я мог бы вскоре подать документы на получение свидания. Но зачем? Абсолютно уверен; тебе следует выстраивать жизнь без меня. Найди мужика, если еще не сделала этого. Сделала? Правильно!

Пока, Кэт!

11 марта 2081 года

Сегодня Веронике 10 лет. Жаль, не видел дочь взрослой. Впрочем, какой я ей отец? Иногда и сам не верю. Она выросла без меня и лица-то не вспомнит. Кстати, твои и ее черты постепенно стираются из памяти.

Надеюсь, у вас все хорошо.

У меня — порядок. То, что окружает, давно стало реальностью. Привычной, естественной жизнью. Такой, какая и должна быть. Все, что происходило до нелепого случая с «Каплей грез» — воспринимаю как сон. Кстати, он приходит ко мне реже и реже.

Даже не знаю, когда напишу в следующий раз. Счастливо, Катрин!

11 марта 2091 года

Любимая моя, единственная Катрин!

Ты прочтешь это письмо в день двадцатилетия нашей дочери, моей дорогой Ники. Милая Катрин! Это послание, равно как и все прочие, что ты получила от меня, написаны 26 марта 2071 года, на третий день после жуткой трагедии с лайнером «Капля грез».

Ты, наверное, не сразу поверишь, но все это правда. Мартина давно нет в живых, Кэт. Тогда, в моем настоящем, а в твоем далеком прошлом, мне дали три дня на размышление: либо пожизненная ссылка на урановые рудники, либо смертная казнь. Но, во-первых, на рудниках люди долго не живут и умирают в страшных мучениях (рассказали коллеги по «пересылке»), а во-вторых, я допустил чудовищную ошибку и должен за нее заплатить. Ведь я себя не простил.

Выбрал смертную казнь. Извини, все время сбиваюсь с прошлого времени на настояще, ведь там, в будущем, которое через двадцать лет, ты читаешь мое письмо и оно рассказывает о давно прошедших днях, но для меня это все живое. Единственное, что у меня есть.

Ты удивишься, что никто не рассказал тебе о вынесенном приговоре... Такова была моя последняя воля — воля приговоренного к смертной казни. И я хочу объяснить, почему так поступил.

Замечала? Мы привыкаем к людям постепенно, медленно, часто не понимая, какую важную роль тот или иной человек начинает занимать в жизни. И лишь когда он уходит — резко, сразу, навсегда — испытываешь боль. Словно отрезают кусок тебя самого.

Прости, может это выглядит глупостью, я не хотел причинять тебе страданий. Показалось, если умру в твоем сердце не сразу, а медленно — постепенно уходя «в тень», — получится не так больно.

Не знаю, правильно это или нет. У меня было три дня на размышление, и все это время я почти не спал, раз за разом возвращаясь к трагедии. Милая, любимая Катрин, я предположил солгать, написав несколько писем с разными датами, которые смарт-анализатор должен был отправить тебе в указанные сроки. Верю, так и произошло. Это моя последняя воля, а последняя воля приговоренного — вещь, которая здесь исполняется неукоснительно.

Прости за все, особенно за письма, которыми сознательно пытался оттолкнуть тебя. Не было другого выхода. Надеюсь теперь, спустя двадцать лет, не будет так страшно и больно читать главное: я не могу написать в конце этого послания «*a presto, caro mio*». Точно знаю, мы никогда не встретимся. Твоему бывшему мужу осталось жить лишь несколько часов.

А у тебя все должно быть отлично. И у тебя, и у Ники, Верю, я выпил чашу невезения — за всю семью — до дна. Может, у Ники даже есть брат или сестра? Хорошо бы, чтоб у девочки был отец, да не такой неудачник. Поцелуй Нику за меня, но ничего не говори, пусть она будет счастлива.

Ждут, чтобы привести в исполнение приговор. И это правильно.

Прости, любимая! Прощай!

Вечно твой.

Виталий Романов

ПОЦЕЛУЙ СЕРЕБРИСТОЙ ДЫМКИ

Днем море часто волновалось, а потому идти по пенным гребням было трудно. Оль двигалась медленно, внимательно глядя под ноги. От берега до цели путешествия — совсем немного. Сначала — над отмелью, где сквозь прозрачную воду хорошо видны раковины на песке. Потом — над темной холодной глубиной, в которую можно взглянуться до рези в глазах, но дна все равно не различишь. В конце — самый трудный участок, среди черных камней, часть из которых пряталась в толще вод, а часть высаживала наружу острые верхушки. Девушка знала дорогу до огромной скалы наизусть, ей приходилось много раз преодолевать этот путь...

Осторожный шаг. Еще один. Море не любит шутить.

— Здравствуй, Санат! — шепнула девушка, прижимая руки к груди.

Черная скала, о подножие которой разбивались волны, не ответила. Пенные хлопья сползали по уступам, мокрые камни, покрытые тиной, то появлялись над поверхностью, то пропадали в глубине.

— Здравствуй, Санат! — повторила Оль. — Вот я пришла. Снова.

В недрах каменного гиганта бушевал огонь, время от времени сквозь трещины с шумом вырывался дым. Казалось, черный великан вздыхает.

Налетел ветер, растрепал длинные волосы девушки.

— Я люблю тебя, — мокрые пряди упали на лицо, мешая смотреть.

«Люблю ли я? — засмеялся Санат. — Что такое любовь, Оль? Выдумка? Химера? Есть ли она на самом деле?»

Скала молчала, как десятки раз до того. Черные клубы дыма поднимались к небу.

«Не любишь! Ты не любишь! Иначе остался бы!»

Девушка отбросила непослушные волосы в сторону. Протянула вперед ладонь. Хлопья сажи, падавшие сверху, ложились на полупрозрачную кожу.

«Оль, я не умею говорить красивые слова. Быть может, не умею чувствовать так, как ты. Но, если любовь — готовность умереть ради человека, который дорог, я люблю...»

— Прости, — едва слышно прошептала девушка, часто-часто моргая глазами.

Черный великан не ответил.

В полдень у воды не так жарко, как в глубине острова. Санат любил приходить именно в это время, когда дымка стелется по поверхности, подползая к самому берегу...

Там, где неглубоко, море прогревалось хорошо. Санат вошел в теплую прозрачную воду, сделал несколько шагов вперед, приблизившись к серебристой дымке вплотную.

— Здравствуй, Оль! — тихо произнес он, зачерпнув ладонями влагу и клубящийся туман.

Если плотно сжать пальцы? Не выпускать, не давать исчезнуть? Удержать.. Вода — капля за каплей — возвращаясь обратно. Санат глядел на то, что оставалось в руках. Как только последняя капля слилась с морем, растаяла и дымка.

— Оль... — грустно сказал он. — Ты до сих пор не простила меня?

«Нет! — крикнула Оль, отступая назад, шаг за шагом. — Нет, Санат! Я люблю тебя. Люблю! Почему не веришь?»

Лицо мужчины, стоявшего в воде, скривилось от боли.

«Докажи! Останься со мной...»

— Прости, Оль... — шепнул он, закрывая лицо руками.

«Я люблю! — ответила девушка, исчезая вдали. — Но я врач, понимаешь? Кроме любви, есть долг. Клятва. Я обещала помогать людям!»

Санат медленно побрел к берегу, опустив голову. Выбравшись на песок, оглянулся. Дымка все так же висела над морем.

— Я люблю тебя, Оль, — вымолвил Санат. — Ты моя единственная...

Море не ответило, промолчал и серебристый туман. Как всегда. Санат упал на горячий песок, лицом вниз. Лежать... Лежать. Ничего не помнить.

— Не получилось! — с досадой произнес Зулон, прерывая гипносеанс. — Они не поверили!

Тихо бормоча под нос ругательства, ученый снял с головы шлемофон. Зулон невольно кинул взгляд на большой экран: море, накатывающееся на низкий песчаный берег острова, человек, лежащий вниз лицом...

— А чего ты ждал?! — спросил он себя, отключая установку.

Серебристая дымка. Мгла сделала несчастными Оль и Саната. Мужа Оль звали Тер, он был космодесантчиком разведотряда. Его корабль одним из первых обнаружил странную субстанцию, приближавшуюся к планете. Тогда никто не подозревал, насколько опасна серебристая дымка, чья траектория пересекла орбиту Земли. Тер сгорел в звездолете, как несколько других пилотов разведки. С этого началась борьба землян, борьба, обернувшаяся поражением. Люди еще не знали: ни один из кораблей, посланных навстречу гостю из бездны, не вернется.

Серебристая мгла пришла на Землю. Именно тогда погибла Исима, жена Саната. Врач по профессии, она шагнула в молочный искрящийся туман, поглотивший город. Исима надеялась вывести живым хоть кого-нибудь. Но исчезла сама. Это было до того, как дымка окутала всю планету...

Выжили немногие. Еще меньше осталось тех, кто способен дать здоровое потомство. Зулону необходимо было со-

единить Оль и Саната. Мужчина и женщина не пострадали, если не считать того, что серебристая мгла отняла у них любимых. Лишила памяти о близких людях, оставив им чувство, словно в наказание... Любовь к Исиме и Теру, которых они не могли вспомнить.

Но можно внушить Оль, что она всегда любила Саната, а Санату — что Оль была его женой. Обойти преграду... Зулон пробовал воздействовать на молодую женщину, затем на мужчину.

— Не получилось! — сбрасывая очки, выпалил Зулон. — Дурацкая игрушка!

Парень резко поднялся с места, покачнулся. Переход от иллюзорного мира к реальности не был легким. Зулон устоял, найдя опору в виде спинки железного стула. Пот выступил на лбу, на спине, стало неприятно и гадко. Одно из последствий пребывания в дымке — теперь он часто потел, да так обильно, что одежда промокала чуть ли не насквозь.

Отдышавшись, парень двинулся к расчетчику.

— Не получилось? — улыбнулся тот. — Жаль... Пять монет, твой залог, остаются у меня. Приходи еще!

Зулон ничего не ответил, тщательно проверяя застежки плаща. «Дурак ты, расчетчик, — подумал он. — Играют не всегда для того, чтоб уйти с деньгами».

Парень ненавидел сборщика монет, но поблизости не было другого заведения. Зулон не мог без «Серебристой дымки», одной из немногих игр, что была написана *после*.

Все другие напоминают жизнь. Крови хватает на улицах... Кисти рук, утратившие подвижность после контакта с «туманом», двигались медленно, с трудом. Зулон провозился несколько минут, прежде чем застегнул плащ так, как следовало.

Первую дверь бункера распахнул охранник. Молодой парень — чуть старше Зулона — работал недавно. Когда уличная банда из соседнего квартала пыталась штурмом взять заведение, приносившее хороший доход, уцелел только Хозяин... И компьютеры. Едва ли не единственные в городе.

Створка с лязгом захлопнулась, Зулон аккуратно потянул вторую дверь, проверяя дозиметром уровень радиации снаружи. Все было нормально. Лишь в ветреные дни, когда поднималась пыль, сказывалось влияние серебристого тумана.

Зулон шагнул на улицу, тихо прикрыл дверь. Посмотрел на небо и зябко передернул плечами. К вечеру становилось холодно, Солнце почти не выбиралось из туч...

Мимо торопливо проковылял чужак. Он бросил взгляд на Зулона, и парень отметил, что зрачки беглеца расширены от страха. Зулон догадывался в чем дело. Чужим не место на улицах Резоуна. Тут не хватает еды. Послышались возбужденные голоса, хриплое учащенное дыхание преследователей. Зулон усмехнулся. Банда Чистильщика хорошо знает дело...

Чужак вскрикнул, увидев погоню, заковылял быстрее, но Чистильщик не зря считался одним из лучших уличных воожаков Резоуна. Он находил среди выживших отличных скороходов. Те всегда догоняли жертву.

Несколько серых теней промелькнули мимо Зулона, до парня донесся отчаянный крик, превратившийся в визг. Прокромал Чистильщик, дружески подмигнув Зулону. Главарь не торопился. Он знал, что чужака догнали, но тот еще жив.

Зулон стоял, прислонившись спиной к двери, вдыхая пропитанный влагой воздух... Стон чужака перешел в хрип, потом все стихло. Холодные капли время от времени падали на лицо Зулона, и он поправил капюшон.

— Оттуда? — Чистильщик появился рядом, сжимая окровавленный нож. — Играли?

Парень молча кивнул.

— Шел бы к нам, — покачав головой, сказал главарь. — Из тебя получится отличный ходок. Ноги целы. Ты опять проиграл, оставил монеты Хозяину.

— Я видел море... — прошептал Зулон. «Играют не всегда для того, чтоб выиграть». — Настоящее море.

— Глупец, — хрипло засмеялся Чистильщик и вдруг стал надрывно кашлять. Он схватился за стену, согнулся пополам, пытаясь справиться со спазмами. Отдышавшись, за-

кончил: — Глупец! Нет никакого моря. Нет и никогда не было. Есть только это, — главарь махнул в сторону полуразрушенных домов, улицы, покрытой грязью.

Зулон молчал.

— И еще вот это! — Чистильщик показал нож, на лезвии которого темнела кровь чужака. — Все остальное — бред.

Главарь присел на корточки, трижды воткнул клинок в землю. Выпрямившись, проверил пальцем чистоту металла, удовлетворенно улыбнулся, — Подумай, Зулон.

Парень посмотрел на серое небо, поплотнее закутался в плащ и быстро пошел домой. К ночи становилось опасно, даже на тех улицах, что контролировала банда Чистильщика. Следовало как можно скорее добраться до укрытия.

— Дикое, нелепое видение, — Санат привстал с песка, огляделся по сторонам.

Оль давно убежала прочь. Наверное, собирать раковины. Оль всегда заботится о еде...

Как он уснул? Глупец! Санат вскочил, пытаясь сообразить, в какую сторону отправилась подруга. Море давно стерло с влажного песка ее следы. Волны накатывались на пустынный берег, неспешно отступали прочь, обратно в темную бездну. Над поверхностью клубилась серебристая дымка.

— Оль! — крикнул Санат. — О-о-оль!!!

«*Нет никакого моря. Нет и никогда не было*».

— Бред, — пробормотал он, стряхивая песок.

«*Мы будем счастливы. Не сейчас, позже...*» — шепнул голос Оль.

— Тер, я видела забавный сон, — прошептала Исима, устраиваясь поудобнее среди камней.

Серебристая дымка коснулась подножия черной скалы, словно приглашая великана к разговору.

— Мне снилось, что я — маленькое двуногое и двурукое существо, — засмеялась Исима.

Искрящиеся шлейфы взметнулись вверх, потом вернулись на место.

— Я шла по гребням волн, тебе навстречу. Ты молчал, но я была счастлива. Какое-то непонятное чувство переполняло меня — горькое, очень важное. Больше, чем я сама.

Гигант недовольно вздохнул, над вершиной скалы появились клубы черного дыма. Хлопья сажи медленно полетели вниз, исчезая в серебристом тумане.

— Тер, — прошелестела Исима. — Не хочешь разговаривать?

— Глупости, — пророкотала скала. — Счастье в том, что мы есть. Оно не может заключаться в чем-то другом.

— Я знаю, — ответила дымка, отступая. — Но разве не забавно? Когда в тебе есть нечто большее, чем ты сама...

Черный великан не ответил, лишь над вершиной появилось облако пепла. Подождав немного, Исима двинулась прочь. Тер никогда не отличался разговорчивостью.

«Ко мне также приходят нелепые сны», — хотел шепнуть великан, но промолчал...

К ночи, если нет ветра, море успокаивается. Все замирает, как только Солнце прячется за черной горой. Исима растеклась над поверхностью зеркала тонким слоем, дотянулась до песчаного берега, на котором таяли отпечатки трехпальых лап.

Игорь Ревва

МЫ — ПЕРВЫЕ!

Если смотреть с высоты птичьего полёта, создаётся впечатление совершенно необитаемой планеты. Яркие огни города и комбината, сигнальные вспышки возле шахт и космодрома, светящиеся пунктиры дорог, ломающиеся в волнах блики портовых фонарей — ничего этого нет, всё съедено глухой чернильной тьмой. Давно уже — дней пять.

Первые два дня было тяжело — брести по тёмным улицам едва ли не на ощупь, останавливаться при каждом звуке или смутной тени, замаячившей впереди, и громко спрашивать: «Кто это?..» Если, конечно, до тебя не успеет донестись аналогичный возглас встречного. Может быть, поэтому жители старались не выходить на улицы ночью. Да по правде сказать, они и раньше-то этим не злоупотребляли.

Что делать ночью на улице?! Разве, из чувства протеста закурить и выйти во двор, старательно пряча тлеющий огонёк в ладони. Чувство протеста — надо же, а?! Всю жизнь курил в доме, а теперь решил вдруг предаваться этому покору под звёздным небом. Станный протест, дурной какой-то. Сродни плеванию вверх, в тучи, льющие на землю дождь.

Всю жизнь курил в доме...

Олег передёрнул плечами и криво усмехнулся. «Недолгая она у меня — эта жизнь, — подумал он. — Недолгая. Десять лет всего. Хотя память и утверждает обратное.

© И. Ревва, 2005.

А ведь говорили, что клон появляется на свет с чистой памятью. Уверяли, что остаётся что-то там на подсознательном уровне, в спинном мозгу где-то... То ли у меня кроме этого самого спинного мозга больше и нет ничего, то ли наврали опять...»

Олег покрутил головой, бросил окурок и втоптал его в траву. Жёсткая ребристая подошва армейских ботинок оставила на земле след. В темноте его не было видно, но Олег зачем-то нагнулся и тронул пальцами примятую траву — точно, след остался. Армейские ботинки — такая вещь, на чём хочешь след оставят...

«Надоели они мне до чёртиков, ботинки эти. Армейские. И куртка эта идиотская осточертела. И штаны тоже. Так хочется надеть привычные брюки, лёгкие туфли и широкую рубашку. Хотя нет, в этом году уже не получится, осень скоро. Воздух — вон как посвежел. Значит — пальто, перчатки, шапка. И ждать лета. И тогда уже — брюки, рубашка, туфли... И на Светке — блузка, коротенькая юбочка... — Олег помотал головой. — Какие, на хрен, брюки-юбочки?! До зимы ещё дожить надо...»

Сзади раздались осторожные шаги, и Олег почувствовал, как к его спине прижимается тёплое, мягкое, родное.

— Ты чего тут? — тихо спросила Светлана. — Холодно... Нет?..

— Покурить вышел, — так же тихо ответил Олег и посмотрел на звёзды.

Он не оглядывался, но знал, что Светлана смотрит туда же. Они все теперь смотрели на звёзды. Весь город. В последние дни они только этим и занимались — разглядывали звёзды. Все двадцать тысяч человек, каждую ночь.

Олег подумал, что, может быть, именно поэтому мэр и издал указ о затемнении — когда город погружен в черноту, звёзды особенно хорошо видны. Да, наверное... Не думает же он, в самом-то деле, что это может как-то помочь? Во-первых, нет никакой гарантии, что они прилетят сюда именно ночью, а не днём. А во-вторых, — пусть даже и ночью. Что, у них нет приборов, чтобы определить, где находится город?! Да и без приборов они превосходно знают —

мы же начали его строить на том самом месте, где нам было указано.

— Интересно, а какие они? — прошептала Светлана.

— Какие, какие... — буркнул Олег. — В зеркало посмотри. Точно такие же...

— Тогда они должны быть хорошие, — задумчиво произнесла Светлана. — Ну, не хуже нас, во всяком случае.

— Ага, не хуже, — криво усмехнулся Олег. — Расскажи об этом на Каузаре.

Светлана ничего не ответила, но Олег почувствовал, как дрогнули её ладони. И тут же обругал себя. К чему нужно было упоминать ту планету? Хотя о ней как раз таки никто и не забывает. «Если бы не это, мы так ничего и не знали, — подумал Олег. — И по-прежнему с нетерпением ждали прилёта корабля. И так же беззлобно подшучивали бы над оригиналами. А сейчас...»

Когда с Каузара пришло сообщение о том, что к ним приближается корабль с поселенцами, там чуть ли не празднику устроили. А как же?! К клонам едут в гости их оригиналы! Это же здорово! Это же отлично! Кто поймёт друг друга лучше, чем клон и оригинал?

А следующий сеанс связи вызвал шок. Потому что за пультами связи сидели уже другие. То есть, точно такие же, но не те — никого не узнающие, никого не помнящие, ничего не знающие о том, что происходило до того.

Да, вначале грешили на какой-то вирус, занесённый на Каузар оригиналами. Амнезия там какая-нибудь.

Какой, на хрен, вирус?! Какая амнезия?! Их просто уничтожили. Заменили собой.

«Хорошие...» — мысленно повторил Олег определение Светланы. Очень хорошие — создали клонов и зашвырнули их хрен знает куда. Осваивать новый мир, значит. Чтобы са-мим потом прилететь на всё готовенько. А клонов — в рас-ход. Молодцы, ребята! Орлята-оригиналы! Вот только клоны-то на всю эту ситуацию немножко иначе смотрят.

Олег машинально опустил руку на кобуру. «Давайте, ребята, — подумал он, глядя в чёрное небо. — Давайте, мы уже готовы, мы ждём. Сообщение о вашем прибытии мы уже по-

лучили, так что — милости просим. Вот только одного вы не учили — это наша планета. И нам плевать на то, кто тут клон. а кто — оригинал. И никто ничего не узнает. Тем более, мы и правда очень похожи на вас. Что и неудивительно — мы же ваши клоны, нас же создали по вашему образу и подобию. Чтобы мы подготовили всё как раз так, как нужно вам...

А вот хрен! Мы подготовили всё так, как нужно НАМ. А вы, простите, не к месту здесь. Это наша планета, это наш дом...»

Слабо чиркнула по небу искра. Вспыхнула и тут же погасла. Олег услышал, как Светлана испуганно ойкнула, а потом облегчённо рассмеялась.

— Звезда упала, — сказала она. — Надо было загадать желание. Жалко, не успела...

— Успеем, — невпопад ответил Олег. Он сейчас думал о другом.

О том, что оружие в порядке, что бластеры накачаны под завязку, что лазерные пушки давно уже установлены на вездеходах. Что каждый крепко вызубрил — что и когда ему делать в случае объявления тревоги. И что шансы у этих чёртовых оригиналов не так велики, как кажется на первый взгляд.

«Хрен вам, ребята!.. — довольно подумал Олег. — Хрен вам! Мы — первые. Может быть, вы и появились на свет раньше нас, но это неважно. Здесь и сейчас первые — мы. И так будет всегда...»

— Ты что же, на самом деле считаешь их людьми?! — Ингмар с удивлением смотрел на Сергея. — Нет, ты скажи! Что, правда??!

— Да нет же! — раздражённо отвечал Сергей. — Не людьми! Какие, на хрен, люди?! Но они ведь живые, разве нет?

— А кто спорит-то?! — опешил Ингмар. — Да, живые. Искусственно созданные органические структуры. Их ещё клонами называют, но ты сам понимаешь, что это неверно — принцип другой.

Ингмар оглянулся — то ли ожидая поддержки, то ли желаая привлечь к беседе ещё кого-нибудь. Но пользы от собравшихся в кают-компании «Пионера» было немного. За время, прошедшее после выхода первопоселенцев из анабиоза, Сергей уже всем тут плешь проел своими спорами. С ним даже несколько раз командир разговаривал на эту тему. А Юрген рассказывал, что будто бы слышал, как командир связывался с кем-то и спрашивал совета по поводу Сергея этого — не стоит ли его опять поместить в анабиозную ванну. Ну, чтобы глупостями своими людям мозги не пудрил. Первопоселенец, мать его...

Вообще, Сергей вёл себя как-то странно. Ну кому какое дело до того, что он на самом деле думает по поводу экспансии? Ну, думаешь — думай себе на здоровье. Сиди, вон, на Земле и думай. Сколько в башку влезет. Чего ж тогда попёрся в космос?! Зачем давал согласие на клонирование?! Не нравится тебе эта затея — не участвуй. Доброволец же, никто не принуждает.

Бывают такие люди — им главное не себя правым чувствовать, а чтобы другие это подтвердили. Причём, именно те, кто с ним самым коренным образом не согласен. Вот когда такие спорщики всех вокруг во всём убежат, тогда и наступит для них самое то.

«Реликты, блин. Закостенелое мышление, — подумал Ингмар. — Как у динозавров. Ти-рексы — такие же сильные, здоровые и не умеющие приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям».

И правильно, что никто не встревает. Хотя, конечно, интересно было бы посмотреть, как тут начнут Сергею мозги вправлять. Но не начнут — надоел он всем. Давно уже надоел. Никто даже и не смотрит сейчас сюда. Только вот Олег с видимым интересом наблюдает за спорщиками. Да Светлана ещё. Но она, пожалуй, только вид делает, что ей интересно. Не будь здесь её Олега, не сидела бы...

— Да я не об этом! — отмахнулся Сергей. — Просто... как-то всё получается... Блин! С меня ведь тоже снимали биоматрицу! Значит, и мой двойник есть на этой планете!..

— Твой — кто?! — выптаращился Ингмар.

Сергей замолчал. Олег со Светой переглянулись и чуть ли не одновременно пожали плечами.

— Дурью маёться, — заявил Олег. — Слушай, Серый, а ты своего старого домашнего робота зачем на свалку вывез?

Ингмар коротко хохотнул. Светлана прыснула и зажала себе рот ладонью.

— Да пошёл ты!.. — возмутился Сергей. — Чего ты всё в одну кучу-то мешаешь?!

— Это ты мешаешь, не я, — возразил Олег. — Всё в одну кучу. Нас, клонов, роботов... Отходы промышленные ещё примешай... А что?! Они ведь тоже бывают органические!

Светлана, не выдержав, звонко рассмеялась. Она на миг представила себе эти самые органические отходы — большую кучу.

— Ты мне объясни, — продолжал Олег, — почему своего робота тебе жалко не было. В нём ведь шестьдесят процентов органики, и мозги у него есть.

— Да ну вас, — отмахнулся Сергей. — Не понимаете вы ни хрена. Я не о том говорю. Робот — это робот. А клон — это действительно живое существо. Разумное, с чувствами своими. Такими же, наверное, как и у нас...

— Представляю себе, — расхохоталась Светлана. — Прилетаем мы на планету, а там не просто наши с Олегом копии, но и поженились даже, и детей завели! Да? Не смешно, Серёжа, — Светлана вдруг стала серьёзной. — Не смешно это. Я там жить хочу. Работать, любить, детей хочу, много. А не какие-то дикие трудности испытывать. Мне это не надо. А то, что ты про клонов тут придумал — я не верю в это. Они не люди. И чувств у них быть просто не может, вот так.

— Зато у нас могут быть чувства, — сказал Сергей. — Хотя бы чувство благодарности...

— Слушай, — Ингмар начал нервничать. — Ты что, не понимаешь, что без клонов экспансия невозможна? Или ты рассчитываешь, что люди с радостью отправятся осваивать дикие планеты? Да ты сам туда не сунулся даже, если бы не клоны. Ха! Так я и поверил, что ты бросил бы на Земле всё — дом, привычную работу, спокойную жизнь. И никто

бы не бросил. Потому и засылают контейнеры с зародышами клонов. И пока мы двадцать лет тут в анабиозе паримся, они успевают и долететь, и на свет появиться, и подготовить всё к нашему визиту. Кстати, первое время за клонами роботы следят. Как няньки за детьми. А потом роботов этих на свалку отправляют, на переплавку какую-нибудь. Те же самые клоны и отправляют. Потому что те выполнили уже свою задачу. Больше они не нужны.

— Ну и глупо, — буркнул Сергей.

— А ты что же, хотел сам горбатиться там десять лет?! — удивился Олег.

— Вот ещё! — фыркнула Светлана. — Больно надо было!

— Я не о том говорю, — сказал Сергей. — Пускай живут, зачем их убивать?! На планете что, места мало?! Они же там, что ни говори, были первыми, они же все обустроили...

— Для нас! — рявкнул Ингмар. — Обустроили для нас! Потому они там и были первыми! Как роботы-проходчики! Ты же не возмущаешься тем, что в шахтах тебе работать не приходится. Тебя же устраивает, что ты сидишь себе за пультом, кнопочки нажимаешь. Нет?

— Ну и нажимали бы! — возразил Сергей. — Мы — свои кнопочки, они — свои!

— Дурак ты, — спокойно заявил Ингмар. — Так они тебя и пустят. Ты ведь правильно сказал, что они там были первыми. Значит, ничем они делиться с нами не захотят, понял? И начинать нам придётся с нуля, как и им.

— Нет, Инг, — покачал головой Олег. — Первые не они, первые — мы. Разницы нет, кто раньше прилетел на эту планету. Они или мы. Но мы — первые. Мы — оригиналы, люди, настоящие люди. А они — всего лишь роботы. Те, кто подготовил для нас там условия жизни.

— Мы первые не поэтому, — заявила вдруг Светлана, — а потому, что у нас — власть.

Все посмотрели на неё. Светлана встала, одёрнула куртку (Олег подумал, что ей очень идёт военная куртка) и вышла из кают-компании.

* * *

Завтрак был прерван сообщением мэра о том, что обсерватория засекла вышедшее из гиперпространства космическое тело. Корабль, разумеется. Хотя многие на планете были бы рады, окажись это тело простым метеоритом, которому за каким-то чёртом удалось обзавестись гипердвигателем. Дав одинаковый ответ на первые пять вызовов по видеофону, Олег с заметным раздражением отключил это устройство.

— Сдурели, честное слово! — сердито пояснил он Светлане, возвращаясь к столу. — Времени совсем ничего осталось, а они поесть спокойно не дают.

— А чего хотят? — осторожно спросила Света.

Олег невесело усмехнулся.

— Они хотят, — сказал он, — чтобы это всё оказалось ложной тревогой. Или учебной.

— Испугались, наверное... — пробормотала Света.

Она и сама была напугана не меньше тех, кто только что теребил Олега вызовами и глупыми вопросами. Она знала, что все женщины и дети по сигналу тревоги должны в течение двух часов прибыть в убежище. Но она сомневалась, что старое здание на окраине города окажется достаточной защитой. Хотя, тут Олег прав — оригиналы не будут ничего разрушать, им это всё жизненно необходимо. И потом, они же не знают, что их тут ждёт.

На какой-то короткий миг Светлане даже стало жаль этих несчастных. И она мгновенно вспомнила свой вчерашний разговор с Эльзой.

«Оригиналы. Хм... Ну, пусть оригиналы, ну и что? Может быть, Эльза не так уж и не права? Может быть, мы смогли бы с ними договориться? Жить вместе, дружно, в одном городе...

Нет, — ответила Света сама себе. — Я хочу, чтобы мои дети не чувствовали свою ущербность. А это невозможно, если тут окажутся оригиналы. Так и будут всю жизнь дразнить друг друга, разбирая с детской непосредственностью и жестокостью взрослые вопросы — кто первый, а кто второй.

Чтобы потом, когда уже вырастут, перевести эти споры на более серьёзные рельсы. До драк на улицах. До новой какой-нибудь религии. До войны...

Не хочу, — подумала Света. — Не хочу этого.

А Эльза — дура. Это не мы первые начали. Это они. Они были первыми. Вот пусть и получат то, чего заслуживают. Вот только, если оригиналы на самом деле начнут уничтожать город, вот тогда плохо будет всем».

— Как ты думаешь, — спросила Света. — Они действительно не станут бомбить нас?

Олег серьёзно посмотрел на неё и покачал головой.

— Не волнуйся насчёт этого, — сказал он. — Они не затем летят, чтобы всё здесь разнести. Им нужна эта планета, этот город. Наш город. На нашей планете. Так что бомбить они не станут. А мы, в крайнем случае, всегда можем взорвать и комбинат, и шахты, и порт. Всё уже заминировано, всё готово. Если только увидим, что нам каюк, всё это взлетит на воздух. Это тоже может их остановить — когда мы начнём взрывать... если понадобится. Но я уверен, что не понадобится, — Олег бросил торопливый взгляд на часы.

Времени оставалось мало. Ему нужно было ещё успеть заскочить в гараж — отключить генератор, — а потом уже бежать в мэрию. Минут десять у него оставалось, не больше.

Олег, не переставая прихлёбывать из большой кружки, вытащил из кобуры бластер, проверил заряд и положил его перед собой на стол. Светлана испуганно посмотрела на Олега. Она вдруг подумала о том, что в убежище ей будет гораздо беспокойнее, чем с ним. Что там она не будет знать, что происходит с Олегом, где он, жив ли...

Светлана вдруг поразилась тому, что Олег начал вести себя немного иначе, чем она привыкла. Что-то появилось в нём новое — какая-то жёсткость, решительность, строгость.

— Допивай кофе, — сказал Олег. — Они уже близко. Скоро начнётся.

Светлана посмотрела на него испуганными глазами и несколько раз торопливо кивнула.

«Скоро начнётся, — повторила она про себя слова Оле-га. И мысленно добавила с тоской: — А когда закончится? И чем?..»

Закончилось всё примерно минут через двадцать после того, как началось. Именно столько времени понадобилось авангардным катерам для того, чтобы пройтись над обитающей частью материка. Дезинтегрирующий луч действовал безотказно. Оборона, если бы даже она и была организована так, как надо, ничего не смогла сделать. Снеговикам тяжело воевать с солнечными лучами, особенно, жарким летом.

Не было ни вспышек, ни пожаров, ни катастроф. Электромагнитный импульс со множества сброшенных капсул вывел из строя всю электронику, остановил транспорт и рабочие механизмы. А дезинтегрирующий луч мгновенно уничтожил все органические соединения с определёнными ДНК. Программа, заложенная в клонов, изначально была рассчитана на уничтожение — тихое, бесшумное, чистое. Не груды трупов, а лёгкий пепел. Не аварии на улицах и в шахтах, а замершие машины. Вышли из строя все компьютеры и средства связи, возможно, навсегда. Но это не страшно — на «Пионере» было достаточно запасных блоков и устройств для того, чтобы восстановить всё это. И людей там было достаточно. Для того, чтобы начать, наконец-то, нормальную жизнь, дать планете определённый статус, позволяющий ей войти в Галактическую Федерацию.

Громада «Пионера» уже крепко стояла на плитах космодрома, гордо возвышаясь над городом. Люди осторожно покидали корабль, уходя в улицы, растворяясь в них, наполняя собой — словно кровь наполняет иссущенные неведомым вампиrom вены и артерии, давая новую жизнь едва не погибшему организму. У каждого на поясе висел бластер — мера предосторожности. Излишняя мера — потому что город был пуст, можно считать, что они тут были первыми. Но никто из людей не собирался рисковать — обидно погибнуть, проделав такой длинный путь и оказавшись уже на пороге

того, что должно было стать твоим домом. Навсегда, на всю жизнь.

Женщины остались на «Пионере» — приказ командира. Прощание было весёлым, но каким-то нервным. Не то, чтобы они провожали мужчин на какое-то серьёзное дело, а словно бы те отправлялись на экзамен. Шутки, смех, поцелуи — всё как-то неестественно, суетливо, неправильно, с лёгким налётом едва ощутимого беспокойства.

Олег покинул корабль одним из первых. Он шёл впереди всех, и перед ним лежал пустой город. Замерший, настороженный, не знаяший ещё, чего ждать от своего нового хозяина.

Полная тишина стояла кругом. Ни звука. Только звук Олеговых шагов, изрядно приглушённый пластиковым покрытием улиц. И ни души вокруг.

«Конечно, ни души, — усмехнулся Олег. — Мы же тут первые. Первые люди на планете...»

Пустые улицы, пустой город. Красивый город. А там, впереди — дом, чем-то выделяющийся из общего числа остальных, в общем-то похожих друг на друга, домов.

Олег подошёл ближе. Всё, вроде бы, как и везде — тот же садик перед домом, точно такая же калитка... Нет, не такая же — на других этих вот завитушек не было. Очень красивые. И стены дома покрашены в другой цвет. Лучше, чем у остальных...

Олег толкнул калитку и вошёл в сад. Дорожка, выполненная белым камнем, вела прямо к дверям. И двери были чуть приоткрыты. Олег поднялся на крыльце и переступил порог.

Мягкая прохлада окутала его. Олег сразу понял, что жить он будет именно здесь. То есть, он захотел этого ещё там, на улице. А теперь желание его переросло в уверенность, что именно так и будет.

Олег машинально щёлкнул безжизненным выключателем, забыв об ЭМИ-капсулах. Конечно, освещение не работало. Да оно и не нужно сейчас — солнечного света, проникавшего сквозь окна, было достаточно. Олег огляделся. Обстановка дома ему нравилась. Ну буквально всё: мебель, цвет

стен, расположение комнат. И идеальный порядок кругом. Лишь в гостиной, на двух стульях неряшливой грудой по-коилось какое-то тряпье, напоминающее военное обмундирование. И толстый слой пыли на столе, на тряпье, на полу вокруг стола...

Олег зачерпнул пригоршню почти невесомого серого порошка, растёр его в ладони. Серое облачко повисло в воздухе.

«Надо запустить автоматических уборщиков, — машинально подумал Олег. — Вот разберусь, где тут генератор, и сразу же запущу. Если он работает...» Олег вдруг понял, что сам он разместил бы генератор в гараже. И он уже не сомневался, что уборщики тут предусмотрены — сам бы Олег обязательно обзавёлся такими устройствами. И он догадывался, где находится пульт управления и ими, и всеми остальными сервисными примочками. Потому что Олег расположил бы пульт именно во-о-он там, под лестницей, возле входной двери.

Он бы вообще сделал здесь в доме всё именно так, как и есть сейчас. Вот только лёгкое неудобство вызывала пустая детская кроватка, стоявшая в углу. Совсем пустая — ни белья, ни матраса. Да и сама обстановка в доме была не такой, какая бывает, если там живут дети. Не видно ни игрушек, ни валяющихся где попало детских тапочек, ни рисунков на стенах светящимся маркером...

Олег вдруг почувствовал, что ему почему-то стало легче. Какое-то необъяснимое напряжение исчезло. Он и не знал, что оно было, это напряжение — где-то там, внутри, в самой глубине груди. И ещё он почему-то решил, что кроватку эту надо бы вынести в гараж. Пока Света не увидела.

Взгляд Олега медленно полз по комнате. И вдруг замер, натолкнувшись на фотографию, висевшую на стене. Олег подошёл поближе, чтобы рассмотреть её.

Это была Света. То есть, не Света, конечно — другая, совершенно другая женщина, очень и очень похожая на Свету. И даже и не женщина вовсе. Просто клон. Всего лишь. Хотя и красивая. Очень. Той неуловимой и загадочной красотой, которую можно понять лишь долго рассматривая её.

Она не улыбалась, но выражение глаз наталкивало на мысль, что ждать этого недолго.

«Какая красивая...» — машинально подумал Олег, зачем-то прикасаясь пальцами к прозрачному пластику, покрывавшему фотографию. И на стекле после этого остались чёткие отпечатки.

Олег с неудовольствием посмотрел на ладонь — пальцы были серыми, словно кожа мёртвого существа.

«Ничего страшного, — решил Олег. — Отмоется...»

М Y , Р O B O T Y . . .

Михаил Кликин

НЕБЕСА ДЛЯ РОБОТОВ

— Мама, а когда роботы ломаются, что с ними бывает? — спросила маленькая девочка, необычайно тихая и задумчивая. Она только что вернулась с игровой площадки, откуда уже не раз приносила странные вопросы.

— Ты о чем, дочка? — Мама была занята — это было ее новое увлечение, которому она обучалась в клубе архаического искусства. Справиться со спицами было не просто, и мама, прикусив кончик языка, сосредоточилась на работе. В клубе говорили, что вязание расслабляет, но пока что это кропотливое занятие вызывало лишь раздражение и досаду.

— Роботы умирают? — спросила дочка. — Как люди?

— Нет... — устало сказала мама и надолго замолчала, считая про себя непослушные петли. Серьезная девочка с опаской смотрела на острые длинные спицы. Они казались живыми и опасными. Встревожившись молчанием дочери, мать подняла на нее глаза, вздохнула и отложила вязание.

— Ну что на этот раз? — спросила она.

— Роботы умирают, — девочка была готова заплакать. — Мне дядя сказал.

— Какой дядя?

— С бородой.

— Он тебя обманул. Роботы просто ломаются. Они не живые. Поэтому они не могут умереть.

— Их выбрасывают на свалку. — Девочка прижалась к маме. — А они там еще шевелятся, еще живут. А потом ржавеют и совсем умирают.

— Глупости! — Мама рассердилась. — Это тебе тот дядя сказал?

— Да.

— Хотела бы я его видеть! Такие вещи ребенку рассказывать!

— Он за дверью, — девочка всхлипнула. — Он хочет с тобой поговорить. Про нашего Роба.

Мама грозно глянула на входную дверь и поднялась; лицо ее закаменело, глаза выстыли, губы поджались, руки уперлись в бока.

— Войдите! — грозно сказала она, и дверь, подчинившись хозяйке, открылась.

На низеньком крылечке мялся высокий человек в строгом, немного старомодном костюме.

— Чего вам надо? — Хозяйка дома встала перед порогом, загородив собой проем. Сейчас она была похожа на сурового стражника, стерегущего вход в крепость. — Мы ничего не покупаем и не продаем, нас все устраивает, и мы не хотим ничего менять.

Мужчина, кажется, смутился. Если он и был коммивояжером, то, наверное, весьма неудачливым.

— Извините, — тихо сказал он, стараясь не смотреть на женщину, но не зная, куда еще можно смотреть. — Я представляю компанию «Небеса для роботов». Это новая компания, мы обладаем несколькими патентами на уникальные технологии и можем предложить вам уникальную услугу...

Женщина пренебрежительно рассматривала мужчину и думала о том, какой же он запущенный, наверное холостой, одинокий, а в доме, наверняка, лишь робо-хозяйка устаревшей модели, только она может так выгладить костюм...

— ... Вы задумывались, что бывает с роботами, когда они ломаются? Вы знаете, что их свозят на свалки, где они годами дожидаются переработки? При этом, большинство из них остается в сознании, их электронные мозги продол-

жают жить все это время, и последняя картина, которую они видят — это опускающаяся пластина пресса, испачканная маслом...

— Роботы — вещи, — безапелляционно заявила женщина и нажала кнопку, закрывающую и запирающую дверь. Но мужчина неожиданно резво сунул в проем ногу, вклинился плечом.

— Роботы не вещи! — возвысил он голос. — Их разум не похож на человеческий, но они способны отличать добро от зла, а это показатель их разумности. Неужели вы не любите своего домашнего робота? Разве не считаете его членом семьи? Неужели не испытываете благодарность, глядя, как он делает всю работу по дому?

— Ма... — жалобно сказала девочка и потянула маму за подол. — Я не хочу, чтобы нашего Роба на свалке...

— Послушайте, — раздраженно сказала женщина. — Вы напугали моего ребенка и вторглись на частную территорию. Если вы сейчас же не уберете свою ногу из моего дома, я вызову полицию.

— Мы порадуем вашего ребенка! — воскликнул мужчина, и не думая отступать. — Мы предлагаем вам бесплатно воспользоваться услугами нашей компании! Совершенно бесплатно! На правах первого клиента! Вы не заплатите ничего! Абсолютно ничего!

— Ну, ма-а-а... — просительно протянула девочка, глядя на маму снизу вверх. — Ну пожалуйста...

Слово «бесплатно» было подобно заклинанию, способному размягчить камень. Женщина отпустила красную кнопку и приказала двери открыться.

— Вы меня не обманываете? — спросила она.

— Наша компания только начала свою работу, и сейчас мы проводим акцию, предоставляя первой сотне клиентов наши услуги совершенно бесплатно.

— Так чем же вы занимаетесь? — спросила женщина. — Только покороче, пожалуйста.

— Мы предлагаем сохранить разум вашего любимого робота в особом месте, которое мы называем кибер-раем. Технологически это несложно. Мы создаем программную

модель мозга вашего робота и помещаем ее в виртуальную среду, не забыв, конечно же, обо всех интерфейсных связях: зрении, тактильных ощущениях, слухе. Фактически, робот, оказавшись в кибер-рае, не заменит подмены, виртуальный мир покажется ему столь же натуральным, как и реальность. Обычно, для каждого робота мы воссоздаем привычную ему обстановку: квартиру с мебелью, виртуальных хозяев, о которых он должен заботиться, виды из окон, привычный шум. Но по желанию наших клиентов мы можем что-то изменить, как-то облегчить любимому роботу загробное существование...

— Я же просила покороче, — недовольно сказала женщина, и высокий мужчина заторопился:

— Мы можем обеспечить практически вечное существование вашего робота. Мы избавим его от страданий, от старости, от беспомощности, от осознания ненужности. Мы дадим ему новую жизнь, яркую и наполненную смыслом. Мы отправим его в рай.

— Мама, — тихо сказала девочка. — Если наш Роб умрет, пусть он попадет в рай.

— Ну хорошо, — вздохнула женщина, жалея о потраченном времени. — Если это действительно бесплатно, то я, в принципе, не против. Но мне надо посоветоваться с мужем.

— Да, конечно, — улыбнулся мужчина в старомодном костюме. — Я зайду вечером, чтобы провести предварительное сканирование.

— Завтра, — холодно сказала женщина.

Высокий мужчина кивнул и довольно подмигнул повесившей девочке.

За ужином им было что обсудить кроме обычных тем: погоды, предстоящих выборов и блюд, приготовленных Робом.

— Небеса для роботов... — задумчиво проговорил Лон Текель, глава семейства, отец девочки. — Занятная идея. Непонятно даже, почему никто раньше до этого не додумался.

Ата Текель, жена Лона и мать девочки, сидела напротив мужа, острым ножом кромсала отбивную на маленькие кусочки и раздраженно думала о том, что Роб мог бы подать мясо уже разрезанным, ведь он знает ее привычки...

— Значит, рай... — Лон хмыкнул, посмотрел на домашнего робота, навытяжку стоящего в шаге от стола, в двух шагах от двери на кухню. — Послушай, Роб, — сказал хозяин дома, и робот чуть наклонил пластиковый корпус, изображая внимание. — Как ты себе представляешь рай?

— Не понимаю вопроса, — сказал Роб, и эластичная пластмасса бледных губ растянулась — робот легкой улыбкой просил извинить его за бесцоковость.

— Что доставляет тебе удовольствие? — задал наводящий вопрос Лон.

— Выполнять то, для чего я создан, — без запинки ответил Роб. — Служить вашей семье.

— Тебе не хочется отдохнуть от работы?

— Работа доставляет мне удовольствие, потому что я для нее создан.

— Может, ты хочешь что-то поменять в своей жизни?

— Я не хочу менять свою жизнь. Моя жизнь — это работа. Я для нее создан.

— А если я дам тебе так много работы, что ты с ней не справишься, что тогда?

— Это будет плохо, потому что я должен справляться с работой...

Ата Текель поморщилась, когда в мясе ей попался крохотный осколок кости.

— Отстань ты от него, — сказала она мужу. — Тебе словно поговорить больше не с кем.

— Я просто хочу разобраться, — ответил Лон и вернулся к трапезе.

— Роба! — Девочка Ода, доев кашу, спрыгнула со стула, подбежала к роботу, схватила его за мягкие пальцы, потянула вниз.

— Да, маленький человечек, — улыбающийся Роб послушно наклонился.

— Что будет, если ты умрешь?

Робот вздрогнул. Пальцы его сделались крепкими, словно железные прутья. Зрачки глаз сузились, потемнели.

— Я не смогу выполнять работу, — помедлив, проговорил Роб. — Это плохо. Очень плохо. Я не хочу умирать...

Ночью Ата Текель видела сон.

Она была в раю. Безмозглай, словно робот, она отдавала домашнему слуге короткие команды, и тот с радостью спешил их исполнить. Рядом были Лон и Ода, немногословные, спокойные, неживые, они хаотично двигались по дому, перемещались с дивана на кровать, с кровати на кресло, надолго замирали перед работающим телевизором, смотрели в окно, рассаживались вокруг стола и требовали еды.

И Роб с готовностью мчался на кухню.

А потом он мыл посуду. И стирал белье. И мыл полы. И пылесосил ковры. И вытирали пыль. И чистил аквариум... Он играл с хозяином в шахматы и помогал хозяйке распустить пряжу, он возился с Одой и готовился встретить ее башку...

Время тянулось, сон не кончался, и Ата точно знала, что впереди у нее вечность.

Она командовала роботом и тем самым прислуживала ему.

В раю роботов Ата Текель стала рабом слуги...

Утро началось с того, что Роб разбудил Лона — главе семейства надо было отправляться на работу.

Лон, как обычно, вставал тяжело, прятал голову под подушкой, вяло отбивался от настырного робота — время было раннее, спать хотелось невыносимо. В конце концов он все же поднялся — и понял, что опаздывает. Обругав Роба, Лон быстро оделся. Торопясь, он оторвал пуговицу на рубашке и зло рявкнул на подскочившего робота: почему пуговицы так слабо пришиты? На столе стыл завтрак, но Лону было не до еды — он схватил бутерброд, сковал его на ходу, глотнул

кофе и исчез за дверью, искренне считая, что недобросовестный робот испортил ему день.

Через час проснулись Ата и Ода.

Роб одел девочку и заправил обе постели. Потом он подготовил завтрак для хозяек, заказал в магазине свежие продукты и рассчитался за прошлую доставку. Во время трапезы он напомнил Ате, что она должна позвонить подруге и поздравить ее с днем рождения, потом зачитал сообщения, пришедшие за ночь. Ата слушала его вполуха, раздражаясь оттого, что его нудное бормотание заглушает голоса героев любимого телесериала...

День начался, и Роб был этому рад. Он не умел бездельничать.

Весь день Ата косо посматривала на суетящегося, занятого делами робота.

Что-то не давало ей покоя, что-то изводило ее, словно позабытое, но такое нужное слово, близкое и скользкое.

Ата злилась и не понимала почему.

— Если хочешь, — сказал ей вчера муж, — подпиши этот договор. Мне все равно.

Может быть, она боялась ответственности за решение?..

Они давно подумывали о покупке нового робота. Этому шел уже девятый год, он устарел, он вышел из моды. Он был слишком примитивен и плохо обучался, потому что его электронные мозги были забиты старой информацией. Он поскрипывал при ходьбе и хрюпал, когда говорил. Если бы не дочка, привязавшаяся к Робу, они давно бы его заменили.

А сейчас представился удобный случай.

Старого робота — в рай, нового — в дом. И все будут довольны...

Но...

Ата покачала головой.

Рай надо заслужить. Рай — это награда. А что особенно сделал Роб — бестолковый ходячий манекен с интеллектом пятилетнего ребенка? Он просто подчиняется программе, набору команд и правил, что заложили в него люди.

Он — машина, он — инструмент. Самый обычный, ничем не выдающийся.

Так за что же ему рай?

Чем он лучше других?

Чем он лучше ее?

Ата вдруг поняла, что за чувство не давало ей покоя.

Зависть.

Она завидовала этому роботу, потому что он мог попасть в рай, а она...

Она не верила в загробную жизнь. Она не верила в существование рая. И не верила, что попадет туда.

Уж если и существует жизнь после смерти, то шансов оказаться в аду куда больше.

А у любого робота теперь будет шанс очутиться в раю. И жить там. Практически вечно. Без страданий, не старея, новой жизнью, яркой и наполненной смыслом...

Создания утерли нос создателям.

Творения одурачили творцов.

И перехитрили Смерть.

За что же им такая привилегия?

Разве это не люди тысячи лет мечтали о бессмертии?

Разве не они искали философский камень и доказательства существования души? Они! Всю свою историю человечество жаждало вечной жизни для каждого своего члена.

А роботы — не сделав ничего, ничего не создав, лишь прислуживая, обрели то, о чем люди мечтали, но что никогда не получат?

Разве это справедливо?..

Служба утилизации немного задержалась, и Ата нервничала — дочка вот-вот должна была вернуться домой.

— Быстрей! — торопила она утилизаторов, двух мужчин в оранжевых спецовках, разбирающих Роба.

Робот послушно стоял, когда у него откручивали руки, потом лег на живот и вытянул ноги. Он молчал — синтезатор речи отключили в первую очередь. Но его глаза выдавали смятение.

— Выносите! — велела Ата, бросив взгляд на часы.

Утилизаторы ее послушались, они привыкли слушаться людей, у которых был свой дом, большой и богато обставленный. Подхватив робота и его конечности, они, пяясь, вышли за дверь и направились к ярко-рыжему фургону, на котором черной краской был намалеван равносторонний треугольник со стилизованным изображением кувалды в центре.

— Подождите! — из-за фургона шагнул высокий человек в черном, немного старомодном костюме. — Что случилось? Где хозяйка? Не уносите его!

Утилизаторы остановились, переглянулись неуверенно. Один что-то буркнул сердито, второй согласно кивнул.

— Почему встали? — на крыльце появилась Ата, подперла бока руками. Утилизаторы затравлено обернулись, боком, по-крабы двинулись к открытому фургону, но путь им преградил мужчина в костюме:

— Погодите! Надо разобраться!

— Нечего нам разбираться! — Ата сбежала с крыльца, подтолкнула утилизаторов. — Увозите его!

— Но мы же почти договорились!

— Нет! Не договорились!..

Они остановились друг напротив друга. Человек в костюме преобразился, сейчас он был похож на пса, из-под носа которого выхватили кость. Ата вдруг увидела это, поняла и немного испугалась. И потому еще яростней накинулась на мужчину.

Они не заметили, как из-за поворота, шурша шинами, вырулил овальный робомобиль, а когда он остановился перед воротами, было уже поздно: похожая на птичье крыло дверца поднялась, и радостная девочка, желтая и пушистая, словно цыпленок, выскоцила на тропку, ведущую к дому. Она махнула рукой маме, с любопытством оглядела рыжий фургон, стоящий возле дома, и двух рабочих, но не сразу поняла, что такое они держат на руках. И лишь пробегая мимо, она увидела обращенное к ней пластмассовое лицо и нечеловеческие глаза, полные человеческого страха. Она застыла, медленно повернулась к маме:

— Ма?..

— Что доча? — Мама уже справилась с замешательством, она даже смогла улыбнуться.

— Роба умирает?

— Нет, доча, Роб едет в рай.

Девочка вопросительно глянула на высокого человека в костюме, и он, нахмурясь, отрицательно помотал головой.

— Мама... — голос девочки задрожал. — Мама...

— Вы лжете своему ребенку, — сухо сказал мужчина. —

Вы делаете ему больно. — Он присел перед девочкой, осторожно взял ее за локоть, привлек к себе, чуть приобнял. И девочка прижалась к незнакомому человеку, словно никого более родного у нее не было.

— Ну, ладно, — сказала женщина, с трудом сдерживаясь, чтобы не вцепиться в горло чужаку. — Вы победили. Делайте все, что хотите, и убирайтесь. И чтобы я вас больше никогда не видела!

Мужчина усмехнулся, кивнул, отстранил всхлипывающую девочку и, поднявшись, вытянул из рукава длинный суставчатый контакт-шип...

— Я скопировал с него всю информацию, но это единственный робот, к которому мне удалось получить доступ. — Дон Ростер положил на стол шефа черную металлическую коробку инфо-сейфа и отступил на шаг. — Робот Лона Текеля, претендента на пост губернатора от монархо-центристской партии.

— Почему же ваша идея с раэм не сработала? — Шеф взял инфо-сейф, покачал его в руке, на вес оценивая объем записанной информации.

— Не знаю, — пожал плечами Дон Ростер. — Мне казалось, это неплохой вариант завладеть информацией из домашнего робота. Согласитесь, легенда очень привлекательная и изящная. Знаете, я когда-то писал фантастические рассказы и даже немного публиковался.

— И что теперь?

Дон Ростер развел руками.

— Мы не выполнили условия контракта. — Шеф говорил спокойно, но кровь отлила от его дряблых щек, а это было верным признаком того, что он взбешен. — Мы провалили дело. Ваша дурацкая изящная легенда где-то дала сбой, и мы все теперь будем это расхлебывать.

— Но... — попытался вставить слово Дон Ростер.

— Заткнитесь. — Шеф направил на него указательный палец. — У нашего агентства был шанс попробовать себя в новой области, мы впервые получили заказ от самого губернатора, мы понадеялись на вас, на ваш план, а теперь вы пытаетесь как-то оправдаться. Не нужно. Вы уволены, Дон. Можете и дальше писать свою фантастику.

Большой палец прижался к указательному — пистолет-рука выстрелил. Дон Ростер покачнулся.

Робот Роб, модель ЛТ-871, лежал на земле лицом вниз. Правая сторона его лица утонула в грязи, но зато левый глаз видел многое: бледную траву, похожую на проволоку; свернувшийся змеей шланг; ржавый манипулятор, сложивший пальцы в неприличный жест. После дождей из земли выползали червяки, и Роб с тихим восторгом следил за их удивительным движением. Жуки, мухи, пауки — они все восхищали Роба тем, что могли двигаться. А однажды Роб видел бабочку — она села на манипулятор, на его средний палец, поднятый вверх, и сидела неподвижно целых восемь секунд. Потом она улетела, но у Роба остался ее образ — он несколько раз сфотографировал ее, не пожалев памяти.

Трудно было привыкнуть к отсутствию конечностей и к вынужденному безделью. Но однажды Роб подумал, что, лишившись работы, он обрел свободу. Это была странная мысль, непривычная, но это была его собственная мысль — он сам до нее додумался, и это означало, что он научился мыслить самостоятельно, подобно человеку.

С этого дня Роб только и делал, что размышлял.

Он размышлял, глядя на ползающих по траве букашек; размышлял, наблюдая, как разбиваются о землю капли дождя; размышлял, анализируя многое из того, что осталось в

его памяти. Он многое понял, и порой ему казалось, что его голову изнутри разъедает ржавчина — это новые знания жгли разум.

А однажды Роб почувствовал, что его тело схватила какая-то сила и потянула вверх. Он испугался, зажмурился от страха. И лишь через пару минут, когда неведомая сила исчезла так же внезапно, как и появилась, Роб открыл глаза.

Теперь он лежал лицом вверх. Правый, заляпанный грязью глаз оставался слепым. Но левый по-прежнему работал.

Спиной Роб ощущал легкую вибрацию и слышал какой-то звук, похожий на приглушенное рокотание холодильника.

Что-то ровное и плоское нависало над ним. И, вроде бы, медленно опускалось.

Роб попытался понять, что же это такое.

И его озарило.

Он догадался, что сила, подхватившая его, никуда не исчезла; она просто чуть изменилась, и сейчас, дрожа, несет его ввысь, к стального цвета небу с разводами облаков, немного похожих на пятна загустевшего масла.

Роб улыбнулся, глядя, как медленно, со скоростью ползущего червяка, приближается ровное, словно стол, небо.

Теперь-то он знал наверняка, что любое мыслящее существо попадает в рай.

Он понял это...

Роб закрыл глаза, пытаясь угадать, чем же встретят его небеса.

Его небеса.

Небеса для роботов.

Михаил Кликин

САМЫЙ ПУЧШИЙ ВНУК

— Спи! — Он поправил одеяло и взял ее за руку. — Завтра у нас будет еще один день. Целый день, представляешь?

Она послушно закрыла глаза, улыбнулась:

— Споешь мне что-нибудь?

— Колыбельную?

— Просто песенку. Про снег. Про Новый год. И про исполнение желаний.

— Спою. — Он знал очень много песен. А если подходящей песни не существовало, он сам ее придумывал.

*Снежинки — маленькие феи,
Кружат, скользят с небес к земле.
И на душе у всех теплеет,
И год встречаем мы в тепле...*

Его привезли перед Рождеством, два года назад, тихим снежным утром. Он лежал в большой черной коробке, похожей на гроб, и она, посмотрев на него, даже немного испугалась. Но потом он открыл глаза, улыбнулся и сказал:

— Здравствуй, бабушка. Как тебя зовут?

— Ангелина, — ответила она, отчего-то смущаясь.

— А я Джонни. Друг. Будем знакомы... — У него был приятный голос с легкой хрипотцой, так похожий на голос ее внука — единственного сына единственной дочери.

— Будем знакомы, Джонни, — сказала она, кутаясь в ста-
рое пальтишко, и не зная, радоваться ли этому знакомству.

Он закончил петь, помолчал немного, слушая ее дыха-
ние, зная, что она не спит, а потом спросил:

— Помнишь, как мы встречали наше первое Рождество?

— Да. Ты приготовил индейку, а я сделала пирог.

— А потом я нарядился Сантой.

— И я тебя немного боялась.

— Ты просто еще не привыкла тогда.

— Да.

— Сейчас не так.

— Совсем не так.

— И дальше будет еще лучше.

— Да. И однажды он вернется.

— Обязательно.

— Спасибо тебе, Джонни. — Она не открывала глаз.

— Спи, Ангелина. — Он держал ее за руку.

Она выиграла его в лотерею. Купила билет у постучав-
шегося в дом распространителя, только лишь для того, чтобы
этот напористый молодой человек поскорей убрался.

А этот ненужный билет принес ей счастье.

Ей было восемьдесят три года, она плохо видела и не
очень хорошо слышала, она мучилась одышкой и боялась за
свое сердце. Она уже не верила, что ее жизнь может изме-
ниться. Она считала, что ее жизнь может лишь закончиться.
Не то чтобы она ждала смерти, но она часто — вернее, по-
стоянно — о ней думала.

А потом — после того Рождства — все вдруг переменилось.

И она уже не раз размышляла о том, как бы найти того
коммивояжера и поблагодарить его.

Она заснула, и он осторожно отпустил ее руку.

В окошке светилась рябая луна, старинные ходики на
стене звонко отщелкивали секунды, в каминной трубе взды-
хал ветер.

— Он вернется, — прошептал робот Джонни. — Завтра или послезавтра. Я нашел его. Нашел для тебя...

Это было непросто.

Дочь Ангелины погибла в тридцать два года. Ее сына поместили в приют, разрешив бабушке навещать внука лишь два раза в неделю. Но она навещала его гораздо чаще, иногда забирала домой на несколько дней — воспитатели смотрели на это сквозь пальцы. Все же она была его бабушкой. Глупо запрещать ей видеться с внуком, даже если суд по каким-то причинам и решил иначе.

А потом внук пропал. Стал совершеннолетним, уехал учиться в другой город — и пропал. Первое время он напоминал о себе открытками — все они и сейчас лежат в ящике комода — а потом...

Потом он пропал совсем.

Но она ждала. Если не его самого, то хотя бы открытку. Может быть, на день рождения... Или на Рождество...

— Он вернется... На Рождество...

Рон Гедрок — так звали внука. Этим именем были подписаны все открытки. А почтовые штемпеля и незримые электронные маркеры послужили отправными точками для Джонни, с них он начал свои поиски.

Он многое узнал. И решил, что Ангелине знать этого не следует.

У Рона Гедрока жизнь не сложилась. Сперва, вроде бы, все шло, как у людей, и не понять, где вдруг что-то треснуло, надломилось, повернулось. Не лучшей стороной повернулось...

Рон попал в тюрьму.

За мелкую кражу.

Он уже не учился и не работал, жил в каких-то трущобах, получал мизерное пособие, водился с сомнительными личностями, занимался сомнительными делами. За ним присматривала полиция, власти подозревали, что он связан с торговцами какой-то гадостью.

Но посадили его за то, что он украл из магазина два пакета сублинированного мяса.

— Я написал ему письмо. От твоего имени.

Рона Гедрока выпустят перед самым Рождеством. Он сам укажет место, где будет жить. Ему подыщут работу. И будут присматривать за ним какое-то время. Незаметно и ненавязчиво.

— Он приедет к нам, бабушка Ангелина...

Джонни вешал над входной дверью гирлянду и так увлекся, что не обратил внимания на то, как на улице остановился желтый кар, как хлопнула дверца, и скрипнула калитка.

Высокий человек в черном плаще и в мятым шляпе остановился на расчищенной дорожке и какое-то время следил за действиями робота. Потом он хмыкнул и громко сказал:

— Эй, железяка, правый край выше подними.

Джонни повернулся, сказал неуверенно:

— Я ровняю по косяку.

— А он перекошен, ты ослеп, что ли? Равняй по карнизу, бестолочь.

— Меня зовут Джонни. Я друг.

— А я Рон. Рон Гедрок. Слышал о таком, железяка?..

Рон Гедрок выглядел лет на сорок, хотя в действительности ему недавно исполнилось двадцать девять. Его обвислые, землистого цвета, щеки были небриты, маленькие вялые глазки прятались под опухшими веками, серые подглазини были похожи на гниль.

— Да, Рон. Мы ждем тебя.

— Ты ждешь меня, железяка? — усмехнулся Рон. — А какое тебе до меня дело?

— Я друг бабушки Ангелины. А ты — ее внук.

— Ну-ну... Как старушка себя чувствует? Здорова? В разуме еще?

— С ней все хорошо.

— Честно говоря, я и не думал, что она жива... Пусти-ка меня в дом, железяка. Подвинься... Давно я тут не был...

Рождество они встречали втроем.

Бабушка Ангелина была необычно суэтлива, она торопилась сделать как можно больше дел, произвести как можно

больше движений, сказать как можно больше слов, будто боялась, что сейчас вдруг все завершится, и ее семья — ее настоящая семья — пропадет, разбежится, кончится.

Джонни, напротив, говорил мало, он старался держаться рядом с Ангелиной, подхватывая все, что валилось у нее из рук, помогая поднять то, что она поднять не могла, подсказывая ей имена и названия, которые она не могла вспомнить.

А Рон ел и пил. Неуверенно улыбался. И посматривал по сторонам.

Он оценивал дом.

— Ты совсем не изменился, — вздыхала бабушка Ангелина. — Ты всегда был похож на деда, и со временем это все заметней. Сколько же лет прошло?.. — Она вспоминала прошлое, и выцветшие глаза ее начинали блестеть влагой. Джонни подавал ей чистый платок, и она прятала в нем лицо. — Мама твоя ведь совсем молодая была... А губы у тебя от нее... А все остальное — от деда... — Она хотела встать, чтобы принести фотоальбом, но Джонни опередил ее. — Смотри, ты — вылитый он... — Она перелистывала страницы, показывала старые фотографии, и сама не могла на них налюбоваться — она плохо видела, но зато хорошо помнила...

А потом был Новый год — еще один семейный праздник, чуть менее пышный, но не менее радостный.

Они встретили его на улице; они смотрели, как распускаются в небе астры фейерверка. И Рон, глядя в небо, вдруг сказал:

— Я знаю, кто ты такой, железяка. Я догадался, да.

— Его зовут Джонни, — сказала Ангелина и ахнула, когда очередной залп салюта расцвел в небе целым букетом.

А ночью, когда старая Ангелина спала словно ребенок, а железный Джонни в колпаке Санта Клауса сторожил ее сон, Рон спустился в подвал и что-то там делал почти до самого утра.

Новая жизнь вполне устраивала Рона. По крайней мере, на этом этапе. Старые дружки его потеряли, и он не очень

расстраивался по этому поводу — за ним числились какие-то долги, недостаточно большие, чтобы его начали искать, но весьма значительные для него персонально. Возвращаясь к своим старым занятием он тоже не горел желаниям — он понимал, что в этом случае рано или поздно снова угодит за решетку. А ему туда очень не хотелось.

Новая работа ему не то чтобы нравилась, но он с ней смирился. Она была необходимой платой за свободу. И он не считал, что эта плата столь уж велика. На работе иногда было весело и порой интересно. За работу неплохо платили, и эти деньги он мог тратить только на себя — ему не надо было оплачивать квартиру и еду. Все это было у бабушки.

В некотором роде, он был ей благодарен. Он хорошо помнил, как любил раньше ее визиты, как ждал конфет и подарков. Что-то шевелилось в его душе и сейчас, когда он видел ее, слышал. Он понимал, что она любит его. Любит таким, какой он есть. Он не рассказывал ей, чем занимался все эти годы, и она, кажется, даже не знала, что он сидел в тюрьме. Но он не сомневался — узнай она все, ее отношение к нему не изменится.

Он — ее внук. Единственный родной человек.

Человек...

Было еще одно близкое существо. Не кошка, не собака, не хомячок какой-нибудь. Железяка с пластмассовым лицом, похожим на театральную маску.

Иногда Рон, глядя как Джонни ухаживает за бабушкой Ангелиной, чувствовал нечто похожее на ревность.

И злился.

Но еще больше он злился, когда думал о том, что за ним постоянно наблюдают.

Он ненавидел слежку с детства, с приюта. Там было полно камер, воспитателей и доносчиков. Нельзя было даже в туалет сходить тайно, интимно — в унитазы были встроены датчики, они фиксировали, кто воспользовался туалетом, как именно, в какое время, они анализировали испражнения и сообщали *наверх*, если в анализе было обнаружено что-то подозрительное... А потом был колледж и кампус. Рон думал, что студенческая жизнь будет куда более свободной. Он

ошибся. Те же камеры, те же воспитатели, те же добровольные шпионы. Рон ненавидел доносчиков, а когда из-за одного из них его вышвырнули из колледжа, он возненавидел их сто крат сильней.

Это они — камеры, воспитатели и доносчики — сломали ему жизнь.

Так думал Рон.

— Эй, железный друг, подойди. — Рон стоял возле открытого хода в подвал. — Помоги мне кое-что поднять.

— Да, конечно, — с готовностью отозвался Джонни.

Раз в месяц, обычно по субботам, Ангелина ходила в церковь. Роботов в храм не пускали, поэтому Джонни оставался дома. Он лишь провожал Ангелину до такси, а потом встречал ее у калитки. Она отсутствовала два часа — всегда.

Два часа одиночества. Один раз в месяц...

— Она скоро вернется, — сказал Рон подошедшему роботу. — А мы подготовим ей сюрприз.

Железные ноги опустились на металлические ступени. Реагируя на движение, зажглась подвальная лампочка.

— Что тебе поднять, Рон?

— Сейчас покажу. Спускайся, не загораживай проход...

В подвале было холодно. С водопроводных труб капала вода, на бетонном полу темнели пятна сырости.

— Так что ты хотел, Рон?

— Там, у дальней стены.

— Что именно, Рон?

У дальней стены стоял верстак, заваленный инструментами. Рядом громоздились картонные коробки, из-под них выглядывал огромным стеклянным глазом старинный монстр-телефизор.

— Здесь ничего нет, — Джонни крутил головой. Совсем как человек.

— Посмотри под ноги, — сказал Рон и нажал красную кнопку, свисающую с потолка на проводе. Утробно зарокотал мотор, установленный на чугунном основании, закрутились блоки, загремела цепь, наматываясь на толстый вал...

— Здесь трос, — сказал Джонни. — Просто трос.

— Не просто, — ответил Рон. — Посмотри внимательно — и увидишь, что это петля.

Стальной трос зашипел змеей, скользнул по бетону, оплел ноги Джонни, сдирая розовый теплый пластик кожи, взлетел к потолку.

— Что?.. — подавился вопросом опрокинутый, вздернутый Джонни.

— Хочешь знать, что происходит, железяка?.. — Рон накинул аркан на правую руку робота; левую руку поймал ржавым капканом, привязанным к длинной палке. — А ничего особенного... — Он натянул веревку, насколько мог, привязал свободный конец к скобе, торчащей из стены. — Я тебя четвертую, разделяю, распотрошу... — Палку с капканом Рон медной проволокой примотал к трубам. — Я ненавижу таких как ты.

— Но я ничего не сделал... — Джонни слабо трепыхался. Ему никогда раньше не приходилось висеть вниз головой, и сейчас казалось, что весь мир перевернулся. — Я — друг.

— Вы всегда называете себя друзьями... — Рон шагнул в сторону, наклонился, поднял тяжелое кайло. — Вы говорите, что хотите сделать как лучше... — Он перехватил отполированную рукоять, сплюнул на бетонный пол. — Говорите, что заботитесь о моем благе... — Он тяжело дышал, глаза его сузились, как у снайпера, выбирающего жертву. — Говорите, что лучше меня знаете, что мне надо. И следите, следите, следите. Ненавижу!..

Первый удар пришелся роботу в висок. Взвизгнув, смялся металл черепа, посыпалась стеклянное крошево разбитого глаза, вязкое масло — словно загустевшая мертвая кровь — тонкой ниточкой черкнуло пол, нарисовав на нем черный иероглиф.

— Я знаю, ты работаешь на них. Они смотрят на меня твоими глазами. Они слышат меня твоими ушами. Ненавижу!..

Второй удар выбил Джонни решетку динамика. Шматком мяса отлетела к верстаку оторвавшаяся силиконовая губа. Белая пена залила развороченный рот.

— Ты ве́щь. Наша ве́щь. Что хочу, то и сделаю. А ты не смей делать то, что я ненавижу!..

Третий удар вспорол жестяной бок, вывалил наружу требуху проводов и шлангов.

— Я хоть иногда хочу быть собой... Я хоть иногда хочу быть один...

Рон, тяжело дыша, отложил кайло. Руки его дрожали, уголок рта подрагивал.

— Уж извини, железяка. Тут уж или я, или ты...

Он взял с полки дисковую пилу и воткнул вилку в розетку удлинителя.

У него было запасено еще много инструментов.

— А где Джонни? — спросила бабушка Ангелина, удивившись тому, что у калитки ее встретил не робот, а внук.

— Пошел в магазин. И пропал. — Рон выглядел встревоженным. — Вот уже полчаса как должен был вернуться. — Он посмотрел в конец улицы, словно действительно ожидал там увидеть Джонни. — Может, случилось что?

Они направились по тропинке к дому, то и дело оглядываясь.

— У нас же все есть, — недоумевала бабушка Ангелина. — Он же вчера весь холодильник забил.

— Он хотел что-то особенное купить. Сюрприз сделать.

— Это так на него похоже... Он ведь вернется, правда? — бабушка Ангелина остановилась перед крыльцом и с надеждой посмотрела на внука.

— Конечно, вернется, — заверил ее Рон и осторожно взял за руку.

Три недели она почти не спала, прислушивалась к каждому шороху на улице, подолгу сидела у окна, часто выходила на улицу, иногда забывая одеться, стояла, держась за невысокий забор. У нее пропал аппетит, к ней вернулись забытые болячки — бабушка Ангелина стремительно возвращалась в свой возраст.

А Рон делал вид, что занят поисками.

— В магазине его не было, — докладывал он. — Соседи тоже ничего не видели...

— Может, заявить в полицию?

— Я уже это сделал...

Полицейские приехали на обычном такси. Они были похожи на обожравшихся охотничьих псов, у них были ленивые умные глаза и слюнявые вялые рты. Рон запретил Ангелинē разговаривать с ними, он отвел их в сторону и долго объяснял, агрессивно жестикулируя, что у старушки пропал кот Джонни, и она сейчас немного не в себе, а кот был породистый, возможно, он не просто сбежал, а его увезли, украли, и было бы неплохо его вернуть, ведь таких котов немного, он почти чемпион, а бабушка в нем души не чает, чуть ли не за члена семьи считает, почти что за человека, иногда даже заговаривается...

— Они сказали, что роботов часто воруют, — отчитывался Рон, когда полицейские убрались. — Находятся умельцы, которые их перепрограммируют.

— Но он живой?

— Живой, — соглашался Рон, хотя точно знал, что Джонни мертв.

Джонни никогда не был живым.

— Может, все же, он вернется?

— Все может быть. Могло так получиться, что у него в мозгу что-то замкнуло, и он просто заблудился... Как знать...

Шли дни, и бабушка Ангелина постепенно стала привыкать к тому, что Джонни больше нет рядом. Но иногда она надолго уходила в свои мысли, цепенела, вздыхала тяжело, и Рон знал, о чем она сейчас думает, что вспоминает.

Шли недели — Джонни не возвращался, а бабушка Ангелина все еще его ждала. И бывали моменты, когда Рон, глядя на нее, жалел о том, что сделал.

И злился...

А потом кончилась зима.

А потом было лето.

— Вряд ли Джонни вернется, — сказала она однажды, и Рон вздрогнул. Он не ожидал услышать это.

— Прошло слишком много времени, — сказала она задумчиво и посмотрела на ходики. Она уже давно не видела

ни стрелок, ни цифр, но последнее время она стала замечать, что не может разглядеть и циферблат.

Ее зрение ухудшалось.

— Наверное, я скоро совсем ослепну, — вздохнула бабушка Ангелина. — А потом умру... Как жаль, что роботам нельзя ходить в церковь. Значит, мы не встретимся и на небесах...

Рон молчал.

— А может быть я умру раньше, чем ослепну. Это было бы хорошо.

— Ты проживешь еще долго. — Он погладил ее руку и вспомнил, как это делал Джонни. — С тобой все будет хорошо.

Она улыбнулась ему:

— Спасибо... Я так рада, что ты нашелся. Что ты сейчас рядом. Я так этого ждала. Много-много лет...

Рон смутился. Спросил неуверенно, тихо:

— А ты... ты ждала меня так же, как ждешь его?

Она не услышала.

Но Рон знал ответ. И злился.

Злился на себя.

Лето прошло незаметно.

Осень тянулась долго.

А потом высыпал снег, и время застыло совсем.

Бабушка Ангелина лежала в постели и тихо болела. Она совсем ослабела; иногда казалось, что ей не хватит сил для следующего вдоха. Рон сидел рядом и дышал вместе с ней.

— Помнишь наше прошлое Рождество? — спросил он. — Я тогда так объелся, что едва поднялся из-за стола. А ты все рассказывала о маме, о дедушке, обо мне...

— А потом Джонни принес альбом с фотографиями, — чуть слышно сказала бабушка Ангелина.

Рон кивнул.

Они молчали так долго, что автоматика притушила свет, решив, что люди заснули. Но Рон встрепенулся, и матовые лампочки вновь накалились.

— Скоро новое Рождество. И Новый год. Ты веришь в чудеса, бабушка? Я помню, ты всегда мне говорила, что они есть... Я помню твои чудеса...

На стене ходики звонкими щелчками отмеряли время. И Рон вдруг понял, что если бабушка умрет, то эти старинные часы остановятся. И тогда умрет сам дом — ведь ходики — это его сердце.

А вместе с домом умрет и время.

Время его короткого детства.

Темной тихой ночью за день до Рождества, когда бабушка Ангелина спала, Рон спустился в подвал и до самого утра что-то там делал.

— Просыпайся... — что-то холодное коснулось ее рук. — Просыпайся, бабушка Ангелина.

Она открыла глаза.

Светлое блестящее лицо склонилось над ней.

— Джонни? — выдохнула она, не сомневаясь, что видит сон.

— Это я. Джонни. Друг... — Его голос был похож на голос внука. — Я вернулся, но ненадолго.

— Ты... — Она чуть приподняла голову, пытаясь разглядеть черты его лица. — Где ты пропадал? С тобой что-то случилось?

— Меня сбил кар, когда я переходил дорогу. Но люди подобрали меня и отремонтировали. Если бы не они, я был бы сейчас на свалке.

Она провела сухой рукой по его лицу, поняла, что у него нет одного глаза, а правый висок помят.

— Так я не сплю? Это правда ты?

— Я. — Он улыбнулся ей — она поняла это по его голосу. — Джонни. Твой друг.

— Я так ждала, — она беззвучно заплакала. — Так ждала... Я уже не верила... А где Рон? — спохватилась она, и ее глаза прояснились.

— Он спит. Не надо, чтобы он меня видел.

— Почему?

— Мне кажется, он меня не любит. Пусть спит.

— Я скажу, что ты приходил.

— Ладно... — Он взял ее за руку. — Ты болеешь?

— Да... Немного... — Она прикрыла глаза. — Джонни...

— Что?

— Почему ты не можешь с нами остаться?

— Те люди. Они вложили в ремонт много денег. Я признателен им, я все должен отработать. И у них есть маленькие дети. Я не могу их оставить. Может быть, позже. Но только не сейчас. Они так ко мне привязались...

— Тебе хорошо с ними?

— Да. Мне там нравится. Но я постоянно вспоминаю о тебе.

— Джонни... — Она крепко сжала его железные пальцы, не зная, что делает больно внуку. — Джонни...

— Выздоравливай... — Его голос дрожал. — Я еще приду. Скоро. На Новый год. Я буду тебя навещать, ты только поправляйся...

Она поправилась.

И жила еще долго. Потому что рядом с ней был любимый внук Рон. Потому что иногда ее навещал старый друг Джонни.

Странное дело — Джонни появлялся, лишь когда Рон куда-нибудь уходил; они словно специально избегали встреч. Но иногда бабушка Ангелина просила Джонни что-нибудь спеть, и когда она слушала его песню, ей начинало казаться, что сейчас, здесь они собирались все вместе — все трое — ее настоящая крепкая семья.

*Снежинки — маленькие феи,
Кружат, скользят с небес к земле.
И на душе у всех теплеет,
И год встречаем мы в тепле...*

Именно эту колыбельную когда-то давным-давно она пела своему маленькому внуку.

Именно эту колыбельную так любил петь ей Джонни.

Михаил Кликин

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ

Он проснулся и, не открывая глаз, потянулся привычно к кнопке звонка. Пальцы скользнули по шершавой стене, задели провод и уже по нему добрались до прохладной металлической пуговки. Он вдавил ее и долго удерживал в нажатом состоянии, как обычно пытаясь услышать сам звонок. И, как обычно, ничего не услышал.

Плотно сомкнутые веки не мешали ему видеть яркий утренний свет.

Шторы опять открыты. Снова солнце светит прямо в лицо, разбрасывает живые теплые пятна по чистой, безупречно чистой, комнате. Очередное безоблачное, освеженное ночным дождем утро за окном.

Идеальный мир. То, ради чего он воевал. Ради чего отдали свои жизни другие...

Он потянулся, все еще не торопясь прозреть. Сел на жесткой кровати, отвернувшись от солнца. Спустил ноги на теплый пол, вслепую нащупал голыми ступнями мягкие домашние тапочки. Забавные такие тапочки: глубокие, бархатные, с пушистыми большими помпонами. Похожие тапочки были у него до войны, дома...

За дверью раздались шаги. Ровно минута и двенадцать секунд прошло с того момента, как он нажал кнопку. Минута и двадцать секунд — это было в сценарии каждого

© М. Кликин, 2005.

дня. Следом должна последовать фраза: «Здравствуйте, Катис».

Дверь бесшумно отворилась — он уловил это по движению воздуха.

— Здравствуйте, Катис.

Он открыл глаза и сварливо сказал:

— Хоть бы один единственный раз вы произнесли что-нибудь другое. Вечно это: «Здравствуйте, Катис».

Высокий молодой человек, закутанный в ослепительно белый халат, чуть кивнул головой:

— Хорошо.

— Что у нас на сегодня?

— Сначала завтрак...

— Об этом я догадывался и пять лет назад.

— Затем душ...

— Не тяните резину, Свитес.

— ...просмотр утренних новостей, работа с почтой, обед, два часа гипносна...

— Хватит! Все это я знаю. Есть что-то новое?

— Да.

— И что же это?

— Утка с яблоками на ужин. Кремовый торт. И хороший коньяк.

— Коньяк? Хм! Немного не то, что я ожидал. Но тоже неплохо. В честь чего все это?

— У вас сегодня день рождения.

— Вот уж действительно, что-то новое! У меня же никогда не было дня рождения.

— В архивах мы нашли ваши старые документы. Там есть эта дата.

— Сегодня?

— Сегодня.

— И сколько же мне исполняется лет?

— Сто два года, Катис.

— Подумать только! Немудрено, что я растерял всю свою память.

Высокий человек в безупречно чистом халате чопорно кивнул и вышел за дверь. Через пару мгновений

он вернулся, катя перед собой тележку-столик с завтраком.

— Сначала оденетесь или будете завтракать прямо так? — поинтересовался он.

— Зачем одеваться? Эта пижама меня вполне устраивает.

— Как хотите, — молодой Свитес пожал плечами и придвинул тележку к самой кровати. Ловкими движениями он снял с тарелок крышки, достал из небольшого выдвижного ящика вилку, нож, положил перед старым Катисом. — Сделать вам бутерброд?

— Не надо. Я сам.

— Кофе со сливками?

— Не трогайте. Сегодня я буду пить черный.

— Как скажете, — Свитес отступил на шаг, вытянулся возле двери, замер.

Катис посмотрел на него, хмыкнул и принялся за еду. Нехотя он ковырнул вилкой салат, но тут что-то пришло ему в голову, и он встрепенулся:

— Послушайте, Свитес!

— Да?

— Сегодня ведь мой день рождения?

— Да.

— И вы мне нальете коньяк?

— Да.

— Так может вы дадите мне самую чуточку сейчас?

К завтраку. А?

— Нет.

— В кофе. Всего несколько капель.

— Нет.

— Но почему?

— Утром алкоголь вреден.

— То же самое я всегда говорил своим боевым товарищам, — разочарованно вздохнул Катис. — Но сам этому никогда не верил... Значит, нет?

— Нет.

— Окончательное нет?

— Да.

— Что — «да»?

— Да, окончательное нет.

— Вы меня запутали, Свитес. И я вынужден капитулировать... — Катис вернулся к салату, нехотя пожевал зелень, отодвинул тарелку. — Уберите. Не хочу есть. Подожду лучше утку с яблоками.

— Как угодно, — Свитес отодвинул столик, выкатил его за дверь, вернулся. — Ванна готова.

— А может обойдемся без этого? Знаете, Свитес, я почему-то думаю, что сегодня будет необычный день.

— Сегодня ваш день рождения.

— Вот-вот. Мне хочется верить, что этот день будет особым.

Катис встал. Шаркая по стерильно чистому полу стоптанными тапочками, подошел к вечно закрытому окну, выглянул на улицу. На свободу.

Яркое солнце зависло над бескрайним лесом. Кругом, куда ни кинь взгляд, сплошная нескончаемая зелень: рощи, перелески, местами торчат темные пики хвойных деревьев, клубятся кущи разросшихся ивовых кустов. Горизонт, размытый туманной дымкой, отступил невообразимо далеко...

— Красиво, — выдохнул Катис. — На каком мы этаже?

— Здесь один этаж.

— Ну, тогда сколько метров до земли?

— Чуть больше двухсот.

— Да, конечно. Я вспомнил... Склероз, Свитес, презабавная вещь... Конечно же, двести двадцать метров. Башня... Я чувствую себя принцессой, заточенной в замке. Где же мой принц, где мой избавитель? Свитес, вы случайно не принц?

— Нет, Катис. Я дракон, который вас сторожит.

— О! Вы сегодня даже шутите! Действительно, что-то случится... — Катис залез на подоконник, привалился спиной к толстому прочному стеклу, за которым разверзлась зеленая пропасть. — Знаете, Свитес, я мечтаю когда-нибудь выйти отсюда. Вдохнуть полной грудью свободный воздух. Мне почему-то кажется, что он сейчас совсем другой. Не тот, что был до войны. Не так ли?

— Не знаю. Я родился, когда война уже закончилась.

— Воздух должен благоухать, цвести, веять. Воздух должен гудеть, шелестеть, шуршать. Он должен жить. Дышать. А не как здесь...

— Вам же известно, что вы не можете находиться за пределами башни.

— Вы мне постоянно об этом напоминаете, ничего толком не объясня.

— Я неоднократно говорил, что башня поддерживает нормальную жизнедеятельность вашего организма. Она управляет вашим стимулятором сердца и...

— Вот не надо начинать все с начала! — запротестовал Катис. — Я совершенно здоров и отлично себя чувствую. Я просто уверен, что этот стимулятор вы выдумали, чтобы удержать меня на месте...

— Вам сто два года, не забывайте.

— Разве я могу это проверить? Я выгляжу максимум на шестьдесят.

— Вам сто два года. А то, как вы выглядите, это заслуга башни. И медицины.

— Какая к черту медицина! Неужели вы думаете, будто я способен поверить, что для поддержания меня в живом состоянии, — Катис хмыкнул, скривился, — необходима огромная башня в двести метров высотой?

— Двести двадцать метров.

Они долго глядели друг другу в глаза и молчали. Первым взгляд опустил Катис.

— Ладно, черт с вами! Пусть будет так. Но рано или поздно я решу и эту загадку. Я ведь уже решил одну, — старик хитро прищурился. — Сказать, какую?

— Как угодно.

Катис вновь поднял голову и заглянул в молодое лицо Свитетса. Посмотрел пристально, серьезно. Сказал:

— Вы ведь не тот, кем кажетесь. Не так ли?

Свитетс выдержал взгляд, пожал плечами.

— Все мы не те, кем кажемся.

— Не надо притворяться, что не понимаете. Не надо... Вы отлично знаете, что я имею в виду... Вы не человек, Свитетс.

— С чего вы взяли?

— Ага! Заинтересовались! Ищете, на чем прокололись?.. Свитет, я сейчас же хочу поговорить с человеком.

— Я человек.

— Нет, Свитет, нет. Я хочу поговорить с настоящим человеком. Понимаете? С настоящим!

— Хорошо, только не волнуйтесь. Вам вредно так возбуждаться.

— Я перестану волноваться, когда поговорю с человеком!

— После обеда я направлю к вам доктора Раксина.

— Доктор Раксин? Ха! Он такой же, как и вы. Все здесь — и доктор Раксин, и вы, и уборщик — не помню его имени, и... — Катис вдруг остановился, захлебнувшись неоконченным словом. Лицо его налилось краской. Он что-то неразборчиво просипел, словно задыхался. Сгорбился, закрыл рот ладонями и зашелся в приступе яростного хриплого кашля.

Свитет подошел и положил руку старику на спину, поддерживая содрогающееся тело.

— Все... Спасибо... — Катис откашлялся, перевел дыхание. Глаза его слезились, на носу висела мутная капля. Он утерся.

— Вам не следует волноваться, — укоризненно сказал Свитет. — После обеда к вам зайдет доктор, поговорите с ним. Мне кажется, вам нужна помощь.

Катис промолчал, разглядывая мокрую ладонь...

Писем на этот раз было немного. Чуть более десятка.

— Вы только послушайте, Свитет, — оторвался от чтения Катис. Старик лежал на кровати, на неубранной постели, прямо поверх скомканного белья, наплевав на все обычные правила. — Цитирую: «Дорогой Солдат! Мы узнали, что сегодня Ваш День Рождения. Поздравляем Вас и желаем крепкого здоровья и долгих лет жизни. С любовью и признанием, сотрудники архива Главного Исторического Центра...» — Катис отложил письмо, перевернулся на

бок. — Знаете, Свитес, я давно заметил, что чем старше человек, тем меньшего ему желают. Молодым — и денег, и удачи, и успехов в делах, и счастья, и... Мало ли что там еще! А к старости остается лишь вот это: здоровья и годов жизни... Вот вам, Свитес, желали когда-нибудь долгих лет жизни?

— Нет.

— Впрочем, я забыл. Вы же не живете. Вы не человек.

Катис взял очередной конверт, вытащил листок, развернул его и стал читать вслух:

— «Уважаемый Солдат! Недавно я смотрел фильм, где вы рассказываете об ужасах последней войны. Должен сказать, что увиденное потрясло меня до глубины души. Это письмо я пишу для того, чтобы сказать вам: я восхищаюсь вашими подвигами, подвигом вашего поколения. Вы сделали все возможное, чтобы спасти мир. Вы сохранили для нас Будущее. Вы позволили нам жить здесь и сейчас. Спасибо вам за все! В вашем лице я благодарю всех наших солдат, которых уже нет в живых, всех тех, кого вы знали, кого помните. И тех, с кем вы никогда не встречались. Спасибо! С наилучшими пожеланиями, Шемир из города №33». — Катис хмыкнул. — Столько восторгов! Пожалуй, ему надо будет отправить ответ. Стандартный бланк.

— Сделаем, — отозвался Свитес.

— И знаете, Свитес, что странно? Ведь я известный человек, не так ли?

— Да, конечно.

— Я — Последний Солдат. Последний человек из тех, что пережил войну и дожил до настоящего момента. Про меня рассказывают в школах, меня показывают по телевизору, в кино. Читают мои книги... Да?

— Да.

— Но почему тогда мне не пишут дети? Почему все письма приходят от взрослых?

Свитес ответил не сразу. Кашлянул в кулак, чтобы скрыть секундное замешательство.

— А вы этого хотите?

— Почему бы нет?

— Ну... Просто у нас есть правило... Что... э-э... к Последнему Солдату обращаться могут лишь совершеннолетние... дееспособные граждане. Но школьники пишут сочинения. Если хотите, я могу достать некоторые.

— Если вас не затруднит.

— Хорошо.

— Вот и чудно.

Катис удовлетворенно кивнул и наугад вытянул еще одно письмо.

После обеда пришел доктор Раксин, высокий мужчина средних лет, смуглый, черноглазый, вечно всклокоченный. Он ворвался в дверь, поставил у порога свой чемоданчик, прошелся по периметру комнаты, что-то выглядывая, вынюхивая — микробов? заразу? — и лишь завершив инспекцию, поздоровался:

— Здравствуйте, Катис.

— Привет, док.

Свитет ушел, укатив тележку-столик с обедом, к которому Катис почти не притронулся.

— Что, отсутствует аппетит? — озабоченно спросил доктор, присаживаясь на край кровати.

— Ну какой аппетит в мои года? Знаете, у меня сегодня день рождения.

— Да, я слышал. Сто два года. Поздравляю.

— Спасибо.

— Жалобы есть?

— Нет. Все хорошо.

— А мне передали, что вы о чем-то хотите со мной поговорить.

— Не с вами, док. С человеком.

— А врачи что, не люди?

— Некоторые.

— Я, например?

— Да.

Раксин мягко улыбнулся.

— Вы внушаете мне опасения, Катис. У вас появляются странные мысли. Быть может, вы поясните?

— Это вы, быть может, поясните?

— О чём вы?

— О том, почему мне не дают увидеться с людьми.

— С другими людьми?

— С любыми людьми. С настоящими.

— Но...

— Не надо начинать все с начала. Вам меня не переубедить. И не смотрите на меня, словно на ненормального. Я в своем уме, я твердо знаю это... Хорошо, я все объясню. Но потом ваша очередь давать объяснения. Договорились?

— Я не понимаю, о чём вы...

— Док!

— Хорошо, рассказывайте.

Катис, лежа на кровати, какое-то время пристально вглядывался в обеспокоенное лицо доктора. Затем тяжело вздохнул, словно убедился в своих худших опасениях и сказал:

— Вот и сейчас. Вы не дышите. Ваши ноздри неподвижны, ваша грудь не поднимается. Вы глотаете воздух лишь тогда, когда говорите...

— Вам кажется.

— Не перебивайте!.. Вы не дышите, но не это самое главное. Вы не стареете, вот что. Конечно, вы достаточно умны, чтобы менять персонал каждые пять лет. Но и за пять лет человек, иной раз, сильно меняется. Человек! Люди! Но не вы!

— Катис!

— Подождите! Позвольте мне выложить все... Смутные подозрения зародились у меня давно, лет десять назад, а может и раньше... Эта ваша похожесть в движениях. Не знаю, как точно выразиться. Однаковая пластичность, что ли... И манера говорить. У всех у вас одна и та же интонация! Однаковые слова. Вечная серьезность, деловитость, озабоченность. Сухость. Никто не поделится проблемами, не расскажет о семье, не похвастается успехами детей... Это так странно. Но тогда я еще не понимал, кто вы такие. Не придавал особого значения всем этим странностям... А примерно

год назад я увидел мойщика окон. Он стоял в своей подвесной люльке и тер стекла с той стороны, не обращая на меня внимания, не заглядывая в комнату. Но зато я не отрывал от него взгляда. Ведь я его уже видел. Да! Это был ваш прокол, который открыл мне глаза. Знаете, док, у меня отличная память на лица, а склероз — весьма забавная штука. Я могу забыть, о чем и с кем говорил вчера или позавчера, но в то же время воспоминания десятилетней давности могут остаться необычайно яркими и близкими... Этот паренек был мне знаком. Он уже мыл эти окна примерно двадцать лет назад. И он ни капли не изменился с тех пор. Тут меня и осенило. Вы все — не люди!.. Но я хотел убедиться в этом. В тот же день я, словно бы случайно, разбил стакан и довольно сильно оцарапал запястье Свитеса. Он схватился за порез, развернулся и быстро ушел. Я обследовал пол и нигде не увидел ни единого пятнышка крови. Хотя кровь должна была быть там. Должна была, если бы Свитес оказался человеком. Но он им не был! С того дня я стал замечать многое, на что раньше попросту не обращал внимания. Знаете, на шее у людей всегда бьется маленькая синяя жилка. Ее хорошо видно при повороте головы. Особенно на свету. По ней можно считать пульс. А у вас пульса нет. Нет этой жилки. У вас нет сердца... Так кто же вы? Кажется, я знаю... Помню, в последние годы войны было много разговоров о создании человекоподобных роботов. Андроидов, киборгов — по-всякому называли. Никто их лично не видел, но кое-кто утверждал, что эти машины воюют как на нашей стороне, так и на стороне противника. Говорили, что внешне их почти невозможно отличить от человека. Утверждали, что они разумны. По крайней мере, разумны настолько, чтобы понимать и выполнять приказы командира. Вполне достаточно для хорошего солдата. Говорили... — Катис махнул рукой, — да много чего говорили!.. Док, скажите честно. Вы — робот?

Доктор Раксин отвел глаза.

— Послушайте, Катис. Это бред, что вы мне рассказали. Я не большой специалист в... этих отклонениях... в психике... но... Мне надо посоветоваться с коллегами. — Он рывком встал, подхватил свой чемоданчик и быстро вышел.

— Приведите ко мне человека! — крикнул вслед ему Катис.

Дверь захлопнулась.

Пока Катис спал, убаюканный тихим шепотом гипнотической установки, на втором этаже башни, в небольшой комнате, где вместо мебели вдоль стен выстроились разнокалиберные мерцающие экраны, проходило экстренное совещание.

— Он догадался, Шеф, — сказал доктор Раксин. — И догадался достаточно давно.

Высокий, слегка сутулящийся человек, в черных волосах которого проглядывала седина, нахмурил густые, сросшиеся на переносице брови:

— К вечеру я хочу видеть подробный доклад. Изложите все, не пропуская ни малейшей детали.

— У нас есть записи.

— Сделайте копии и проложите к делу.

— Мы можем посмотреть их прямо сейчас, — вмешался Свитес.

— Здесь?

— Конечно, Шеф.

— Давайте.

— Одну минуту... — Свитес повернулся к компьютеру, кисти его легко порхнули над клавиатурой, пальцы хищно клюнули клавиши. На самом большом мониторе появилась картинка: кровать, Катис, доктор Раксин. Скрытая камера снимала из угла сверху, и поэтому лица были плохо видны.

— ... Вы не дышите, — говорил Катис, горестно качая головой. — Ваши ноздри неподвижны, ваша грудь не поднимается. Вы глотаете воздух лишь тогда, когда говорите...

— Вам кажется. — Доктор на мониторе выглядел так, словно только что получил мощнейший удар в челюсть.

— Не перебивайте!.. Вы не дышите, но не это самое главное. Вы не стареете, вот что. Конечно...

Храня молчание, Свитес, Шеф и Раксин досмотрели запись до того места, где доктор сорвался и выбежал из комнаты. И из кадра.

— Приведите ко мне человека! — поднимаясь на локте, крикнул Катис с экрана. — Я хочу видеть настоящего человека, — повторил он уже чуть тише, после того, как хлопнула закрывшаяся дверь. Совпадение или нет, но эти слова старик сказал прямо в камеру...

— Все-таки он не знает самого главного, — сказал Шеф, когда Свитес остановил запись.

— Сколько ему понадобится времени, чтобы понять остальное? — спросил доктор.

— Я думаю, ему надо все рассказать, — высказался Свитес.

— Все? — Шеф хмыкнул.

— Да.

— А я против! — вскинулся Раксин. — Это будет для него ударом. Он не выдержит. Не забывайте, он стар. Очень стар.

— Мы это помним, — хмуро ответил Шеф. — Так что вы предлагаете, доктор?

— Я?.. Я?..

— Да, вы.

— Ну, не знаю.

— Чистка?

— Нет... Я не уверен, что это лучший вариант. У него и без того прогрессирующий склероз, а чистка... Нет-нет. Только в крайнем случае, когда уже не останется ничего другого.

— То есть, вы считаете, что сейчас не крайний случай?

— Я не знаю! В конце концов я всего-навсего доктор. А не Шеф. Вы здесь Шеф, вам и решать.

— Да, решать мне... Ну, а вы что думаете, Свитес?

— Я думаю, что надо попробовать вариант «2-А».

— Говорите по-человечески, Свитес! — Шеф нахмурил брови. — Что это за «2-А»?

— Месяц назад я представлял вам список возможных экспериментов. Там был вариант «2-А». Реакция объекта на истину.

— Ах это! Помню. То есть вы хотите пронаблюдать, как Солдат отреагирует на правду?

— Хотя бы на часть правды.

— А я против, — вновь высказался Раксин.

— Помолчите, доктор. Вы верно заметили, что решать мне.

— Не буду молчать! Последний Солдат — это мировое достояние. Это наше прошлое, наша история, наши корни. А вы собираетесь его попросту убить. Неужели вы не понимаете, что он этого не перенесет, не выдержит? Я категорически против!

— Хватит, доктор. Мы уже слышали ваше мнение.

— Здравствуйте, Солдат!

Катис открыл глаза.

— Что за черт? Вы кто?

— Меня зовут Шеф.

— Хорошее имя, — усмехнулся Катис. Он сел на кровати, пристально всмотрелся в нового посетителя.

— Можете не вглядываться. Жилка на шее у меня не бьется, и воздух я глотаю лишь тогда, когда говорю.

— Хорошее начало. Вранья больше не будет?

— Не будет.

— Присаживайтесь. Знаете, у меня сегодня день рождения.

— Я постою. Поздравляю.

— Как вам угодно. Спасибо.

Они открыто смотрели друг на друга: Оценивали.

— Так как мы построим нашу беседу? — спросил Катис. — Я буду задавать вопросы, а вы на них отвечать, или же вы сразу все мне расскажете?

— Что вы хотите знать?

— Прежде всего, почему я здесь заточен, словно какой-то преступник?

— Вы свободны.

— Я свободен? Свободен!? — Катис хохотнул. — Ну да, конечно, все относительно. Я свободен в пределах башни. Вот эта комната, ванная, туалет, библиотека, рабочий кабинет, в который я уже несколько месяцев не заглядывал.

И темные, полные сквозняков коридоры, ведущие в никуда, оканчивающиеся тупиками. Но моя настоящая свобода там, — он протянул руку к окну, — за толстым стеклом. Эти леса, солнце, небо. Ветер, который колышет верхушки деревьев, и я вижу его, но не могу почувствовать. А вы говорите «свободен». Шестьдесят лет я сижу на одном месте...

— Шестьдесят восемь, — тихо поправил Шеф.

— Шестьдесят лет вижу одни и те же лица...

— Шестьдесят восемь.

— Что вы говорите? Тем более! Мне кажется, что такой срок велик даже для маньяка-убийцы... Впрочем, я действительно убивал.

— Вы воевали.

— Я убивал... — Катис досадливо махнул рукой, вылез из-под тонкого одеяла, спустил ноги на пол. — Впрочем, я увлекся. Я задал простой вопрос и пока не получил на него ответа. Так почему же я сижу здесь?

— Потому что мы оберегаем вас.

— От чего?

— От действительности.

— Послушайте!..

— Нет, Катис. Теперь вы меня послушайте! — Шеф набычился, ссугуился больше, чем обычно, скрестил руки на груди. — Если вы спокойно воспримите то, что я вам сейчас скажу, то, быть может, с сегодняшнего дня ваша жизнь изменится.

— И я выйду отсюда? Увижу людей?..

— Нет, Катис. Вы никогда не увидите людей.

— Почему?

— Война... Людей больше нет. Человечество вымерло. Как вид. Полностью.

— Что?

— Вы оказались совершенно правы. Мы не люди. Мы роботы. Разумные механизмы с гибким интеллектом. Мы самосовершенствуемся, развиваемся. Прогрессируем. Мы по-настоящему разумны. Может быть даже разумней, чем были люди. Но мы не люди. Человечества больше не существует.

— Вы... Вы хотите сказать... что я последний?.. — Катис смотрел в глаза собеседнику, заглядывал искоса, чуть прищурясь, словно надеясь увидеть там искорку лукавства. Он пока не совсем понимал. Не мог понять. Принять... — Я последний? По настоящему последний? Единственный? И никого... я... но...

— Людей больше нет, Катис, — жестко повторил Шеф. — Только мы.

— Но... — Катис встал, оперся рукой о спинку кровати. Он не чувствовал ног, в голове что-то надрывно гудело, перед глазами все плыло, стены смазались, медленно тошнотворно качалась мебель. Он шагнул вперед. — Но... я... Я... Я! — выкрикнул он отчаянно и хрипло. — Я!

Воевал. Ради чего? Этого?

Идеальный мир.

Все правильно. Ни единого человека на целом свете. Только он.

— Я! — Его лицо задергалось.

И работы.

Робот что-то говорил, Катис видел, как открывается его рот, как шевелятся губы. Но слов не было. Катис ничего не слышал. Только в голове что-то бешено визжало. Выло, словно падающая авиационная бомба. Пикирующий бомбардировщик.

... вы сохранили для нас Будущее...

Для нас!

... вы позволили нам жить здесь и сейчас...

Жить!

... спасибо вам за все!...

За все! Спасибо!

Он запрокинул содрогающуюся голову и захочотал. Пена выступила на губах. Вывалился язык. Шею сводило тиком.

Череп был готов разорваться. Прямо в мозг рушилась огромная бомба. Скрежетала. Подывала.

Что-то вспыхнуло. В голове. Ярко.

Взорвалось.

И тотчас тьма чернильной кляксой расползлась перед глазами.

Тишина.

Катис запрокинулся, раскинув руки, и тяжело рухнул, ударившись затылком о кровать.

В операционной был прохладно.

— Ну, что там? — спросил ШФ-541.

— Дрянь дело, — отозвался ремонтник, заглядывая во вскрытую черепную коробку. — Где вы такую рухлядь достали? Если не ошибаюсь КТС-23?

— Да. Ты не ошибся. Боевой робот-андроид КТС-23.

Участник войны. Это Солдат.

— Серьезно? Последний Солдат? Тогда буду осторожен.

— Уж постараитесь.

В дверном проеме показался доктор РКСН-2. Он приблизился к столу, мягко отстранил ремонтника, сам осмотрел повреждения.

— Ну что, док? — спросил ШФ-541.

— Я предупреждал, — отозвался доктор. — Он не перенес удара. Инсульт.

ШФ-541 удивленно вздернул левую бровь.

Ремонтник пояснил:

— Короткое замыкание в третьем процессорном модуле. В результате возникшего перегрева капилляры системы охлаждения разрушились, и жидкость залила часть схемы.

— Восстановить можно?

— Можно, конечно. Только вот таких процессоров уже давно не выпускают. Но я подберу аналог. Правда придется понижать частоту и...

— Ладно, работай. — ШФ-541 повернулся к доктору, — Что ж, Раксин, вы оказались правы.

— Да, Шеф. Но меня это не радует.

— Меня тоже.

— Что дальше?

— Ничего. Как обычно. Подлатаем, потом проведем чистку.

— Опять чистка?

— Да не волнуйтесь вы так! Что тут такого — почистим память, уберем лишнее...

— Эта память — наше достояние. Солдат — наша история. А вы...

ШФ-541 раздраженно махнул рукой, прерывая доктора.

— Он же псих. Безумец. Шизофреник. Робот-шизофреник, забавно, не правда ли? Понял, что вокруг него одни роботы, но не заметил, что сам такой же, что и жилка на шее у него не бьется, и дышать не умеет...

— А он дышал... — Доктор смотрел в пол. — Дышал! Он не такой, как мы... Я вынужден сообщить о произошедшем Мировому Совету.

— Это ваше право.

— Надеюсь, на ваше место поставят другого человека.

— Человека, док? — ШФ-541 ухмыльнулся. — Человека?...

Катис нажал кнопку, возвещая миру о своем пробуждении, и открыл глаза.

Шторы снова открыты. В окошко заглядывает солнце, разбрасывает свои желтые теплые семена по стерильно чистому полу.

Катис с удовольствием потянулся, зевнул.

Что-то ведь снилось. Нехорошее. Темное. Жуткое.

Но он не помнил, что.

Дверь открылась. В комнату вошел Свитес. Утренний Свитес по прозвищу «Здравствуйте, Катис» и сказал:

— Доброе утро.

Катис удивленно вскинул бровь.

— Действительно, доброе.

— С днем рождения.

— Что?

— С днем рождения, Катис. Сегодня вам исполнилось ст. два года.

— Вы что, серьезно? День рождения? И сто два года? Действительно сто два?

Свитес широко улыбнулся и кивнул.

— Это ж надо! Сто два года! Не мудрено, что память меня иной раз подводит... Но вы уверены? У меня никогда не было дня рождения.

Свитес улыбнулся еще шире и вышел за дверь. Через мгновение он вернулся, держа в одной руке бутылку, а в другой бокал.

— Держите, Катис.

— Что это? Неужели коньяк? О, Боже! Настоящий коньяк!

Свитес поставил открытую бутылку на пол и подошел к окну.

— Знаете, — задумчиво сказал он, разглядывая зеленый океан внизу, за стеклом. — Сегодня на улице такой приятный ветер. Он благоухает, цветет, веет. Он гудит, шелестит, шуршит. Он живет. Дышит.

— Зачем вы мне это говорите?

— Действительно, зачем я это говорю? — негромко повторил Свитес и легким толчком распахнул створки окна. В помещение ворвался ветер, протяс занавески, обежал комнату по кругу, хлестнул Катиса в лицо. Тот вскочил, едва не опрокинув початую бутылку.

— Что это, Свитес? Господи! Окно...

— Да, мы его немного переделали.

— Немного?.. — Катис негромко засмеялся. — Это вы называете немного? Немного!.. — Он стремительно подошел к окошку, высунулся наружу, лег животом на широкий подоконник, заглянул в двухсотметровую пропасть. Вдохнул полной грудью. Блаженствуя, прикрыл глаза. Прoshептал:

— Господи. Это же лучше, чем коньяк.

Свитес, улыбаясь, смотрел на него. Через минуту он вышел из комнаты и вернулся, волоча за собой по полу большой бумажный мешок.

Катис, услышав шуршание, открыл глаза.

— Что это? Подарки на Рождество?

— Это письма. Письма от детей. Они поздравляют вас с днем рождения. Хотите, я почитаю?

— Хочу ли я? Ха! Свитес, вы сегодня задаете странные вопросы! Конечно же, читайте! — Катис с ногами вскараб-

кался на подоконник, привалился спиной к стене. Вновь за-жмурился.

— Хорошо... — Свитет присел на угол кровати, пошелестел бумагой и начал: «Дорогой любимый Солдат!..» — Он кашлянул, словно вдруг чего-то смутился.

— Что же вы замолчали? — встрепенулся Катис, не открывая глаз.

Свитет снова кашлянул, неловко улыбнулся и спросил негромко:

— Хорошо быть человеком, правда, Катис?

— Да, Свитет.

Они помолчали, вдыхая лесную свежесть, подставляя лица ласковому солнцу. Далеко внизу шумел бескрайний лес. Шелестел, шуршал, гудел. А рядом живой ветерок трепал занавески, хлопал тканью, играл...

— Человеком быть хорошо... — еще раз подтвердил улыбающийся Катис. — Ну, что же вы? Читайте дальше!

НАШ ДИВНЫЙ,
НОВЫЙ МИР

Сергей Галихин

УЛЫБКА САТАНЫ

Благими намерениями
вымощена дорога в Ад...

Сэмюэл Джонсон.

За час до полудня прозрачные голубовато-зеленые волны теплого океана с тихим плеском бились о белоснежный борт большого катера, пришвартованного к невысокой деревянной пристани. Загорелый, атлетического сложения человек, в длинных шортах песочного цвета, сандалиях и пестрой рубашке с коротким рукавом, вышел из палубной надстройки. Прищурив глаза, он посмотрел на высокое небо. Яркое солнце ослепило его, порыв ветра разметал рассстегнутую рубаху. Человеку было чуть меньше сорока лет и звали его Андрей. Андрей был биологом, последние пятнадцать лет после окончания института изучал жизнь небольшого тропического острова Таёнга, населенного двумя сотнями аборигенов. Уже четыре года он занимал должность начальника международной научной станции. Опустив голову, Андрей натянул выцветшую панаму цвета хаки, взялся за ручки большого пластикового ящика. Поставив его на пристань, Андрей с легкостью запрыгнул на бамбуковый настил, проверил, хорошо ли привязал швартовый и, снова подняв ящик, пошел к большой хижине, стоявшей в тени пальм. Еще два дня, и он навсегда уедет с этого чудесного острова домой в Европу.

© С. Галихин, 2005.

Несмотря на то, что за пятнадцать лет Андрей вдоволь на-
глотался морской воды во время штормов, до одури нажа-
рился под палящим солнцем, ему было немного грустно.
Привык он, что ли...

У дверей хижины, с банкой пива в руках, Андрея
встречал Томас. Из восемнадцати человек, составлявших
штат научной станции, на острове остались всего четверо.
Томас Фишер — двадцатидевятилетний орнитолог из Бава-
рии, Мишель Бове — пятидесятилетний врач из прекрасно-
го города Дижона, Андрей и его жена Динака — стройная
очаровательная мулатка с зелеными глазами. На острове
Динака учила детей аборигенов, помогала мужу в исследо-
ваниях.

— Как сплавал? Все в порядке? — спросил Томас и сде-
лал глоток.

— В порядке, — ответил Андрей. — Камеру с коралло-
вого рифа я так и не нашел.

Андрей вошел в хижину, поставил ящик на стол. Томас
вошел следом.

— Шторм был очень сильный. Забудь про нее.

— Зато нашел «четверку», которую Карлос потерял ме-
сяц назад.

Томас хотел сделать еще глоток, но тут же опустил
банку.

— Разбита? — спросил он с надеждой в голосе.

— Кажется нет. Посмотришь вечером?

— Конечно, — с готовностью ответил Томас. — Ее со-
рвало с крепления?

— Нет. Немного занесло водорослями.

— Если чип памяти не поврежден... двести девяносто
часов непрерывной видеозаписи... — Томас опустился в пле-
теное кресло. — Там может быть много интересного.

— Я пять лет тебя знаю как прекрасного ученого, — вы-
кладывая на стол приборы, сказал Андрей, — но мне кажет-
ся, тебе самому не нравится эта работа.

— Что ты имеешь ввиду? Станцию или орнитологию?

— Про станцию мне как раз все ясно, — сказал Андре-
й. — Саманта из тех женщин, за которыми не только к ды-

карям на остров, на дно морское идут, не задумываясь. Я имею ввиду профессию. Конечно, немногим удавалось в двадцать восемь лет защитить кандидатскую диссертацию, но мне кажется, ты с большим интересом ковыряешься в электронике, в машинах. У тебя золотые руки.

— Однажды я дал слово узнать про птиц все. И я его сдержал, — Томас сделал очередной глоток. — Технику с детства люблю. С двенадцати лет ходил в картинг-клуб, а мой отец держал небольшую радиомастерскую, которая по наследству перешла к нему от деда.

— Гены, — улыбнулся Андрей.

— Как-то в школе, на уроке зоологии, меня вызвали к доске. Урока я не знал, мы весь вечер провозились с картом, в воскресенье должны были быть соревнования. Старая грымза знала об этом и нарочно вызвала меня. Я вообще-то был отличником, но любил пошалить. Фрау Марта была глупа как пробка. Она выучила учебники наизусть и не знала ничего другого. Считала, что этого достаточно для того чтобы учить разуму детишек. Мы любили над ней издеваться, задавая вопросы не по школьной программе. В общем, меня в тот день подняли на смех. Было так обидно, что я даже чуть не расплакался. Вот тогда я ей и сказал, что узнаю про птиц все. А когда узнаю, приду в школу и устрою ей экзамен. И все поймут, насколько она глупа. Я думал, отец меня выпорет, а он сказал, что настоящий мужчина всегда держит свое слово, и дал мне проспекты университетов. После школы я мечтал заняться автогонками, а пришлось ехать в Берлин, грызть гранит науки.

— А диссертация? — спросил Андрей. — Если тебе это неинтересно, то...

— Ты мне не поверишь, — улыбнулся Томас, — но я написал ее за две недели. На этом Богом забытом острове столько информации... я даже особенно не напрягался, просто последовательно изложил все, что здесь увидел.

— Ты приуменьшаешь, — сказал Андрей и убрал со стола пустой пластиковый ящик. — Я же читал твою диссертацию. Там есть очень много интересных мыслей. Я думаю, тебе стоит продолжить работу над выбранной темой. Если ты

подробнее остановишься на тех вопросах, которые задел вскользь — кандидатская без труда станет докторской.

Андрей пододвинул к Томасу кресло и сел в него.

— Думаешь, это нужно? — спросил Томас.

— Совершенно однозначно, — уверенно сказал Андрей. —

После этого ты можешь заниматься чем угодно, но не закончить научный труд ты просто не имеешь права. Так уж получилось, что ты можешь дать ответы на некоторые вопросы. Даже если тебе неинтересно этим заниматься, ради науки, ради человечества ты должен это сделать.

— Возможно, ты и права, — вздохнув, сказал Томас, поднялся из кресла и пошел к двери. — Только плевал я на науку и все человечество. Превратить в ад такое прекрасное место... Так испоганить души...

— О чем ты? — спросил Андрей.

По песчаной дороге, ведущей ко второй лаборатории, неторопливо шел Мишель.

— Ты слишком долго был на природе, — не оборачиваясь сказал Томас. — Ты слишком давно не был в городе.

— Тебе не хочется отсюда уезжать? — спросил Андрей и, поднявшись из кресла, подошел к загрустившему орнитологу. — Я тоже привык к этим пальмам. Но пора вернуться к цивилизации. Не горюй. Через пару лет ООН начнет финансирование новой программы, и ты сможешь вернуться на этот остров.

— А ты? Ты не думаешь вернуться?

— Нет. Мне сорок лет. Пора иметь свой дом. Вернусь в родной город, буду преподавать в университете, заведем с Динакой детишек.

— Кстати, — Томас обернулся. — А почему у вас с Динакой до сих пор нет детей?

— Я хочу, чтобы мои дети росли у меня на глазах, а не в пансионате за десять тысяч километров.

— Это правильно, — согласился Томас. — Глупо надеяться, что чужой человек лучше тебя сможет объяснить твоему ребенку, что такое хорошо и что такое плохо.

— А почему ты не женат? До сих пор любишь Саманту? Или у тебя есть невеста?

— Есть, — ответил Томас. — Только она как клещ вцепилась в свою юридическую фирму и представить себе не может, что проживет жизнь, не сделав карьеры. Вот вернусь... Может что-то и получится.

— Мне было проще, — улыбнулся Андрей и, похлопав Томаса по плечу, вышел из хижины. — Пошли. Нужно закончить с консервацией второй лаборатории.

Томас вернулся к столу, забрал «четверку», повертел ее в руках. Чип памяти кажется не поврежден.

Солнце стояло в зените, на небе по-прежнему не было ни облачка. Порывы ветра шелестели широкими листьями высоких пальм. Андрей и Томас неспешно пошли в сторону шести каменных зданий международной научной станции.

— Приедете с Динакой на мое тридцатилетие? — спросил Томас. — Я думаю, это не выглядит подхалимажем. Ты мой начальник, но через два дня перестанешь им быть.

Андрей снова улыбнулся. Ему нравился этот молодой, честолюбивый немец. Прагматичный, не делающий практически ничего иррационального и при этом смелый до геройства.

— Конечно, Томас. Мы обязательно приедем. Динака была так уверена в твоем приглашении, что даже придумала, что тебе подарить.

— Спасибо, — улыбнувшись, сказал Томас, но, как показалось Андрею, снова грустно. — Если бы ты отказался... мне было бы не с кем напиться в этот знаменательный день.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Андрей. — Был бы повод и тот, кто все оплатит, а желающие напиться найдутся.

— Хм, — сказал Томас. — Твоя беда в том, что ты слишком давно не был дома.

— Давно, — вздохнул Андрей. — Больше двенадцати лет. Последний раз я навещал брата, когда после урагана Да Винчи ездил в Евросовет выбивать деньги на восстановление станции.

— Я слышал, что вы начинали чуть ли не с палаток.

— Палаток конечно не было, но в хижинах жили. Кстати, в тот год я вернулся на остров с Динакой. Она закончила учебу и искала работу. А нашла меня.

* * *

Самолет уверенно начал снижение. Казалось, он пытается догнать солнце, ползущее за горизонт. Андрей с интересом и легким волнением смотрел в иллюминатор. Он почему-то был уверен, что когда облака расступятся, его взору откроется удивительная картина. И не только от аэродрома, от города... от всего мира Андрей ждал иного облика, чем тот, что он оставил двенадцать лет назад. За время, что он провел на острове, технология шагнула далеко вперед. Ученые сделали тысячи открытий. Сотни из них инженеры воплотили в жизнь. Из редких газет, что попадали на остров, из научных журналов Андрей знал, что новые идеи, новые решения старых задач переполнили мир. Казалось, человечество стоит у порога новой научно-технической революции, если уже не перешагнуло его...

Но в аэропорту ничего особенного Андрею увидеть не удалось. Ученые не придумали роботов для выполнения тяжелого и монотонного труда, архитекторы не построили зданий, забранных в футуристические формы. Уже стоя в очереди на таможенный контроль, Андрей почувствовал себя обманутым ребенком. Как будто и не уезжал из города... Постные улыбки персонала, огромные стеклянные стены, взлетное поле, гул от самолетов, монотонное движение пассажиров по залу ожидания, быстрые шаги сотрудников аэропорта.

— Ты чем-то расстроен? — нежно улыбнувшись, тихо спросила Динака, выше локтя обняла Андрея за руку и прижалась к ней щекой.

— Нет, — стараясь улыбнуться как можно нежнее, тихо ответил Андрей и свел брови. — Устал просто. Одиннадцать часов в кресле... Отвык.

— Я рада, что мы уехали с острова.

— Почему? — искренне удивился Андрей.

— Ты перерос эту экспедицию. Тебе стало тесно на острове. Ты столько узнал за пятнадцать лет... Тебе просто необходимо рассказать об этом.

— Ты не права... — сказал Андрей и замолчал как будто на полуслове.

— Не права? — на лице Динаки отобразилось удивление.

Андрей посмотрел в ее глубокие зеленые глаза и понял, что юлить бесполезно.

— Сдаюсь. Я действительно давно хотел вернуться в Европу. Последние два года я думал, что не доживу до окончания контракта. Но теперь все позади. Получим деньги, проценты за пятнадцать лет... Я посчитал, можно купить хороший дом в долине. Нарожаем детишек...

— И много? — как будто настороженно спросила Динака.

— Четыре сыночка и лапочка дочка.

Динака засмеялась и уткнулась лицом Андрею в бок. Он обнял ее за плечи, поцеловал в маковку и вдохнул запах ее волос. Теперь все будет хорошо. Он построит настоящий каменный дом. Обязательно белый, с большими окнами. А за домом будет огромный сад. Вечерами они будут сидеть под яблонями и, слушая Чайковского, радоваться виду играющих детей. Время от времени к ним будет приходить старший брат. Как в далеком детстве, они будут играть в шахматы...

— Как-то странно все на нас смотрят, — почти прошептала Динака.

Андрей оторвался от своих размышлений и, не понимая до конца смысла слов жены, осмотрелся, по привычке пытаясь найти ответ в окружающем мире. Да нет, каждый был занят своим делом и не обращал никакого внимания на ближнего.

— Тебе показалось. Просто ты отвыкла от такого количества людей вокруг тебя.

— Я чувствую их взгляды, — сказала Динака. — Когда мне исполнилось пять лет, Лунный гость научил меня этому. Они смотрят на нас и... мы им неприятны.

— Лунный гость... это ваш колдун, который научил тебя понимать язык деревьев? — спросил Андрей Динаку, не имея желания спорить. Тем более, что она действительно понимала язык деревьев и зверей.

— Он многому меня научил.

— А чем мы им неприятны?

— Тем, что обнимаетесь у всех на виду, — послышался за спиной тихий низкий голос. — Вам хорошо, и вы не скрываете свое счастье от окружающих.

Андрей и Динака обернулись и увидели невысокого, немного толстоватого человека, одетого в черный костюм-тройку, с круглым лицом и маленькими пижонскими усиками. В руках зонт-трость, на голове — шляпа.

— Тем, что обнимаемся?... — удивился Андрей.

— Простите, я невольно подслушал ваш разговор и понял, что вы слишком долго не были дома, — сказал незнакомец.

— У нас и дома-то никакого нет... — вздохнул Андрей и невольно вернулся к своим мечтам.

— Вы, наверное, просто не знаете, что теперь не принято целоваться в общественном месте.

— Почему? — спросила Динака. — Я надеюсь, Европа еще свободная страна и в ней каждый имеет право делать то, что захочет.

— Вне всяких сомнений, — улыбнулся незнакомец. — Именно поэтому и не стоит целоваться на людях.

— Вы знаете, мы действительно очень давно не были в Европе, — сказал Андрей, надеясь, что этот странный разговор отвлечет его от накатившей грусти. — И что же случилось за время нашего отсутствия?

— У каждого есть право на выбор, — сказал незнакомец. — И никто не имеет право навязывать другому свои взгляды...

— Извините, — перебила незнакомца Динака. — Метрах в тридцати от нас целуются два господина. Это не навязывание своих взглядов?

— Нет, — улыбнулся незнакомец. — Это их право, выбирать с кем целоваться.

— Минуточку, — сказал Андрей. — Я действительно не понимаю. Если я в общественном месте поцелую свою жену, это будет насилие над общественным мнением и моралью. А если один педик в зале ожидания начнет сосать язык у другого педика, это будет реализация их конституционного права на свободный выборового партнера. Я правильно вас понимаю?

— Совершенно верно, — подтвердил незнакомец.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказал Андрей.

— Сейчас я все объясню, — с готовностью сказал незнакомец. — Два с половиной года назад сексуальные меньшинства... простите, я неправильно выразился, — поспешил поправиться незнакомец, — однополые отношения и браки получили равные права с разнополыми.

— Да нет, это случилось гораздо раньше, — сказал Андрей. — Я еще в университете учился, когда в Голландии священники благословляли первые однополые браки.

— Но сейчас, чтобы заключить однополый брак, — продолжил незнакомец, — не нужно искать провинцию, где бы это было разрешено. Это можно сделать в любом месте единой Европы. Однополые браки имеют ровно такие же права, как и разнополые. От страховки до усыновления детей.

— Я очень терпимо отношусь к однополым связям, — усмехнулся Андрей. — По крайней мере до тех пор, пока не пристраиваются к моей заднице. Но усыновление детей...

— Вы считаете, что однополая семья даст воспитание хуже, чем разнополая? — спросил незнакомец.

— Нет. Я так не считаю. Но... если ребенок будет воспитываться в однополой семье, то, пусть подспудно, он будет склоняться к подобным отношениям в будущем. То есть мальчика, у которого и мама и папа носят усы, вряд ли в будущем заинтересуют девочки.

— Вы хотите сказать, что однополые родители постараются насилием изменить сексуальные взгляды ребенка? Степень виновности определяет суд. Зачем судить людей за то, что они еще не сделали. В разнополых семьях очень часто отцы насилили своих детей. Как девочек, так и мальчиков.

— Это ужасно... — сказала Динака. — Не спрашивая разрешения у ребенка, его передают в однополую семью.

— В однополых браках сейчас редко кто усыновляет детей, — сказал незнакомец. — Да и в разнополых редко кто рожает сам.

— Почему? — в один голос спросили Андрей и Динака.

— Во-первых, это больно. Во-вторых, это ужасно неудобно для женщины. Ведь она на несколько месяцев выпадает из общественной жизни. К тому же женщина после родов очень часто полнеет, после вскармливания отвисает грудь.

— Стоп-стоп-стоп, — быстро проговорил Андрей. — А откуда сейчас берутся дети?

— Генная инженерия, — ответил незнакомец. — Идете в центр репродукции человека и получаете ребенка. Причем абсолютно здорового. Вы можете заранее выбрать какой у него будет цвет глаз и волос. Какой будет рост. К чему у него будет предрасположенность. К творческой деятельности или к научной.

— Это ужасно, — прошептала Динака.

— Это конституция, — сказал незнакомец. — Церковь сначала сопротивлялась, но позже согласилась на эту поправку. Да и благословение церкви сейчас совсем необязательно. Человек сам решает, что ему делать. Право людей жить так, как им хочется. И не мешать другим жить так, как хочется им. В рамках существующего закона, разумеется. Ваша очередь.

Андрей обернулся и увидел лицо таможенника с добродушнейшей улыбкой. После всего услышанного Андрея чуть не передернуло от этой улыбки.

— Здравствуйте, — сказал рыжий таможенник. — Ваши паспорта, пожалуйста.

Динака передала Андрею свой паспорт, и он отдал документы таможеннику. Таможенник раскрыл сразу оба паспорта, что-то занес в компьютер и через несколько секунд снова посмотрел на Андрея и Динаку.

— С возвращением.

— Спасибо, — неровным хором ответили Андрей и Динака.

— Жить будете у брата?

— Да-а, — немного растерявшись, ответил Андрей, а сам неожиданно для себя подумал: «Не твое собачье дело, где я буду жить».

Эта мысль была для него самого настолько внезапной, что он даже испугался: не прознес ли он эти слова вслух?

Андрей посмотрел на жену. Динака равнодушно смотрела на таможенника. «Наверное, только подумал», — с облегчением решил Андрей, а вслух сказал:

— По крайней мере первое время.

— Это естественно, — согласился таможенник, продолжая что-то набирать на клавиатуре. — Васолько лет не было в стране. Хорошо, когда тебя кто-нибудь ждет. Правда?

— Да... — неуверенно сказал Андрей.

— Вы знаете, что вас встречают?

— Мы на это сильно надеялись.

— Когда получите багаж, — возвращая паспорта, сказал таможенник, — пройдите в синий зал по тридцать второму коридору. Подойдите к девятнадцатому окошку. Назовете фамилию, вам все объяснят. Желаю удачи на родной земле.

Поблагодарив таможенника, Андрей и Динака попрощались с незнакомцем, рассказавшим им странные вещи, и пошли получать багаж. Багажа у них было немного. Два чемодана, две спортивные сумки... Контейнер с научными образцами и подарки семьи Динаки для родственников Андрея еще неделю назад отправили по морю.

В синем зале было немноголюдно. Пока Динака покупала бутылку газированной воды, в девятнадцатом окошке Андрею сообщили, что их встречает такси. Его номер объявили по радио и тут же с диванчика поднялась стройная хрупкая девушка лет двадцати пяти. В спортивном костюме, с длинными волосами, завязанными на затылке в тугой узел.

Мимолетный дождь давно закончился и лишь редкие капли по краям боковых стекол автомобиля напоминали о нем. Андрей и Динака сидели на заднем сидении. Ехали молча. Минут через десять Динака положила голову на плечо мужа и закрыла глаза. Вечерний город вспыхнул океаном желтых огней, разводами неоновой рекламы, наполнился ревом музыки, лившейся из дверейочных клубов... Андрей, обняв жену, бесцельно смотрел в окно, чувствуя все тот же приступ тоски, нахлынувший на него еще в аэропорту. Неужели он действительно настолько привык к острову и отык от циви-

лизации, что не прошло и двадцати часов, как он затосковал о нем?

Не доехав пяти километров, таксистка позвонила заказчику и предупредила о прибытии. Андрей с Динакой переглянулись. Этот новый обычай им понравился.

Еще издали Андрей заметил Виктора и его жену Эльзу. Машина плавно остановилась.

Обнявшись с братом, крепко обнявшись, Андрей долго держал его за плечи и откровенно рассматривал. Виктор не сильно изменился. Разве что поправился немного, да возле глаз появились морщины и на лбу... И во взгляде... во взгляде появилось... что-то неестественное. Ненастоящее. Андрей не мог понять, что именно, но он чувствовал это. Брат уже не тот, каким был двадцать, даже пятнадцать лет назад.

Виктор расплатился за такси. Андрей поцеловал Эльзу в пухлую щечку и вдруг испугался: а не наделал ли он снова глупостей? По еле уловимому замешательству родственников он понял, что задумался не зря.

Неловкая пауза.

— Здравствуй Андьюша, — прожурчал из-за правого плеча до боли знакомый голос.

Андрей обернулся. Рядом с ним стоял невысокий седой старичок в белых хлопковых штанах, белом пиджаке, белой рубашке и с черной ленточкой вместо галстука, завязанной бантиком. На лице старика растянулась счастливая улыбка.

— Дядя Яша!.. — не веря глазам своим, воскликнул Андрей и пошел навстречу старику. — Если бы ты знал, как я рад тебя видеть!

Андрей обнял Якова Моисеевича и поднял над землей словно пушинку. Динака, улыбаясь, смотрела на мужа, радовавшегося словно ребенок.

— Этую радость могут омрачить поминки, если ты сейчас же не поставишь дядю Яшу на землю.

Андрей тут же отпустил старику.

— Однако и хватка у тебя. Знал бы об этом паршивец Жуль, когда надрал тебе уши.

— Жаль, что тетя Ребекка не дожила до дня, когда я вернулся домой, — грустно сказал Андрей.

Яков Моисеевич опустил глаза на каменную дорожку, но тут же поднял их.

— Теперь она тоже дома, — сказал дядя Яша.

— Я не мог приехать на похороны, — словно извиняясь, сказал Андрей.

— Этого и не нужно было делать, — ответил дядя Яша. — Нас разъединяют расстояния, но объединяют мысли. Я стоял у гроба, вы с Динакой были на далеком острове. Но я знал, что вам так же больно, как и мне. И тетя Ребекка знала.

— Пойдемте в дом, — сказала Эльза и посмотрела на большой розовый коттедж, стоявший через дорогу.

Виктор взял чемодан.

— Действительно, уже поздно, — сказал он. — Дядя Яша. Я думаю, чтобы умыться с дороги и прийти в себя часа им хватит. В половине десятого мы тебя ждем. Небольшой поздний ужин. Только свои. Андрей с Динакой, мы с Эльзой, дети и ты.

— Ты плохо думаешь за дядю Яшу, — улыбнулся тот. — Если бы ты забыл меня пригласить на этот банкет, я пришел бы понахалке. Кстати, Андьюша. Ты, наверное, уже забыл, что оставил у дяди Яши, когда улетал на свой остров. Я сохранил эту вещицу и захвачу ее с собой.

Как это прекрасно, волшебно, феерично — после одиннадцати часов в кресле самолета и почти часа на таможне забраться под прохладный душ и, подставив воде лицо, смыть с себя пот и усталость. Не опресненной водой из океана, а водопроводной, с легким, давно забытым, запахом хлора. Смеситель реагирует на голос. «Теплее, холоднее, еще холоднее...»

Тем временем пришли домой Жанет и Янош. Яношу было девятнадцать лет, а Жанет через месяц должна была отметить семнадцатилетие. Они сильно изменились, повзрослели. Три года назад Виктор высыпал их фотографии. Тогда они были еще детьми. Сейчас же... может быть их лица еще не до конца утратили подростковые черты, но взрослая озабоченность и самоуверенность уже поселилась в них.

В дверь позвонили. Виктор нажал одну из кнопок на общем пульте дистанционного управления.

— Вещь, — сказал Андрей, развалившись в широком кожаном кресле в дальнем углу большой квадратной комнаты и потягивая из высокого тонкостенного стакана грейпфрутовый сок. Он посмотрел на жену. — Будем выбирать дом — интеллектуальная начинка в первую очередь.

— Пять лет назад на это еще следовало обратить внимание агента, — сказала Эльза, раскладывая рядом с тарелками столовые приборы. — Сейчас любой дом за сорок восемь часов оснастят любой электроникой.

В комнату вошел дядя Яша. В руках у него была пузатая, трехлитровая глиняная бутыль «Бордо». Специальная, юбилейная серия.

— Забыл об этом сосуде? — сказал дядя Яша, подходя к Андрею и постукивая ногтем по бутылке. — А ведь я предупреждал тебя. Он будет ждать твоего возвращения.

— А-а-а... — припоминая, улыбнулся Андрей, поставил стакан с недопитым соком на журнальный столик, стоявший справа от него, встал из кресла и принял из рук дяди Яши бутыль с вином. — Сколько же ему теперь лет?.. Пятнадцать лет на острове, а когда ты его купил... ты говорил... двадцать один?

— Тридцать шесть, — сказал дядя Яша. — Сейчас ему тридцать шесть лет. Этимnectаром мы запьем баранину и отметим твой первый штраф. Я не ошибся? На ужин жареный барашек?

— Какой штраф? — не понял Андрей и посмотрел сначала на Динаку, потом на Эльзу и Виктора.

— Дядя Яша... — наморщив лоб, простонал Виктор.

— А что дядя Яша? — удивился тот. — Пусть привыкает! Ему жить в этом городе. А пока не купит дом — в этом доме. И что же, он будет вас под неприятности подводить? И почему? Потому что не знает закона? Это несерьезно. — Он свел брови и покачал головой.

— Минуту, — Андрей поставил бутыль на пол. — О чем это вы здесь говорите?

— О невинных поцелуях в аэропорту, — улыбнулся дядя Яша.

— Бред какой-то, — хмыкнул Андрей. — Там действительно нам один старик рассказал, что на людях это делать не принято... — и замолчал на полуслове.

— Господи, за что же тут штрафовать? — не понимала Динака.

— Хорошо еще, что вы не получили деньги по контракту, — сказал дядя Яша. — Так что завтра оплатите в банке триста евро и впредь будете поаккуратней.

— Но когда вы об этом узнали? — спросила Динака.

— Я думаю, еще до того, как вы сели в такси, — ответил Виктор.

— Ну, довольно, садитесь за стол, — сказала Эльза и крикнула детей. — Жанет, Янош!

Дети словно ждали, когда мать позовет их к столу, и через секунду уже бежали по лестнице со второго этажа.

Все сели за стол.

— Сейчас, сейчас... — бормотал под нос Виктор, взяв в руки большой нож и оценивая, что бы ему отрезать от барашка.

— А... если бы получили деньги? — спросил Андрей, уловив, как ему показалось, главное из слов дяди Яши.

— Содрали бы, как за новую «шкоду», — ответил Виктор.

— Что-то я тоже не пойму, — сказал Динака. — Прочем здесь наш контракт?

— Понимаете, все люди равны, — объяснял дядя Яша, разворачивая белоснежную салфетку. — И богатые, и бедные. Триста евро для электрика или дворника это не смертельные, но вполне ощутимые деньги. Для адвоката это — пустяк. Для фабриканта — укус комара. Именно поэтому штрафы налагаются в процентном отношении не от минимальной оплаты труда, а от годового дохода нарушившего закон. Твой доход на сегодняшний день — командировочные. Они регулярно поступают на счет. Компьютер вывел твой среднемесячный доход за последние двенадцать месяцев и рассчитал сумму штрафа. Квитанцию штрафа Виктору привезли через сорок минут после правонарушения, а деньги, из расчета тех сумм, что ты получил в течение года, зав-

тра автоматически снимут с твоего счета. Вот если бы на твой счет уже упало все, что тебе причитается по контракту, то и проценты считали бы с другой суммы, со всего дохода за год.

— Хм... — удивился Андрей, не веря в реальность услышанного. — Абсурд.

— Высшая справедливость, — улыбнулся дядя Яша.

— А почему штраф вам привезли, — спросила Эльзу Динака, — а не вручили нам в аэропорту?

— Штрафуют полицейские, — ответила Эльза, предлагаая Динаке плетенку с хлебом. — Вас заметили через систему видеонаблюдения, идентифицировали, место вашего проживания было признано достаточно достоверным. Сумма штрафа снимается банком автоматически, а квитанция отправляется по месту жительства.

Виктор, наконец, решился и вонзил нож в покрытый румянной корочкой бок барабашка. Лучшие куски достались Динаке, Андрею и дяде Яше.

— Тебе отрезать? — с еле уловимой издевкой спросил Виктор сына, заметив, как тот косится на бааранину.

— Есть животных — это варварство! — с презрением заявил Янош.

— Кушай морковку, — подняв брови, удовлетворенно сказал отец. — Смотри сколько мама овощных салатиков приготовила. Сплошные витамины. Только ешь молча. Хорошо?

— А почему я должен есть молча? — повысил голос Янош. — Что ты мне все время рот затыкаешь?

— О, господи, — вздохнул Виктор. — Да кому ты нужен, затыкать тебе рот? Только ты перепутал место для выступления. Здесь не митинг антиглобалистов, общества защиты животных или окружающей среды, я не президент, дядя Андрей, тетя Динака и дядя Яша не члены парламента, а мама не публика у экрана телевизора. Здесь семейный ужин!

Андрей и Динака с интересом и легкой иронией наблюдали за происходящим. Молодое поколение как всегда бунтовало. Было заметно, что Янош хотел сказать отцу что-то

еще, но сдержался. Он демонстративно положил в свою тарелку две ложки винегрета, ложку салата из редьки, две ложки тушеноей фасоли, две — тушеноей капусты и еще какие-то тощие, длинные зеленые стебельки.

Вино разлили по бокалам, выпили за встречу.

— Ты не прав, папа, — тихо сказала Жанет. — Дело не в свободе выбора, а в том, что ты демонстративно предлагаешь всем сидящим за столом мясо, прекрасно зная, что я и Янош не едим его. Более того, для нас убийство животных точно такое же убийство живого организма, как и человека...

— Солнце мое, — спокойно сказал папа. — Нет, дело именно в выборе. У вас есть право на выбор, как и у каждого гражданина Европы. Только почему-то вы забываете про все права, которые не касаются ваших интересов. Нас за столом... — Виктор запнулся и посмотрел на брата с женой и дядю Яшу. — Здесь еще есть вегетарианцы?

Андрей и Динака снова переглянулись. Им обоим в голову пришла одна и та же мысль: не делают ли они снова что-то не то. Частота возвращения к одним и тем же опасениям начала Андрею надоедать.

— Да нет, — неуверенно сказал он. — Мы не травоядные.

— Я тоже не буду мясо, — тихо сказала Эльза. Динаке показалось, что она это сделала, чтобы поддержать дочь.

— Так вот, — продолжил Виктор. — Вас трое, нас четверо. Поэтому мясо останется на столе. Несогласные могут удалиться. И вообще. Я думаю, мы еще имеем право свободно выражать свои взгляды.

— Смешно, — сказал Янош, — Четверо против троих, и ты ставишь это превосходство в подавляющее большинство.

— Тем более папа, — добавила Жанет, — ты намеренно предлагал Яношу мясо, прекрасно зная, что он мясо не ест и твое предложение оскорбит его чувства.

— Хорошо еще не веру, — вздохнув сказал отец. — Ты права. Я сделал это намеренно. Прошу прощения. Но только впредь, когда вы будете выражать свои взгляды в моем присутствии, потрудитесь более тщательно выбирать слова и интонации. Меня оскорбляет то, что когда вы проповедуете

свои идеи, вы считаете, что у вас перед оппонентами есть превосходство в знаниях, интеллекте и эволюционном развитии. И ваше снисхождение и жалось мне не нужны. Потому что я считаю, что вы просто глупы.

— Если тебя оскорбляет то, что твой сын понимает примитивные истины, составляющие ценности и мораль человечества, а ты нет — извини.

— Не смей говорить от имени человечества!

— Но ты мой отец, — как будто не слыша этого, продолжил Янош. — Хочется тебе этого или нет — я чувствую ответственность за тебя. Порой мне бывает очень стыдно и грустно, что мой отец до сих пор идет на поводу у диких инстинктов...

— Посмотри на тетю Динаку, — сказал Виктор. — Она родилась и выросла на диком острове, в племени, которое ваши друзья именно дикарями и называют. Ее родственники до сих пор живут по обычаям тысячелетней давности, и их это устраивает. Она Сорбонну закончила с отличием, — повысил голос отец, — а ты второй месяц хвосты по физике и истории сдать не можешь! И еще большой вопрос — выпрут тебя из колледжа или оставят. Так вот, пока я в состоянии сам заработать на кусок хлеба, я буду сам решать, что положить на этот кусок: колбасу или сельдерей.

— Вы тоже так считаете? — спросил у Андрея Янош.

— Ты про колбасу? Конечно. Жареные сосиски с пивом... у меня от одной мысли слюна выделяется. А попробовал бы ты, как тетя Динака готовит черепаховый суп...

— Ну, хватит вам, — примирительно сказала Эльза. — Все-таки у нас праздник. Мы снова все вместе.

За ужином разговаривали о том, как каждый провел эти пятнадцать лет. Точнее рассказывали Андрей и Динака. Дядя Яша сыпал вопросами словно пятилетний ребенок. А какой там климат? Часто ли бывают дожди? Как с продуктами? Далеко ли до ближайшего города? Есть ли телевидение? Чем занимаются вечером? Как местные? Как вообще отношения в коллективе? Как проводят свободное время?

Андрей отвечал непринужденно, даже с охотой. Климат — почти тропики, дожди бывают часто, даже, можно

сказать, регулярно, но к ним очень быстро привыкаешь. С кормежкой все в порядке, у станции есть деньги на текущие расходы, так что меню придумывали сами. К тому же на острове полно всяких вкусностей в виде фруктов. Ближайший город в трехстах с небольшим километрах. Телевидение есть, правда ловит всего один канал островного государства. Смотрели в основном видеофильмы. Есть интернет. Вечером вытаскивали шезлонги на берег океана и любовались закатом, слушали музыку, играли в карты, бильярд, либо продолжали работу. Но это скорее от скуки. Почти все выходные проводили на пляже, купались в море, да и не в выходные дни тоже. В трех километрах от станции из скалы бьет мощный родник, у подножия образуется небольшое озеро. Там, кстати, неплохая рыбалка. С местными все в порядке. На острове живет одно племя, сто восемьдесят четыре человека. Динака — племянница дяди вождя племени. Если разыгрывается шторм или продукты подпортятся,aborигены делятся всем, что есть: птицей, мясом, рыбой. А шторма бывает делятся по месяцу. С аборигенами общаемся на местном диалекте. Он несложный. При желании можно объясняться на испанском, французском, немецком. Динака учит местных детишек чтению и письму. Но это тех, кого родители не отпустили учиться в Австралию. Там полный пансион за счет ЮНЕСКО. На каникулы приезжают два раза в год.

После ужина Эльза ушла с Динакой и Жанет на кухню, загружать посудомоечную машину и поболтать о чем-то своем. Виктор, Андрей, Янош и дядя Яша остались в комнате. Еще рассказывая про остров, Андрей заметил, что Яноша не очень интересует его рассказ. Точнее будет сказать, Андрей заметил, что Янош чем-то сильно озадачен.

— О чём задумался?

— Странно, — удивленно и тихо сказал Янош. — Про вас так много писали в прессе за последнюю неделю.... Ваши научные статьи... говорили, что вы очень прогрессивный ученый...

— Я конечно не настаиваю, — перебил Андрей, — но ты мой племянник. И если бы ты ко мне обращался на ты, мне бы было приятно.

— Хорошо, — сказал Янош и чуть улыбнулся. Как показалось Андрею, для приличия.

— Тебя удивляет, что я ем мясо? — спросил Андрей.

— Нет, — сказал Янош. — То есть да. Конечно, ты совсем не единственный человек на планете, который до сих пор ест мясо.

— Так может стоит прислушаться к точке зрения человека, который считается прогрессивным и совсем не глупым ученым? — улыбнулся Андрей.

— К чему прислушиваться, если ваши взгляды ошибочны? — спросил Янош. — Во-первых, это негуманно. Во-вторых, это вредно для организма.

— Понимаешь, Янош, пока мясоедство не запрещено законом — это мое личное дело. Точно так же, как и любовь к животным. Я не люблю собак. Что в этом плохого?

— А что в этом хорошего?

— А почему в этом должно быть что-то хорошее? Я не люблю собак, но люблю кошек. Кто-то разводит кроликов и совсем не для жаркого, кто-то хомячков. Другие лошадей. Но твой отец прав. Главный твой аргумент — презрение ко всем, кто не разделяет твоих взглядов. Презрение и снисхождение. Порой это выглядит смешно. А порой и глупо. Мне приходилось присутствовать на ученых советах, когда одному из участников казалось, что он сделал открытие и перевернул науку. Но доказать, аргументировано обосновать свою точку зрения он так и не мог. И последний аргумент, к которому он прибегал, это снисхождение к оппонентам. Мол, вы ни черта не понимаете, потому что вы глупы. Бывало такое, что кто-то из маститых ученых мужей тоже увлекался его теорией и пытался доказать ее за автора. Им казалось, что он прав, просто не может правильно объяснить свою позицию. А получалось, что перепробовав все способы, они приходили к тому же выводу: эта теория ошибочна. А молодой ученый снова говорил, что они костные дубины и им просто не дано понять то, что через сто лет станет очевидным. Но и это еще не самое страшное. Бывало так, что кто-то использовал псевдооткрытия для своей карьеры. Поднимали на щит шарлатана и кричали что он — гений. А тот, ослеп-

ленный и оглушенный дифирамбами, верил в то, что он прав и считал, что это дает ему право идти к цели любой ценой. Мол, история рассудит, человечество простит. А те все поддакивали ему. Это я к тому говорю, что свои убеждения нужно отстаивать в полемике, в делах, а не унижением и презрением тех, кто с тобой не согласен. И совсем не кулаками. Лозунг «я делаю это на благо человечества» очень часто используют подлецы.

Мы все родственники, так или иначе прожили рядом друг с другом десятилетия. У каждого из нас свои взгляды. Если ты не считаешь возможным сидеть за одним столом с теми кто есть мясо, ты мог вежливо сказать об этом, извиниться и уйти. Тем более, что нас все-таки оказалось большинство.

— Это за столом вас было большинство. В мире все совсем наоборот. Мясо не ест восемьдесят процентов жителей Европы.

— Ты видел мир? — улыбнулся Андрей. — Европа это еще не весь мир. К тому же я думаю, ты немного преувеличил проценты.

— А что плохого в том, что люди перестанут убивать друг друга, мучить животных? Что плохого в том, что богатые поделятся с бедными?

— А что хорошего в том, что кто-то жжет чужие машины, бьет стекла банков, дорогих магазинов? Ты считаешь, что прав? Отлично! Выскажи публично свои взгляды. И оставь человеку право их опровергнуть. А то получается, что не разобравшись с чистотой своего дома, кто-то пытается навести чистоту во всем мире.

— Но как бороться с политиками?

— Политиками же! Политиков, как и президента, выбираем мы. Если его взгляды по ряду вопросов тебя не устраивают — не выбирай его! Я помню, во времена моей юности, фермеры сваливали овощи на центральной площади, требуя дотаций от правительства, заявляя, что им иначе нечем будет кормить своих детей, водители грузовиков перегораживали автотрассы. Диспетчеры отказывались обслуживать самолеты.

— Это их право. Право на забастовку.

— У полицейского есть право на выстрел. Но у него есть и ответственность за выстрел. Забастовщиков мало интересует, что пострадают окружающие. Тем людям, кто громит «Макдональдсы», абсолютно плевать на тех, кто там работает. На их семьи. На то, что после пожара им придется искать новую работу, а владельцу, честно платившему налоги, придется на ремонт.

— Им все оплатит страховая компания, — то ли оправдывался, то ли нападал Янош. — Но они используют генетически измененные продукты. Мы это делаем на благо человечества.

Андрей улыбнулся.

— Вольтер сказал: «Нужно возделывать свой садик». А очень давно люди заметили, что благими намерениями выслана дорога в ад.

— Ваши командиры не правы и не справедливы, — сказал дядя Яша. — У «Макдональдса» есть очень важная и неоспоримо полезная деталь.

— Быстрое питание... — с сарказмом начал было Янош.

— Это бесплатный и чистый туалет, — повысив голос перебил его дядя Яша. — А есть их котлеты или нет — пусть каждый решает сам. А те, кто громит витрины и жжет автомобили... или глупцы, или хулиганы.

— Или провокаторы, — добавил Виктор.

— Что скорее всего, — согласился дядя Яша. — Ты по пробуй, организуй свое дело. Не нравится их кормежка? Открой свое кафе. Конкурируй. А громить и жечь... много ума не надо. Получается, что ты сделал выбор за все человечество.

— Кстати, о выборах, — сказал Виктор. — Вы слышали новую идею либералов? Они предлагают, чтобы на каждом агитационном собрании кандидата в парламент, в президенты или еще куда, обязательно присутствовал представитель оппонента. Чтобы он мог опровергнуть любые выпады в его сторону. Ну и вопросы задавать другому кандидату. Чтоб, значит, отвечал без подготовки.

Из кухни вернулись Эльза и Динака. Они хорошо слышали, о чем разговаривали в комнате мужчины.

— Ну что, соскучился по политике? — улыбнулась Динака.

— Да тут не политика, — сказал Андрей. — Тут скорее воспитание. А вообще было интересно послушать, о чем думает молодое поколение.

— И о чем же оно думает, поколение? — спросила Динака.

— О том же, о чем и мы двадцать лет назад, — сказал Виктор. — Долой транснациональные корпорации, глобализацию, генетически измененную пищу. Да здравствует свобода, равенство и братство. Только мы машины не жгли.

— Зато дрались с полицией, забрасывали политиков тортами и яйцами, блокировали автострады, — вставил дядя Яша и потянулся. — Кто в юности не был радикалом, тот подлец. Кто в старости не стал консерватором, тот дурак.

Андрею и Виктору нечего было сказать в свое оправдание и они лишь развели руками.

Стрелки часов перевалили за полночь. Андрей и Динака вышли проводить дядю Яшу до калитки. Ночь была тихая и звездная. Белый свет фонарей освещал пустынную улицу.

— Ну вот ты и вернулся в родной город, — сказал дядя Яша. — Он, как и ты, стал совсем другим. Первое время почаше сам себе напоминай об этом.

— Все действительно стало другим, — ответил Андрей.

— Я постарел. И Виктор тоже... Мы все постарели на пятнадцать лет.

— Я не о годах, — сказал Андрей. — Еще в аэропорту я почувствовал, что-то не так. Я думал, это тоска по острову, к которому я привык.

— Так оно и есть, — сказал дядя Яша. — Пятнадцать лет не шутка.

— Нет, это тоска не по острову, — Андрей кашнул го-ло-вой. — Двадцать лет назад Виктор, заговори с ним сын в таком тоне, надавал бы ему подзатыльников и отправил бы в свою комнату.

— Двадцать лет назад у Виктора не было детей. Да и Янош уже совсем не мальчик. Девятнадцать лет... Возраст, когда посылают умирать за родину.

— Это правда, что Янош сказал о вегетарианцах?

— Правда. Все просто помешаны на здоровом образе жизни. Теперь мало кто есть мясо. По крайней мере, в открытую...

— Что? — улыбнулся Андрей. — Я не ослышался?

— Недавно мне рассказали анекдот, — выйдя за калитку, сказал дядя Яша. — Один забулдыга француз раз в месяц получал посылки из Израиля. Как-то почтальон спросил его: «Кто шлет вам эти посылки?» «Во время оккупации, — ответил забулдыга, — я прятал в подвале двух евреев. Сейчас они живут в Израиле. Она дантрист, он ювелир. У них все в порядке». «Нельзя жить только прошлым, нужно же думать и о будущем», — сказал почтальон. «Конечно, — согласился забулдыга. — Сейчас я прячу двух китайцев».

— Этому анекдоту лет сто, — улыбнулся Андрей.

— Это очень грустный анекдот, — вздохнул дядя Яша. — Пойду. Вам нужно отдохнуть. Надумаете зайти в гости — буду рад.

— Мы завтра обязательно к вам зайдем, — сказала Динака и, обхватив руку Андрея выше локтя, прижалась к ней щекой.

Попрощавшись, дядя Яша пошел домой. Андрей и Динака смотрели ему вслед.

— Хороший старик, — сказала Динака. — Мне кажется, он очень добрый.

— Как же он постарел, — вздохнув сказал Андрей. — Когда погибли наши родители, брат учился на втором курсе университета. Родных поблизости у нас не было. Я рос оболтусом. Виктор вечерами подрабатывал. На мой и на день рождения брата дядя Яша дарил нам бруки, — нарочно коверкая слова, сказал Андрей, — а тетя Ребекка дарила башмаки... Вроде бы просто соседи...

Утром Андрей съездил в представительство комитета ООН по изучению флоры и фауны островов Индийского океана, завёз предварительный отчет в комиссию ЮНЕСКО, в Институт тропической биологии. Академик Питер Фоули

десять минут тряс ему руку, восхищаясь работой, которую за пятнадцать лет проделала его лаборатория. Андрей улыбался, отшучивался, говорил, что ничего особенного они не сделали, просто пятнадцать лет день за днем делали наблюдения и кропотливо записывали результаты. Фоули не унимался. Он поинтересовался, собирается ли Андрей отправить заявку на участие во всех ближайших симпозиумах. Настоятельно порекомендовал не затягивать с этим.

Около двух часов, как и было условлено, Андрей встретился с Динакой на центральной площади, у фонтана.

— Как съездил? — подставив мужу щечку, спросила Динака.

— Прекрасно. Они нами довольны. Питер Фоули присосался ко мне, как пиявка, и столько наговорил приятных вещей, что я чуть не зазнался.

— А зачем он тебе все это сказал? — с хитрым прищуром спросила Динака.

— Кто-то нашептал ему, что моя книга почти готова, и в ближайшее время мне понадобится консультант. Есть два кандидата. Фоули и Бржельский. Фоули уже напел про меня и про мою будущую книгу дифирамбов в «Нешенел географик», в «Вестник ООН», в «Островную биологию» и так далее. Мол он видел материалы книги, и это потрясающе. Такого не было со времен Чарльза Дарвина. Так что если он будет консультантом, мне гарантирована всяческая поддержка, и книга будет такая, как я задумал. Если же консультантом будет Бржельский, это значит, что возникнет масса вопросов по моим исследованиям, и старик будет настаивать на каждом, пока я с ним не соглашусь или не приведу в свою защиту убийственный довод. Он обязательно заставит подробнее остановиться на вещах, которые мне кажутся малоинтересными.

— Ну и кого ты выбираешь?

— Бржельского.

— Прочему? Я слышала, что он сволочной мужик.

— Сплетни. Он бывает резковат, даже груб, но справедлив. А уж если рожица крива, то нечего на зеркальце пенять.

— Господи, — вздохнула Динака, — ты не можешь сам не создавать себе препятствий. Зачем тебе это надо? Ты прекрасный ученый, у тебя собран колоссальный объем научной информации. Твоя книга, если ты конечно ее напишешь, произведет фурор.

— А потом на меня набросится свора собак из ученой братии и всю оставшуюся жизнь мне придется огрызаться.

— А с Бржельским, ты думаешь, на тебя не набросятся?

— Обязательно набросятся. Только это будет свора мосек вокруг слона. Они могут сколько угодно тявкать. Стариk еще до издания меня носом сунет во все слабые места и заставит переделать. Может, я где-то и махнул бы рукой, мол, нормально, два-три узких места — это не смертельно, но Бржельский... с ним такие фокусы не проходят.

— Но Фоули, когда узнает, что ты им пренебре^г, посчитает себя оскорблением. Начнет вставлять палки в колеса.

— Ну и что. Одной моськой будет больше, — улыбнулся Андрей. — Вокруг слона. Как у тебя дела?

— Все в порядке. Виделась с двоюродной сестрой, нас приглашали в гости. Встретилась с Лаурой. Тебе привет.

— Как она?

— Хорошо. Снова вышла замуж. Ты помнишь парк возле ипподрома?

— Конечно помню. А что?

— Пойдем, я тебе что-то покажу.

— Что покажешь?

— Пойдем, — интриговала Динака. — Тебе понравится. Обещаю.

— Что понравится? — не понимал Андрей.

— Пойдем, здесь недалеко, — настаивала Динака.

Она взяла Андрея за руку и буквально поволокла за собой.

До парка было не более десяти минут ходьбы размеренным шагом. По пути Андрей несколько раз повторил свой вопрос. Он заходил с разных сторон, но ответ всегда был один: увидишь.

И он увидел.

Как и пятнадцать лет назад, парк был обнесен высоким, кованым забором. Возле тяжелых чугунных ворот стоял полицейский. На левой воротине висела красивая табличка: «Вход без собак запрещен». Андрей прочитал надпись еще раз, посмотрел на Динаку, словно ждал от нее подтверждения — действительно ли он правильно понял надпись на табличке, или ему показалось, — снова прочел ее и тихо произнес:

— Собакам и солдатам вход воспрещен.

— Причем тут солдаты? — спросила Динака.

— Такие таблички весели на воротах парков царской России, — ответил Андрей.

— Когда я предложила Лауре прогуляться по нашему любимому парку, она сказала, что туда теперь пускают только с собаками. Я не поверила, и она показала мне вот это.

Андрей подошел к полицейскому.

— Простите, я давно не был в этом городе. Очень давно. Почему нельзя войти в парк, если у тебя нет собаки?

— Люди, у которых нет собак, очень часто к ним предвзято относятся, — охотно начал объяснять полицейский. — Часто они ведут себя агрессивно. Было решено выделить в городе один парк для тех, у кого есть собаки.

— Но это самый лучший парк в городе, — заметил Андрей.

— Мы так любили в нем гулять, — добавила подошедшая Динака.

— А почему владельцы собак должны гулять в «худшем парке»? — искренне удивившись спросил полицейский.

— А почему в лучшем? Держать собаку или нет — это личное дело каждого. Я с рождения гулял в этом парке, он мне дорог как память. Но я не смогу больше прийти в свой любимый парк, только потому, что у меня нет собаки?

— Таково решение городского собрания, — спокойно продолжал объяснять полицейский. — Горожане сочли несправедливым, что права животных тысячелетиями не принимались в расчет. За последние пятьдесят лет было принято много ограничений и обязательств для опекунов домашних животных. Для выгула собак отводились специальные

площадки, им насилино надевали намордники, водили на коротком поводке. А вместе с ними незаслуженно страдали и их опекуны. Город осознал свою вину и решил ее искупить. Лучший парк был отдан четвероногим друзьям человека.

— Странно, в чем же тут ущемление прав? — удивился Андрей. — Никто никого не заставляет заводить себе собаку или кошку. Только будь любезен соблюдать все, что оговаривают правила владения животным.

— Не владения, а опекунства, — вежливо поправил полицейский. — Теперь все иначе. Похоже, вы действительно очень давно не были не только в городе, но и в Европе. Я бы на вашем месте заглянул в библиотеку и почитал законы. Они сильно изменились за последние пять лет.

— Мда, — задумчиво сказал Андрей. — Придется это сделать сегодня же.

Полицейский отдал честь и неторопливо зашагал вдоль забора. Динака взяла мужа под руку. Андрей посмотрел на жену и выпятил нижнюю губу.

— Во, блин... до чего прогресс дошел. Раньше бы и в страшном сне такое не приснилось.

И они не спеша пошли прочь от парка.

— У меня такое ощущение, — сказала Динака, когда они пересекли площадь, — что нам еще не раз предстоит удивляться.

— Хм. Только что я подумал о том же, — сказал Андрей.

Он повернул голову направо, и его взгляд задержался на табачном киоске.

— Подожди минутку, — сказал Андрей, освобождаясь от руки Динаки. — Я куплю сигареты.

У окошка табачного киоска стояли два человека. Низенький старичок, в клетчатом пиджаке, долго не мог решить, какой табак для трубки ему купить, молодой высокий парень, в желтой футболке и серых шортах, в нетерпении барабанил пальцами по стеклу витрины киоска. Андрей встал за молодым человеком, и его воображение принялось рисовать живые картины новых правил, которые могло принять общество за время его отсутствия в Европе.

Старичок, наконец, выбрал табак и, опираясь на палку, поковылял прочь от табачного киоска.

«...ЛСД-лайтс, пожалуйста», — откуда-то издалека до несся до Андрея чей-то нетерпеливый голос.

Все еще не отрываясь от размышлений, Андрей скользнул глазами по широкой спине, обтянутой желтым хлопком, застрявшей в окошке киоска. Взгляд его упал на деньги, выложенные парнем на прилавок... На прилавке появилась небольшая, тонкая, прямоугольная коробочка белого цвета на которой черными буквами стояло клеймо: «ЛСД-лайтс. Очищенный». И мелким шрифтом внизу коробочки было написано: «Департамент здравоохранения Европы предупреждает: Употребление наркотиков ведет к привыканию и зависимости от них, в следствии чего неизбежно разрушение центральной нервной системы».

Нижняя челюсть Андрея медленно поползла вниз. Парень протянул руку, взял с прилавка белую тонкую коробочку и, положив в карман шорт, быстро пошел прочь. Андрей проводил парня взглядом, потом медленно повернулся к продавцу и посмотрел на него.

— Что желаете? — услужливо поинтересовался продавец. Словно только что продал не один из самых тяжелых наркотиков, а коробку спичек.

Не закрывая рта и не произнеся ни звука, Андрей продолжал смотреть на продавца. Он хотел спросить про ЛСД, но никак не мог это сделать, словно утратил дар речи. Продавец терпеливо ждал, что скажет покупатель. Оставив попытку выдавить из себя хоть слово, Андрей, сжимая купюру, показал пальцем на голубую пачку сигарет. Продавец решил что покупатель глухонемой и, кивнув ему — мол понял, — с добродушной улыбкой положил на прилавок сигареты. Все еще молча Андрей протянул продавцу деньги и, не дожидаясь сдачи отошел от киоска. Продавец что-то сказал ему вслед, но Андрей не слышал этого.

Увидев ошарашенный взгляд медленно подходившего мужа, Динака не на шутку испугалась. Глядя куда-то за спину жене, Андрей медленно разорвал прозрачную упаковку, извлек сигарету и поднес ее к губам.

— Что случилось? — настороженно спросила Динака.

Андрей прижал сигарету губами, убрал пачку в карман брюк, достал зажигалку, крутанул колесико и прикурил.

— ЛСД-лайтс, — медленно проговорил Андрей и посмотрел на Динаку. — Ты представляешь, парень, который стоял передо мной, купил упаковку ЛСД. Я сейчас сойду с ума.

Динака уже знала, что закон в отношении наркотиков был сильно смягчен.

— Андрюша, они просто легализовали продажу наркотиков, — неуверенно сказала Динака. — Об этом уже не первый десяток лет говорят. Наверное, это правильно. Запретный плод всегда сладок. Теперь можно будет...

— Ты не поняла, — тихо и сдавленно сказал Андрей. — Это был ЛСД.

— Но... все-таки лайтс... — опять же неуверенно возразила Динака.

— Какой к черту лайтс?! Это Л! С! Д!

Динака не знала, что ответить. Муж был прав. ЛСД — это не марихуана. Она пожала плечами и, вздохнув, сказала:

— Мне нечего сказать. Конечно же ты прав.

Андрей глубоко затянулся, задержал дыхание и, выпуская мощную струю дыма, выдохнул все без остатка.

— Как вы можете курить на улице?! — послышался сзади негодящий женский голос.

Андрей и Динака обернулись и увидели высокую крепкую женщину, лет сорока, державшую за руку пухленького темноволосого мальчика. Мальчику было не более десяти лет.

— Здесь же ходят дети! — возмущалась женщина.

— Здесь ЛСД продают, в десяти метрах! — взорвался Андрей и показал рукой с сигаретой между пальцев на табачный киоск.

— Наркотик, который продается в табачном киоске, не запрещен законом, и его не продадут детям. Употребление наркотика на улице запрещено законом. Курение на улице запрещено законом. Немедленно потушите сигарету, или я зову полицейского!

— Простите, — сориентировалась Динака и забрала у мужа сигарету. — Мы очень давно не были в стране, жили на острове в океане.

Динака обернулась в поисках урны, и та тут же отыскалась.

— Простите, — приняв игру жены, с сожалением сказал Андрей. — Мы действительно только вчера приехали. Еще не все новые правила знаем. Спасибо, что напомнили нам.

Он понял, что спорить бесполезно. Потому что он не прав. Нет, не в моральном аспекте. В Европе принято много странных законов, которых он просто не знает.

Услышав такой ответ на свое замечание, женщина как будто бы сменила гнев на милость, еще раз смерила неприятных ей людей презрительным взглядом и с гордым видом пошла прочь, потянув за руку ребенка.

Андрей и Динака проводили ее взглядом и посмотрели друг другу в глаза. Каждый из них прочел подтверждение своих мыслей. Мир не просто изменился. Похоже, мир встал с ног на голову. Через несколько секунд они не выдержали, рассмеялись. Андрей притянул к себе жену и обнял ее, Динака уткнулась лбом в широкую грудь мужа. Могли ли они себе представить, что однажды, когда им будет под сорок, стоя посреди, пусть не самого большого, но все же европейского города, почувствуют себя неразумными детьми? Не будут знать, что им делать, как поступить, как реагировать...

— Давай возьмем такси, — почти успокоившись, предложила Динака, утирая платком слезы из уголков глаз. — Я боюсь идти пешком.

— Чего ты боишься? — наморщив лоб спросил Андрей.

— Может оказаться, что людям нашего возраста запрещено ходить по левой стороне тротуара в четные дни.

— Вот уж черта с два! — весело, но твердо сказал Андрей. — Деньги мы еще не получили. Даже процедуру оформления не начали. Того, что у нас осталось от суточных, на штрафы хватит. Пойдем, погуляем по городу.

— Слушай, а может не надо? — настороженно улыбаясь, спросила Динака.

— Пошли! Будет весело! — уверенно заявил Андрей и обнял Динаку за плечи. — Ты только представь, как здорово побродить внутри театра абсурда...

— Я думаю, — перебила Динака, — у них предусмотрены не только штрафные санкции.

— Не боись, не посодют. Мы же не собираемся делать революцию. Вон, смотри, ресторанчик. Я есть хочу.

Ресторанчик был неприметным, обычным недорогим ресторанчиком, каких в Европе тысячи. На улице, под зелеными восьмиугольными зонтиками, около огромной зеркальной витрины, стояли два десятка столиков, огороженных невысоким пластиковым заборчиком, имитировавшим деревенскую ограду. Посетителей было немного. Андрей и Динака сразу же облюбовали угловой столик и направились к нему. Не успели они присесть и оглядеться, как тут же появился официант — высокий молодой человек в черных брюках, белоснежной рубашке и черной бабочке, — поздоровался и предложил меню. Динака принялась его внимательно изучать, Андрей лишь быстро пробежал глазами по ровным колонкам серых строчек на розовой, ламинированной бумаге и, не отыскав любимого, блюда обратился к официанту.

— Будьте любезны, — негромко сказал Андрей, — привнесите нам сыр, бутылочку «Барон де ля Рондо»... Я наверное не заметил... мне порцию баранины на ребрышках... — Андрей посмотрел на жену. — Ты уже определилась?

— Простите, но мясо и вино подают только в зале, — сказал официант.

«А-га! — обрадовался Андрей. — Мясо все-таки можно съесть!»

Он ждал чего-то подобного, чувствовал неуловимые контуры, до конца не понимая, чего именно ждал.

Динака отвела глаза от меню и с интересом посмотрела на официанта.

— Мясо у вас все-таки подают, — сказал Андрей.

— Подают, — вежливо подтвердил официант. — Но только в зале.

— Почему нельзя принести сюда? — опережая мужа, спросила Динака. «Не дай бог, наговорит чего-нибудь...»

— В открытых кафе и просто на улице запрещено продавать мясные продукты. Тем более употреблять их в пищу. То же самое касается и вина.

— Ерунда, — безапелляционно сказал Андрей. — Здесь свежо, прекрасный вид... У нас нет желания сидеть в душном зале, у нас есть желание отобедать на свежем воздухе. Если это не в вашей компетенции, позовите сюда старшего. Я думаю, он сможет нам помочь.

— Если вы настаиваете, я его позову, — спокойно ответил официант, — но ответ будет таким же.

— Что за чушь? — удивился Андрей. — Если есть можно, то почему только втихаря?

— Не втихаря, а только в оговоренных местах, — у официанта была немыслимая выдержка, он даже бровью не повел. — Такие теперь правила, профессор. Если хотите, могу порекомендовать вам креветки в кляре, пиво. У нас прекрасно готовят лосося.

Андрей внимательно посмотрел на официанта.

— А то, что я профессор у меня на лбу написано?

— Нет, — улыбнулся официант. — Это написано под вашим портретом в университете. Я учусь на третьем курсе. А здесь подрабатываю. Я читал ваши работы, профессор. Вам, наверное, это часто говорят, но вы действительно талантливый учений.

— Мда, — растерявшись, сказал Андрей, посмотрел на жену, а затем снова на официанта. — Конечно, приятно, что тебя узнают на улице, потому что ты смог что-то написать о Богом забытом тропическом острове... Но... вот если бы за это, скажем, вместо портрета в университете, мне сюда принесли барабанную на ребрышках...

— Пойдемте в зал, — улыбнулся официант. — У нас повар серб, мой друг. Он с мясом чудеса творит. Я его попрошу. Он для вас...

— Спасибо, но мы лучше останемся на воздухе, — поспешила вставить Динака.

— Да, — согласился Андрей. — Лучше мы здесь останемся.

— А вот то, что вы нам предлагали, — продолжила Динака. — Креветки, рыба... еще пару овощных салатов...

— Все будет в лучшем виде, — улыбнулся официант и, забрав меню, исчез в дверях ресторана.

Андрей и Динака проводили его взглядом и с минуту сидели молча. Ленивый летний день неспешно катился привычным маршрутом.

— С ума сойти, — хмыкнув, сказал Андрей. — Пятнадцать лет жить на морепродуктах, после этого приехать в центр Европы, зайти в ресторан, заказать на обед жаркое, а получить креветки.

— Сделай юноше приятное, — сказала Динака. — Он просто счастлив, что такой известный ученый, как ты, зашел в ресторанчик, в котором он работает, и сел за его столик. Именно за его.

— Ты думаешь? — с сомнением спросил Андрей.

— Поверь мне. Для него разговор с тобой, как для католика — встреча с папой Римским.

— Хм-хм, — вздрогнул Андрей и расплылся в широкой улыбке. — А я то дурак подумал, что он меня клеит. Смотрю — глазки засветились...

Динака не выдержала и расхохоталась. Она смеялась так искренне и заразительно, что Андрей рассмеялся вместе с ней.

После сытного обеда Андрей и Динака так же, как и прежде, неспешно прогуливались по городу. Андрей с заметным налетом ностальгии рассказывал Динаке, в каком доме кто жил, на какой улице происходили какие события местного, а порой и европейского значения. Оказалось, что этот тихий городишко чем-то приглянулся писателям. Они любили приезжать сюда и подолгу оставаться в глухи узких улочек, гулять в тени парков. Может быть, именно тишиной город и притягивал их.

— Ты только посмотри, сколько представительств всевозможных учений и верований, — сказала Динака. — Астрологи, прорицатели, всевозможные боги и пророки. Здесь, наверное, были сильны идеи хиппи.

— Любовь и цветы? Не скажу, чтобы очень много, но было. Для хиппи этот город слишком провинциален. Здесь ничего никогда не происходило.

— Ничего себе ничего! — удивилась Динака. — Ты мне только за час такого рассказал, на толстенную книгу наберется.

— То, что я тебе рассказал, либо наша местная история, либо мировая. Наша история интересна только нам. Мировая — интересна через века. А вот религии действительно стало как-то многовато. Раньше было два-три пророка, не больше. Да и те, сидели себе тихонечко на задворках и принимали редких паломников. А сейчас... Что не улица — так свой посланник божий. Причем, я не заметил ни одного «единственно истинного». Раньше такого не было. Каждый пророк утверждал, что он один пришел от Бога, и только он несет истину, а все остальные ложь. Сейчас получается, что пророки смирились с конкурентами?

— Они просто стали терпимее.

Когда Андрей и Динака вышли на площадь Святого Александра, они остановились перед величественной громадой храма.

Над церковью возвышались пять куполов. С восточной стороны полукуполами апсида, по бокам, в один ярус, перекрытые сводами нефы. Оконные проемы были увенчаны арками и каменными плитами с крупными отверстиями. Огромные, сделанные из бронзы, двери украшены накладными рельефами, орнаментальными розетками и бордюрами. От одного взгляда на храм возникало впечатление мощи и силы.

— Храм Александра неотступившего, — сказал Андрей.

— Никогда не слышала, — разглядывая купола сказала Динака.

— В 1470 году жил в нашем городе великий ученый Теодор. Народ дал ему прозвище — простодушный. Теодор был очень умный, образованный человек. Философ, механик, химик, богослов. По утрам в церковной школе учил детишек которые постарше. Вечерами, в своей лаборатории, придумывал разные снадобья, механизмы. Помнишь у реки остатки каменного фундамента?

— Помню. Разрушенная башня.

— Это была не башня, а мельница. Теодор сконструировал ее по просьбе мэрии. Река у нас, сама видела, не шибко

быстрая. Но Теодор добился того, что и муки она молола больше, чем другие мельницы, и помол у нее был мельче. С этой мельницы и начались злоключения Теодора.

Жил в наших краях один князек. Все у него было, кроме славы. А славы ему о-очень хотелось. Вроде бы неглупый был князь, торговые дела у него хорошо шли, и как государственный деятель неплохо себя проявил — король любил его с посольством посыпать. Но славы ему хотелось не как политику, а как механику. Вот и пришел он к Теодору, когда тот мельницу строил. Мэрия на строительство денег выделила немного, наш город в то время был не самым богатым. Пришел князь к механику и говорит: «Давай мельницу вместе строить. Я, конечно, в механике не так одарен, как ты, но зато связи имею великие. Поговорю с влиятельными людьми, они и увеличат расходы на мельницу. А нет — я и к королю могу постучаться. Мы же для себя ничего не попросим, да и лишнего не возьмем ни гроша». «Зачем же тебе это нужно?» — спрашивает Теодор, хотя уже догадался обо всем. — «Король узнает, что мы не стяжатели, — ответил князь. — Скоро городские стены перестраивать будут. А кому, как не нам с тобой, это дело доверить. Уж я все в лучшем виде организую. Ни поставщики, ни каменщики лишнего не попросят. И городу хорошо, и нам с тобой почет». «Ты так и не ответил, — сказал Теодор. — Зачем тебе это нужно? Выгоды никакой. Забот у тебя и своих хватает. Почет и слава тоже есть». «Что деньги, что почет, — вздохнул князь. — Мы умрем, вместе с нами и слава, и почет уйдут. А городские стены на века останутся. Вместе с ними и имена наши. Вот где почет. Та слава хороша, что в камне запечатлена. Ты подумай, — говорит князь. — А я тебе помогу и с папским престолом дела уладить. В который раз уж следователь приезжает. Что ты за снадобья готовишь, да и уж не Сатана ли тебе нашептывает, когда ты механизмы придумываешь. Такие вопросы костром могут кончиться».

Теодор ничего не ответил. А князь решил, что дело уже в кармане, и поехал договариваться с королем о городских стенах, мечтая в дороге, как потомки в веках прославлять его будут. Вскорости, военный советник короля отправился

объезжать королевство с инспекцией. И, конечно же, заехал в наш город, чтобы на месте посмотреть, как обстоят дела с городскими укреплениями и что предстоит перестраивать. Про таланты Теодора вся страна знала. Вот и пришел к нему советник обсудить, где тот думает стены выше поднять, а где толще сделать. Тут-то он и узнал, что Теодор даже и не помышлял строить городские стены, «Как же так? — спрашивает советник. — Князь уже всему королевству рассказал, что он вместе с тобой строит мельницу для города. А после нее вы возьметесь за городские стены». «Не строит он со мной мельницу, — ответил Теодор. — Да и не к чему мне это, я и сам справлюсь». «Значит, и стены ты один будешь строить?» — спрашивает советник. «Я не обучен водить военные укрепления, — ответил Теодор. — Будет нужен мой совет — помогу, если смогу, а чтобы все на себя брать — не по уму мне это дело». «Да как же так? — спросил советник. — Король доволен, что ты будешь строить укрепления одного из важных городов. Разгневается он, узнав что это обман». «Сожалею, — сказал Теодор, — что так все получилось, но я ничего никому не обещал и меня во лжи уличить нельзя».

Скоро все королевство узнало, что князь солгал. А тот всеми святыми клялся, что договорился с Теодором, они уже не раз выезжали стены осматривать. И он не может понять, почему Теодор отказывается. Появились именитые свидетели, которые подтвердили, что знали о договоренности между Теодором и князем. А сам князь уже не первый год добивается перестройки городских стен. О безопасности города беспокоится.

— Вот подлец какой, — не выдержала Динака.

— Да нет, говорят, он человек неплохой был, — сказал Андрей. — Просто искушение славой... жажда славы однажды верх взяла.

— А причем тут «Александр неотступивший»?

— Через полгода после того случая по старым делам Теодора от инквизиции новый следователь приехал. Доказать связь ученого с Сатаной снова не получилось, а вот жизнь Теодору испортили окончательно. Лекари перестали ему за-

казы на снадобья давать, ремесленники его дом стороной обходили, в школе появляться ему запретили. Деньги за строительство мельницы ему заплатили, но суды и штрафы их быстро сожрали. А новых доходов нет. Да и соседи Теодору прохода не давали. Дети сначала дразнили его, а потом камнями кидаться начали.

Напротив Теодора жил Александр, лавочник. Он увидел, что дела у механика совсем плохи и начал носить ему продукты. Тот сначала ни в какую брать не хотел, и вообще советовал Александру не ходить в его дом. Чтобы на свою семью беды не накликать. Александр сказал, что это в долг. Черные времена пройдут, пойдут ученого дела в гору, тогда и рассчитается. Но они оба знали, что дела у Теодора лучше уже не будут. А к зиме тот еще и болеть начал. Соседи недовольны были, что Александр к Теодору ходит, помогает ему. Торговля в лавке оскудела. Жена мужа пилит, что так они сами по миру пойдут вместе с этим сумасшедшим. Муж сказал «цыц». В средние века спор между мужчиной и женщиной проще решался, — улыбнулся Андрей. — И вот както в очередной раз пришел лавочник к механику, принес корзинку с хлебом, колбасой и овощами. Тут Теодор и говорит ему, что скоро умрет. И завещает Александру великую тайну. В подвале у него есть дверь, через которую можно пройти в другой мир. Лучший мир. Этот разговор подслушал соседский мальчишка и разнес его по улице. Тут и лавочника, и семью его, все на смех подняли. Через три дня Теодор умер. Когда Александр хоронил его, на кладбище пришел лишь угольщик, живший на их улице. А на следующий день сгорел дом механика. Со смертью Теодора торговля у Александра лучше не стала и через месяц, в поисках лучшей доли, ему пришлось уехать из города. Через год, во время осады города испанцами, мельницу взорвали порохом.

Когда война закончилась, в наш город приехал герцог Брауншвейгский. Несколько лет назад местный кузнец сделал ему доспехи, которые в последней войне спасли рыцаря от копья неприятеля. Удар был страшный, ни одни доспехи не выдерживали такой удар. Но Теодор сам приготовил сплав и доспехи выдержали. Узнал герцог о том, как горо-

жане обошлись с Теодором и вызвал любого, кто осмелился, на поединок, в котором заступится за честь ученого. Вызов никто не принял. Герцог назвал наш город городом трусов и уехал к королю, добиваться справедливости. Король сказал, что заслуги Теодора перед страной велики, но не в его власти вероотступников прощать, а в папской. Герцог добился аудиенции у папы, но тот наотрез отказался прощать Теодора. Даже когда герцог пообещал построить новый храм на свои деньги. А вот лавочника Александра за гонения от сограждан и за доброту к изгою объявили святым. Он ведь остался верен христианскому долгу и не отвернулся даже от падшего человека. Тем более, что Александр к тому времени помер от чумы. Герцог слово сдержал и построил храм, который нарекли храмом Александра не-отступившего.

— Странно все-таки, — сказала Динака. — Теодор был богословом, жизнь ему сломали, а святым лавочника назвали.

— Теодор... Теодор от Бога талант получил. А талант всегда вместе с гонениями дается. Александр же жил в сытости и спокойствии. Свои беды он сам выбрал, когда Теодору помочь начал.

Из дверей храма вышел худощавый священник и, остановившись на ступенях, посмотрел на семейную пару.

— Смотри-ка, Мартин, — не веря глазам своим, сказал Андрей.

Священник узнал Андрея и пошел навстречу.

— Вы знакомы? — спросила Динака.

— Да. Мы росли на одной улице...

Еще издали священник развел руки для объятий и приветливо улыбнулся.

— Сколько же лет прошло, как мы виделись последний раз?

— Не меньше двадцати, — сказал Андрей. — Рад тебя видеть, Мартин.

— Я тоже рад, Андрей. Только теперь меня зовут Фома.

— Фома... Фома — так Фома. Познакомься, это моя жена Динака.

— Здравствуйте, — тихо сказала Динака, теряясь, нужно ли назвать священника святым отцом или необязательно.

Андрей и Фома обнялись, как обнимаются старые друзья после многолетней разлуки.

— Вот уж не думал, что здесь встретимся, — сказал Андрей, всматриваясь в смиренные глаза в прошлом городского хулигана, в четырнадцать лет чуть не угодившего в тюрьму за торговлю марихуаной.

— А я был уверен, что мы встретимся именно здесь, — сказал Фома. — Когда четыре года назад получил приход, первое о чем подумал, так это о том, как ты однажды придешь в этот храм и увидишь преступника, который теперь носит рясу.

— Ну... скажем прямо, это не такая уж и редкость, — заметил Андрей. — Тот, кто преступил закон, позже часто несет в мир слово Божие.

— Я не поэтому стал священником.

— В чем же причина?

— Разве вы не видите, что мир катится в пропасть?

— Катится? — взорвался Андрей. — По-моему он уже свалился в пропасть.

— Нет, — спокойно сказал Фома. — Мы всего лишь на краю. Свалиться в пропасть нам только предстоит.

Андрей опустил голову.

— Я до сих пор не могу поверить в то, что мы услышали и увидели сегодня. Сначала нас не пустили в любимый парк без собаки. После этого в табачном киоске прямо передо мной кто-то купил ЛСД. Через десять минут в ресторане мне сказали, что мясо и вино не подают на открытой веранде. А вчера меня оштрафовали, за то, что я поцеловал свою жену в аэропорту. Я ехал домой, мечтал, что снова пройду по знакомым с детства улицам, встречу друзей, которых знаю всю жизнь... А что получается? Попал в суматошный дом!

— Неужели ты не заметил, что мир менялся? — спросил Фома. — Мир населен не слепцами, человеку даны глаза.

— Ты знаешь, у нас на острове все осталось по-старому, — уверенно ответил Андрей.

— Цивилизация не может стоять на месте, — как будто пытался оправдаться за человечество Фома. — Она либо развивается либо погибает.

— Цивилизация... Тогда понятно, — вздохнул Андрей. — У нас ведь на острове одни дикари...

— Но как же церковь... — неуверенно спросила Динака. — Она всегда была консервативна. Мы сегодня видели не менее тридцати сект. И они не просто существуют, они функционируют. Абсолютно легально. Мы видели, как туда заходят люди.

— Сорок семь, если быть точным, — сказал Фома. — Сейчас в городе сорок семь разных учений, которые устойчиво функционируют.

— Нет... нет, нет, нет... я не могу понять. У меня в голове не укладывается. Права животных выше, чем права человека — это я допускаю. Легализация наркотиков — вполне возможно. Дифференцированное наказание, в зависимости от благосостояния гражданина — бог с ним. Но вера... Это единственное, что на протяжении тысячелетий оставалось неизменным. Сейчас что, не принято верить в Бога?

— И раньше человек сам решал, верить ему или нет. Сейчас же общество относится к этому еще более терпимо. Высшее проявление демократии.

— С ума сойти. И это я слышу из уст священника...

— Не священника, а гражданина. Из уст гражданина ты услышал правду. Но не истину.

— Но тогда ответь мне, гражданин. Ты понимаешь, что Библия это не конституция? К ней нельзя принимать поправки! И никакие свитки мертвого моря не в силах этого сделать! Церковь может признать свои ошибки, заблуждения. Признать, что лгала намеренно, пусть и руководствуясь высшей целью. Но благословлять однополые браки она не может! Церковь не вправе амнистировать содомский грех. Хотя бы потому, что никакой папа не сможет сделать даже один белый волос черным.

Андрей замолчал, а Фома лишь снисходительно улыбнулся. Андрей почувствовал, что только что доказывал элементарные вещи, которые все давно знают.

— Как священник, — все так же спокойно сказал Фома, — я скажу, что ты прав. Именно поэтому ты застал меня в этом заброшенном храме. Сюда перестали ходить люди, но отсюда не ушел Бог.

— Но как же...

— И падшей женщине, и сборщику налогов Христос сказал: «Ты можешь пойти с нами». Человек сам выбирает, во что ему верить. Я лишь могу помочь нуждающемуся в поддержке, но заставить... не то чтобы не могу, но и не хочу. Человек сам совершает поступки и сам будет отвечать за них.

— Ты не правильно меня понял, — сказал Андрей. — Я не агитирую немедленно всем креститься или делать обрезание. Откуда взялись шарлатаны я догадываюсь, но почему им все так запросто верят — понять не могу.

— Еще когда ты учился в университете, — ответил Фома, — свобода в Европе приобретала все более причудливые формы. Однополые браки, легализация наркотиков. Клонирование человека, волна новых учений. Официальные представительства террористических организаций. Новые пророки указывали на пороки церкви, справедливо указывали, и заявляли что они, и только они, настоящие посланники высших сил. Многие считали, что лучше секты, чем ислам. Ватикан закрыл глаза на лжепророков, только бы не отдать паству в руки ислама. Десять лет назад казалось, что как только ислам отступит за свои извечные границы, христианство быстро вернет себе заблудшую, ушедшую в секты паству, к тому времени понявшую свою ошибку. Казалось, останется только раскрыть объятья... Но человек увлекся. Свобода ради свободы — это хаос. Никто не задумывался, к чему все может привести. Очень скоро законы стали обвинять в ущемлении прав гражданина. Пацифисты, целующиеся с террористами, кровью невинных омывающими дорогу к власти. Правозащитники, кричавшие, что только Бог имеет права наказывать человека. Экологи, призывающие остановить промышленность... Вы правы. Мир встал с ног на голову. То радущие, с каким демократия раскинула свои объятия хаосу — улыбка Сатаны. Он и не делал ничего, мы все сделали сами.

Фома замолчал. Андрею и Динаке стало страшно от услышанного.

— Один писатель, — тихо заговорил Андрей, — однажды сказал: «За пару дней я могу придумать религию, которая за десять лет разрушит мир. Только зачем?» Религию он придумывать не стал, но для разрушения мира десяти лет почти хватило.

Они разговаривали еще около получаса.

От церкви Андрей и Динака неспешно пошли в сторону дома. На улицах стало больше прохожих, в летних кафе уже было непросто отыскать свободный столик. Город бурлил, как и пятнадцать лет назад, горожане жили обычными бытовыми заботами, воспитывали детей, ссорились и мирились. И на первый взгляд ничего не говорило о том, что этот город... эта страна стала совершенно другой. Непонятной. Чужой.

На площади согласия их встретил митинг антиглобалистов. Три сотни молодых парней и девушек, размахивая черными и зелеными флагами, аплодисментами одобрения сопровождали речь седовласого оратора, который, надрываясь в мегафон, взывал к более активному противостоянию транснациональным корпорациям.

Андрей и Динака остановились на углу и с интересом наблюдали за происходящим. Рядом с ними стояла патрульная машина, возле нее трое полицейских обсуждали преимущества и недостатки лыжных курортов. Еще два десятка стражей порядка лениво созерцали, митинг рассредоточившись по периметру площади. Чуть правее стояли три человека. Явно не зеваки, уж слишком официально они выглядели.

Андрей вдруг сообразил, что толпа митингует напротив «Макдональдса» и сразу же оживился.

— Я так понимаю, сейчас они начнут бить витрины.

— Может нам лучше уйти? — спросила Динака.

— Да ты что! Я сто лет погромов не видел!

Динака посмотрела на мужа, не зная улыбнуться или испугаться: «Конечно, он сможет за себя постоять, но... стоит ли испытывать судьбу? Толпа — она безумна. Да и погром... он чаще всего заканчивается убийством».

— Ты думаешь, они разгромят закусочную? — спросила Динака, в глубине души надеясь, что этого не случится.

— Ну а зачем они тогда здесь собирались? — Андрей даже удивился такому вопросу. — Обязательно разгромят. Да еще как!

— Андрюша, там люди! Как ты можешь спокойно говорить об этом?

— Где? Внутри? Да ты что... там давно никого нет.

Андрей показал на группу молодых людей, человек в двадцать, одетую в одинаковую форму.

Звон разбитого витринного стекла разлился по площади, словно молоко по полу. Толпа оживилась, заорала, завизжала и пришла в движение. Полицейские, стоявшие возле патрульной машины, как будто бы отвлеклись от своих разговоров. Прошло пять минут. Толпа разнесла закусочную и заодно офис авиакомпании, разместившийся в соседнем здании. Полицейские так и не двинулись с места.

— Вы не собираетесь их остановить? — не выдержала Динака.

Патрульные обернулись и с некоторым непониманием посмотрели на женщину, задавшую такой глупый вопрос.

— Зачем? — спросил щуплый, коротко стриженный лейтенант.

— То есть как это зачем? Они наносят ущерб чужой собственности!

Полицейские снисходительно усмехнулись.

— Собственность застрахована, — сказал лейтенант. — Страховка покроет все расходы плюс кругленькая сумма за моральный ущерб. Видите вон ту троицу? — лейтенант показал рукой. — Это два страховых агента и адвокат владельца заведения. Как только все закончится, они тут же подпишут страховку.

— Но ведь могут пострадать люди!

— Люди могут пострадать, если мы будем разгонять митинг. Владелец закусочной был предупрежден за два дня, посетители были эвакуированы за час до акции протеста, и, я думаю, к утру заведение будет полностью восстановлено и готово к приему посетителей.

— Как это предупрежден за два дня? — переспросил Андрей.

— Как и положено. Акция протеста получила официальное разрешение в мэрии, — спокойно объяснял лейтенант. — Владелец об этом был предупрежден в установленные сроки и уже договорился о ремонте. Через пятнадцать минут антиглобалисты закончат протестовать, и за дело примутся ремонтники.

— Какой к черту протест, — усмехнулся Андрей, показывая на ревущую толпу, — это погром.

— Это не погром, а одна из форм социального протеста, — настаивал лейтенант. — Гражданин свободной Европы имеет право на любую форму протеста, которая не угрожает жизни другого гражданина.

— А что страховая компания, тоже так думает?

— Страховая компания работает в соответствии с 629-ой статьей конституции. К тому же половина ущерба покрывается за счет государства.

Поблагодарив офицера за разъяснения, Андрей и Динака не стали дожидаться кульминации одной из форм социального протеста. Рыбак рад любой, даже маленькой, рыбешке. Но если ты знаешь, что под водой сидит водолаз и насаживает на крючок трофеи согласно прейскуранту, тебя вряд ли обрадует даже трехкилограммовая форель.

Чуть тронутые седым пеплом угли пылали жаром на дне мангала. Белые точки звезд мерцали в черном небе, молодой месяц холодно отражал свет солнца. Из динамиков лилась негромкая мелодия испанской гитары. Андрей сидел в саду, в желтом свете гирлянды лампочек, и неторопливо нанизывал шашлык на шампур. Он уже заканчивал.

Виктор и Эльза вместе с детьми еще утром уехали в Инсбрук навестить тетушку Эстер. Старушка подвернула ногу, катаясь на лыжах в горах Домбая.

— Извини, Андрей, я не могу поверить, что для тебя такой мир стал новостью, — сказал дядя Яша, сидя в плетеном кресле, с бокалом красного вина в руке. — Человечество шло

к нему. Шло уверенно. Его предупреждали, чем все может закончиться. А оно отвечало: «Ну и прекрасно». И теперь говорить, что оно не знало — по крайней мере нечестно.

— Но мы с Динакой действительно не знали, что происходит, — сказал Андрей.

— Вы не читали газет?

— Практически нет. Только научные журналы.

— У вас на острове не принимаются телесигналы?

— Принимаются, но...

— Вы не смотрели новости?

— Смотрели. Я же тебе говорил, один канал островного телевидения. А там в основном местные новости. Иногда Филиппины, Малайзия, Австралия, Индонезия. Но чаще местные. Не веришь мне — спроси у Динаки, — улыбнулся Андрей и показал шампуром себе за спину.

Динака вышла из дома с плошкой в руках, в которой лежали свежие огурцы, помидоры, сладкий перец. Дядя Яша посмотрел на нее и подмигнул. Динака улыбнулась в ответ, прошла до беседки и, поставив миску на стол, начала резать салат. Андрей был рад, что Динака и дядя Яша сразу же подружились. Это очень хорошо. Просто замечательно. У старика никого не осталось...

— Но раз вы все всё замечали, почему допустили чтобы...

— Никто не хотел остаться без стула, когда замолчит музыка, — не дал договорить дядя Яша.

— Ерунда. — Андрей встал с табурета, взял шампуры и подошел к мангалу. — Ты меня неправильно понял, — грустно сказал он, чуть подержав над углами ладонь с растопыренными пальцами, и начал раскладывать шампуры. — Я не пытаюсь искать виноватого. Я его знаю. Мы все виноваты. Кто больше, кто меньше... Но если кто-то был просто глуп и ленив, а кто-то все делал намеренно, то куда же смотрели те, кого ты называешь цветом нации, ее геномфондом?

— Я думаю, они запутались, — ответил дядя Яша. — Да да, именно запутались. Ну скажи, пожалуйста, как можно сказать нет, когда человек просит поддержать его протест

против смягчения наказания за изdevательства над малолетними детьми? Что ты ответишь, когда кто-то предложит увеличить наказание с двух месяцев до десяти лет за изdevательство над животными? Конечно, ты скажешь, я с тобой. А через месяц кто-то, и от твоего имени тоже, внесет в парламент закон об уравнивании ответственности за убийство животного и за убийство человека. Ну не пойдешь же ты к дому своего депутата с плакатом «Я с этим не согласен».

— А почему бы и нет? Раз ты доверил президенту от твоего имени начать войну, ты ровно столько, сколько и он, и его генерал, несешь ответственность за каждого убитого на этой войне. За каждый взорванный дом.

— А как быть тем, кто не голосовал за президента, объявиившего войну? — спросил дядя Яша.

— Точно так же. Ты гражданин страны, которая бомбит чьи-то города. И если за эту войну в чужой стране тебе плюют в глаза, нечего возмущаться, что ты не причем.

— Но ведь бывает и так, что до руля говориться одно, а у руля другое.

— Чувствуешь, какой запах? — довольный процессом спросил Андрей.

— Боюсь, я слюной захлебнусь раньше, чем ты скомандуешь к столу, — ответил дядя Яша.

— Нет, дядь Яш. Они не запутались. Вспомни, что ты мне говорил двадцать лет назад, когда я тебе задал вопрос: «Что такое государственная машина и почему ее так трудно повернуть в сторону?»

— Двадцать лет назад это было правильным. Сейчас... не знаю.

— Я ни в чем не обвиняю это общество, — Андрей взял кусок картона и начал гонять ветер над мангалом. Вкусный едкий дым тут же заклубился, полез в глаза. — Боже упаси. Но я прошу... Нет, я требую, не говорить при мне: «Поделать было ничего нельзя». Мы не думали, что все примет такие крайние проявления, поэтому не придавали большого значения. Толпа, она во всем виновата». Я имею на это право. Вот она имеет, — Андрей показал на жену. — Потому что нас здесь не было.

— Зря ты так... Непросто идти против общества. Что еще оставалось этим людям, кроме как все замечать, не соглашаться с тем, с чем совесть не согласна, и по мере сил противостоять?

— Мне кажется меру, с которой надо было противостоять, они отмерили уж слишком маленькую.

— Послушай, можно подумать, что мне здесь все нравится, — сказал дядя Яша. — Как будто я кого-то защищаю.

Калитка скрипнула и отворилась. Андрей, Динака и дядя Яша обернулись. В сад вошла пожилая чета Лабадзе, соседи из дома напротив. Они переехали шесть лет назад, и Андрей был с ними не знаком. Дядя Яша сразу же заподозрил неладное.

— Добрый вечер, — поздоровался Оскар Лабадзе. Джейн повторила слова мужа.

— Добрый вечер, — хором ответили дядя Яша и Андрей.

— Виктор и Эльза дома, — поинтересовался Оскар.

— Нет, — ответил Андрей. — Они в Инсбрук уехали. Через пару дней вернуться.

Было заметно, что Оскар хочет что-то сказать, но теряется.

— Может я смогу чем-нибудь помочь? — спросил Андрей, перестав размахивать картонкой.

— Вы, Андрей... — предположил Оскар, — а это ваша жена Динака...

— Да.

Теперь и Андрей почувствовал себя неловко. «Да что же ты так трясешься? — подумал он про Оскара. — Виктор тебе денег должен и не отдает? Ты решил попросить меня повлиять на брата?»

— Право, не знаю как начать... Андрей, вы очень долго жили на острове и скорее всего не знаете, что мясо... — Оскар замолчал.

— Мясо нельзя продавать и употреблять в пищу на улице, дабы не вводить в соблазны неокрепшие души. — Андрей намеренно взял издевательский тон: «Какого черта?! Еще не кватаю у себя в доме спрашивать разрешение соседей, что

сьесть на ужин». — Но мы, кажется, никого не вводим в сознание. Здесь присутствуют уже сформировавшиеся личности, и они осмысленно собираются употребить в пищу жареное мясо.

— Яков, — вмешалась Джейн, — но вы-то прекрасно знаете, что можно делать цивилизованному европейцу, а что не следует. Я поражена вашим поступком. Неужели вы не могли объяснить это своему молодому знакомому?

— Я думаю, он уже достаточно не молод, чтобы самостоятельно решать, что прилично делать в саду своего брата, а что нет, — ответил дядя Яша.

Динака отвлеклась от салата и вышла из беседки.

— Минуточку, а что, собственно, происходит? — свел брови Андрей. Я нахожусь у себя в саду, за забором...

— Но запах! — возмутился Оскар. — Совершенно невозможно находиться на улице. Ветер дует с северо-запада...

— А нечего нюхать чужое, — неожиданно даже для самого себя выдал Андрей. — Или в законе записано, что запрещено жарить шашлык в саду своего дома, с четырех сторон окруженного забором.

— Я поражена вашим поведением. Я даже представить себе не могла, что...

— Я очень рад что смог удивить вас.

— Довольно. Я не намерена дальше терпеть неуважение к общепринятым нормам морали и этики.

Джейн фыркнула, и соседи Лобадзе ушли, демонстративно задрав нос.

— Наверное, не следовало этого им говорить, — сказал Андрей, как только калитка захлопнулась.

— Ты начал процедуру оформления вознаграждения по контракту? — спросил дядя Яша.

— Нет... Да причем здесь деньги?.. Виктору с Эльзой здесь еще жить...

Андрей вздохнул и, присев возле мангала, снова занялся шашлыком, Динака вернулась на веранду, дядя Яша сделал глоток вина и, запрокинув голову, посмотрел на небо.

Ужин на свежем воздухе был великолепен. Дядя Яша снова расспрашивал Андрея о жизни на острове, о коллекти-

ве, о климате. Динака отвечала на бесконечные вопросы о родственниках. Было нетрудно заметить, что старику нравится все, что рассказывали Андрей и Динака.

Андрей проснулся поздно, около десяти часов. Он вышел в сад и, жмурясь в лучах утреннего солнца, сладко потянулся. Утро было солнечным, день обещал быть добрым. Вернувшись в дом, Андрей обшарил его в поисках Динаки, но нашел лишь записку на зеркале в ванной. Динака отправилась в Комитет по образованию, оттуда в Комиссию по малым народам и Департамент защиты природы тропических островов. Андрею во второй половине дня предстоял поход в банк. Нужно получить деньги, зайти в агентство по торговле недвижимостью, купить путевку на горный курорт. Куданибудь, где снега побольше, надоели пальмы. Купить путевки можно было не выходя из дома, но Андрей решил по ста-ринке пройтись по офисам.

Утро прошло за завтраком и просмотром новостей. Андрей сначала от души веселился, когда слушал тот бред, что несли журналисты, потом ему стало грустно. Уродливая гrimаса общества принадлежала не городу. Она принадлежала всей Европе.

В дверь позвонили. Андрей посмотрел в видеофон. У калитки стояли двое. Один тощий, другой упитанный. Обаростом под два метра. Их официальный вид рождал неприятные предположения. Андрей пригласил гостей войти и нажал кнопку электрозамка. Гости прошли через сад по узкой каменной дорожке, вошли в дом.

— Андрей Такер? — спросил тощий.

— Чем могу?

— Мы из муниципалитета, — сказал упитанный. Пожалуй, он выглядел поувереннее. — У вас найдется для нас время?

Андрей провел гостей на террасу, собеседники удобно устроились в плетеных креслах.

— Итак... Чем обязан?

— Собственно, мы на минутку. Вопрос... Точнее просьба. У нас к вам просьба. Андрей, мы очень хотели, чтобы вы

нас правильно поняли, — начал тощий. — От примет современного европейского общества у вас невольно могут возникнуть аналогии с некоторой комедией абсурда... Вам наверняка многое кажется гротеском... Не торопитесь с выводами, оглядитесь. Постарайтесь разобраться.

— Вы о чем? — Андрей делал вид, что не понимает. Точнее он был уверен, что понимает все, но некоторые сомнения все же имели место.

— Все дело в вашем долгом отсутствии в родном городе, — продолжил упитанный. — Именно поэтому изменения так сильно бросаются вам в глаза. Они вам кажутся неестественными из-за того, что вы находились очень далеко, когда общество вынашивало эти идеи. Вынашивало годами, методом проб и ошибок. И цель этих изменений — общественное благо, социальная защищенность, процветание всего общества. И те правила, которые существуют...

— Стоп-стоп-стоп... — Андрей поднял руки. — Я сомневался, но теперь все понял. Вы по поводу жалобы соседей?

— И из-за этого тоже, — подтвердил тощий.

— Не пугайтесь, — сказал упитанный. — Вы, наверное, решили, что раз пришли чиновники из муниципалитета, значит дело обстоит очень серьезно. Подобные визиты совсем не редкость. Правда, в рядовых случаях к гражданину посылают представителя службы информации. Но вы не рядовой случай. Вы ученый с мировым именем.

— Разве в Европе не все равны? — вскинул брови Андрей.

— Государство имеет право потратить на вас больше времени, денег и энергии.

— Не считите это за наглость... А что будет, если я все-таки не смогу адаптироваться к вашим нормам морали и правилам приличия?

— Сможете, — сказал упитанный. — Не сгущайте краски.

— А если все-таки нет? — настаивал Андрей.

— Если вы нарушите закон, то, несомненно, понесете наказание в соответствии с действующим законодательством. Вы это хотели услышать?

Андрей не ответил.

— Я повторюсь. Не спешите делать выводы. Понаблюдайте, обдумайте увиденное. Взвести все за и против. Спасибо, что выслушали нас, — тощий поднялся из кресла. Упитанный встал следом за ним.

— Спасибо, что потратили на меня время, — вставая сказал Андрей.

— Это наша работа.

Проводив гостей, Андрей вернулся на веранду: «Что это? Действительно желание помочь разобраться в происходящем или же угроза, завуалированная под желание помочь разобраться? Как жаль, что Динака не присутствовала при этом разговоре. Тонким чутьем островитянки она смогла бы увидеть, что в душе у этих людей».

Оставив в покое бесплодную попытку разобраться в истинной цели визита, Андрей надел деловой пиджак и, захватив портфель с необходимыми бумагами, отправился в банк. Он вдруг почувствовал, что его буквально распирает узнать, в какую сумму ему вылились штрафы, полученные за два дня после возвращения в родной город.

Как и предположил дядя Яша, штрафная сумма оказалась небольшой. Из банка Андрей вышел в прекрасном настроении. За то время, что он был на острове, его перевели в разряд привилегированных клиентов. Кроме кучи приятных мелочей из этого вытекали очень сладкие условия по кредиту, который он намеревался получить на обустройство своей жизни в Европе.

На улице было хорошо. В голубом небе светило яркое солнце, слабый ветерок приятно обдувал лицо. На углу Толстого и Манделлы небольшой джазовый оркестр создавал прохожим хорошее настроение. Таких оркестриков по городу было разбросано превеликое множество. Работали они не за подаяние от слушателей, а за зарплату, которую им платил муниципалитет.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Андрей посмотрел на спортивного вида молодого человека с глазами преданной собаки. Одет он был просто. Черные брюки, белая рубашка, галстук-бабочка, лакированные туфли. К карману рубашки было пришпилено электронное

удостоверение. Пластиковая карточка размером семь на десять сантиметров, с фотографией и окошком-сканером. По верхнему краю удостоверения было написано: «помощник», а чуть ниже и имя — Отар Хелль.

— А мне в чем-то нужна помощь? — спросил Андрей.

— Не знаю, — добродушно ответил Отар. — Возможно, нужна. Поэтому я и спросил. Я помощник.

Отар гордо показал на свое удостоверение. Андрей еще раз прочел, что было написано на пластиковой карточке и подумал: «Ну что же, хороший бизнес».

— Вы что, ни разу не пользовались услугами помощника? — спросил Отар.

— Нет, — ответил Андрей.

— Так вы турист? — обрадовался Отар. — Не стесняйтесь. Если вам нужна помощь, спрашивайте.

— Да... я турист, — соврал Андрей.

— Тогда все понятно, — сказал Отар. — Мои услуги бесплатные. Вам нужно всего лишь оставить скан большого пальца и дать мне задание. Если вы не знаете, как добраться до того или иного адреса, или вам нужно сходить в магазин, но нет времени, а может нужно передать кому-нибудь посылку, отнести букет цветов, предупредить, что вы не приедете на встречу... Для всего этого существуют помощники. Это наша работа.

— А если мне нужно передвинуть шкаф?

— Скажите куда и во сколько нужно подойти, — ответил Отар.

— Здорово. И вы действительно можете мне помочь. Мне нужна справка. Я должен сперва сосканировать палец или задать вопрос.

— Спрашивайте.

— Вас специально ко мне приставили, чтобы я лучше ориентировался в происходящем?

— Не совсем понял, — ответил Отар.

— Почему вы подошли именно ко мне?

— Я работаю помощником уже второй год. Помощь — моя работа. Понимаете? Мне показалось, что вам нужна помощь, вот я и предложил свои услуги. Послушайте, вы впра-

ве отказаться. Вам нужно просто сказать «спасибо, ненужно», и я тут же уйду.

— А кому вы еще помогали? — спросил Андрей.

— Вам нужен список моих клиентов? Давайте подойдем к информационной машине, и я предоставлю вам все интересующие сведения. У меня очень хороший файл отзывов.

— И много вас, таких помощников?

— Рядом? — Отар начал вертеть головой. — Я думаю человек десять. Может чуть меньше.

Андрей осмотрелся. В его поле зрения действительно были люди в такой же форменной одежде, что и Отар. Очевидно, он их и раньше видел, просто не обращал внимания. Не станешь же читать, что написано на кармане каждого встречного человека.

— Черт, — только и смог сказать Андрей.

Отар снова приветливо улыбнулся.

— Вы действительно не слышали о помощниках? Откуда вы приехали? Насколько я знаю, помощники есть во всех городах Европы.

— Я очень долго был в командировке, — ответил Андрей. — Очень долго.

— Служба помощников существует уже шесть лет...

— Нужное дело. Только не сегодня. Спасибо, мне не нужна помощь.

— Извините, — развел руками Отар. — А на будущее, если понадобится помочь, просто подойдите к помощнику.

Попрощавшись, Андрей поднял руку. Рядом с ним остановился желтый «мерседес». Андрей сел на заднее сиденье и назвал адрес Института тропической биологии. Водитель ввел адрес в бортовой навигатор, получил рекомендации, как лучше проехать по маршруту, и машина тронулась с места. Андрей включил монитор пассажирского терминала, вывел в меню список туристических компаний и наугад ткнул в первую попавшуюся. Компания «Фламинго» предлагала отдых на любой вкус и достаток. Андрей выбрал сначала Канаду, потом посмотрел Гренландию, Шпицберген, Аляску, полуостров Ямал. Сервис во всех предложениях был одинаково великолепным. И цена подходящая. Покончив с турагентст-

вами, он включил 38-ой канал телевидения. ЕвроНьюс сообщал о новых шагах цивилизованного мира в противостоянии странам-изгоям и странам, составляющим оси зла. Новые взрывы в Израиле. После этого сообщили о переносе дела Жанет Лурье против родителей на три дня. Жанет было двенадцать лет. Родители не разрешали ей смотреть телевикторины больше двух часов в день. Однажды девочка решила, что это нарушает права человека на образование и обратилась в адвокатскую контору «Петерсон и сыновья». Через неделю иск был уже в суде. Девочка хочет миллион евро компенсации и добивается лишения отца и матери их родительских прав.

— Куда катится мир... — выключив экран, вздохнул Андрей.

— Не просто привыкнуть? — спросил водитель.

— Что, простите?

— Я говорю, вам, наверное, непросто привыкнуть к переменам? После пятнадцати-то лет отсутствия.

— Вы меня знаете?

— В новостях видел. Вы пятнадцать лет провели в лаборатории, на далеком острове. Говорят, вы большой ученый.

— И что еще говорили в новостях?

— Больше ничего. Только то, что вы вернулись в родной город.

Андрей ничего не сказал.

— А мир действительно странный, — продолжил водитель. — Прямо и не знаешь, радоваться или плакать.

— Чего же вам плакать? Кругом чисто, хорошо пахнет.

Сплошная общественная польза.

— И наркотики в киосках продаются.

— Ну-у... продаются, — согласился Андрей. — Но не все же. Только то, что разрешено законом. Легкие. Значит будет меньше употребление тяжелых. Меньше преступлений.

— Ну да, преступлений меньше. Теперь и пукнуть нельзя, не рискуя быть оштрафованным за загрязнение окружающей среды. Мой сменщик — эмигрант из Украины. Живет в пригороде. Завел дома небольшое хозяйство. Корова, куры, поросенок. Так сначала соседка на него в суд подала,

мол, корова сильно мычит, еле отбился, потом кошка ее под машину попала. Так эта дама заявила, что он ее затравил и довел до самоубийства. Дама обратилась в Общество защиты прав животных, Федерацию любителей кошек и в Комиссию по экологии. Эти ребята на полном серьезе четыре недели проводили экспертизу: не наносят ли вред окружающей среде поселка отходы жизнедеятельности домашних животных. Петро, конечно, оправдали, но нервы потрепали. Но это еще не все. На суде интересы кошки защищали четыре адвоката. Дама наняла их, и они предъявили иск от имени кошки. Как вам перспектива получить десять лет за то, что соседская кошка попала под вашу машину.

Андрей молчал. Таксисты всех стран любят поболтать. И если этот разговор не раздражает, не стоит его прерывать. Не стоит нарушать традицию.

— Среди подписчиков журнала «Локус», — продолжал таксист, — осенью разыграли поездку в Швецию. И представляете, я выиграл. Почему; думаю, на неделю не съездить. Поехал. С девушкой познакомился. Блондинка. Фигурка — конфетка, ноги — от коренных зубов. Учится в школе стюардесс. Решил угостить ее мартини. Посидели в кафе с полчаса, собрались уходить. Глянул на счет и сначала подумал, что это розыгрыш. Один мартини — двадцать шесть евро. Подзываю официанта и спрашиваю: «Что это за ерунда?» Он мне начинает объяснять, что у них в Швеции очень много случаев суицида. Темнеет рано. Народ ищет, где надраться, после чего быстро впадает в депрессию и кончает с собой. А правительство такими ценами борется с суицидом. И причем тут, спрашиваю, я? Я ничуть даже не швед, я очень даже фламандец. За двадцать шесть евро я обычно покупаю большую бутылку мартини, а не маленькую рюмку. Хорошо еще, что подружка отошла позвонить. Выглядел я полным идиотом...

Возле Института тропической биологии Андрей расплакался с таксистом и поблагодарил за познавательную беседу. Выйдя из такси он обернулся и, задрав голову, посмотрел на белый шпиль института.

Институт имени Карла Кайзера, самое святое место для биологов всего мира. Сколько великих ученых вышло из

этих стен, сколько открытий было сделано в этих лабораториях, а сколько грандиозных проектов разрабатывается сейчас...

Андрея здесь не просто знали. Переступив порог храма науки, он заподозрил, что его появления ждали.

Первой подбежала кругленькая, словно воздушный шарик, девочка, подарила Андрею букет роз и начала что-то быстро-быстро лепетать на испанском. И хотя Андрей почти ничего не понял, диалект был каким-то странным, ему все равно было приятно. То там, то тут слышались аплодисменты. Сперва одиночные, потом еще и еще... Студенты начали обступать Андрея, поздравлять с возвращением, он пожимал руки направо и налево, раскланивался, благодарил за что-то, стараясь пробраться к широкой мраморной лестнице. С трудом, но это ему удалось.

Профессор Бржельский был суховатым, чуть сгорбленным восьмидесятилетним старицом. Последние сорок три года он преподавал в Институте имени Карла Кайзера и ему это нравилось. Увидев Андрея на пороге своей комнаты, он, как могло показаться, равнодушно посмотрел на него, жестом пригласил войти.

— Присаживайтесь, — сказал Бржельский, рукой показывая Андрею на кресло возле журнального столика. — Кофе хотите?

— Не откажусь.

Профессор быстренько соорудил два кофе эспрессо, взял со стола пульт, подрегулировал режим кондиционера и грузно опустился в кресло напротив Андрея.

— Вас можно поздравить, молодой человек? — все, кому не было пятидесяти, для Бржельского были молоды. — Я слышал, вы проделали огромную работу.

— Работа действительно проделана большая, — согласился Андрей. — Но в ней не только моя заслуга.

— Бросьте манерничать, — махнул рукой Бржельский и сделал глоток кофе. — Работать и дурак сможет. Главное — руководство. Когда я был лаборантом у Селиванова, мне и в голову не приходило, что я соавтор открытия голубых черепах. Я был всего лишь обслуживающим персоналом. Делал

тяжелую и грязную работу за умнейших людей, чтобы они не отвлекались на пустяки, а разгадывали тайны природы. И я горд этим. Я прошел хорошую школу. Кстати, когда я смогу ознакомиться с вашим последним отчетом? Меня интересуют выводы.

— Я думаю недели через две.

— Вы собираетесь делать доклад на симпозиуме в Калькутте?

— От этого никуда не денешься, — сказал Андрей. — Лучше ответить на все вопросы сразу, чем вступать в нудную переписку с сотней ученых и повторять одно и тоже.

— Это неизбежно, — согласился Бржельский. — У вас ко мне какое-то дело?

— Да, профессор. Вы, наверное, уже слышали, что я написал книгу?

— Фоули все уши прожужжал.

— Так вот, книги еще нет. Есть только желание ее написать и огромное количество интереснейшего материала. Не согласитесь быть моим консультантом?

Бржельский задумался, отодвинув кофе в сторону, откинулся на спинку кресла.

— Я уже немолод, — наконец сказал профессор. — Книга потребует много сил и времени. А почему вы не хотите взять в консультанты Фоули?

От такого вопроса Андрей просто растерялся.

— Потому что вы, как консультант, меня более устраиваете.

— А что же Фоули?

— Прекрасный ученый, — ответил Андрей. — Но все же не тот уровень, что у вас.

— Так-то оно так... Но работа с вами пойдет ему на пользу.

— Но я не думаю, что работа с Фоули пойдет на пользу книге, — сказал Андрей.

— Нехорошо так отзываться о коллеге, — покачал головой Бржельский. — Неэтично. Он столько сделал для продвижения вашей книги. Тем более, вы говорите, что она еще не написана.

— Господи, да я ни о чем его не просил.

— Что же из того? — спросил Бржельский. — Ученый совет одобрил его кандидатуру. Все равно кто-то должен будет сделать эту работу. Почему не предложить ее тому, кто сам вызвался?

Они разговаривали еще минут пятнадцать. Бржельский так и не согласился консультировать Андрея. Да он его уже и не пытался уговорить. Он был просто ошеломлен заявлением, что для книги будет лучше, если участие в ней примет Фоули. Ошаращен не столько тем, что для книги лучше, как тем, что ученый совет уже одобрил кандидатуру консультанта.

Из института Андрей вышел через северный подъезд. Перспектива попасть в руки ликующих студентов, наверняка карауливших его у главного входа, не радовала. Не любил он все эти торжественные встречи по случаю и по поводу.

Важных дел на сегодня больше не планировалось, и Андрей, надеясь прийти в себя от абсурдного разговора в кабинете Бржельского, решил прогуляться. Он неспешно бродил по узким улочкам старого города и наслаждался окружающими видами. Сколько раз, будучи на острове, он с тоской вспоминал о своем родном городе. Небольшие лавочки, булочные, в которых хозяин сам печет хлеб, маленькие кафе на десяток столиков.

В одном из таких кафе, на площади Кузнецов, Андрей пил пиво и ел речных раков. Неподалеку от его столика веселый клоун раздавал детворе разноцветные воздушные шары. Чуть левее «белочка» ловко жонглировала мячиками, чем приводила в восторг собравшихся вокруг нее малышей. Помощники, заложив руки за спину, скучая слонялись по площади. Справа от кафе молодая пара поднялась со скамейки, стоявшей в тени каштанов, и побрела куда-то, оставив после себя пару пустых пакетов из-под чипсов и пустую лимонадную бутылку. К скамейке быстро подошел человек в униформе дворника с пластиковым ведром, индус, как показалось Андрею. Он собрал мусор в ведро, протер скамейку.

Андрей заказал еще пива и раков. Как же он по ним скучился.

Отдав очередной воздушный шарик, клоун дал карапузу лет пяти высокий разноцветный стаканчик. Малыш протянул воздушный шарик маме, отбежал на несколько шагов, снял со стакана прозрачную крышку и высыпал из него маленькие поролоновые шарики. Тут же появился уборщик, низкий, худощавый афроевропеец. Малыш весело взвизгнул, бросил стакан на булыжник площади и побежал к маме. Взяв нитку воздушного шарика, он радостно посмотрел на уборщика. Уборщик уныло собрал шарики в ведро, неспешно поднял стакан и крышку.

— Странная трансформация понятия о помощи ближнему.

Андрей повернул голову. За столиком напротив в шортах и гавайке сидел мужчина лет сорока. Перед ним стояла полупустая бутылка кальвадоса и широкий стакан. Андрей почему-то сразу подумал, что он турист.

— Что вы имеете в виду? — спросил Андрей.

— Когда я был ребенком, мы с отцом часто ходили на набережную кормить чаек, — невесело философствовал турист. — Или на Соборную площадь. Там сотни людей крошили голубям хлеб. Теперь крошат поролоновые шарики. И в том, и в другом случае цель одинакова. Уберечь живое существо от голодной смерти.

Турист взял стакан, сделав глоток поставил его на стол. Не сразу Андрей начал понимать, о чем разговор.

— С одной стороны, это вполне объяснимо, — продолжил турист, подливая себе в стакан. — Человеку нужна помощь. Почему не оказать ее, если она в твоих силах? Тем более, когда это не требует особых усилий. С другой стороны, мы обрекаем человека на бессмысленную трату жизни.

— Уж лучше пусть они вдесятером подметают один тротуар, чем будут думать, где украсть кусок хлеба, чтобы их дети смогли что-то съесть на ужин, — сказал офицант, ставя перед Андреем полную кружку пива и забирая пустую.

— Это действительно равносильно подаянию, — Андрей показал на статную даму, что, неспешно вышагивая, разбра-

сывала на площади содержимое уже четвертого стаканчика. Индус уборщик неторопливо шел за дамой на почтительном удалении и подбирал поролоновые шарики.

— Подаяние унижает, а работа возвышает, — сказал турист. — Когда ты не стоишь с протянутой рукой, а сам можешь заработать на хлеб и кров, перестаешь чувствовать себя изгоем общества. Ты его часть.

— Но вы же знаете, что...

— Он не просит милостыню. Он выполняет работу, за которую ему платят деньги. Из наших с вами налогов. Чем больше собрано мусора, тем больше премия. И эта дама, и тот ребенок кому-то дают работу. Да и глупо спорить, что лучше: такая вот работа или ограбление в ночном переулке. В результате все довольны. И те, кто получил возможность заработать на жизнь, и те, кто таким образом обезопасил себя. Все уверены, что делают полезное дело. Кто же захочет признать, что ворует чужую жизнь...

— Любая работа ворует у человека жизнь, — сказал Андрей и сделал несколько глотков пива. Ему вдруг стало интересно, куда сможет завести этот разговор.

— Не упрощайте, — турист снова взялся за стакан. — Работа, как и любая вещь, бывает полезная и бесполезная. Какая польза от их прогулок?

— Чистые улицы, занятые люди.

Турист отпил и махнул рукой.

— Мы с вами уже дважды возвращались к этому ответу. Мы создали замкнутую систему социальной защиты. Правда для этого нам пришлось немного поступиться прогрессом. В больницах два санитара на три палаты. Один врач на десять больных. По каждому пустяку обращение в суд. Адвокаты снизили цены и расплодились как тараканы. На каждом перекрестке стоит дорожный полицейский. Почту давно сортируют вручную. Ведь ежедневно в Европу прибывают тысячи эмигрантов. Им всем нужна работа.

— Может уменьшить число эмигрантов? — предположил Андрей.

— Это не спасет ситуацию. Повышенная социальная защита привела к трансформации сознания большого количе-

ства людей. Зачем лезть из кожи вон, если можно зарабатывать на жизнь, собирая мусор.

— Те, кто лезут из кожи, зарабатывают больше. Значит, живут лучше.

— Разница невелика, — покачал головой турист и снова сделал глоток. — Самое страшное, что такое положение вешней устраивает абсолютно всех. Человек рождается, получает образование. Высшее или стандартное. Дальше он ходит на работу, заводит семью, рожает детей. Чтобы улучшить условия его жизни, банки дают кредит. Низкий процент, длительный срок. Люди сами себя убеждают, какая жизнь может быть благодаря этим кредитам. Мы оказываем безвозмездную помощь, привозим одежду, крупу, хлеб менее развитым странам, совершенно не заботясь, чтобы поднималась их собственная экономика. Иначе они начнут экспорттировать свои товары, а наши перестанут покупать. Пусть уж лучше получают гуманитарную помощь, чем будут отбирать работу у граждан Европы. Мы воруем чужую жизнь.

— Нельзя разом осчастливить всю планету, — вздохнул Андрей.

— А вы представьте себе на минуту, что будет если...

Турист замолчал и, глядя куда-то Андрею за спину, погрустнел еще больше. Андрей обернулся, увидел двух полицейских в голубоватой форме. Мелькнувшую в голове мысль он отмел начисто.

Андрей посмотрел на туриста.

— Вы думаете, они отвезут меня домой потому, что я немного перебрал? — спросил тот. — Ничего подобного. Плевать они хотели, дойду я домой или попаду под машину. Они отвезут меня, потому что своим пьяным состоянием я порчу эстетику окружающего мира.

Полицейские бригады сопровождения остановились в паре метров от кафе. Турист тяжело поднялся со стула, большим глотком допил кальвадос, что оставался в стакане, расплатился карточкой с тут же возникшим официантом и, пошатываясь, вышел из кафе, прихватив бутылку. Полицейские предложили пройти к машине, стоявшей у переулка.

Турист кивнул, сделал несколько шагов и выпустил из рук почти пустую бутылку. Та, звякнув, разбилась вдребезги.

— Не тревожьтесь, я уберу, — сказал подошедший уборщик.

Турист хотел было ему что-то сказать, но потом передумал и, махнув рукой, пошел к полицейской машине.

Не допив пиво, Андрей ушел из кафе.

Странные ощущения. Он совсем не знал этого человека, не знал о чем он думает, что пережил за свою жизнь, но вместе с этим была между ними какая-то общность. Что-то их связывало. Что-то, что давало одинаковые ощущения от окружающего мира.

В конце аллеи стояли две пожарные машины. Что здесь может гореть? Подойдя ближе, Андрей услышал монотонный, гомон, слова которого разобрать было все еще невозможно. Один голос все же гремел сильнее остальных. Еще несколько шагов, и Андрей начал разбирать обрывки слов, точнее проклятий. Когда он понял, в чей адрес они обращены, то элементарно растерялся. Странное сочетание пожарных машин, толпы и проклятий навеяло предположение о съемках кинофильма. Но причем тут Золушка?

Андрей подошел ближе и...

Он думал, что после всего, что увидел, услышал и узнал за последние три дня, его сложно чем-то удивить, и ошибался.

На большой поляне собралось человек двести обывателей. Старые и малые, мужчины и женщины. Они были переполнены негодованием и с одобрением воспринимали слова священника, взобравшегося на наспех сколоченную трибуну и щедро одаривавшего проклятиями Шарля Перро и созданное им исчадие ада Золушку. Слева от трибуны полыхал костер. Андрей плонул бы и прошел мимо, если бы не ручеек из детей, что тек мимо костра, и из которого в огонь летели книги. Большие и маленькие, толстые и тонюсенькие. Несложно было догадаться, что это книги Перро.

Пяти минут Андрею было достаточно, чтобы узнать, что Золушка — олицетворение разврата, лжи, вероломства, авантюризма, богохульства, лени, желания получить то, что по праву не принадлежит.

Вернувшись домой, Андрей, прихватив с собой из холодильника дюжину банок пива, ушел в сад и до наступления сумерек лежал в гамаке, думал, как ему жить дальше. Теперь он четко понимал то едва уловимое ощущение, что терзало его со вчерашнего дня. Ему здесь не нравилось. Последние несколько лет на острове, он лелеял мечту о возвращении домой. Пусть в небольшой, но все же индустриальный город. Где есть такси, кинотеатры, кафе и библиотеки. Он получал удовольствие от одной мечты, что скоро сможет сесть в свое авто и съездить в Париж, если ему вдруг захочется побродить по Лувру. Что сможет ходить в кино или на футбол, читать биржевые сводки, потихонечку вкладывать деньги в недвижимость или акции. Он был счастлив от мысли, что вернувшись в Европу, они с Динакой нарожают детишек и по выходным будут ходить с ними на прогулку в парк. Теперь он расхотел водить туда детей. То, что он увидел в парке, ему не понравилось. И дети ему не понравились. И пиво сейчас казалось каким-то странным. Андрей посмотрел на бутылку. Нет, это вроде ничего. И раки... раки-то наверняка были с генетически измененной формулой. Какой же он был дурак, что не спросил об этом, прежде чем сесть за них.

Когда вернулась Динака, они сели ужинать. Но прежде Андрей вывалил на пол мусорное ведро и проверил всю упаковку от продуктов, из которых супруга приготовила ужин. Динака снисходительно смотрела на мужа. Она понимала его. Очень хорошо понимала. В супермаркете ей пришлось приложить немало усилий, чтобы купить генетически неизмененные продукты. В той или иной степени искусственной перестройке подвергалось практически все.

За ужином Андрей рассказал о своем разговоре с Бржельским.

— И что теперь? — спросила Динака.
— Может, мне не стоит писать книгу?
— Но ты так мечтал о ней...
— Ерунда. Приступы тщеславия.
— Я думаю, дело не в одном тщеславии, — сказала Динака. — Ты собрал действительно интересный материал.

— Напишу доклад, — Андрей положил нож с вилкой в тарелку и отодвинул ее. — Без эмоций и приключений. Книга... А что книга? Гонорар, да и только. Деньги у нас как будто пока есть.

— Может, ты зря так настроен против Фоули? Послушай его консультацию и сделай по-своему.

— Да я сегодня только и делаю, что слушаю консультации.

— Ты что-то недоговариваешь, — сказала Динака. — Что-то еще случилось?

— А что еще?

— Кроме того, что ты больше не хочешь писать книгу, произошло что-то еще?

Андрей налил себе пива.

— Что-то мне здесь не нравится.

— Это с непривычки, — улыбнулась Динака и дотронулась до руки супруга. — Ты просто отвык от цивилизации.

— Может и отвык.

Динака встала, начала убирать со стола. Было очевидно, что ей эта переоценка ценностей кажется несерьезной.

— Сегодня в парке я видел детей, сжигающих книги, — невесело сказал Андрей. Динака обернулась, перестала загружать посуду в моечную машину. — Представляешь, три десятка маленьких человечков выстроились в очередь и бросали в костер книжки Шарля Перро. А взрослые стояли рядом и аплодировали церковнику, с трибуны призывавшего к сожжению сказок о Золушке, потому что она исчадие ада.

После ужина они сидели на веранде и рассказывали о прошедшем дне, каждый о своем. Динаке предложили место в Комитете по вопросам образования малых народов. В общем-то, она была как будто рада. Через час пришел дядя Яша, и они ушли в беседку пить чай.

— Что-то ты не весел, — сказал Андрею дядя Яша. — Тяжело проходишь акклиматизацию?

— Трех дней цивилизации мне хватило по самые уши, — ответил Андрей. — Я такого насмотрелся...

— Европа свободная страна. У каждого гражданина есть право выбора, как жить.

— А я ни на что не претендую, делайте что хотите. Живите как хотите, ешьте что хотите, утром копайте яму, а вечером ее закапывайте... А чтоб ни у кого не было претензий об ущемлении детей по половому признаку, можете поставить памятник какающей девочке. Страйте свое общество счастья и процветания, стенайте, что поделать ничего нель-зя... А я хочу назад, на свой любимый остров. К дикарям.

— Ты это серьезно? — спросил дядя Яша.

— Вполне.

Яков Моисеич на минуту задумался, а потом спросил:

— У вас на острове есть какая-нибудь должность, не требующая серьезного образования? Скажем, завхоз.

Андрей посмотрел на дядю Яшу. Странно, но его глаза больше не смеялись.

Сергей Чекмаев

КОГДА ИСЧЕЗЛИ ДЕРЕВЬЯ

— Благодаря абсолютно новой методике исследований, проведенных Панамериканской академией биоинженерии имени Джона Салстона и Роберта Хорвитца, удалось установить настоящую причину гибели деревьев...

Я покосился на улыбчивую дикторшу в кубе головизора, досадливо щелкнул пультом. Ну вот, опять. Тридцать лет уже прошло, а они все спорят. Надоело. Не о том надо думать.

Все одно и то же который год: «новые данные», «настоящая причина»... кичатся друг перед другом достижениями, спорят, доказывают, симпозиумы собирают, кого-то награждают даже.

Лучше б думали, как деревья возродить! На дендроидов никакой зарплаты не хватит.

Во всем, конечно, Лилька виновата. Я бы в здравом уме и не подумал жуть эту новомодную заказывать. Три тысячи кредитов! Обалдеть... Да за эти деньги мне два месяца вкалывать надо, язык на плечо закинув. Но Лилия пристала: купи, да купи, сад у тебя пустой какой-то, одни макеты пластиковые — неуютно, да и соседи косо смотрят. А так будет хоть куда погулять выйти.

На соседей я, честно говоря, плевал. Да, причем с самой высокой колокольни. Кто они и кто я? Местные — все, как на подбор, рабочая косточка, с фабрики сублиматоров или с

© С. Чекмаев, 2005.

гидротермала, о чём мне с ними вообще разговаривать? Работенка прибыльная, ничего не скажешь, но моей все равно не чета.

Однако ж, поддался. Лилька знает, стерва, — стоит ей заплакать, и я готов. Веревки из меня вить можно.

Вот и вьет.

Приехала на прошлые выходные, сует мне минидиск прямо с порога:

— Вот, — говорит, — каталог. «Гринуолд индастриз», вчера принесли. Они дендроидов поставляют на заказ, каких хочешь. Выбор огромный.

Куда тут было деваться? Потом, когда в постели накувыркались, прихожу я из душа, усталый, распаренный, в гармонии со всем миром, а она — тут как тут. Понимает, что в такой момент сломать меня — легче легкого.

Лежит задом кверху, соблазнительная такая кошечка, и сосредоточенно в голокуб плятится. Я присмотрелся: мать моя женщина, дендроиды! Сто видов и расцветок. Даже черные есть. Жуть какая!

А Лилька не оборачиваясь говорит:

— Вот этого хочу. Смотри какой! Зелененький...

И в панель пальчиком тычет.

Понятное дело, поначалу я ни в какую. Денег жалко, да и не падок я до новомодных развлечений. Сейчас все на этих дендроидах помешались. Народ попроще последние штаны закладывает, чтобы такого же зеленого урода перед домом воткнуть. Ну, а богатеи из «золотой» тысячи друг перед другом мошнами трясут, соревнуются — у кого дендроидов больше, да породы престижнее. Некоторые себе уж целые рощи насадили. Уильям VI, почетный президент «Электронных компонентов» хвастался недавно по головидению, что в его личном парке тысяча четыреста семьдесят стволов. Остальные шишки только зубами скрипят — никак им за Биллом не угнаться. А тот не унимается: в ближайшие четыре года пообещал до двух тысяч дотянуть.

Спрашивается, оно мне надо? Что я, олигарх какой?

— Не-е, — отвечаю, — ну его. Сама подумай, зачем мне такого урода заводить? С ним потом хлопот не оберешься —

поливать через день, удобрять, веточки сухие обрезать... Переживу как-нибудь. С макетами веселее, они хоть ухода не требуют.

Тут-то Лилька слезу и пустила.

— Ты, — говорит, — меня не любишь! Единственный раз в жизни о чем-то тебя попросила, а ты... — и реветь.

Если честно, раз этот был далеко не единственный, да и просьба, прямо скажем, не из рядовых, — но, делать нечего, пришлось согласиться. К концу недели клятвенно пообещал заказать ее избранника. Лилька еще немного повсхлипывала для порядка, после чего просияла и кинулась на шею — целовать. А я задумался, чем грядущую дыру в бюджете заткнуть.

К четвергу мой заказ был готов. Позвонила миловидная секретутка из «Гринуолда», ласково поинтересовалась:

— ...когда вам будет удобно, чтобы мы доставили заказ? Служба посадки работает круглосуточно, после девятнадцати ноль ноль действует тридцатипроцентная скидка, но в ночное время прививать дендроида не рекомендуется...

Она разводила меня примерно с полчаса, после чего, довольная, отключилась, увеличив сумму контракта еще на триста семьдесят кредитов. Доставка, высадка, да плюс первичный набор удобрений, «идеально сбалансированный по добавкам и необходимым микроэлементам». Я почти не со-противлялся. Скорей бы уж кончилась все эта катафасия.

Вечером пневмопочтой прислали первую порцию, и пришлось, согласно рекомендациям гринуолдовской девушки, рассыпать дурно пахнущую смесь по всему саду. Как это она изящно выразилась: «подготовить почву». Наверное, ей самой никогда не доводилось два часа прыгать по саду с идиотским мешком в руках, а потом корячиться в ванной, оттирая щеткой и тремя видами мыла намертво въевшуюся вонь.

На следующий день пришлось закрыть контору на два часа раньше. Хорошо, в пятницу клиентов обычно не так много, успел принять всех. Домой я ввалился минут за двадцать до назначенного срока, перекусил на скорую руку, за-

варил кофе. В четыре, когда доставщики из «Гринуолда» вот-вот должны были явиться, я выволок на веранду кресло — интересно же посмотреть, как сажать будут.

Не тут-то было. Как обычно бывает у наших фирм, кровь из носу обещающих доставку заказа «в течение трех часов» (что в переводе означает: «может быть, к завтрашнему утру»), «Гринуолд» пунктуальностью не отличался. Полчаса опоздания можно списать на всякий там форс-мажор — пробки, долго искали место и все такое, но когда голокуб за моей спиной забубнил пятнические новости, я не выдержал и позвонил в офис «Гринуолда».

Секретутка на этот раз была другая, но ее голос от прежней почти не отличался — такой же ласковый и слаша-
вый. Она очень удивилась, что заказ до сих пор не доставлен, попросила:

— ...подождите минутку, пожалуйста, я сейчас попро-
бую выяснить...

Прошло действительно не больше минуты, а девочка уже объявила снова:

— Алло? Вы слышите? Извините, пожалуйста, я только что связалась с машиной, они просто задержались на другом заказе. Уже выехали, скоро будут у вас. Еще раз извините.

Как обычно. Я фальшиво поблагодарил и отключился. Знать бы заранее — можно было и с работы не уходить. Каждый раз надеешься на лучшее.

Только спустя час, когда я уже начинал медленно закипать, раскрашенный зелеными разводами фургон зашуршал подушкой по подъездной дорожке. Из кабины выпрыгнули двое работяг в салатовых спецовках с изображением раскидистой древесной кроны, направились ко мне.

— Аламо драйв, сто три? — спросил тот, что постарше. Бригадир, наверное.

— Да, — ответил я. Лениво так, с неохотой, словно и не жду их почти полдня. Пусть многое о себе не думают.

— А вы, наверное, Алек Комински?

— Я, — говорю и с теми же интонациями добавляю: — А вы из «Гринуолд индастриз»? Четырехчасовой заказ привезли? — и смотрю на часы, этак демонстративно.

Тут работяга, похоже, понимает, что неплохо бы и извиниться:

— Прошу прощения, раньше не получилось, задержали на предыдущем заказе.

— М-м... — с намеком на сочувствие кивнул я, — бывает. Где расписаться?

Мигом появился планшет с договором. Я пробежал текст глазами — вроде, все правильно — и подписался усердно протянутым пером.

— Куда хотите посадить?

— А вон туда, между дорожками, где огорожено. Я по журналам сверился, самое идеальное место: и света достаточно, и рasti ему ничего мешать не будет.

Работяги немного приуныли. Ну, все верно, я знал из рассказов, что такие вот бригады неплохо срубают на чаевых, помогая малообразованным в подобных делах клиентам выбрать подходящее местечко для посадки.

Из фургона высыпала новая стайка работяг. Двое споро-висто взялись раскапывать подходящую ямку, остальные аккуратно изъяли из кузова скромного вида контейнер, оклеенный предупредительными надписями, как туристский чемодан. Бригадир немного повозился с вакуумными запорами, ящик звонко клацнул и открылся.

Надо сказать, в первые мгновения я опешил. Все-таки трехмерные изображения в каталоге и рекламные вставки по головидению не смогли в достаточной мере подготовить меня к тому, что я увидел.

Самый обычный парень, лет где-то под тридцать, немного смазливенький даже, девкам, наверняка, нравился. Из пальцев рук уже проклонулись первые зеленые веточки. Кожа на груди, животе и ногах — коричневатая, задувевшая, словно костяшки пальцев у каратиста. Глаза заросли так, что от них одни щелки остались, из правого плеча тоже торчат несколько листочеков. Ноги, те вообще на человеческие не похожи — просто пучок корней какой-то.

Работяги плеснули в яму пол-литра зловонной гадости, бригадир сыпанул горсть ярко-розовых гранул из серебри-

стого пакетика, и все вместе они принялись устанавливать дендроида вертикально:

— Чуть-чуть вправо возьми...

— Еще, еще немного.

— Так?

— Во! Отлично! Засыпай, ребята.

«Интересно — кто он? Или точнее — кем был?»

Когда засохло последнее дерево где-то на Амазонке, народ попроще решил, что приходит конец света. Секты расплодились сотнями, «Гринпис» ринулся в последний бой за мировой океан, где еще плавала какая-то растительность. Положение спасли высоколобые из «Генетики». Эти парни открыли способ частично совмещать человеческий и растительный набор генов. СМИ моментально окрестили получившийся организм дендроидом. Так и прижилось.

Дико все это было поначалу, конечно. Помитинговали тогда изрядно, бомб поназакладывали — жуть! А после — привыкли. Куда деваться?

Считалось, что монополией на создание дендроидов обладает наше горячо любимое государство. Стремясь вернуть паркам и садам привычный вид, власти городов высаживали дендроидов в общественных местах или продавали на заказ домовладельцам через раскрученные конторы, вроде «Гринуолда». Поначалу государство превращало в дендроидов преступников, осужденных на смертную казнь. В первое время таковых оказалось немного, посему наш самый гуманный в мире Конституционный суд моментально утвердил чедру законодательных актов, ужесточив меру наказания за половину средних и тяжелых преступлений. В уголовном кодексе я не силен, что простительно — я ведь не прокурор и не адвокат, но по головидению долго распинались про тридцать семь «дендроидных» статей, пока кто-то сверху не цыкнул на распоясавшихся репортеров.

Сначала подобные меры привели к большому притоку «кандидатов» в дендроиды — теперь высшую меру давали и за убийство любой степени, и за изнасилование, и за крупные грабежи, и даже за подделку продуктов первой необходимости... Не знаю уж, кого там осуждали, но из боссов «Пище-

вых добавок» пока еще никто не зазеленел. И вряд ли когда-нибудь сподобится.

Но, так или иначе, за последние три года кривая преступности резко пошла на убыль, что правительство не преминуло поставить себе в заслугу. На самом деле, конечно, криминал никуда не девался, просто снизилось количество зарегистрированных преступлений. Ибо теперь воры и убийцы, зная какая судьба их ждет, без особой теплоты встречали спешащих к месту заварушки полицейских. Стражи порядка все чаще натыкались на плотный огонь или загодя расставленные минные фугасы. Когда полицейским надоело умирать за просто так, они благоразумно решили, что своя шкура дороже абстрактных понятий о справедливости. Патрули стали «задерживаться» по пути к месту преступления, давая своим «клиентам» уйти.

После введения закона о принудительной эвтаназии еще одним источником материала стали неизлечимые больные. Дендроиды из них получались, прямо скажем, малость кровожадными, но для общественных мест — вполне сойдет. Кто там в парке будет приглядываться? Хоть что-то зелененькое шелестит ветками над головой — уже праздник.

Крепкие же красавцы-дендроиды из насильников и убийц распродавались в частное пользование.

Утверждают, что пышным цветом расцвела и подпольная торговля. Похитители людей теперь точно знают, куда сбывать товар. Ходят слухи, что кланы уже наладили нелегальный экспорт дендроидов за рубеж. Да еще среди эстетов, говорят, особым спросом пользуются дендроиды-дети, тоненькие, хрупкие, требующие постоянного ухода и заботы. Полиция пыталась с «зелеными» киднапперами бороться, законы выходили один жесточе другого, но ситуация не менялась. Точно как с детской порнографией: все с ней борются, а ее с каждым днем почему-то все больше.

Так что не исключено, что мой зеленый друг какой-нибудь месяц назад мирно вышел из своего дома за сигаретами и...

«Ушел из дома и до настоящего времени не вернулся. Был одет в...»

Хотя такой вариант маловероятен. Вряд ли столь солидная контора, как «Гринуолд индастриз» пользуется услугами криминала. Имидж портит, да и от проверяющих откупаться устанешь.

Не-е, скорее всего, мой — из страховых. Как раз похож: лицо интеллектом не блещет, руки-ноги мощные, мускулистые, но на преступника не тянет. Нет, точно — страховой. Когда в прошлом году «Национальная Страховая Компания» объявила о своей новой программе, общественность чуть за гнилые помидоры не схватилась. Ну как же! Нарушение прав человека! Незаконное лишение свободы! Правозащитники, естественно, подали в суд, но адвокаты-умельцы, похрустывая переполненными карманами, отмазали «Национальную» по всем статьям. И понеслась. Ее примеру последовали многие. Трущобы и бедные районы запестрели плакатами и вывесками, «Национальная» и иже с ней почти легально завлекали к себе безработных объявлениями типа: «стань зеленым — обеспечь семью!».

Гринуолдовцы тем временем почти закончили. Дендроид горделиво высился в яме, раскинув руки с веточками. Бригадир снова подошел ко мне.

— Ну как? Довольны?

В принципе, мне нравилось, но признаваться в этом я не спешил. Пусть еще попрыгают.

— Как-то он неровно стоит, вы не находите?

Бригадир обернулся, долго что-то прикидывал.

— Да нет, все в порядке... Если хотите, можем замерить, показать вам. Отклонение в пределах нормы — не более полуградуса.

— Может быть, не спорю. Отсюда он кажется немного кривоватым. Ну, ладно, раз вы, — я смерил его взглядом, — ручаетесь...

Работяги аккуратно разрыхлили землю вокруг дендроида, собрали свой инструмент. Повеселевший бригадир передал мне два аляповато украшенных пакетика с заказанными удобрениями и увесистый том руководства.

— Не забывайте в первое время его поливать. Хотя бы через день, а летом, в жару, лучше даже раз в сутки...

— Угу... — я почти не слушал наставления бригадира, листал инструкцию. А он не умолкал:

— Пока ветки не укрепятся, ни в коем случае ничего на них не вешайте.

В конце концов, он иссяк, снова протянул мне планшет заказа.

— Если все в порядке, распишитесь внизу, там где «претензий не имею»...

Претензии я, конечно, имел, но затевать разборки не хотелось — настроение постепенно выправлялось, да и дендроид своим безмятежным видом действовал успокаивающее. Как рыбки в аквариуме, честное слово! Теперь я и сам понимал, какими убогими корягами смотрелись в моем саду пластиковые макеты.

Раньше я все удивлялся: почему простой народ так яростно ненавидит искусственные парки? В первые годы после исчезновения деревьев власти понатыкали их в любом маломальски пригодном месте. Да только вот корявые и уродливые куски раскрашенного пластика не смогли заменить людям настоящие деревья. Психология, знаете ли. Тот, кто хоть раз видел оригинал, никогда не обманется копией, даже самой качественной. А уж о качестве в массовом производстве искусственных подделок и говорить нечего. После сотен поджогов, волнной прокатившихся по стране, новомодные «парки» пришлось снести.

А мой дендроид — красавец! Фургон гринуолдовцев давно уж укатил, а я все никак не мог налюбоваться. И хотя денег все-таки немного жаль, оно того стоило. Я даже сполз с кресла и решил выдрать макеты, чтоб не портили впечатления. Ну, а раз уж встал, можно и подсветку в сад провести. Завтра Лилька заявится, надо все подготовить, да и остальные — соседи, прохожие — пусть смотрят! На нашей улице ни у кого дендроидов больше нет, только у меня, — пусть завидуют!

На антресолях у меня давным-давно валялась вся необходимая мишура. Осталась со времен лилькиного увлечения инсталляцией. Порывшись на полках, я вернулся в сад, волоча за собой ворох проводов, три мощные разноцветные лам-

пы и с десяток точечных светильников. А на каркас сгодятся запаенные алюминиевые трубы от испарителя.

Конечно, можно было пригласить пару-тройку умельцев с одной из тех фирм, что специализируются на оформлении дендроидов, но я решил все делать самостоятельно. Зря что ли шесть лет на дизайнера учился.

Трубы подошли в самый раз, и уже через час я осторожно устанавливал рядом с дендроидом опорные треноги каркаса. Монтируя лампы, я неожиданно заметил в самом дальнем углу сада крохотный зеленый росточек, пробивающийся через трухлявую, рассыпчатую почву.

«Что такое!? Эти криворукие работяги даже посадить нормально не смогли! Или мне бракованного дендроида подсунули?»

Я схватил телефон, яростно тыкая в клавиши, набрал номер «Гринуолда».

Бедную девочку, наверное, смело с рабочего места, когда она услышала мой голос. Я припомнил их kontore все — и почти двухчасовое опоздание, и бездарных установщиков, а в довершение всего — еще и брак!

— Нет, вы мне ответьте, девочка, ваша фирма всегда так работает?! Или только со мной?! Это переходит всякие границы! Вы что, не боитесь конкуренции?!! Так я вам устрою! Завтра же! Такую антирекламу разверну, что мало не покажется...

С трудом вклинившись в мой экспрессивный монолог, девушка дрожащим голоском пообещала все выяснить и перезвонить. Еще она рискнула посоветовать мне «не волноваться так сильно»... На ее счастье в этот момент я переводил дух и достойно ответить не сумел — она уже отключилась.

Ровно через четверть часа у ворот моего дома требовательно прогудел клаксон черного лакированного фургона. Такой оперативности от «Гринуолда» я не ожидал. Если бы они всегда так работали! Я удовлетворенно улыбнулся — подействовало! Ну, сейчас я им устрою!

Хлопнув дверцами, из машины выбрались трое мрачноватых детин. Я несколько опешил — на недавних работяг они никак не походили. Не дай бог, служба безопасности концерна! Вдруг «Гринуолд» решил таким способом проблему утрясти?

Высокий, в черном блестящем плаще, с болтающейся на шее металлической бляхой, направился прямо ко мне:

— У вас обнаружена опасная растительность? — спросил он деловито.

Я кивнул несколько настороженно.

— Где?

«Быстрый парень, ничего не скажешь».

Я ткнул рукой в сторону ростка:

— Во-он там, у самого забора.

Плащеносец что-то невнятно пробурчал в болтавшийся у губ шарик микрофона, широким, размашистым шагом подошел к злополучному ростку, присел на корточки.

Полы его плаща взметнулись, ветер колыхнул зеленые листочки, — на секунду мне показалось, что росток вздрогнул от испуга.

— И давно это у вас? — слово «это» мой странный гость выделил голосом. С оттенком некоторой брезгливости.

— Полчаса назад заметил. Дендроида привезли недавно, только закончили высаживать. Я хотел освещение подвести и...

— Понятно. — Он достал из кармана какой-то прибор, несколько секунд повозился с ним, хмыкнул и махнул своим: давайте, мол.

С растущим недоумением я наблюдал, как они выволокли из кузова толстенную трубу угрожающего вида, с натугой взвалили ее на плечи и, матерясь, потащили через сад. По дороге они раздавили пару моих светильников, я хотел было возмутиться, но тупой зев трубы уже нацелился на крохотный росток.

Огненный факел гигантским языком лизнул землю, опалил решетку забора. Запахло озоном.

— Что это?! — завопил я от неожиданности.

— Огнемет, — лаконично пояснил главарь. И только тут до меня дошло, что эти парни отнюдь не из «Гринуолд индастриз», а самая что ни на есть бригада чистильщиков!

Я уже привык к его немногословности и подумал было, что этим ответ и ограничится. Однако я ошибся.

— Не бойтесь, завтра приедет спецкоманда, для подстраховки пройдутся еще и жестким излучением. Метра на полтора вглубь ничего не выживет. Потом, правда, пару мес-сяцев к очищенной зоне лучше не подходить. Радиация.

— Так выходит, этот зеленый пучок — генетический брак? — ошарашено спросил я, подавленный перспективами. Как-то не улыбалось иметь в собственном саду клумбу с радиоактивной землей.

— Что? Господь с вами, какой брак! Это обычный побег.

На мгновение я даже дар речи потерял. И он так спокойно об этом говорит?!

— Побег? Из него что, могло вырасти дерево?!

— Ну, дерево, вряд ли, так, кустик какой-нибудь. Хотя не исключено, что и дерево.

— Но как же?.. Зачем вы его уничтожили? Ведь его можно было вырастить, получить семена и насадить еще много деревьев!!!

Главарь чистильщиков пристально посмотрел мне в глаза, положил руку на плечо:

— Дорогой мой! Зачем нам деревья? Нам людей девать некуда!

Дмитрий Казаков
ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

«Смерть — последний аргумент».
Ю. Никитин

Очень краткое предисловие

Автор отдает себе отчет в том, что будущее, описанное ниже, не наступит никогда. «Технологическая стагнация» — вещь исключительно маловероятная. Общество, изображенное ниже — набор некоторого количества преувеличенных социальных тенденций, имеющих место сейчас, в самом начале XXI века, и не более того.

Идеи, изложенные в повести, могут вызвать неудовольствие у кого угодно, от коммунистов до националистов. В связи с этим автор официально заявляет, что мнение героев во многом не совпадает с его собственным.

Глава 1. Девятнадцатое мая

Да, так любить, как любит наша кровь,
 Никто из вас давно не любит!
 Забыли вы, что в мире есть любовь,
 Которая и жжет, и губит!

А. Блок. Скифы

Взрыв подбросил огромное здание, словно пинок хулигана — игрушку. Десять этажей торгового центра, набитые людьми, точно спелый огурец семечками, подпрыгнули на несколько метров.

Судорога прошла от фундамента до крыши. Стены затряслись и рухнули. К небесам взметнулось облако пыли. Ударная волна покатилась во все стороны, легко переворачивая машины, вынося стекла, сбивая с ног людей.

Сирены машин скорой помощи вовсе не показались выжившим райской музыкой.

— Итак, дамы и господа, начнем.

Владимир оторвался от монитора и поднялся из-за преподавательского стола.

Пятнадцать пар внимательных глаз сопровождали каждое его движение. Студенты. Одна из лучших групп последнего курса. Молодые люди, научившиеся думать нестандартно и не скрывающие этого умения. Гордость факультета.

— Кто мне напомнит, какова тема сегодняшнего семинара? — спросил Владимир.

— Технологический ступор, — бросил кто-то с задней парты.

— Совершенно верно, — кивнул Владимир. — Если точнее, то «Технологическая стагнация начала двадцать первого века, ее причины и последствия».

Он еще раз осмотрел студентов. На лицах внимание, в глазах — интерес. В аудитории так тихо, что слышно, как в коридоре уборщица возит шваброй по полу.

— Итак, — повторил Владимир и посмотрел на часы. — Даю вводную информацию, а затем мы с вами перейдем к обсуждению.

Стекла окон слегка вздрогнули, впуская в помещение мягкий гром. Многие студенты невольно глянули на улицу, и на молодых лицах при виде ясного неба появилось почти одинаковое выражение удивления.

Владимир удовлетворенно вздохнул. Он знал, откуда прикатился гром. Он даже представлял, что творится примерно в десяти километрах к югу от здания университета: крики, стоны и плач, столб пыли, высотой в несколько сотен метров, и трупы, трупы, трупы...

Бомба взорвалась вовремя.

— Не будем отвлекаться, — он повысил голос, чтобы привлечь внимание, и продолжил тоном ниже. — Итак, что такое технологическая стагнация — мы представляем очень хорошо. Ее последствия видим ежедневно и ежечасно. Насколько стремителен был технический прогресс в двадцатом веке, настолько он прекратил свое движение в начале двадцать первого. Мы ездим почти на тех же машинах, как наши предки, свято верившие в то, что через десять-двадцать лет они полетят к звездам. Наши компьютеры не более мощны, чем двести лет назад, и даже вооружение — один из лучших показателей уровня развития технологии, за два века не изменилось принципиально. В чем же причина? Что привело к тому, что мы оказались в такой ситуации? Прошу высказываться...

Поднял руку худощавый смуглый паренек. На узком лице блестели черные, словно вишни, глаза.

— Говори, Фарид, — кивнул Владимир. Он давно научился относиться к студентам спокойно, вне зависимости от национальности, но в этот момент с удивлением обнаружил в душе легкое раздражение.

— Я думаю, — рассудительно начал его источник, не подозревая о сложных чувствах, обуревавших преподавателя, — что гипотеза о разрушительном влиянии «странных эпидемий» все же верна. Болезни привели к тому, что мы перестали развиваться!

— Да, кое в чем ты прав, — кивнул Владимир. — «Китайский вирус» убил в две тысячи седьмом году более миллиарда человек. Но следующая эпидемия произошла почти через полвека! В промежутке же технологический кризис проявил себя в полную силу. Число изобретений и открытий в период с двухтысячного по две тысячи пятидесятый упало почти до нуля! И что, во всем виноват вирус? У кого еще есть что сказать?

— Можно мне? — невысокая девушка с облаком черных косичек вокруг головы резко вскочила и, не дожидаясь разрешения преподавателя, затараторила: — Мне кажется, что тут больше виноваты психологические факторы!

Семинар шел по накатанному сценарию. Оставалось только слегка направлять студентов.

Звонок прокатился по коридорам трубой Судного дня. Студенты, только что увлеченно беседовавшие, разом замолчали. Условный рефлекс, выработавшийся за пять лет обучения.

— Можете идти, — кивнул Владимир, усмехнувшись про себя.

Топотча и переговариваясь, студенты ринулись к двери.

Машинально кивая на каждое «до свидания», Владимир выключил компьютер и собрал бумаги в папку. На сегодня все — занятия закончены.

На кафедре его встретил непривычный гомон. Преподаватели, обычно степенные и важные, суетились и размахивали руками, словно первоклассники. На лицах многих была растерянность.

Владимир пожал плечами и прошел к своему столу.

Не успел сесть, как из общей суеты выделился коротышка с прилизанными волосами.

— Владимир Святославович, Владимир Святославович! — вскричал он, оказавшись рядом. — Вы слышали?

— О чем, Али Мехмедович? — спросил Владимир, поднимая глаза на коллегу и невольно морщась от резкого запаха одеколона.

— Как? — всплеснул руками коротышка. — По всем каналам новостей только и кричат, что о взрыве на Петровке!

— О взрыве? — Владимир вскинул брови. — И что, сильный взрыв?

— Очень, очень! — Али Мехмедович подпрыгнул и изобразил руками некую фигуру, похожую на гриб. — Огромное здание разрушено! Да что я говорю? Ведь вы даже не знаете, сколько там жертв!

— Не знаю, — покачал головой Владимир.

Он не соврал. Количество погибших — это то, чего он действительно не знал.

С хриплым карканьем с чудом уцелевшего дерева сорвалась ворона. Сделала круг, проорала что-то торжественное и полетела на юг. Черные перья лоснились на солнце.

Майор Белкин проводил взглядом пернатую тварь и невольно посмотрел на часы. Десять пятьдесят. С момента взрыва прошло полчаса.

Вокруг царила суматоха. Грохотали строительные машины, разгребая завал, бегали деловитые спасатели в желтых куртках. Врачи сбивались с ног, и даже раскрашенные в оранжевый цвет машины скорой помощи выглядели усталыми, а их сирены звучали надрывно и жалобно.

Неприятные звуки не мешали. Майор просто стоял и смотрел, фиксируя впечатления. Его главная работа начнется в тот момент, когда спасут всех, кого можно, увезут трупы. Скорее всего, это произойдет к ночи.

Но даже сейчас он не мог позволить себе эмоций. На все надо смотреть спокойно. Искать детали, которые потом помогут понять, кто, как и зачем сотворил это.

Груда развалин высотой в пять этажей. Осколки стекла, рассеянные бисером по серым мостовым. Смрад бушующего в одном из соседних зданий пожара. Изуродованные машины, попавшие под ударную волну. И трупы. Смятые, обезображеные, обгоревшие. Такие, в которых с трудом можно узнать людей.

Еще хуже — фрагменты тел. Руки, ноги, головы, вообще непонятно что...

Количество жертв тоже будет подсчитано в лучшем случае к завтрашнему вечеру. Опознание займет недели, даже месяцы.

— Дорогу, дорогу! — проорал кто-то, невежливо отпихивая майора в сторону. Он поспешил отошел.

Какие-то закопченные санитары со злыми лицами тащили носилки. Лежащее на них тело трудно было назвать человеком — многочисленные раны придавали жертвам вид освеженной только что туши. Раненый надрывно стонал.

Виктор ощущал невольный приступ тошноты.

Отвлекая от неприятных ощущений, запилякал в кармане служебный телефон.

— Слушаю, — произнес Белкин.

— Товарищ майор! — слышно было плохо, мешал грохот вокруг. — Это капитан Асланян! Только что звонили на ноль два! Взяли ответственность за взрыв на себя!

— Кто?

— Российский национальный комитет, — ответил капитан. — Те же, что и месяц назад.

— Дьявол! — выругался майор. — Определили, откуда звонок?

— Так точно. Телефон-автомат на Калужской станции метро. Группа уже выехала.

— Я туда! — рявкнул Белкин.

Он сунул телефон в карман и, лавируя между спасателями и врачами, бросился к машине.

В подземном переходе было прохладно и пустынно. Со стороны метро время от времени доносился тихий гул уходящего или прибывающего поезда. От мокрого пятна на полу кисло несло пивом.

Несколько мужчин в штатском колдовали вокруг черного ящика телефона-автомата, а двое милиционеров в форме разговаривали с продавщицей притулившегося у стены газетного киоска.

Появление майора не осталось незамеченным. От группы, занимавшейся аппаратом, отделился высокий мужчина, на смуглом лице которого выделялся нос, что сделал бы честь горному орлу.

— Докладывай, Тенгиз, — сказал Белкин, по безрадостному виду подчиненного догадываясь, что вряд ли услышит что-нибудь приятное.

— Ничего, товарищ майор, — печально вздохнул носатый оперативник. — Никаких отпечатков. Тот, кто звонил, скорее всего, намазал пальцы специальным составом. Или надел перчатки.

— А голос?

— Искажен с помощью подручных приспособлений, — Тенгиз пожал плечами, — но скорее всего женский. Да и продавщица сказала, что вроде видела, как в соответствующее время отсюда звонила невысокая женщина в бейсболке, надвинутой на самые глаза. Сейчас ребята записывают показания.

— От них мало толку, товарищ капитан, — пожал плечами Белкин, переходя на официальный тон. — Невысоких женщин, которые могут носить бейсболку, в Москве сотни тысяч. Заканчивайте работу и со всеми результатами чтобы в семь были у меня. И постарайтесь выжать максимум информации! Это второй взрыв за месяц, а мы по первому ничего не нарыли! Да нас с потрохами съедят!

— Мы постараемся, товарищ майор, — лицо Тенгиза посерезнело, глаза потемнели.

— Уж постарайтесь, — Белкин развернулся и пошел к лестнице. Его ждала обратная дорога к месту взрыва.

В небольшом привокзальном кафе пахло кофе. Деловито сновал за стойкой бармен, похожий — в черной жилетке и белой рубашке — на огромного пингвина. На нового посетителя взглянул с достоинством, точно граф на простолюдина.

Владимир заказал бокал пива и уселся за угловой столик. Как обычно, он не знал, кто придет на встречу, даже не догадывался. Сегодняшний связной найдет его сам.

Пиво приятно холдило горталь, из-за приоткрытой двери доносился размеженный шум вокзала, и непрошеноей гостьей, напоминая о бессонной ночи, подкрадывалась дрема...

— Какая встреча! — сказал кто-то за спиной довольно громко.

Владимир вздрогнул и невольно обернулся.

На него смотрела, широко улыбаясь, довольно молодая женщина. Белым мрамором блестели ровные зубы, а в голубых, цвета незабудок, глазах играла настоящая радость.

«Актриса, — пришла неуместная мысль. — Бесподобно играет...»

— Ты не узнаешь меня? — на красивое лицо набежала тень недоумения. — Неужели за прошедшие со школы годы я так изменилась?

С сегодняшней легендой все ясно.

— Ба, сколько лет, сколько зим! — сказал Владимир, растягивая губы в самой идиотской из улыбок. — Садись, поболтаем!

Женщина села, задорно тряхнув золотистыми кудряшками, и тотчас рядом со столиком образовалась официантка.

— Что будете заказывать? — противным писклявым голосом осведомилась она.

Владимир сделал заказ, дождался, пока его принесли, и только после этого заговорил. Так тихо, чтобы сидящий за соседним столиком не смог разобрать слов.

— Я слушаю, — сказал он.

— Все прошло наилучшим образом, — мило улыбнувшись, проговорила женщина. — Господа с того берега очень довольны результатом. Послезавтра будет осуществлен очередной денежный перевод по той же схеме. Можете приступить к следующей акции.

— Хорошо, — кивнул Владимир.

Игривое выражение лиц беседующих противоречило содержанию разговора. Посторонний наблюдатель, видевший начало беседы, ни за что бы не догадался, что речь идет о чем-либо, кроме школьных лет, проведенных вместе.

— Да, — начала женщина, но тут ее прервали.

— Эх, дубинушка, ухнем! — заорал кто-то за спиной хриплым голосом. Владимир невольно повернулся на звук.

У двери, подпирая косяк, стоял бомж. Обряжен он был в лохмотья, вонь от которых мгновенно распространилась по помещению. Красное лицо украшала неопрятная русая борода.

— Эх, зеленая, сама пойдет! — выдал бомж вторую строчку и решительно двинулся к стойке.

Но тут в дело вмешался бармен.

— Васька, стой, дурак! — сказал он. — Ты пьян! Вали отсюда!

— И не подумаю! — бомж, покачиваясь, уверенно двигался вперед. Попавшийся под ноги стул с грохотом отлетел в сторону. — Я — русский, и я в своей стране! Что хочу, то и делаю! А ты, Нодар, если не нравится, убирайся к себе в Тбилиси!

— Вот дурак! — в сердцах бросил бармен. — Мои предки сюда двести лет назад приехали! Я больше русский, чем ты, пьяная морда...

Бомж налетел на стол, тот на несколько мгновений задержал его продвижение. Загрохотали падающие стулья. Бармен, видимо, каким-то образом подал сигнал о беспорядке, поскольку в кафе вошли двое милиционеров.

Однаково невысокие, узкоглазые, они смотрелись как братья.

— Опять буянишь, Василий? — сказал один из них, а второй укоризненно покачал головой.

— Нет, — гордо выпрямляясь, ответил бомж. — Я самовыражаюсь!

— Вот и отлично! — пьяница был ухвачен двумя парами крепких рук. — Пойдем самовыражаться к нам! Заодно ипротрезвеешь!

Нарушителя спокойствия повлекли к двери. Он сопротивлялся, но силы оказались неравны, и вскоре заунывное «Эх, дубинушка, ухнем...» стихло вдалеке.

Владимир повернулся к собеседнице. Та улыбнулась ему, как ни в чем не бывало.

— Досадная помеха, — сказала она. — Впрочем, продолжим. Дело в том, что мы считаем, что пора переходить к более решительным шагам.

— Не понял? — искренне удивился Владимир. — Неужели того, что мы делаем сейчас, мало?

— Да, — она кивнула. — Мероприятия, проводимые вами, стандартны для любой террористической организации. Пора совершить нечто такое, что сразу выделит вас из общего ряда.

— Каким же образом? — изумление Владимира все росло. Он никак не мог понять, на что намекает связная. На использование химического или бактериологического оружия? Маловероятно. Тогда что?

Женщина улыбнулась вновь.

— Не гадайте, — сказала она почти весело. — Дело в том, что теперь нам по плечу то, что не по силам более никому! Нам удалось обмануть самую сильную охранную систему в мире!

— Не может быть! — сказал Владимир, ощущая, как пересохло горло, а мысли стали суматошными и путанными. — Если я правильно понял...

— Совершенно правильно, — это было сказано очень серьезно. — И если все получится, то мы с вами войдем в историю!

Когда Владимир вышел из метро, то с потемневшего небосвода начало накрапывать. В ожидании автобуса пришлось спрятаться под крышу остановки и слушать, как стучат по ней, стремясь добраться до земли, деловитые капельки.

Шурша колесами по мокрому асфальту, подошел автобус. Владимир машинально посмотрел на висящее рядом с остановкой расписание — водитель не опоздал ни на минуту.

В полупустом салоне приятно пахло кожей.

Когда Владимир вышел из автобуса, толстая сизая туча, похожая на великанскую подушку, упльывала на восток. Дождик закончился, оставив о себе память в виде блестящих капель на зеленой траве и небольших луж на асфальте.

Пройдя два квартала, Владимир свернул в подворотню. Миновал ее и направился под вывеску: «Частная школа Игоря Пороховщика: обучение искусствам». Массивная дверь бесшумно распахнулась.

Он прошел мимо художественной мастерской, где сиротливо стояли мольберты. Прошел класс, отведенный для занятий музыкой. Сейчас в нем было тихо. Так же, как в танцевальном зале и скульптурной мастерской.

Споткнувшись о неприятно высокий порожек, Владимир вступил в помещение библиотеки. Здесь его ждали. За круглым столом темного дерева сидели пятеро. При появлении нового человека разговоры смолкли, и воцарилась тишина. Слышно было, как ветер слегка шелестит занавеской.

— Добрый вечер, — сказал Владимир, подходя к столу. Папка с шуршанием легла на столешницу.

На вопросительный взгляд отозвался плотный мужчина средних лет.

— Все в порядке, — сказал он, оглаживая стального цвета стрижку ежиком, в которой едва заметно серебрились нити седины. — Я проверил. Нас не подслушивают.

— Это хорошо, — сказал Владимир и сел. — Кто у нас сегодня собирал информацию?

— Я, — отозвался высокий юноша, такой худой, словно несколько лет прожил на хлебе и воде. — По последним данным — сто сорок погибших, более пятисот раненых.

— Как всегда, они занижают цифры, — задумчиво проговорил Владимир. — Что со звонком?

При этом вопросе все посмотрели на молодую женщину, единственную среди собравшихся мужчин.

— Все нормально, — торопливо сказала она. — О Российском национальном комитете вновь кричат по телевизору...

— Это хорошо, — Владимир кивнул. — Реклама еще никому не мешала...

На лицах сидящих обозначились довольные ухмылки.

На мгновение он замолчал, обвел взглядом соратников.

— Я виделся со связной, — слова выходили какими-то тяжелыми, словно их вырубили из камня.

— Что же сказали наши друзья с Брайтон-Бич? — спросил кто-то.

— Они довольны нами, — Владимир вздохнул, — но требуют большего...

— Чего же? — искренне удивился худой юноша.

— Дело в том, что, — он замолчал, — им удалось достать ядерную бомбу. Вскоре она будет доставлена в Москву.

Единый вздох удивления прокатился по помещению.

— Что? — худой не удержался, вскочил. — Нам не дадут этого сделать!

— Почему, Иван? — спокойно возразила женщина. — Никто не смог помешать арабам в две тысячи одиннадцатом взорвать Вашингтон! Чем мы хуже?

— Тогда не было СКС! — лицо Ивана корежила судорога, глаза сверкали.

— Стойте! — резко сказал Владимир, вскидывая руку. — Ты, Иван, сядь. Татьяна, молчи!

Гам стих. Иван опустился в кресло.

— Специальная Контрольная Служба сейчас не та, что сто лет назад, — медленно проговорил Владимир. — Они привыкли к тому, что никому даже в голову не приходит посягнуть на ядерное оружие! И уже то, что с одного из хранилищ в Северной Америке удалось похитить бомбу, говорит о том, что Служба слаба! Груз уже в пути, и вопрос не в том, сумеем ли мы использовать его. Я уверен — сумеем! Вопрос в том, стоит ли нам это делать... Одно дело — уничтожить здание, а другое — разрушить половину огромного города!

— Ради нашего дела можно пойти на все! — резкий, скрипучий голос раздался из угла, и невольно все повернулись к его обладателю.

— Ты так думаешь, Игорь? — спросил Иван, нервно оглаживая подбородок.

— Да, — Игорь Пороховщиков, хозяин школы искусств, двинул рукой и инвалидная коляска, в которой он сидел, слегка переместилась. — Пусть сгинет этот город, в котором от русских и России осталась только память! Пусть он превратится в радиоактивный ад! Зато во всем мире вспомнят, что есть еще такой народ — русские! Я — за!

— Я тоже за, — сказал плотный мужчина, и слова его были полны горечи. — У нас в Конторе в последнее время все хуже смотрят на тех, у кого в идентификационной карте записано «русский»! Наши нынешние действия — что комариные укусы! Пора показать, кто в стране хозяин!

— Я понял тебя, Николай, — кивнул Владимир. — Спецслужба, сотрудники в которой подбираются по национальному признаку, обречена на деградацию. Кто еще хочет сказать?

— Я против, — плечистый здоровяк нервно дернулся головой. — Не дело это. Вот. Плохо так делать. Ненависть — это плохо. Показать другим, что они не правы — хорошо, а так — плохо...

— Ладно, Станислав, не мучайся, — рассмеялась Татьяна. — Все мы знаем, что ты плохой оратор. Но я хочу сказать, что ты не прав! Взрыв этот будет не актом ненависти, — голос женщины звенел от напряжения, словно готовая порваться струна. — Кого можно ненавидеть? Азиатов и кавказцев, которые сейчас распоряжаются от Калининграда до Владивостока? Они недостойны нашей ненависти! Если мы взорвем бомбу, то только от любви, от любви к своему народу, который надо спасать... Любыми средствами, не останавливаясь ни перед чем!

Татьяна откинулась в кресле. Грудь ее вздымалась, а глаза горели, словно две голубые лампочки.

— Ты хорошо сказала, — прервал наступившую тишину Иван. — Я сомневался, но теперь тоже согласен.

Станислав что-то мрачно пробурчал, но его никто не слушал.

— Тогда все решено, — пожал плечами Владимир, ощущая как напряжение, не покидавшее его с момента встречи со связной, сползает с плеч, словно старая, тесная одежда. — Мой голос ничего не решает. Тогда ждем груз, а по следующей акции — продолжаем реализацию намеченного плана.

Он улыбнулся и обвел взглядом собравшихся.

— С деловыми вопросами покончено. Теперь можно отметить сегодняшний успех!

— Я купил шампанского! — зажужжал моторчик инвалидной коляски, и Игорь покатил в угол, где в тени шкафа прятался небольшой холодильник, похожий на правильной формы обломок айсберга.

Они пили вино и разговаривали о пустяках, а через окно в комнату потихоньку вползали сумерки.

В кабинете, несмотря на то, что за окном стоял теплый весенний вечер, было холодно. Изморозью тянуло от массивного рабочего стола, стул казался сделанным изо льда.

Виктор второй час сидел за компьютером, просматривая отчеты работавших на месте взрыва оперативников, но толку было мало. Последней по внутренней почте поступила краткая информация от Тенгиза, который руководил группой, занимавшейся телефонным звонком. Но и здесь зацепок не было никаких — запись искаженного голоса да словесный портрет, под который подходит каждая десятая москвичка...

Все почти так же, как и месяц назад, когда взорвали небольшое здание в Солнцево. Тогда тоже был звонок, и ответственность взял на себя Российский национальный комитет. Правда, жертв тогда было гораздо меньше...

Он отвернулся от монитора, потянулся к шкафчику, в котором хранил кофе и чайник, но резкий сигнал вызова заставил майора вздрогнуть. Тревожным алым светом замигала лампочка на столе.

Выругавшись про себя, Виктор нажал клавишу селектора и произнес как можно спокойнее:

— Слушаю вас, товарищ полковник!

— Быстро ко мне! — человек с той стороны селектора был разгневан, и голос его громыхал почище июльской грозы. — Со всеми материалами по сегодняшнему взрыву!

— Есть! — ответил Белкин.

Суровый голос стих. Но легче майору от этого не стало. Он поспешил вскочил и принял судорожно собирать отчеты. Когда полковник Мухаметшин, начальник антитеррористического отдела УВД Москвы, разгневан, то торопливость не бывает излишней.

Собрав бумаги, Виктор выбрался в коридор. Там было пустынно и тихо. Для большинства сотрудников рабочий день закончился. Выбросив из головы мысли об ужине в кругу семьи, майор решительно направился к кабинету начальника.

Там кипела жизнь. Секретарь — молодой лейтенант, остервенело колотил по клавишам. Рядом с ним сидел хмурый капитан из технического отдела и время от времени что-то подсказывал.

Белкину он кивнул, а лейтенант на мгновение оторвался от своего занятия и сказал, сочувственно улыбаясь:

— Ждет. Проходите.

С тяжелым сердцем Белкин пересек приемную и взялся за массивную позолоченную ручку двери.

В кабинете, как обычно, стоял стойкий запах табака. Его не удавалось истребить, как не пытались. Самые сильные дезодоранты терпели поражение в борьбе с ароматом столь любимой полковником Мухаметшиным отравы.

Высокое начальство, попадая сюда, морщилось, но терпело, понимая, что лучше мириться с мелкими недостатками хорошего человека, чем держать на ответственной должности бездарность.

Хозяин помещения возвышался за столом, подобно небольшому холму. В молодости полковник занимался борьбой, да и сейчас, в пятьдесят с небольшим, силой бы поспорил с медведем.

На стене, точно над головой Мухаметшина, висел портрет. Не президента, как можно было ожидать, и не главы МВД. Многие терялись, пытаясь догадаться, кто же такой этот сухощавый невзрачный человек с серыми тусклыми глазами.

Виктор точно знал, что это генерал Суханов, в две тысячи шестьдесят первом году осуществивший «окончательное решение чеченского вопроса», после которого проблема кавказского терроризма перестала существовать.

Сейчас генерал смотрел на Белкина сурово, без снисхождения.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыл, — доложил майор.

— Так! — сказал Мухаметшин громко, поднимаясь из-за стола. — Заходи! Садись! Докладывай!

Рык разъяренного льва, рокот пробудившегося урагана, грохот цунами — вот что крылось в глотке разъяренного полковника, и голос его мог ввести непривычного человека в состояние панического ужаса. Белкин служил под началом Мухаметшина не первый год, но сейчас испытал немалый душевный трепет.

Набросится начальник, ухватит за шею могучими ручищами и задушит нерадивого подчиненного...

Глупые мысли исчезли так же внезапно, как и появились.

Виктор сел.

Доклад его был короток и не блестал достижениями: работаем, установить не удалось, результаты скромны, продолжаем мероприятия...

По мере того как майор говорил, широкое лицо полковника становилось все багровее, а дыхание — все более шумным. Волосатые кулачищи — каждый размером с добрую дыню, сжимались, недвусмысленно показывая, что их хозяин не в самом лучшем настроении.

— Так! — проговорил Мухаметшин, когда доклад закончился. — Это все — дермо! Собачье дермо!

Виктор молчал, понимая, что начальству надо выговориться.

— Это можно засунуть в унитаз! — полковник вскочил. Глаза его сверкали, а волосы, черные несмотря на возраст, встали дыбом. — Как и все, что удалось за месяц собрать по первому взрыву!

Мухаметшин замолчал, резко, словно ему выключили звук. Когда он заговорил вновь, то голос его стал совсем другим, спокойным и деловитым.

— Мне звонил министр, — сообщил полковник, — и сказал много неприятных вещей. Обо мне и о нашем отделе. И в чем-то он прав. В последние годы у нас было мало работы и мы несколько обленились. А сейчас...

— От нас требуют быстрого результата? — спросил майор, понимая, что можно подать голос.

— Еще как требуют, — Мухаметшин махнул рукой и сел. — С самого верха! Боятся, что будут еще взрывы. Эти ребята, из Российского национального комитета, сумели всех напугать. И мне кажется, что на этом они не остановятся. С завтрашнего дня в городе вводятся в действие повышенные меры безопасности. Но это моя забота. Твое дело — отыскать тех, кто это сделал! И не мне тебя учить — как!

— Я понимаю, товарищ полковник! — сказал Виктор. — Но зацепок пока слишком мало. Может быть, что-то найдем на месте взрыва...

— Работайте, товарищ майор, — сурово покачал головой Мухаметшин. — О результатах докладывайте два раза в сутки. Все ресурсы нашего отдела — в вашем распоряжении. А сейчас — идите!

Глава 2. Двадцатое мая

Тут русский дух, тут Русью пахнет...

А. С. Пушкин

Будильник дребезжал пронзительно и противно, не оставляя ни малейших шансов на то, чтобы не услышать его голос, остаться в сладостной глубине сна, где нет забот и проблем, а все желания исполняются, стоит только захотеть...

Владимир решительно открыл глаза и отбросил в сторону одеяло.

В комнате было прохладно. Сквозь приоткрытое окно врывался свежий утренний воздух, доносилось бодрое птичье пение. Взошедшее солнце робко щупало стену розовыми, как пальчики младенца, лучами.

Поставленный на огонь чайник зашумел, забулькал. Заваривая чай, Владимир по давней привычке нашупал пульт. Маленький телевизор, подвешенный почти под потолок, ожил. На экране появилась кукольно-красивая дикторша, из динамиков донесся правильный до тошноты голос:

— В эфире новости. Сначала кратко — о главном...

Шкворчала на сковороде яичница, исходя аппетитным ароматом, сыр ложился ровными тонкими ломтиками, чтобы скрыть под собой нежно-желтое масло, а телевизор не умолкал ни на минуту.

— Мэр Москвы сообщил, что террористы будут пойманы в ближайшие дни. В столице объявлен план «Перехват». Никакой опасности нет...

— В Лос-Анджелесе состоялась демонстрация по защите прав тараканов на проживание в созданных людьми домах. Тысячи манифестантов вышли на улицы, потрясая плакатами и лозунгами...

— Президент России Омари Кавсадзе отбыл с дипломатическим визитом в столицу Индии Дели...

— В Думе сегодня начнутся слушания по поводу нашумевшего законопроекта о смене наименования государства.

С этого момента Владимир стал слушать внимательно.

— Как известно, неделю назад группа депутатов выступила с законодательной инициативой. Если проект постановления, предложенного ими, будет принят, то на всенародный референдум вскоре вынесут предложение о смене названия нашего государства с «Российская федерация» на «Евразийская федерация». Говорит один из авторов проекта Сафармурат Ниязович Агаев, депутат Государственной Думы от Нижнего Новгорода.

— Неужели они посмеют? — пробормотал Владимир, чувствуя, как от ярости немеет затылок.

Толстомордый депутат проникновенно вещал что-то с экрана, и чтобы не видеть его, Владимир выключил телевизор. Отставил в сторону чашку с недопитым чаем и принялся собираться на работу.

В подъезде было пустынно. Бесшумно и быстро подошел лифт, гостеприимно распахнул двери в отделанное зеркалами чрево.

Оказавшись внутри, Владимир еще раз осмотрел себя. Костюм темно-серого цвета, в тон глазам, выглажен, ботинки начищены, светлые волосы уложены волосок к волоску. Придраться не к чему.

Внешность, правда, не запоминающаяся. Бывшие студенты порой не узнают, проходят мимо. Но ничего, не киноактер, так что грех жаловаться.

Когда вышел из подъезда, то свежий, напоенный влагой и запахом цветущей сирени, воздух ворвался в легкие с такой силой, что из груди невольно вырвался кашель.

Прочистив горло, Владимир обнаружил, что на лавке у самой двери, несмотря на раннее утро, примостился с тросточкой старый-престарый дед, известный всему дому под ласковым прозвищем Петрович.

— Утро доброе, — бодро проговорил он, радостно, как-то по-детски улыбаясь. — Благодать-то какая!

— Доброе, — машинально отозвался Владимир. — А в чем благодать?

— Так как же! — дед мелко захихикал, затрясся, обнажив в улыбке блестящие белизной вставные зубы. Такие, по недавно принятому закону, бесплатно положены всем пенсионерам. — Воздух чистый, дыши — не надышишься! А около самого дома, и это в Москве, поет соловей! Нет, ты прислушайся!

Владимир прислушался. Звонкие рулады доносились из зарослей кустарника. За ними начинался огромный лесопарк, в котором встречались белки иногда даже лоси. А уж в появлении тут соловья не было ничего удивительного.

— Так ведь всегда, — сказал Владимир почти сердито. — И воздух чистый, да и птицы...

— Э, нет, — Петрович захихикал вновь, радуясь возможности разъяснить что-то представителю молодого поколения, суетливого и непочтительного к старшим. — Вот помню, лет пятьдесят назад, когда еще личный транспорт не запретили, над городом такой густой смог стоял — хоть ложкой черпай! Вместо соловьев — рев двигателей, а запахи — жженой резины и выхлопов. За чистым воздухом приходилось за сотни километров уезжать... Помню еще, когда я в медицинском институте учился, привели нас в анатомичку, а там две пары легких. Одни розовые, приятные на вид, а другие — черные, как в саже. Преподаватель возьми да спроси: почему так. Кто как отвечал: что один курил, второй — нет,

что у одного туберкулез, у другого — нет. А правда, знаешь, в чем?

— В чем?

— В том, что один в деревне жил, а другой в городе! — старик довольно улыбнулся. — Так что ваше счастье, что воздух сейчас везде одинаковый, что здесь, что в Сибири...

Владимир взглянул на часы. Стрелки недвусмысленно сообщали, что, заболтавшись, он рискует опоздать на лекцию. Поспешно попрощался с Петровичем и почти бегом направился к автобусной остановке.

Холодный кофе горчил. Не допив чашку и до половины, Виктор с отвращением отставил ее в сторону. Поднялся с неудобного узкого диванчика, на котором спал последние два часа.

Хрустнули суставы, а тело ломотой заявило о том, что оно со вчерашнего дня не отдохнуло.

Спорить с ним было сложно. Работать пришлось почти всю ночь.

Слегка покрутив шеей, Виктор направился к двери.

Словно ощущив его приближение, она резко распахнулась, и в проеме обнаружилось носатое лицо капитана Тенгиза Делиева.

— О, товарищ майор, вы уже проснулись! — сказал капитан, преувеличенно бодро улыбаясь. — А я как раз собирался вас будить!

— Я, конечно, не Штирлиц, — Белкин зевнул, — но просыпаться в назначенное время могу. Если очень надо...

Последние слова он пробормотал вполголоса, выходя в рабочую комнату.

Там его ждали.

За длинным, словно язык болтуна, столом, собирались пятеро офицеров — представители следственных групп, созданных для расследования недавних взрывов. Лица у всех были помятые, глаза — красные.

— Доброе утро, — сказал Виктор, бросив взгляд на большие стенные часы. Восемь пятнадцать. Время утренней

оперативки, которую он сам вчера и назначил. К девяти идти к полковнику.

— Доброе утро, — нестройно отзвались офицеры.

— Что же, начнем, — майор занял место во главе стола. — Докладывайте. Начнем с вас, Тенгиз...

— В выявлении личности звонившей нет никаких подвижек, — несколько смущенно сообщил Делиев. — Но в результате работы с базой данных УВД по националистам удалось выявить несколько десятков человек, которые могут иметь отношение к взрыву.

— Хорошо, — кивнул Белкин. — Ими нужно заняться. С сегодняшнего дня. Доставляйте их ко мне для допроса. Взвод спецназа и правовое прикрытие я обеспечу. Все ясно?

— Так точно.

— Так, теперь вы, Ашот.

Капитан Асланян, усатый толстяк, обманчиво сонный и флегматичный, доложил о результатах работы на месте террористического акта. Взрыв был сложный, четыре закладки взрывчатки сдетонировали одновременно в разных частях здания.

Заложены бомбы были в служебных помещениях, там, где нет камер слежения. Если террористы и оставили какие-либо следы, то их полностью уничтожил взрыв.

Услышав такие новости, майор помрачнел.

— Да, — сказал он, — боюсь, что полковник от меня мокрого места не оставит...

— Нет, товарищ майор, — проговорил Асланян, улыбаясь, — я еще не закончил...

Последующие новости оказались хорошими. С помощью молекулярного анализа удалось установить происхождение взрывчатки — с военного завода под Самарой. Осталось выяснить, каким образом и через кого она попала в Москву, к террористам.

— Вам, Ашот, я думаю, придется лететь в Самару, — сказал Виктор и взглянул на часы. — Так, я к полковнику.

Он встал, подчиненные дружно поднялись вслед за начальником. Загрохотали отодвигаемые стулья.

* * *

Список опасных националистов, любой из которых мог организовать вчерашний взрыв, состоял из двадцати шести персон. Виктор ожидал, что на отлов подозреваемых будут отправлены несколько групп, но никак не думал, что будет участвовать в этом лично.

Но полковник Мухаметшин недвусмысленно заявил, что от него требуют подозреваемых, причем как можно быстрее, и что «бумажную работу можно засунуть в задницу». Так что Ашот улетел в Самару, разбираться со взрывчаткой, а остальные офицеры отдела в сопровождении групп спецназа рассеялись по Москве.

Колесо попало в яму, машина подскочила, и Виктор отвлекся от размышлений. Выглянув в окно и обнаружил, что они въехали в так называемый «русский квартал». Об этом же говорила и жуткая вонь гниющего мусора, настойчиво лежавшая в открытые окна.

Он поспешил нажал кнопочку, и стекло с жужжанием поползло вверх, отрезая салон от неприятного запаха.

«Русских кварталов», в которых в основном сосредоточилось русское население Москвы, в столице сохранилось несколько. И все они походили друг на друга, словно здания одного проекта, отличаясь лишь в деталях.

Кучи мусора, бродячие собаки, лениво лающие на проезжающие мимо машины. И люди — бедно одетые, оборванные, с пустыми глазами.

— Останови здесь, — сказал Виктор, когда на одном из домов мелькнула обшарпанная табличка с надписью: «Улица Ельцина, 8».

Взвизгнули тормоза и машина встала. Позади с лязгом и грохотом остановился грузовик, в котором ехали бойцы специального подразделения «Стальные когти», подготовленные для задержания террористов.

Выбравшись на улицу, майор некоторое время не мог дышать — такой моши достигал запах нечистот.

К старшему офицеру деловито подошел молодой капитан — командир группы захвата. В бронежилете и шлеме он

походил на средневекового рыцаря, чудом попавшего в ХХIII век.

— Приказывайте, товарищ майор, — сказал он мужественным сильным голосом. — Мои ребята готовы.

Вздохнув, Белкин потащил из кармана план прилегающего района.

Штаб-квартира организации с громким названием «Русский Арийский Легион» размещалась в обыкновенном подвале. Лидер вышеназванной организации, некто Петр Кочетрыжный, по агентурным сведениям, собственной квартиры не имел и проживал в одном из помещений штаба.

— Запомните, — проговорил Виктор, обращаясь к капитану. — Он очень опасен, но есть шанс, что с ним удастся договориться. Действовать только по моему сигналу. Все ясно?

— Ясно, — ответил капитан. Его люди, похожие на огромных одинаковых муравьев, расположились вдоль стен и на крыше пристройки к большому магазину, в подвале которой и размещался Русский Арийский Легион.

Отмечая его присутствие, обшарпанную деревянную дверь украшала огромная алая свастика, дополненная надписью, выполненной мелкими буквами: «Жиды — сволочи!».

Окон в подвале не было, но офицеры все равно разговаривали за пределами обширного магазинного двора. Там, где их точно нельзя увидеть от подвальной двери.

— Ну, я пошел, — сказал майор, последний раз оправляя на себе бронежилет.

— Удачи, — капитан вскинул руку в приветствии.

Но не успел Виктор сделать и двух шагов, как раздался жуткий скрежет. Люк канализационного колодца, расположенного в самом центре двора, отъехал в сторону, и на свет божий явилась вихрастая голова.

Сопя и причмокивая, на поверхность выбрался лохматый молодой человек. Вслед за ним глазам майора явилась девушка, настолько тощая, что грязная, хотя и дорогая одежда болталась на ней как на вешалке. Ее рыжие волосы топорчились в беспорядке, на скуле темнел синяк.

Парочка деловито поставила люк на место, и по ушам Белкина вновь словно проехались наездаком. Двигались молодые люди медленно, будто что-то невидимое сковывало им руки и ноги.

Парень поднял глаза, и Виктор вздрогнул, столкнувшись с абсолютно бессмысленным, как у слабоумного, взглядом. Некоторое время молодой человек просто смотрел, потом повернулся к подруге.

— Слыши, Настюха, — проговорил он гнусаво, шлепая губами. — Ты тоже видишь этого чудика, или это глюк? Не-жто мы так хорошо ширнулись ...

Взгляд у девицы оказался еще страшнее. Светлые, словно родниковая вода, глаза ее были лишены всякого выражения, точно два кружка льда.

— Не, Колян, это не глюк, — проговорила она тягуче после некоторого размышления. — Но непонятно, чего он делает тут...

«Вот черт, на наркоманов напоролись!» — с досадой подумал Виктор. Любители отравы встречались в Москве не так часто, и последнего майор видел несколько лет назад. А тут — такое «везение»....

Он махнул рукой.

От стены тенями отделились двое спецназовцев.

— О, да их много, — удивленно сказал лохматый парень за мгновение до того, как кулак бойца «Стальных когтей» обрушился ему на затылок.

Девицу бить не стали. Только зажали ей рот, чтобы не закричала ненароком.

Наркоманов поспешили утащили, и Виктор пошел дальше.

Стена пристройки была обшарпанной, словно с момента постройки ее ни разу не ремонтировали. Темная лужа у самой двери пахла чем-то приторно-сладким. Над ней с деловитым жужжанием летали зеленые мухи, толстые, словно осы.

«На обед прилетели», — пришла дурацкая мысль.

Виктор поспешил отогнать ее, перешагнул через лужу и нажал кнопку сбоку от двери. Где-то в глубине здания, чуть

внизу, прогремела трель звонка. Некоторое время не происходило ничего, а затем совершенно неожиданно в двери открылся глазок. Прекрасно замаскированная заслонка бесшумно отъехала в сторону, обнажив недружелюбный стеклянный зрачок.

— Чего надо? — после паузы булькнул хриплый голос откуда-то сверху.

Виктор в удивлении глянул туда и обнаружил узкие щели динамика.

— Я разговариваю с господином Кочерыжным? — спросил майор.

— Что надо? — вновь повторил голос, вслед за чем донесся кашель.

— Поговорить.

— Проваливай, жидовская морда, — недружелюбно ответили из динамика. — А не то я дверцу открою и пугану тебя из автомата. Мало не покажется...

— Не стоит сердиться, — Белкин дружелюбно поднял руки. — У меня к вам ...

— Я тебя не знаю! Проваливай! — взревел динамик. Информация о дурном нраве господина Кочерыжного и его склонности к экстремизму подтвердилась полностью.

— Ухожу, — сказал Виктор миролюбиво.

Когда развернулся, спиной почувствовал ненавидящий взгляд.

Перешагнув через лужу и выйдя из зоны видимости, майор махнул рукой. Стремительные черные тени метнулись вдоль стены, послышались глухие удары.

— Да она бронированная! — крикнул кто-то из бойцов. Хлипкая на вид дверка оказалась оборудована для самой упорной обороны.

— Вашу мать! — вскричал динамик. — Пришли за мной, агенты Моссада? Я вам покажу великий Израиль ...

Откуда-то повалил дым. Боец «Стальных когтей», первым его глотнувший, зашатался и с судорожным всхлипом осел на землю. Остальные быстро подхватили пострадавшего товарища под мышки и отступили.

Виктору ничего не оставалось, как последовать за ними.

— Противогазы сюда! — капитан отдавал распоряжения решительно, в глазах блестела радость. Еще бы — когда еще представится такой шанс показать себя?

— Товарищ майор, наденьте это, — Белкин не сразу понял, что обращаются к нему.

Черная маска противогаза смотрелась уродливой, словно громадный гриб-паразит, который если присосется к твоему лицу, то по собственной воле не покинет его никогда.

Ля姆ки больно врезались в затылок, а нос заложило горьким запахом резины.

Сквозь противогаз видно было хуже, но выбирать не приходилось.

Двое спецназовцев некоторое время возились около двери. Затем разом бросились в сторону. Ядовитый дым продолжал струиться из невидимых щелей и неряшливыми прядями полз по двору.

Шум от взрыва был слабый, словно лопнул воздушный шарик. Но там, где только что была дверь, обнаружилось темное отверстие, в которое черными хищными тенями устремились бойцы.

Ударили выстрел, затем еще один. Грохнула очередь.

— Ядреный корень! — выругался капитан так, что слышно было даже через противогаз. — Если он мне ребят покалечит ...

Но выстрелов больше не было, а из подвала выбрались двое бойцов, несущих нечто дергающееся и судорожно извивающееся. На губах господина Кочерыжного пузырилась пена, а ядовитый дым (который потихоньку рассеивался) ему ничуть не мешал.

— Суки! — орал он. — Проститутки израильские! Продались жидам, предали Россию и Гитлеру!

— Противогаз можно снять, — проговорил капитан.

Виктор с облегчением скинул опостылевшую резиновую маску и только тут ощутил, как вспотел. Прохладный ветер, пробежавшийся по мокрой коже, вызвал легкий озноб.

— У него там целый арсенал, товарищ капитан, — сказал один из бойцов. — Счастье, что ни в кого не попал!

— Ладно, грузите его в машину, — распорядился Виктор. — Поводов для задержания у нас теперь более чем достаточно. А я пока подвальчик осмотрю...

— Что здесь происходит? — уверенный, властный голос прозвучал неожиданно для всех. Даже русский ариец Кочерыжный, что до сего момента без устали дергался и злобно вопил, изумленно замолк и обвис в руках конвоиров.

У входа во двор, небрежно поигрывая ключами, расположился невысокий субъект. Бордовый пиджак не сходился на круглом пузе, а висящая на шее золотая цепь была такой толщины, что вполне удержала бы слона. На красном лице толстяка застыло самодовольно-наглое выражение, а за его спиной переминались с ноги на ногу трое детей в фартуках грузчиков. Испитые рожи не несли на себе печати интеллекта, а кулаки выглядели большими, как арбузы.

— Что здесь происходит? — повторил невысокий.

— Милицейская операция, — Виктор вытащил из кармана удостоверение, но оно особенного эффекта не произвело.

— Это мой магазин, — разведя в сторону руки с растроенными пальцами, сказал обладатель бордового пиджака. — И все пристройки тоже мои... А я, Вася Быков, вас всех, мусоров клятых, купил и перекупил! Так что убирайтесь отсюда подобру-поздорову!

Лицо капитана «Стальных когтей» побагровело, он сделал шаг вперед и даже открыл рот, намереваясь достойно ответить нахалу.

— Спокойно, — сказал Виктор, вклиниваясь между капитаном и толстяком в пиджаке. — Вы настаиваете, что это ваш магазин, и что все вокруг него тоже ваше?

— Будешь спорить? — обнажив в улыбке желтые зубы, спросил Вася Быков.

— Нет, — покладисто ответил Виктор. — Просто в этом самом дворе, десять минут назад были задержаны двое лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения. На основании этого мы в соответствии со статьей сто восемь УПК имеем право произвести обыск ...

Исключительно приятно было наблюдать, как происходит смена выражений на лице обладателя толстой золотой цепи. Наглое самодовольство — легкая неуверенность — проблеск мысли в свинячьих глазах — настоящий страх ...

За распространение наркотиков в судах давали максимальную меру — это знали все. А то, что Вася Быков был не очень чист и как минимум знал, что творится у него в подсобках, читалось у него на лице.

Местная милиция, похоже, его покрывала, но так ведь эти ребята с автоматами явно не из районного отдела...

— Ладно, работайте, — бросил толстяк, как-то сразу увидая. — Всегда рад помочь родным органам.

Здоровяки в фартуках посмотрели на хозяина изумленно. Тот цыкнул на них, и странная компания покинула двор.

— Бывают же люди, — утирая потный лоб, с чувством сказал капитан. — Интересно, как они тут такие, в этом русском квартале, живут?

— Ладно, грузите его, — махнул рукой Виктор, оставив без внимания лирическое высказывание. — Двое — со мной, в подвал.

Внутри пахло, как в общественном туалете, который не мыли месяцами. Тусклые лампочки под потолком заросли паутиной, а стены, сплошь обклеенные красными плакатами с изображением свастики, создавали мрачное впечатление.

Оружия обнаружился полный набор. Гранаты, пистолеты, несколько винтовок, ящик, доверху набитый тяжелыми блестящими цилиндриками патронов.

И еще — бутылки. Из-под водки, одинаковые, словно солдаты, они длинными шеренгами выстроились вдоль стен, кучками стояли в углах, валялись в ящиках столов и даже торчали из сливного бачка в туалете.

Судя по их обилию, господин Кочерыжный последние полгода пил. По черному.

Из подвала Виктор выбрался в сильной задумчивости.

Проклятое сердце, которое часто оказывается мудрее холодной головы, настойчиво шептала, что Русский Арийский Регион, несмотря на показушный экстремизм, никакого отношения к взрывам не имеет.

* * *

Народу на Поклонной горе было не так много. Все-таки пятница — не самый популярный день для гуляний. Вот скоро прозвенит в школах столицы Последний звонок, и тогда здесь будет столпотворение. Выпускники будут в наглую пить пиво, целоваться, а самые смелые полезут купаться.

Но пока тут сравнительно пустынно, и фонтаны безвоздушно швыряют в далекое майское небо полные пригоршни воды, мелодично журча на сотни голосов. Солнце блестит в каплях, и со всех сторон тянет свежестью.

Среди всего этого великолепия там и тут ненавязчиво попадаются группы милиционеров. Взгляд у всех, как у одного — пристальный, цепкий. Всю московскую милицию подняли на ноги, чтобы та поймала террористов или хотя бы не допустила еще одного взрыва.

Владимир шагал меж фонтанов, пристроившись в хвост группе европейских туристов. Наклеенные усики слегка щекотали нос, а под дорогим, специального покроя, костюмом, скрылся контейнер с взрывчаткой. В руке — видеокамера, а на лице — традиционно нагло-завистливое выражение европейца, попавшего в огромную и страшную Россию. Никто не узнает в дородном господине доцента Смолякова.

Весь расчет на то, что все члены группы, собранной прямо тут, в Москве, не очень хорошо знают друг друга, а уж экскурсовод — и подавно. Затесаться в стройные ряды иностранцев удалось в тот момент, когда они выгружались из туристского автобуса, огромного, словно доисторический ящер, но окрашенного с аляповатой яркостью.

На непонятно откуда взявшегося новичка никто не обратил внимания. Он ничем не отличался от других. Шел, прижав к лицу видеокамеру, которой постоянно крутил по сторонам.

Маршруты туристических групп Владимир изучил заранее, и точно знал, что в нужное ему место они попадут. Не сразу, но зато наверняка. Милиционеры на туристов почти не смотрели — эти не опасны, их в столице как грязи. Опасны свои, и вот их-то в первую очередь и следует подозревать...

Впереди, над деревьями, рос и медленно приближался огромный шар памятника Дружбе Народов. В его исполненном постаменте расположен музей Истории Москвы, без осмотра которого иностранным гостям никак не обойтись.

Сначала пришлось зайти в несколько других музеев, посетить показушную православную церковь. Там батюшка, похожий на клоуна, в сверкающих золотом одеждах, очень театрально провел службу перед туристами, посыпая в их сторону облака сладкого ладанного дыма.

Кожа под усиками отчаянно чесалась, а непривычный груз на животе привел к тому, что заболела поясница. Боль становилась все сильнее, но Владимир терпел, сжимая зубы, хотя каждый шаг отдавался во всём позвоночнике.

С трудом сдержал вздох облегчения, когда громадная сфера оказалась совсем близко, чудовищным метеором нахвистала над головой. Казалось, что еще мгновение, и все это рухнет, размазав тебя по земле. На поверхности шара, символизирующего Землю, виднелись фигуры, обнявшиеся в танце.

— В девяностых годах двадцатого века, — сказал экскурсовод, остановив группу в точке, откуда памятник производил особенно мощное впечатление. Говорил он по-английски, но Владимир этот язык понимал достаточно хорошо, — когда комплекс Поклонной горы только начинал застраиваться, скульптором Церетели была здесь возведена огромная стела непонятного назначения. В две тысячи семнадцатом, когда все творения Церетели признали уродливыми и вредными, после чего разрушены, место освободилось. В две тысячи двадцать шестом по проекту скульптора Хожаева был заложен памятник Дружбы Народов. Закончили его в две тысячи сорок втором. Высота памятника...

Дальше Владимир не слушал. Подумать только — более ста пятидесяти лет простоял на Поклонной горе огромный шар, и в скором времени ему предстоит исчезнуть, похоронить под обломками миф о «Дружбе Народов», которой никогда не было. И пропадет с лица земли памятник по его, Владимира Смолякова, воле...

На мгновение его обуяла гордыня, он почувствовал себя титаном, способным спорить со временем, которое тоже разрушает, но медленно, так медленно...

В себя пришел оттого, что экскурсовод слегка повысил голос:

— А теперь, дамы и господа, прошу внутрь. Нас еще ждет музей.

Вереница туристов втягивалась в чрево памятника, словно исполинская змея в нору. Владимир ненавязчиво пристроился последним.

Охранники у двери проводили иностранцев равнодушным взглядом.

Внутри музея стоял запах, который бывает только в подобных местах. Его исключительно трудно описать, но очень легко назвать — запах древности. Шорох ног туристов отдавался в безлюдных помещениях, а бабушки-смотрительницы провожали посетителей профессионально суровыми взглядами.

Экскурсия переходила из зала в зал, а Владимир невольно радовался, что просидел над планом музея несколько вечеров подряд. Изучая и запоминая. Теперь он легко провел бы экскурсию сам, причем по запасникам и служебным помещениям — тоже.

Между залами «Москва Ивана Грозного» и «Смутное время» пришлось идти по небольшому коридорчику. Здесь фальшивый иностранец приотстал и ловко свернул в открывшийся сбоку проход.

Серая неприметная дверь, которой он заканчивался, оказалась заперта.

Выругавшись про себя, Владимир вытащил из кармана отмычку и прислушался. Экскурсия не было слышно, но со стороны только что осмотренного зала приближались мягкие, шлепающие шаги.

Наверняка, одна из смотрительниц.

Остаться незамеченным не получится. Что тогда? Притвориться глупым иностранцем, не нашедшим туалет. Может, ему и поверят, но тогда будет сорвана почти два месяца готовившаяся операция!

Он остервенело зашевелил отмычкой в замке, стараясь не особенно шуметь.

Шаги приближались.

Владимир чувствовал, как потеют руки, как крупные капли собираются на лбу, превращая лицо в подобие восковой маски, к которой поднесли свечу.

Шаги уже рядом, за поворотом.

В замке что-то щелкнуло, дверь отворилась.

Он стремительно бросился в открывшуюся темную щель. Прикрыл дверь и замер, вслушиваясь. Сердце грохотало, словно отбойный молоток.

Переждав несколько мгновений, приоткрыл дверь.

Никого.

Теперь у него есть сорок минут на то, чтобы установить бомбу и покинуть здание вместе с туристической группой. Вытерев пот со лба, Владимир запер дверь, развернулся и заспешил вперед. Здесь было темно, но он прекрасно ориентировался в сплетении служебных коридоров.

Миновал развязку, от которой отходили два боковых прохода, пустых и темных, и безошибочно отыскал дверь, ведущую на лестничную площадку. Здесь горела тусклая оранжевая лампа дежурного освещения.

Служебные помещения под памятником оказались пустынны, и Владимир быстро достиг нужного места. Именно тут необходимо произвести взрыв, чтобы огромный монумент развалился. Игорь Пороховщиков когда-то учился архитектуре, и именно он высчитал слабое место сооружения.

Не доверять соратнику оснований не было.

Спустившись по лестнице, Владимир попал в подвал, сырой и пахнущий крысами. Подошвы при соприкосновении с полом издавали отвратительное чавканье, а в темных углах что-то подозрительно шуршало. Слышалось цоканье коготков по полу, иногда злобно блестели маленькие глаза.

Работники музея если и заглядывали сюда, то очень редко.

Коридор, еще один, низкий и узкий, точно крысиный лаз.

От этой мысли стало нехорошо. Живо представился огромный усатый зверь, волочащий за собой голый хвост толщиной в канат, клыки в ладонь в слюнявой вонючей пасти...

Владимир остановился, вытер пот со лба. «Это все нервы, — сказал он себе. — Надо успокоиться, иначе провал неминуем».

Несколько раз глубоко вдохнул, насыщая мозг кислородом. Затхлый воздух подземелья был отвратителен на вкус.

Двинулся дальше. И почти сразу уперся в стену. Мощную даже на вид, такую, какие были в древних крепостях, которые сопротивлялись врагам и землетрясениям тысячи лет, пока не уступали времени.

Он знал, что эта стена уходит вниз и вверх, являясь одной из несущих для памятника. Дай она слабину хотя бы на миг, пойди трещинами — монументу не устоять, как дереву без корней.

Контейнер на животе опустел, освобожденная от груза спина сладостно застонала.

Установив детонатор, Владимир выпрямился и посмотрел на часы.

Он пробыл в подземелье на десять минут дольше, чем рассчитывал. Теперь придется спешить.

К нужной двери вылетел мокрый, словно только что купался.

Остановился, чувствуя, что дышит так громко, что слышно на два этажа вверх и вниз. Кое-как привел себя в порядок, проверил, на месте ли усы, не съехал ли на бок опустевший контейнер фальшивого пуза.

Дверь оказалась заперта, но вновь пригодилась отмычка.

Щелкнул, сдаваясь, замок, и Владимир проскользнул в приоткрывшуюся дверь. Оказался, как и ожидал, за тяжелой портьерой бардового бархата, скрывающей боковой выход от посетителей. Пахло здесь пылью и ужасно хотелось чихать.

Между полотнищами ткани обнаружилась щель.

Выглянув в нее, Владимир увидел старушку-смотрительницу, на стульчике в углу зала, похожую на седую ворону.

Судя по тому, что смотрела она в другую сторону, появление незапланированного посетителя не было услышано.

Зал оказался посвящен началу XXI века — времени до технологического ступора и страшных эпидемий, сокративших население земного шара почти на треть.

Целый стенд занимали разнообразные документы, игравшие в то время значительную роль — паспорта, удостоверения, различные справки, дипломы и свидетельства.

Ушёй достигло шарканье множества подошв. Бабушка в углу встрепенулась.

В зал проскользнул экскурсовод, за ним повалила толпа туристов. Вскоре поле зрения Владимира заняли спины, обтянутые куртками, пиджаками и кофтами различных цветов.

Тихо, словно бабочка, он выскользнул из убежища и присоединился к экскурсии. Никто не обратил на него внимания.

Спустя полчаса он вышел из здания вместе с остальными. Ленивой, вальяжной походкой проделал путь до туристического автобуса, но вместо того, чтобы лезть в него, скрылся за громадной, ярко окрашенной тушей.

Еще через пятнадцать минут его поглотила громадная пасть метро.

Старинные часы, подарок приятеля — любителя и знатока антиквариата, громко тикали, и впервые за многие годы этот звук раздражал. Виктор с ненавистью смотрел на огромный деревянный ящик, украшенный искусственной резьбой. Сейчас короткая стрелка точнехонько стояла на восьми, а длинная — гордо указывала в зенит. Словно ракета, готовая стартовать...

За окном потихоньку темнело, желтое усталое солнце падало куда-то за дома. На столе, в тарелке, подсыхали бутерброды, принесенные из буфета еще в обед. Есть не хотелось. Спать тоже. Виктор достиг той степени усталости, когда остается только работать, не щадя себя, надеясь на то, что желание отдохнуть придет снова, подобно манне небесной.

Он резко выдохнул, потер лицо ладонями.

За спиной хлопнула дверь, знакомый голос сообщил:

— Товарищ майор, задержанный Лютенцов доставлен.

— Введите, — тихо сказал Виктор.

Он подождал, когда проскрипят половицы под двумя парами ног, когда конвойный выйдет, прикрыв за собой дверь, и только затем повернулся.

— Ну здравствуй, Лютенцов!

В голосе майора не было ни тени усталости. В нем звучали злость и уверенность в себе.

— Добрый вечер, — равнодушно ответил доставленный скрипучим старческим голосом.

Да он и был стар. Белоснежные волосы, окладистая борода, словно отлитая из серебра, ярко-голубые, как весеннее небо, и зоркие, точно у сокола, глаза. Совсем не старческие.

Александр Лютенцов, он же Лютый. Один из старейших деятелей русского националистического движения. Непререкаемый авторитет среди себе подобных. Участвовал в десятках экстремистских акций, дважды судим. Последний раз вернулся с отсидки пять лет назад. С тех пор живет тихо, ничем себя не проявляя. И уж если он ничего не знает о тех, кто организовал взрывы, то не знает никто...

— Догадываешься, зачем позвали? — спросил Виктор, подходя к столу.

— Я думаю, майор Белкин не будет вызывать меня ради того, чтобы предаться воспоминаниям о тех временах, когда он был лейтенантом, — Лютый усмехнулся, а Виктор едва не выругался. Умеет же дед уязвить, напомнить о том, что лучше не вспоминать!

Старик-террорист выдержал паузу и продолжил, медленно и скрипуче, словно старый радиоприемник:

— Зато я думаю, что майор Белкин влип в неприятности и ему нужна моя помощь. Ведь так?

— Так, — кивнул Виктор. — И ты, такой умный, наверняка уже догадался, про что я тебя буду спрашивать?

— А как же, — Лютенцов огладил бороду. — Про то, кому же понравилось домишкы в Москве подрывать, честных людей пугать...

— Ты мне зубы не заговаривай! — майор ощущил, что злится, что горячая волна гнева приливает к лицу, грозя сорвать последние остатки самоконтроля. — Прямо тебя спрашиваю — знаешь, кто это сделал?

Дед улыбнулся, презрительно и грустно.

— Эх ты, Белкин, — сказал он тихо, — ведь ты же сам русский, не иудей пархатый, не татарин узкоглазый, а таким падлой меня считаешь. Чтобы я своих пацанов, которые за наш народ вступились, тебе вот так на блюдечке выложил? Мы, русские, столько веков меж собой грызлись, так хоть теперь должны быть друг за друга...

— Так это что, я по твоему, не должен ловить говнюков, которые вчера почти две сотни нарду угрюхали? — звенящим от напряжения голосом спросил Виктор.

— А это уж твое дело, майор, — Люtyй вновь огладил бороду. — Хочешь — лови, хочешь — уходи в отставку, чтобы потом совесть не мучила, что ты последних смелых людей из своего народа под расстрел подвел... Но я тебе ничего не скажу.

— Так, — очень четко проговорил Виктор. — Ты ведь понимаешь, что в соответствии с поправкой к Уголовному кодексу номер двести семь от пятнадцатого января две тысячи сто семидесятого года в случаях, когда имеется угроза безопасности государства, органы УВД могут применять физическое воздействие для получения показаний. Сейчас, как мне кажется, именно такой случай...

— Знаю-знаю, — Люtyй ощерился, показав белые вставные зубы. — Ты меня будешь пытать. Своего, соплеменника, русского. В угоду осетинам, армянам, узбекам и прочим чукчам!

— Я служу России! — Виктор чувствовал, что слова старика что-то задели внутри, и дежурной фразой попытался взвести заслон на пути новых, непонятных чувств.

— Да, — дед язвительно захохотал. — Президент у нас — грузин, премьер — таджик, половина жителей — китайцы! И ты называешь это Россией? Уж лучше сдохнуть, не служа никому, чем жить на жаловании у такой страны!

Голос Лютенцова наполняла настоящая, искренняя горечь. Он усмехнулся, зло и отважно, словно герой перед казнью, и от этой улыбки Виктора пробрал озноб.

— Что же, пытать будете. Так пытали... Правда я тогда моложе был, сильнее. Теперь не выдержу... Так что уж лучше не дамся. Прощай, майор. Встретимся в аду!

Он сжал челюсти, что-то хрустнуло. Виктор сначала не понял, что произошло, но когда догадался, то озабударил с такой силой, что череп мгновенно заледенел изнутри. Лютый разгрыз имплантированную в зуб капсулу с ядом!

Старик оплывал на стуле. На лице его застыла блаженная улыбка.

— Не понимаю, зачем? — воскликнул Виктор, нажимая кнопку вызова охраны. — Врача, быстро, — приказал он вбежавшему конвойному, а когда тот с топотом убежал, увидел, что губы старика шевелятся, словно два совокупляющихся белесых червя. Умирающий пытался что-то сказать.

Майор поспешил подошел, нагнулся.

— Ты и не поймешь, — выдохнул Лютенцов. Дыхание его, слабое, едва слышное, становилось все реже. Жизнь покидала тело. — Я жил русским и русским умру... гордо...

Он дернулся и затих. В застывших голубых глазах отражалось зарево заката, и казалось, что яростное, злое пламя горит внутри головы старого террориста, не желая угасать даже после смерти.

С грохотом отворилась дверь. Поспешно вошел врач, его халат казался до боли белым. Он открыл чемоданчик, запахло какими-то лекарствами. В ловких руках блеснула трубочка шприца.

Виктор, чтобы не мешать, отошел к окну. Он понимал, точнее, чувствовал, что вся эта суэта бесполезна. Что Лютенцов, знаяший, кто организовал взрывы, убил себя, заставив следствие в очередной раз попасть в тупик.

Глава 3. Двадцать первое мая

Не мало Русь уж выслала
 Сынов своих, отмеченных
 Печатью дара божьего,
 На честные пути.

Н. А. Некрасов.

В субботу занятий не было и Владимир намеревался поспать подольше. Однако надежды рухнули вместе с неожиданным звонком в дверь.

В первое мгновение он не поверил, что пришли к нему. Но звонок продолжал надрываться, словно впавшая в истерику женщина, которая уж и сама рада остановиться, но не может.

Пришлось вставать.

С утробным зевком Владимир выдернул себя из постели и потащился к двери. По пути взглянул на часы — без пяти восемь. Еще спать да спать, сны приятные досматривать.

За дверным глазком обнаружились двое людей в милицейской форме.

Сердце Владимира замерло, а затем забухало, точно павловой молот.

«Неужели они узнали? Откуда? Как? Кто предал?»

Рой мыслей взвихрился в голове.

— Сейчас, открываю, — проговорил Владимир, стараясь, чтобы голос его звучал как можно более небрежно. Явившись брать опасного террориста, группа захвата вряд ли будет звонить в дверь. Так что визит милиции связан, скорее всего, с чем-то другим...

Он распахнул дверь.

— В чем дело?

Старший из милиционеров, с длинным, похожим на клюв, носом, спросил в ответ:

— Смоляков Владимир Святославович?

— Это я. А в чем дело?

Носатый взял под козырек, изобразил вежливую улыбку. Лицо его было помятым, под глазами залегли темные круги, словно у почечного больного.

— Капитан Делиев, — сказал он. — Антитеррористический отдел УВД. Оdevайтесь. Вы поедете с нами.

— Я задержан? Меня в чем-то подозревают? — поинтересовался Владимир, изумленно вскидывая брови.

— Нет пока, — буркнул капитан. — Вас просто настоятельно просят приехать для разговора.

— Хорошо, я одеваюсь, — кивнул Владимир, ощущая, как первоначальное волнение уходит и на смену ему приходит спокойствие. Ясно, что милиция ищет тех, кто организовал взрыв. Ищет среди тех, кто хоть как-то причастен к русскому националистическому движению. И одна из многочисленных конечностей увэдэшного спрута нащупала его, Владимира Смолякова. Чтобы обнюхать, рассмотреть получше и решить, что с ним делать...

В кабинете, в который его привели, оказалось прохладно. Через открытое окно врывался свежий утренний воздух, слышно было, как дворник внизу шаркает метлой по асфальту.

— Присаживайтесь, — сказал офицер, сидящий за столом. На его лице признаки усталости были видны еще сильнее — ввалившиеся тусклые глаза, серая кожа, едва ощущая заторможенность в движениях.

«Не спал более суток» — решил про себя Владимир, присаживаясь.

— Майор Белкин, — представился офицер. — А вы — Смоляков Владимир Святославович, две тысячи сто семидесятого года рождения, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета?

— Совершенно верно, — Владимир склонил голову, ощущая, что майор пытливо рассматривает его. Что он, несмотря на усталость, не утратил живости ума и очень опасен. — Чем могу быть полезен?

Больше всего на свете Виктор хотел спать. Ночью не удалось даже прикорнуть, задержанных привозили одного за другим, и в какой-то момент даже образовалась неболь-

шая очередь. Но больше усталости тяготило ощущение, что все допросы оказались бесполезны. Ни один из задержанных террористов, экстремистов и просто националистов ничего толком не знал про случившиеся взрывы. Да, кто-то краем уха слышал про Российский национальный комитет. Но кто именно в нем состоит, кто заправляет — не мог сказать никто.

После ночных бесед осталось противное ощущение собственного бессилия. Подобного чувства майор Белкин не испытывал очень давно, и оно раздражало, подобно глубоко вонзившейся занозе — и вытащить не выходит, и отвлечься не получается...

От последнего задержанного Виктор не ожидал ничего нового. Но увидев вошедшего, насторожился. Некое внутреннее чутье, присущее всем хорошим сыщикам, настойчиво вопило — этот опасен, очень опасен!

А на вид и не скажешь — роста среднего, сложение обычное. Лицо не запоминающееся, гладкие русые волосы зачесаны набок. Вот только глаза, серые и холодные, словно оружейная сталь. Глаза хищника, уверенного в себе и жестокого. Такие не часто встретишь у вузовского работника...

— Чем могу быть полезен? — спросил задержанный Смоляков.

— Вы служили в армии? — не отвечая на вопрос, поинтересовался Виктор. Рассматривая личное дело, он все больше удивлялся, а тревожный звонок внутри гремел все громче.

— Да, — кивнул Смоляков спокойно.

— В специальном диверсионном подразделении «Амурский тигр»?

— Да, — последовал столь же спокойный ответ.

— Участвовали в боевых действиях на российско-китайской границе?

— В период Маньчжурского конфликта, — Смоляков улыбнулся, так мягко и добро, словно рассказывал о детских впечатлениях, — два года провел на фронте. А до этого год — в Средней Азии, в Огненном поясе. Более двухсот

боевых рейдов. Представлен к правительенным наградам... Да у вас же все это записано!

— Конечно, — кивнул Виктор. Перед ним сидел человек, способный (или когда-то способный) убивать голыми руками, выживать в тайге и пустыне, пробираться туда, куда проникнуть просто невозможно. И при этом — невзрачный, ничем не примечательный доцент. — Но одно дело — записано, а другое — я спрошу у вас лично. Со взрывчаткой вам иметь дело приходилось?

— Было такое, — несколько недоуменно кивнул Смоляков. — И что?

— А правда, что вы два года являлись членом экстремистской организации Русский Арийский Легион?

— И это было, — доцент скривился, словно ему в рот попал особенно кислый лимон. — До тех пор, пока Кочетыржный не спился и совсем не рехнулся. Стал вести речи про жидомасонский заговор и прочее. С тех пор я туда ни ногой! Уже три, нет, четыре года!

— И что, с тех пор вы не поддерживаете связей ни с кем из старых знакомых? — Виктор понял, что сидящий напротив человек ничего ему не скажет. Ни за что.

— Нет, — Смоляков закинул ногу на ногу. — Так что я не очень понимаю причины моего задержания.

— Если вы не в курсе, то произошел взрыв. Мы должны проверить все версии, в том числе и причастность к нему русских националистических организаций.

— Ясно. Тогда спрашивайте.

Виктор едва не заскрипел зубами. Этот ублюдок ведет себя у него в кабинете так, словно он тут хозяин. И ничего нельзя сделать! Это не рецидивист Лютенцов, к которому можно применить поправку двести семь! Формально ее можно использовать и тут, но начальство вряд ли одобрит, а общественность поднимет такой крик, что с карьерой можно будет расстаться.

Если Смоляков не расколется, конечно. А он не расколется. «Амурский тигр», мать его!

Виктор задал еще несколько малозначащих вопросов. Доцент отвечал вежливо и спокойно, не проявляя признаков волнения.

— Все, вы можете идти, — сказал, наконец, майор.

— Всего хорошо, — Смоляков поднялся и ушел. А Виктор смотрел ему вслед и чувствовал, что встретиться им еще придется. И очень скоро.

На Ленинградском вокзале было людно. Само здание вокзала, перестроенное последний раз двадцать лет назад, высились ослепительно белым айсбергом среди бес покойного моря спешащих людей. Со всех сторон наваливался шум — гудки отходящих поездов, человеческие крики и речь, рокот автобусов и такси и перекрывающий все электронный голос, делающий объявления. Пахло жареными пирожками, пивом и еще почему-то соленой рыбой.

Владимир прибыл на вокзал после двух часов пребывания в метро. Он пересаживался с ветки на ветку, менял направление движения, несколько раз проскакивал в закрывающиеся двери. И лишь когда убедился, что ретивый майор с цепкими и умными глазами не установил за ним слежку, поехал на вокзал.

Впереди — поездка в Санкт-Петербург. Утомительная, но необходимая.

Пройдя торговую зону, где в глазах рябило от разноцветных рекламных щитов кафе, закусочных и магазинчиков, предлагающих продукты и разнообразные товары в дорогу, он оказался у подземного перехода, ведущего к поездам.

Ботинки противно стучали по лестнице, безвкусно выложенными коричневым камнем.

Подошел к турнику и сунул идентификационную карточку в считывающее устройство. Там что-то щелкнуло, загудело. Компьютер принял обрабатывать данные, содержащиеся на карточке, сравнивая их с теми, что попали в него в тот момент, когда Владимир Смоляков, не выходя из дома, бронировал билет.

Одновременно с карточки, которая служит, помимо опознавательного объекта, еще и носителем финансов, будет списана сумма, полагающаяся за проезд по маршруту Москва — Санкт-Петербург в вагоне СВ.

Удобно. И никаких наличных денег.

Идентификационные карточки ввели более века назад. Они заменили одновременно паспорт, карточки медицинского и пенсионного страхования, налоговую идентификацию и кредитные карты. Благодаря им стало почти невозможно увильнуть от налогов и скрыться от внимательного ока государства. Наличные деньги не исчезли из оборота, но использовались редко, все больше для мелких покупок.

Но удобство от карточек было все-таки больше. Легкость в обращении, отсутствие необходимости возиться с кучей бумаг, и как следствие — экономия от сокращения количества чиновников, которые должны эти бумаги оформлять и визировать. Кроме того, карточку невозможно подделать, и другой человек не сможет ей воспользоваться — каждая активируется только при соприкосновении с большим пальцем хозяина.

Владимир продолжал держаться за карточку. Затем в глубине считывающего устройства что-то завибрировало, и из узкой щели выплыл билет, нежно-зеленый, словно первая апрельская листва.

С лязгом открылся замок турникета.

Владимир вытащил карточку. Билет не желал вылезать, словно его кто-то держал изнутри. Только приложив силы, удалось выдрать его из цепких объятий машины.

Когда вошел в турникет, стальные челюсти замка клацнули за спиной, заклинивая проход.

На перроне оказалось пустынно. Поезд вытянулся вдоль платформы, словно громадная зеленая гусеница. Проводники застыли у вагонов синими статуями, точно огромные суслики перед своими норами.

Владимир подошел к вагону, предъявил билет. Проводница — молодая миловидная женщина с падающей на плечи гривой черных волос — заулыбалась, мелодичным приятным голосом сказала «Проходите!».

На фирменном бейджике Владимир прочитал имя «Гульнара». Почему-то стало обидно, что на самой старой железной дороге России, на одном из наиболее знаменитых рейсов, работают не русские по крови люди.

Внутри вагона он вступил со смешанными чувствами.

* * *

Телефонный звонок резко ударил по нервам.

Виктор оторвался от ноутбука, за которым просидел последние полтора часа, и недоуменно уставился на серебристую трубку мобильной связи, которая прямо разрывалась от желания соединить абонентов.

Очень медленно Виктор взял телефон.

— Да!

— Шеф! — Тенгиз орал так, что уху было больно. — Взрыв! Еще один! Только что!

— Где? — матерясь про себя, спросил Виктор. От ярости захотелось выругаться, швырнуть мобильник о стену, чтобы он расплескался разноцветными каплями микросхем...

— На Поклонной горе! Они взорвали памятник!

— Быстро ко мне!

Отшвырнув ноутбук, Виктор вскочил из-за стола. На звонок явился дежурный по отделу, выслушал приказ и тут же исчез. Десять минут спустя отдел наполнился движением. Не было суеты, беспорядка, все совершалось спокойно и деловито, но вместе с тем — очень быстро.

Раз допустили взрыв, оставалось ждать звонка от тех, кто его совершил.

Звонок раздался в тот момент, когда все было почти готово. Последовал он на номер ноль два, но техническая служба, предупрежденная заранее, перевела сигнал на антитеррористический отдел.

— ... иность за сегодняшний взрыв берет на себя Российский национальный комитет, — говорил приглушенный женский голос.

Техники напряженно замерли у компьютеров. На мониторах что-то мигало, меняло цвета, ползли колонки цифр, похожие на муравьев.

— Сотовый! — выкрикнул один из техников. — Московские радиоэлектронные сети!

— Наши требования, — голос террористки звучал размежевенно, словно она делала банальный заказ на доставку товаров на дом, — прекращение дебатов об изменении назва-

ния России и предоставление гражданам, русским по крови, исключительных прав.

— Исходящий сигнал берется на Мясницкой улице! Дом семнадцать! — лицо техника вытянулось. — Это же рядом, в двух кварталах! Она издевается над нами!

— Группа, на выезд! — рявкнул Виктор, зная, что по его приказу с места сорвутся машины с сидящими в них оперативниками. — Мы за вами!

Выбегая из комнаты, проверил, как выходит из кобуры пистолет.

За спиной грохотали ботинками подчиненные.

— В противном случае, — продолжала вещать им в спину женщина, ничуть не опасаясь пеленгации. — Взрывы будут продолжаться!

Перила лестницы протестующе визжали под руками, а ступеньки упывали назад издевательски медленно.

Когда выскочил на улицу, там фырчал мотором раскрашенный в сине-белые милицейские цвета скоростной автомобиль. Обтекаемой формой он напоминал огромную хищную рыбу, и плавником торчала гостеприимно распахнутая дверца.

Виктор запрыгнул на сиденье, услышал, как за спиной хлопнула дверца. В зеркальце заднего вида появилось лицо Тенгиза, сурое и сосредоточенное, с покрытыми бисеринами пота лбом.

— Поехали! — скомандовал майор. — На Мясницкую!

Взвизгнули покрышки, и машина сорвалась с места, словно выпущенная из арбалета стрела. Водитель лихо крутил руль, и здание управления мгновенно осталось позади.

Появилась и стала стремительно убегать назад улица. Троллейбусы и автобусы испуганно жались к обочинам, пропуская милицейские машины. На мгновение Виктор порадовался, что после введения запрета на частный автотранспорт в Москве исчезли пробки.

Поворот, короткий переулок, и вот они на Мясницкой улице. По сторонам высятся огромные здания новостроек, меж которыми сгорблеными старичками смотрятся приземистые здания прошлого и даже позапрошлого веков.

Семнадцатый дом оказывается именно таким — старой постройки.

Оперативники уже были здесь. По их недовольным лицам стало ясно, что они опоздали.

Машина затормозила, и Виктор выбрался на тротуар.

— Ушла, товарищ майор, — подошел командир оперативной группы.

— Вижу, — ответил Белкин и оглядел улицу.

На Мясницкой пустынно — что не удивительно. Большинство зданий — банки и конторы, а они закрыты в субботу. Некоторое оживление наблюдается ближе к Путинской площади, где расположены несколько крупных магазинов.

Но около дома семнадцать — пусто, точно в самом сердце Сахары.

Взгляд майора упал на черную коробочку, хорошо заметную на чистом сером асфальте.

Он осторожно подошел, присмотрелся. Так и есть — сотовый телефон, дешевая «одноразовая» модель. Такие покупают обычно приезжие, которым нужно сделать в Москве несколько звонков.

За спиной послышалось шумное сопение Тенгиза.

— Не побоялась, — с разочарованием в голосе сказал он. — Телефончик бросила и ушла. Вот гады, точно над нами издеваются!

— Телефон проверить! — мрачно буркнул Виктор, поворачиваясь к подчиненному. — Вдруг да найдется какой отпечаток. Ну и, естественно, позвоните в МРС. Кто покупал этот номер и когда. Кроме того, вон там, у входа в банк — видеокамера. Необходимо просмотреть пленку — вдруг там будет что интересное. Если что — я поеду на место взрыва, потом к полковнику. Все ясно?

— А как же, — капитан Делиев тяжело вздохнул.

Похлопав подчиненного по плечу, Виктор зашагал к машине.

Колеса поезда равномерно постукивали, вагон покачивался, словно плыл по невысоким и очень твердым волнам.

Была бы ночь — милое дело поспать. Но за окном стоял день, и время в пути приходилось коротать иначе.

Соседом по купе оказался средних лет плотный мужчина. Костюм его был из натуральной шерсти, на пальце блестел перстень с каким-то ярким зеленым камнем, а в лице чувствовалась власть и привычка отдавать приказы.

Скорее всего, бизнесмен. Причем не из самых бедных.

Когда Владимир только вошел в купе, попутчик кивнул ему и вновь уткнулся в толстый журнал с глянцевой краской обложкой. Яркими алыми буквами почти светилось название «Рынок средств связи».

«Надо же! — подумал Владимир, с удивлением размешая багаж. — Кто-то ведь читает такое! А кому-то не лень издавать!»

Не желая мешать спутнику, он уселся на диван и тоже принялся за чтение. Специально приобрел выпущенную на днях книгу, посвященную смутному времени конца XX века. Об этом периоде отечественной истории ученые многие десятилетия спорили до хрипоты и никак не могли прийти к единому мнению.

Книга оказалась занимательной, и Владимир увлекся.

Не заметил, как пролетели несколько часов.

От чтения отвлек шум открывшейся двери. Подняв глаза, обнаружил, что проводница прикатила столик с обедом.

Пришлось отложить книгу и вооружиться вилкой и ножом.

Жаркое было нежным и почти таяло во рту, жареная картошка приятно похрустывала на зубах, а вино в высоком графине оказалось терпким, с привкусом темного южного винограда.

Молчавшие до сих пор попутчики невольно разговорились.

Соседа по купе звали Игорь Семенов. Был он, как Владимир и догадался, предпринимателем, одним из совладельцев крупного холдинга, работающего в сфере связи. В Санкт-Петербург Игорь ехал по делам.

По каким именно, Владимир не стал выспрашивать, и разговор сам собой свернулся на злободневную тему.

— Не понимаю я этих террористов, — сказал Семенов, откидываясь на сидении и вытирая жирно блестевший рот салфеткой. — Чего они рвутся что-то взрывать? Ведь мы так хорошо живем!

— «Мы» — это кто? — на всякий случай поинтересовался Владимир.

Карие глаза бизнесмена недоуменно блеснули, на лице появилась неуверенная улыбка.

— Страна, конечно! Экономические показатели почти на уровне времен Синевского чуда, инвестиции растут, народ благоденствует.

— Какой народ? — Владимир ощущил, как хорошее настроение, навеянное интересной книгой и вкусной едой, улетучивается, точно дым под ветром. — Любой, кроме русского! Он фактически отстранен от власти в этой стране, которая лишь по инерции продолжает именоваться Россией! Естественно, что кому-то такая ситуация показалась обидной!

— Что же тут обидного? — Игорь скептически хмыкнул. — По последней переписи населения, насколько я помню, русских всего около десяти процентов. Само собой, что и в органах власти их не большинство!

— А ведь русские создали это государство, — начал Владимир, но вошла проводница — забрать тарелки, и он замолчал.

Когда девушка покинула купе, он продолжил:

— Русские создали эту страну, они осваивали Сибирь, умирали на полях сражений, работали, чтобы создать поистине великое государство. И это им удалось! Где могучая Австрийская империя, Британское государство, Тысячелетний рейх, Соединенные Штаты Америки? Все сгинули, а на их обломках возникли третьестепенные государства. А Россия, неважно, как она называется, империя, Советский Союз или федерация, последние пятьсот лет сохраняет статус сверхдержавы!

— Ну, создавали государство не только русские, — спор, похоже, увлек бизнесмена. Глаза его горели, он яростно жестикулировал, словно уроженец солнечной Италии. — Самый

знаменитый русский поэт, Пушкин, вообще негр! А сколько украинцев, белорусов, татар, евреев и прочих, кого не перечесть, положили силы и жизни на то, чтобы жила Россия? Так почему мы должны сейчас давать исключительные права русским?

— Потому что они вымирают, — очень тихо проговорил Владимир. — Потому что мы вымираем. Мы с вами — представители гибнущего народа. Двести лет назад нас было в этой стране большинство, сейчас — одна десятая, еще через столетие русские превратятся в малую народность, последние представители которой будут доживать свои дни в деревнях центральной и северной России! Неужели вы хотите этого?

— Нет, не хочу, — покачал головой Игорь. — Но я думаю, что взрывами ничего не изменишь. Да, я русский, но мне незавидно видеть, как другие народы процветают, когда нам, скорее всего, суждена гибель. Множество великих народов сошло со сцены истории — римляне, греки, индейцы центральной Америки. Чем мы лучше?

— Тем, что мы еще есть! — отчеканил Владимир. — И можем бороться за себя, а не погибать, подобно шелудивой собаке, которую хозяин выбросил на помойку! Неужели вам не обидно?

— Мне больно осознавать, что у моего народа нет будущего, — Семенов помрачнел, глаза его потемнели, став черными, словно угольки. — Но убивать людей я не пойду. Это ничем не поможет. Если мы и вымираем, то не в результате геноцида или войны. С кем сражаться — с объективными историческими факторами?

— С ними сражаться бесполезно, — процедил Владимир. Он ощущал, как в нем закипает гнев. Перед ним сидел предатель интересов собственного народа, продавшийся за благополучную, сытую жизнь! — Но нельзя и сидеть сложа руки!

— Нельзя, — неожиданно легко согласился Игорь. — Надо работать. Глядишь, чего тогда и получится. А не взрывать дома! Или вы оправдываете террористов, которые убивают невинных людей десятками?

— Ни в коем случае, — запредельным усилием воли Владимир сдержал гнев. Для того чтобы голос звучал ровно, не скакал, подобно ужаленному осой мустанг, приходилось прикладывать немалые силы. — Я их не оправдываю, поскольку в оправданиях они не нуждаются! Но я могу их понять. А вот человека, который не помнит родства и не чтит корней, от которых произошел, не могу!

— Пределы нашего понимания, увы, ограничены, — Семенов рассмеялся. — И разве такое уж большое значение имеет то, к какому народу принадлежит человек? Хорошие люди есть везде, равно как и плохие! У меня семья, трое детей, бизнес. Я постоянно сражаюсь за то, чтобы я и мои близкие жили лучше. Мне некогда оглядываться в прошлое, у меня нет времени смотреть далеко в будущее и биться за какие-то эфемерные цели, вроде восстановления величия русского народа. Я живу для себя, здесь и сейчас! И по мне — лучше уж так, чем из высоких душевных порывов превращать людей в куски фарша!

— Я понял, — за время тирады собеседника Владимир почти успокоился. Перестало возмущенно стучать сердце, ладони прекратили сжиматься в кулаки, горячая волна гнева отхлынула от лица. — К сожалению, большинство наших с вами соплеменников похоже на вас. Вы словно овцы, позволяющие делать с собой что угодно, лишь бы трава была сочной и волки не особенно кусались.

— Может, оно и к лучшему, — пожал плечами бизнесмен. — И спор наш все одно бесплоден. Нам друг друга не понять.

Владимир нашел в себе силы улыбнуться почти дружелюбно.

— Вполне может быть и так, — сказал он.

Семенов вновь уткнулся в журнал, а Владимир принял смотреть в окно. Там мелькали столбы, обвешанные проводами, дома, березовые и сосновые рощи. Иногда открывались необозримо обширные пространства полей, по которым неторопливо двигалась сельскохозяйственная техника. Коровы во встречных стадах были огромны, словно бегемоты.

Шкуры их лоснились, на мордах было выражение сытого довольства.

Российский пейзаж дышал миром и покоем. От этого Владимиру хотелось скрипеть зубами.

Изображение на экране время от времени дергалось. Видно было, что запись вел не профессиональный оператор. Тем не менее, пленка была очень ценной. Случайный свидетель сумел заснять момент взрыва на Поклонной горе, а после принес кассету в милицию.

Виктор, проведший на развалинах памятника почти весь день, смотрел ее первый раз. Зрелище оказалось завораживающее ужасным...

Огромный монумент Дружбы Народов выглядел с места съемки словно серый футбольный мяч, украшенный человеческими фигурками. Незыблемо возвышался он над такими крохотными деревьями, чьи зеленые кроны не достигали и половины его высоты.

От памятника докатился гул, он вздрогнул и медленно, точно во сне, принял складываться сам в себя. Величаво падали, разваливаясь на куски, каменные блоки. На мгновение Виктору показалось, что это разрушается от взрыва исполинской силы сам земной шар...

Иллюзия была до жути реальной.

Майор ощущал, как покрываются холодным потом.

Из динамиков донесся испуганный вскрик оператора.

На том месте, где несколькими минутами ранее высилось величественное сооружение, осталась бесформенная груда обломков, похожая на кучу мусора, оставшуюся после великоканской гулянки.

Виктор выругался и нажал кнопку на пульте видеомагнитофона. Изображение исчезло.

Взрыв был всего один. Полученный результат красноречиво говорил о мастерстве тех, кто закладывал бомбу. Людей погибло не так много, но моральный эффект от взрыва оказался ужасающим. Националисты разрушили памятник Дружбы Народов.

Весьма действенный способ показать свои убеждения.

От мрачных мыслей Виктора отвлек сигнал экстренного вызова. На столе алым глазом подмигивала лампочка.

Кресло жалобно скрипнуло, когда он выбирался из него, но майору Белкину в этот момент было не до мебели.

— Слушаю, товарищ полковник, — сказал он, нажимая холодную и гладкую клавишу селектора.

— Зайди ко мне, — прозвучал из динамика непривычно тусклый и невыразительный голос полковника Мухаметшина. — Прямо сейчас.

— Так точно, — ответил Виктор несколько удивленно. Сегодня он у начальства уже был, выслушал длинную речь о том, что будь сейчас другие времена, весь отдел давно бы рассажали на колья за нерадивость. Так что причины нового вызова оказались майору непонятны.

Тем не менее, он оправил мундир, на всякий случай глянул в зеркало. Там обнаружилась помятая и мрачная физиономия. Светлые волосы, как обычно, торчат, на подбородке шрам, оставленный вчера бритвой.

«Да, на конкурсе «Мистер Милиция» победы не видать...»

Еще раз одернул мундир, сбил с лацкана пылинку и выбрался в коридор.

В приемной Мухаметшина Виктора поразил секретарь. Обычно спокойный и даже вальяжный, молодой лейтенант в этот момент был напряжен так, словно его держали на прицеле.

Последний раз Виктор его видел таким два года назад, когда в отдел приезжала инспекция МВД — проверять, как расходуются казенные деньги и правильно ли заполняются необходимые бумаги...

На вопросительный взгляд лейтенант промолчал, только дернул подбородком в сторону полковничьего кабинета.

Пожав плечами, Виктор взялся за позолоченную изогнутую ручку.

В кабинете полковник был не один. За столом, предназначенным для гостей, сидели двое офицеров в мундирах очень светлого серого оттенка. Точно шерсть у дымчатой кошки.

Сердце Виктора дернулось от нехорошего предчувствия.

— Господа, это майор Белкин. Он ведет дела по недавним взрывам, — проговорил Мухаметшин. Выглядел он каким-то оплывшим, словно наполовину растаявший айсберг, и в голосе бравого полковника не чувствовалось обычного напора.

Виктор сделал несколько шагов и коротко кивнул.

Офицеры одновременно встали и синхронно, точно по команде, ответили на приветствие. На погонах их стал виден знак отличия — перечеркнутый золотистой молнией черный устрашающий гриб ядерного разрыва. Серебром сверкнули буквы — «SCS».

— А это полковник Бритни и майор Спирс из Специальной Контрольной Службы, — слова ощутимо били по ушам, словно взрывные волны.

Офицеры в серых мундирах одинаковым движением склонили головы. Оба они были подтянутые, коротко стриженые, с холодными внимательными глазами. У полковника было побольше морщин на лице, да волосы кое-где начали седеть, а в остальном представители СКС выглядели, словно родные братья.

— Очень приятно, — по-русски старший из них говорил правильно, хотя в речи чувствовался акцент.

— И мне, — отозвался Виктор. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Просто так офицеры Службы — всемирной организации, призванной контролировать ядерное оружие, нигде не появятся. Создана СКС была в две тысячи двенадцатом, через год после того, как мусульманские фанатики с помощью ядерной боеголовки уничтожили столицу США Вашингтон. Почти два века она успешноправлялась со своими обязанностями, но все равно — Службу и ее представителей в органах безопасности разных стран не очень любили. За элитарность, за снобизм, за презрение ко всем вокруг...

— Присаживайтесь, господа, — тяжело вздохнул полковник Мухаметшин.

Виктор сел. Напротив него расположились офицеры СКС.

— Итак, господа, позвольте ввести вас в курс дела, — полковник Бритни заговорил властно, не оставляя сомнений в том, кто хозяин ситуации. Власть СКС была огромной, и фактически полковник мог заставить работать на себя спецслужбы целых стран. Когда-то, когда опасность ядерного терроризма была велика, это было оправдано. В последние десятилетия — все в меньшей и меньшей степени. Но Служба по-прежнему жила законами, принятыми в ХХI веке, и мнение посторонних ее мало волновало. — Но прежде чем начать говорить, я должен известить вас, господа, о том, что информация, которую вы сейчас услышите, является секретной. За несохранение режима секретности вы можете быть подвергнуты взысканию. Майор Спирс ведет сейчас запись нашей беседы. Пленка будет передана в архив СКС и в дальнейшем может быть использована, как официальный документ. Все ясно?

Виктор кивнул. Краем глаза заметил, как помрачнел Мухаметшин. Полковнику не нравилось, что чужаки хозяйничают в его отеле, но поделать ничего не мог.

— Хорошо, — полковник Бритни кивнул. — Тогда перейдем к основному пункту. Дело в том, что из одного из хранилищ ядерного оружия на североамериканском континенте месяц назад кто-то похитил боеголовку от ядерной ракеты. Ее мощности достаточно для того, чтобы уничтожить крупный город.

— А мы при чем? — не очень вежливо перебил Виктор.

— По последним сведениям, к похищению причастна русская диаспора Северо-Восточной Федерации, — голос эсказовца звучал монотонно, оставляя впечатление, что говорит автомат. — По нашим данным, именно оттуда идут деньги на содержание некоторых экстремистских организаций националистической направленности в Российской Федерации. Мы опасаемся, что похищенная боеголовка может быть переправлена к вам и использована террористами.

— О, Аллах! — сказал Мухаметшин сквозь зубы.

Виктор судорожно сглотнул. Одно дело, когда взрывом уничтожается дом с несколькими десятками жителей, и со-

всем другое — когда город со многими миллионами населения. О радиоактивном заражении и прочих последствиях применения подобного оружия лучше не вспоминать...

Полковник выдержал ораторскую паузу и продолжил.

— В связи с опасностью использования ядерного оружия Специальная Контрольная Служба начинает собственные следственные мероприятия в Российской Федерации, в том числе — в Москве. Все следственные органы должны оказывать Службе максимальное содействие, и прежде всего я надеюсь на сотрудничество вашего отдела, который...

— Понятно, — сказал Виктор громко. Ему было наплевать, что разговор записывается. Грудь распирала злоба. Хотелось взять красивого офицера СКС за грудки и хорошенько потрясти, чтобы выбить спесь, — сами проворонили и хотите чужими руками жар загребать?

— Тише, Виктор! — укоризненно проговорил Мухаметшин, но в его черных, как уголь, глазах, плавали смешливые искорки. Сам бы, наверное, сказал заезжим то же самое, да только положение не позволяет...

Полковник Бритни, услышав слова Виктора, как-то покрхнулся и сконфуженно умолк. На холеном лице была написана растерянность: как, этот русский не визжит от воссторга, что ему придется прислуживать СКС?

— Да, господа, — прервал неловкую паузу хозяин кабинета. — Почему делом не занялось российское отделение СКС? Почем вы прилетели к нам из самого Нью-Йорка?

— Ситуация критическая, — вместо замолкшего старшего офицера ответил майор Спирс. — Она выходит из-под юрисдикции территориальных управлений. Делом занялась специальная оперативная группа, которую представляем мы с господином полковником. Сегодня ночью в Шереметьево прибывает самолет с нашими сотрудниками и специальным оборудованием.

— Все понятно, — покачал головой полковник Мухаметшин. — Можете считать, что мы с майором Белкиным в курсе ваших проблем. Вся информация, собранная нашими оперативниками — в вашем распоряжении. Но помните, что у нас есть свои цели и задачи.

— Этого мало! — полковник Бритни очнулся, наконец, от замешательства. — Мы берем следствие по происходящим в Москве взрывам под контроль! Вы будете работать под нашим руководством!

— Я вам не подчиняюсь! — полковник Мухаметшин, приподнялся над столом, огромный и страшный, словно бурый медведь. Глаза его горели гневом. — И мы, именно мы будем вести оперативные мероприятия! Это наш город, наша страна, наш народ! Мы знаем, как здесь работать! И сотрудничество возможно только на партнерских началах!

Офицеры СКС вздрогнули, как от удара. В глазах майора появилась настоящая, живая злоба. «Все-таки они люди» — с некоторым облегчением подумал Виктор. — «А не бездушные роботы».

— Хорошо! — лязгающим голосом проговорил полковник Бритни. — Я не могу вас заставить, господин Мухаметшин! Но отказать мне в содействии вы тоже не можете!

— Увы, — полковник улыбнулся, показав зубы, острые, как у волка. — Так что, если что нужно — обращайтесь!

Поняв, что разговор окончен, эскэсовцы поднялись. Они уже не выглядели холодными сверхлюдьми, как в начальных беседы, а скорее напоминали опущенных в воду куриц.

— До встречи, — проговорил полковник Бритни, майор Спирс ограничился кивком.

Виктор тоже встал, провожая гостей. Сделал вслед за ними движение к выходу, но Мухаметшин тихо приказал:

— Погоди!

Стукнула дверь кабинета, и они остались вдвоем.

— Вот что, — проговорил полковник тяжело. — Никуда нам от них не деться. Они до министра дойдут, добьются, чтобы мы под их дудку плясали.

— Что же делать?

— Помогай, но особенно не усердствуй. Не верю я, что эта бомба есть. Их склады охраняются так, что мышь не проскочит, что у нас, что в Европе, что в Китае. Так что эта выдумка с бомбой — прикрытие. Темнят что-то они. И пусть себе. Наша задача — террористов поймать, а не в закулисных играх спецслужб участвовать. Понятно, товарищ майор?

— Так точно, — без особенного энтузиазма ответил Виктор.

— Тогда иди, — полковник бухнулся в кресло, зевнул, мощно и свирепо. — Завтра в девять ко мне на доклад. Со всеми результатами по сегодняшнему взрыву.

Виктор кивнул. Вышел из кабинета. Его ошеломленный взглядом проводил все еще застывший в столбняке лейтенант.

В коридоре оказалось безлюдно, и он невольно потянулся к карману, где лежал телефон. Набрал номер.

Сначала слышались гудки, потом щелкнуло и прозвучал голос жены.

— Маш, это я, — сказал он тихо и только тут почувствовал, насколько соскучился. Не был дома двое суток, а по ощущениям — целый год.

— Нет, и сегодня не приду. Может быть, завтра, вечером. Как ты там?

Санкт-Петербург встретил дождем. Яростным, безудержным майским ливнем, с грохотом грома и отчаянным сверканием молний, каждая из которых, как казалось, тщилась сравниться блеском с солнцем.

Потоки воды струились по окну вагона, и можно было представить, что обезумевшая Нева вышла из берегов, заливая северную столицу, стирая ее с лица земли.

Но так же быстро, как и началась, гроза закончилась. Когда поезд подъехал к вокзалу, туча, похожая на исполинское рычащее чудовище, уплыла куда-то за город, а над миром раскинулось чистое лазоревое небо.

Попутчик покинул купе еще до полной остановки, словно очень спешил, видимо, ему попросту было противно находиться вместе с Владимиром. Подтверждало догадку и то, что бизнесмен не попрощался.

Владимиру, в общем, было все равно.

Он вышел на перрон, вдохнул воздух, в котором за тонким наслоением городских запахов чувствовался мощный соленый аромат моря. Он будоражил, заставлял думать о

дальних странствиях, странах, лежащих где-то за водной гладью, под ласковым южным солнцем...

Усмехнувшись несвоевременным мыслям, Владимир зашагал по перрону. Миновал замерших в ожидании носильщиков с их электрифицированными тележками, в торговой зоне вокзала сморщился от яркой, бьющей по глазам, рекламы и нырнул в черную ненасытную пасть метро.

На место встречи прибыл вовремя. Небольшой ресторанчик на Васильевском острове, сохранившийся чуть ли не со времен СССР, был полон народу. Войдя внутрь, Виктор окунулся в облако восхитительных ароматов — приправ, жареного мяса, копченой рыбы...

На несколько мгновений остановился, сглатывая обильную потекшую слону.

Свободных мест не было, но от углового столика вновь вошедшему посетителю помахали рукой.

Владимир изобразил вежливое изумление — слегка приподнял брови: это вы мне?

Невысокий человечек, чья лысина маслянисто блестела, отражая свет ламп, еще раз помахал рукой: да, подходите, место свободно...

Владимир не заставил себя упрашивать.

Вблизи человечек показался совсем крохотным. На вытянутом лице печально блестели большие светлые глаза, а уши оттопыривались, точно локаторы, ожидающие появления вражеских самолетов.

— Присаживайтесь, господин Смоляков, — проговорил человечек, делая приглашающий жест. — Я думаю, что нам есть, о чем поговорить. Вспомним старое, друзей помянем.

Кодовая фраза произнесена. Значит перед ним связной, а не случайный человек, невовремя забредший на место встречи.

Владимир опустился на стул. Кейс, который только и взял с собой в дорогу, примостили у ноги.

— Как мне вас называть? — поинтересовался он у собеседника.

— Петр, — отозвался человечек, доставая из кармана большой платок в синюю клетку и протирая им лысину.

Раздался цокот каблуков. У стола объявилась официантка. Полная грудь натягивала фирменную белую блузу. На плечи девушке падала копна каштановых волос, а огромные зеленые глаза смотрели весело и открыто.

— Что будете брать? — спросила она мягким голосом, и Владимир неожиданно для себя ощутил, как от этого голоса пробуждаются мужские инстинкты...

Петр прерывисто вздохнул. Похоже, женская магия официантки подействовала и на него.

«Ай да девица!» — подумал Владимир, с некоторым трудом возвращаясь к реальности.

— Принесите нам... эээ, ну, это, — промямлил он, словно старшеклассник, впервые приглашающий девушку на свидание.

На помощь пришел Петр.

— Уху, — сказал он, — селедки, ну и водочки грамм пятьсот.

Девушка кивнула и удалилась. Только в этот момент Владимир ощутил запах духов, тонкий, нежный, едва уловимый, напоминающий аромат ночного луга.

— Вот ведь бабы, — проворчал Петр, улыбаясь как-то вымученно. — Один раз глянет, и ты уже готов на все ради нее...

— Да, — Владимир смог только кивнуть.

Они помолчали. Почти сразу на столе появилась вытянутая селедочница, в которой под слоем зелени и репчатого лука виднелись ломтики нежнейшей рыбы, и запотевший графин с прозрачной жидкостью.

— Будем, — проговорил Петр, разливая водку по рюмкам. — За встречу!

Звякнула хрусталь, соприкасаясь, и огненная жидкость ухнула в горло. По груди и животу сразу поползло тепло, а Владимир уже жевал, ощущая прянный привкус рассола, в котором томилась селедка. Лук приятно хрустел на зубах.

— Что же, теперь можно и о делах, — потирая руки, сказал Петр. После выпитого он покраснел, даже лысина стала розовой, словно попка младенца.

В руках его объявилась коричневая кожаная папка, и зашуршали, не желая покидать нагретое логово, бумажные листы.

— Вот документы, — Владимир вытер руки салфеткой и принял бумаги бережно, точно новорожденного сына. — Груз пойдет по воде и прибудет в Москву через четыре дня, в среду. Зарегистрирован он как художественная помощь мастерской мистера Пороховщика от Национального музея города Балтимор. Проблем с получением его в речном порту у вас не должно быть. Само собой, если не будет радиационного контроля.

— Не должно быть, — бросил Владимир, внимательно изучая украшенные многочисленными печатями и подписями листы. — Если границу проскочили, то теперь не должно быть никаких проблем.

— Хорошо, — Петр грустно кивнул и вновь взялся за графин. Водка с плеском полилась в рюмки. — Давайте выпьем еще. У нас, на том берегу океана, хорошая водка стоит очень дорого...

— За величие русского народа! — сказал Владимир, поддевая на вилку еще один кусок селедки. Розовое мясо жирно блестело, приглашая вонзить в него зубы.

— За величие! — согласился Петр.

Вторая стопка прошла еще легче, чем первая.

— Каково жить там? — поинтересовался Владимир, прожевав закуску. — Не в своей стране?

— А разве вы живете в своей? — Петр грустно улыбнулся. — У русских больше нет своей страны. А у нас — ничего, нормально. Негры не лютуют, как в Южных Штатах, или в Западной Конфедерации. Русская диаспора одна из самых больших в восточных штатах, у нас свои кандидаты в мэры, губернаторы, есть наши люди и в сенате...

— Здорово, — кивнул Владимир. Он ощущал, что начинает хмелеть. По телу разлилась приятная горячая тяжесть, а краски вокруг сделались яркими, отчетливыми. — У нас давно не так. В Думе одни татары, китайцы да азербайджанцы, русских можно по пальцам перечесть...

— Да, это грустно, — согласился Петр, наливая еще по одной. Он явно собрался напиться, пользуясь относительной

дешевизной водки. — А у нас хорошие связи с Канадой, где славянское землячество очень велико, с Австралией, где русские скоро станут доминирующей народностью. Будем здоровы!

— Будем! — Владимир тост поддержал, но лишь пригубил из рюмки.

Его собеседника это ничуть не смущило. Он бодро опорожнил свою стопку и даже не закусил.

— Так что если не получится возродить Россию! — прогласил Петр, величественно вскидывая руку. — То будем Землю Обетованную для русского народа строить где-нибудь в пустыне Виктория!

— Это запросто, — угрюмо буркнул Владимир.

Ушёй достиг перестук каблуков, а нсса коснулся сладостный запах вареной стерляди. Повернув голову, Владимир увидел официантку, от подноса в руках которой поднимался пар. Принесли уху.

Не сговариваясь, собеседники одновременно сглотнули. В руках сами собой очутились ложки.

Глава 4. Двадцать второе мая

Ненависть — пей, переполнена чаша!
Ненависть — требует выхода, ждет.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живет!

Владимир Высоцкий.

Солнце поднялось из-за крыш бодрым оранжевым шаром, полным огня и жизни. Все вокруг сразу озарилось ярким утренним светом, сумрачные тени, оставшиеся от прошёлой ночи, куда-то попрятались. Стало ясно — вот он, новый день. Радуйтесь, люди!

Виктор отвернулся от монитора и протер глаза, которые горели так, словно в них насыпали песка. Он всю ночь провёл у компьютера, и сейчас за спиной тихонько попискивал

принтер, в муках рождая последние страницы утреннего отчета.

Ворчливо зашумел чайник. Шум достиг максимума, щелкнуло, и хитрый прибор отключился.

Зевая с таким завыванием, которого испугался бы и мастерый тигр, Виктор выбрался из кресла. Растворимый кофе с шорохом насыпал в чашку, туда же с журчанием плеснул кипятка.

Бодрящий аромат потек по комнате, заставляя уставшие и затекшие мышцы расправиться, а скисшие от непрерывного напряжения мозги — почувствовать прилив свежести. Мир вокруг стал живым, ярким, словно с него сдернули серую пелену.

На вкус кофе оказалось гораздо хуже.

Виктор отставил недопитую чашку, собрал бумаги. Часы показывали без пяти девять — полковник Мухаметшин уже должен прибыть в отдел. Лучше не заставлять его ждать.

Приемная оказалась открыта. Заспанный секретарь тер ладонями глаза, на экране его компьютера крутился, переливаясь всеми цветами радуги, шарик скринсейвера.

Виктор кивнул и, дождавшись ответного кивка, прошел в кабинет полковника.

Тот нависал над столом, подобно мрачной грозовой туче. На подбородке начальника отдела виднелась черная щетина, успевшая вырасти за ночь, а во рту дымилась сигарета.

То, что полковник не успел побриться, говорило о многом.

— Проходи, майор, — проговорил Мухаметшин угрюмо. — Ночью меня вызывали на совещание к президенту, и наш министр меня там с дерзьмом смешал...

Виктор сочувственно хмыкнул, усаживаясь.

— Докладывай, — приказал полковник, остервенело раздавливая сигарету в пепельнице. Точно сворачивал шею особенно опасному террористу. — Может, хоть ты чем порадуешь...

— Порадую, — довольно ухмыльнувшись, заявил Виктор.

Зашуршали, появляясь на столе, крупные глянцевые фотографии. По ним бегали блики от бьющего в окна утреннего

солнца и казалось, что на картинках что-то двигается, что они живые.

— Что у нас здесь? — пробурчал полковник, беря в руки один из снимков.

— Это кадры видеосъемки, которая велась камерой внешнего наблюдения службы безопасности одного из коммерческих банков, расположенного на улице Мясницкой. Получены они вчера, в то время, когда последовал звонок от представителей Российского национального комитета.

— Так, очень интересно, — левая рука Мухаметшина, словно сама по себе поползла к золотистой пачке сигарет и извлекла из них белый вытянутый цилиндр. Глаза полковника в то же самое время не отрывались от фотографий, где вполоборота была изображена невысокая плотная девушка в джинсах и синей куртке. Из-под бейсболки торчал хвост русых волос, а у уха девушка держала сотовый телефон. Лица ее видно не было.

Мухаметшин щелкнул зажигалкой, затянулся. По помещению поплыли клубы ароматного дыма.

— Таким образом, можно сделать вывод, — выдержав паузу, продолжил прерванную мысль майор, — что перед нами одна из подозреваемых в организации террористических акций.

— Я понял, — полковник поднял глаза. В темных, точно крепкий чай, зрачках, нельзя было прочесть ничего. — Но лица ее у нас нет?

— Нет, — покачал головой Виктор. — Съемка велась с правой стороны, где все время была рука с телефоном.

— Тогда этого мало, — Мухаметшин чуть заметно скрипился. — Что еще?

— Есть новости с места взрыва, — Виктор извлек из папки новую пачку фотографий. Эти качеством были похуже — изображение на них было серым, контуры предметов кое-где размывались. — Чудом сохранились видеопленки службы безопасности музея, который располагался в основании уничтоженного террористами памятника. Правда, они пострадали, но большую часть удалось просмотреть. Обнаружено несколько подозрительных фактов.

— Например?

— Появление в служебных помещениях людей, не состоящих в штате музея. Сейчас устанавливаем их личности. Кроме того, вопросы вызывает одна из иностранных экскурсий, прошедших по музею в пятницу.

— И что же с ней не так? — полковник жадно затягивался и выпускал дым из ноздрей, что делало его похожим на старинный паровоз.

— Число экскурсантов непостоянно. В первых залах их двадцать девять человек, затем — двадцать восемь, а в самом конце экспозиции — вновь двадцать девять.

— То есть, один куда-то исчез на время?

— Да, — Виктор кивнул, влез в пачку фотографий и извлек одну, на которой крупно был изображен полный мужчина в костюме. Картинка была смазанной, словно съемка велась сквозь туман. Черты лица нельзя было разглядеть четко. — Вероятнее всего, это тот самый, который пропадал. Завтра свяжемся с турагентством, которое привозило иностранцев, проверим, знают ли они человека с такой внешностью. Но, скорее всего, это террорист, пристроившийся к туристической группе.

— Когда закончили просматривать материал? — спросил полковник.

— Полчаса назад, — Виктор ощущал, как ноет натруженная спина и болят усталые глаза. — Я отпустил офицеров по домам, пусть отдохнут. А то почти все трое суток на ногах.

— Отправляйся и сам домой, — Мухаметшин широкой ладонью заграбастал лежащие на столе бумаги. — Отчет твой я просмотрю. Завтра приезжай к девяти. Думаю, что суток тебе хватит для отдыха.

— Спасибо, Ренат Ахмедович! — сказал Виктор горячо.

— Не за что! — отозвался полковник. — Иди-иди давай, а то передумаю!

На столе пыхтел настоящий, большой самовар. Стенки его блестели надраенным металлом, а кран гордо торчал. Владимир знал, что самовару этому почти триста лет, и что

он бережно сохраняется в семье Ивана, как одна из родовых реликвий.

Зажурчала жидкость, падая в фарфоровую чашку, и по комнате поплыл запах свежезаваренного чая. От него легче стало на душе, отступила усталость, накопившаяся за сутки, проведенные на ногах.

В Москву Владимир вернулся рано утром и высаться нормально не смог.

— Берите пироги, — сказал Иван, который разливал чай. Горка домашней выпечки возвышалась на блюде, призываю показывая румяные бока.

В комнате их было пятеро. Хозяин, суетящийся в этот день больше обычного, Татьяна, на лице которой словно застыло выражение упрямого ожесточения, мрачный и насупленный Станислав и Николай, как всегда, спокойный и уравновешенный. И сам Владимир, конечно.

Он взял с блюда один из пирожков, жадно вонзил зубы. Язык обнаружил нежную сладость яблочного варенья.

Прожевав, Владимир отхлебнул чай и только после этого заговорил.

— Итак, — сказал он, обводя взглядом соратников. — Мы с вами можем праздновать очередной успех. Позорный монумент разрушен, а наши враги поняли, что мы с ними не шутим!

— Поняли ли? — блеснул глазами Иван, на лице его отразилась злость. — Может быть, стоит напомнить о себе еще раз?

— Не так быстро, — чуть поморщился Владимир. — На подготовку новой акции уйдет не одна неделя. Кроме того, сейчас нас ищут все, от министра внутренних дел до последнего участкового. Лучше на время переждать, уйти в тень...

— И все равно я считаю, что жертв было слишком мало! — свирепо заявила Татьяна. Она кусала пирожок так, словно он был ее смертельным врагом, а алое варенье на изломеказалось кровью. — Каких-то двести человек!

— Это много, — буркнул Станислав, отрывая взгляд от чашки, в которую он смотрел с самого начала разговора.

С удивлением увидел Владимир в глазах бывшего десантника страх и отчаяние. Широкие плечи Станислава как-то обвисли, тело, ранее налитое силой, казалось больным.

— Это много, — повторил он, обводя взглядом собравшихся. — Нельзя убивать столько! Они же люди!

— Людей на земле больше четырех миллиардов, — философски изрек Николай. — Они умирают так или иначе. Если часть из них погибнет от нашей руки — то что же, такова их судьба.

— К сожалению, — очень спокойно, чеканя слова, сказала Татьяна, — иного способа, чтобы привлечь внимание людей, чем убить некоторое их количество, не существует! Кто становился во все времена самым знаменитым? Те, кто причастен к смерти многих — полководцы, жестокие правители, убийцы и палачи! Кого ты вспомнишь, когда упомянут Древний Рим? Императоров, а не философов и ученых! А тот же Цезарь погубил в своих войнах столько людей, что нам и не снилось! Как мы напомним миру, что есть такой русский народ, который притесняют в собственной стране?

— Ну... есть другие способы, — с натугой сказал Станислав. Лицо его побагровело, а глаза слегка выпучились. Видно было, что словесный поединок для него сложен. Он предпочел бы такой, где все решают кулаки. — Можно создать... общество какое-нибудь, чтобы оно... интересы русского народа! К властям, своих людей в Думу выдвигать...

Раздался смех. Хохотал Иван, и по лицу его текли настоящие, искренние слезы. Взглянув на него, Владимир сам ощутил, как начинает улыбаться. Слегка раздвинулись губы Татьяны, обнажая блестящие крепкие зубы, усмехнулся Николай. И только Станислав остался мрачен, словно черная скала, которая поглощает любой свет, упавший на ее поверхность.

Отсмеявшись, Иван вытер лицо. Спросил, отдуваясь, словно после бега:

— Слушай, ты сам веришь в то, что говоришь? В то, что можно чего-либо добиться этим путем?

— Да! — во взгляде Станислава была злоба. Владимир неожиданно понял, что больше не может доверять этому че-

ловеку, с которым не первый год знаком, вместе служил и работал.

— И зря! — Иван более не улыбался. Он стал серьезен, словно на похоронах. — Зарегистрированных организаций, каждая из которых ставит целью возвращение величия русской нации — десятки, если не сотни. И кто о них знает, кто о них слышал? Да, они выпускают печатные издания, выдвигают своих кандидатов на выборы. Ну и что? Они интересны лишь сами себе, и толк от их деятельности — ноль!

— Но мы нарушаем закон! — кулаки Станислава, лежащие на столе, опасно сжались. Он искал новые аргументы, способные поддержать его мнение, и не находил.

— Тоже мне, нашел чем напугать, — фыркнула Татьяна, а Николай мягко улыбнулся и проговорил:

— Спецслужбы тоже иногда нарушают закон, и никто не мучается от этого угрызениями совести!

— В этой стране, — в голосе Ивана звучала горечь, — ничего нельзя добиться по закону. Особенно если ты русский. Когда во время службы деды-кавказцы избивали меня каждый день, ты думаешь, я не пытался добиться справедливости?

Станислав угрюмо молчал, а Иван продолжал говорить, все более распаляясь:

— Но офицер родом из Осетии лишь рассмеялся мне в лицо, а в военной прокуратуре жирные, нажравшие морды, типы с подозрительно узкими глазами и черными волосами долго измывались, заставляя составлять одну бумагу за другой! И чем все кончилось? Меня просто перевели в другую часть, где за ненавистного русского взялись старослужащие башкиры! Из тех, кто защемлял мне пальцы дверью, мочился в лицо и заставлял стоять на одной ноге часами, не пошел под суд ни один! И где же был закон? Он молчал, как молчит всегда, когда дело касается русских! Но если ты скажешь вьетнамцу на рынке, что он продал тебе гнилой товар, или дашь в морду вору-цыгану, то тебя сразу обвинят в великодержавном шовинизме и затащают по судам!

— Мы — люди низшего сорта, — глухо проговорил Владимир, и голос его звенел ненавистью. — И закон — не

для нас. Так что о его соблюдении мы будем заботиться в последнюю очередь...

— Плохо так! — сказал Святослав глухо. — Я не могу, нет...

— Никто тебя не заставляет делать то, что тебе не по сердцу, — Татьяна сказала это с легко читаемым презрением. — Не хочешь быть с нами — иди.

Владимир без удивления наблюдал, как Станислав поднялся. Опустив голову и ссутулившись, он двинулся из комнаты. Стукнула входная дверь.

— Вот как, — Иван покачал головой, досадливо сморщился. — Не думал я, что все так кончится. Он всегда был предан нашей идее!

— Человек, что клинок, — кивнул Николай. — Крепость его проверяется кровью... Станислав сломался, не выдержал.

Он поднялся из-за стола одним сильным решительным движением.

— Спасибо за чай, но мне пора.

— Ты уходишь? — всполошился Иван, вскакивая.

— Я тоже пойду, — Владимир улыбнулся хозяину. — Пора и честь знать.

— Жаль, — искреннее огорчение отразилось на лице Ивана.

Они вышли вдвоем. Подъехал лифт, чистый, словно его установили вчера. Внутри — ни сориночки.

Когда кабина бесшумно двинулась вниз, Николай повернулся и сказал жестко.

— Я боюсь за Станислава.

— В чем дело? — Владимир поднял брови, глядя в зоркие, точно у хищной птицы, глаза контрразведчика, который в последние годы работал больше на Российской национальный комитет, чем на Контору.

— Есть подозрение, что он нас предаст.

— Почему? — к собственному удивлению, Владимир осознал, что не слишком огорожен таким предположением.

— Сломленному человеку нужна подпорка, — Николай нахмурился, по гладкому лбу побежали морщины. — Боюсь, что он сдаст нас, чтобы утвердиться в новых идеалах.

— И что ты предлагаешь?

Лифт остановился. Они вышли.

Ступеньки глухо стучали под ногами. Хлопнула входная дверь, и они оказались на улице, залитой яркими лучами солнца. Шелестел ветер. Откуда-то издалека доносился ритмичный грохот — работали строители.

— Пока нет доказательств, — проговорил Николай, продолжая разговор, — того, что он предатель. Так что трогать Станислава нет смысла. Я поставляю ему пару жучков. Данные с них буду снимать как можно чаще. Если подозрения превратятся в уверенность, его придется устранить.

— Вот как, — Владимир помолчал, переваривая ужасную перспективу. — Ладно, — сказал он наконец. — Сделай, как хочешь, и сообщай мне каждый день о его намерениях. Мы с ним служили вместе, и поэтому, если возникнет такая необходимость, я убью его сам. Если он станет предателем, то это единственное, что я смогу для него сделать.

— Хорошо, — Николай кивнул.

Оставшиеся до станции метро двести метров они продолжали в молчании.

Ключ в замке поворачивался с трудом, словно механизм сопротивлялся воле хозяина. Наконец, он поддался, и дверь начала открываться. Изнутри пахнуло родным, до боли знакомым запахом, от которого тепло и светло становилось на душе — запахом дома.

Виктор вошел в прихожую, зажег свет. Когда стаскивал ботинки, из коридора донесся топот маленьких ножек.

Со счастливым визгом вылетел сын, подскочил и повис на шее, словно обезьянка.

— Папка, папка пришел!

Крик был таким громким, что его, несмотря на хорошую звукоизоляцию, слышали, скорее всего, все соседи. Виктор улыбнулся и обнял сына.

— Привет, сорванец! Но зачем так кричать? Вдруг мама спит?

— Нет, она не спит! — заявил мальчишка, спрыгивая на пол. Для своих шести лет он был очень подвижен и ловок. — А ты колючий!

Виктор невольно провел рукой по подбородку, ощущая уколы от щетины и замер, услышав легкие, почти неуловимые, шаги жены. Она вошла стремительно, на круглом лице играла улыбка, глаза словно светились изнутри.

— Ты пришел! — сказала она просто, но в этом взглясе было столько любви и нежности, что Виктор едва не задохнулся.

— Да, — ответил он, чувствуя, что усталость от нескольких суток напряженной работы не имеет никакого значения, если тебя вот так любят и ждут дома, если ты там настолько нужен.

Они обнялись. Кожа жены пахла ландышами, а дыхание было частым, прерывистым.

— Я так волновалась, — сказала она, в то время как сын возился около отцовского кейса, пытаясь вскрыть кодовый замок. — Неужели нельзя иначе?

— Нельзя, — ответил он, гладя жену по спине, по мягким, шелковистым волосам. — Сама понимаешь. Очень много работы.

— Я понимаю, — вздохнула она, и Виктор ощутил неожиданный прилив гнева. Злости на тех людей, из-за которых он вынужден так подолгу находиться вдали от семьи!

Она не стала больше спрашивать о работе — давно знает, что муж не обо всем имеет право говорить даже самому близкому человеку. Слегка отстранилась от него и сказала:

— Пойдем завтракать. Наверняка ты все это время только бутербродами и питался!

— Это верно, — Виктор улыбнулся, а в желудке голодно квакнуло.

Яичницу с помидорами и сыром он глотал так спешно, что почти не чувствовал вкуса. Жена подкладывала еще и еще, на лице играла довольная улыбка — любимого мужчину кормить и так удовольствие, а если он еще и уплетает за обе щеки, то что еще нужно для счастья?

Почти автоматическим жестом Виктор протянул руку и достал пульт. После нажатия кнопки ожил небольшой телевизор. На экранчике появился деловитый диктор в безукоризненно отглаженном костюме.

— А теперь передает наш корреспондент Жамиль Муслимов, — проговорил он и исчез.

Вместо него появилось хорошо знакомое Виктору место — Поклонная гора, точнее — груда обломков на месте памятника Дружбы Народов. Камера елозила туда-сюда, показывая подробности, а голос за кадром рассказывал, сколько человек погибло, а сколько оказалось ранено.

Жертв, кстати сказать, было немого. Террористы стремились к тому, чтобы уничтожить монумент, а не к тому, чтобы истребить как можно больше народа, как в случае с торговым центром. Погибли почти все, кто оказался в музее, а за его пределами пострадали немногие — в основном те, кто попал под ударную волну.

— ... существуют разные версии того, кто виноват в трагедии, — корреспондент, жгучий брюнет с узкими, точно у змеи, глазами, наконец появился в кадре. Всем видом он давал понять, что допущен к секретам следствия. — Органы правопорядка не раскрывают всех деталей, но наиболее вероятной считается версия, что это дело рук китайской разведки. Китай, как известно, давно лелеет агрессивные планы в отношении восточных регионов нашей страны...

Виктор едва не подавился. Откуда взялась версия с китайцами — он даже не мог представить. Оставалось думать, что во всем виновата фантазия журналистов.

Подбежал сын, обхватил теплыми ладошками плечо, прижался. Глаза его тут же приклеились к экрану телевизора. Неожиданно мальчишка всхлипнул, спросил с настоящим страхом в голосе:

— Папка, нас ведь не взорвут?

Виктор на мгновение замер, а затем ощущил, как по телу пробежала дрожь. Кровь бросилась в лицо, и нахлынула ненависть, такая сильная, что, казалось, от нее сейчас лопнет сердце. Ненависть к тем, кто убивает людей, взрывает дома и, тем самым, вкладывает страх в души детей...

— Нет, — сказал он глухо, гладя ребенка по голове. — Они нас не взорвут. Не смогут. Их скоро поймают и посадят в тюрьму!

— Хорошо, папа! — мальчуган просиял, страх ушел из его глаз. Топая по полу, словно жеребенок, сын убежал в комнату.

Настроение испортилось, и Виктор поспешил выключил телевизор, словно он был в чем-то виноват. Завтрак доедал без всякого аппетита.

Когда Владимир вошел в подъезд многоэтажного дома и нажал кнопку вызова лифта, похожую на толстый красный нос, торчащий из стены, сердце забилось в сладком предвкушении. Еще с утра он позвонил Ольге, и она ждала его. Самая обаятельная и красивая из женщин...

Дверь распахнулась сразу после звонка, словно хозяйка ожидала за ней, подглядывая в щелку.

Владимир невольно застыл, не в силах оторвать глаз. Они были знакомы несколько лет, и все равно он всякий раз поражался, насколько его подруга красива. Простое платье подчеркивало мягкую округлость груди, тонкую талию, на нежном, словно персик, лице выделялись большие карие глаза, а каштановые волосы сверкающей волной падали на плечи.

— Чего замер? — спросила она, улыбаясь. — Или забыл, как я выгляжу?

— Я помню, — пытаясь сглотнуть пересохшим горлом, ответил Владимир. — Да только не помогает!

Она довольно засмеялась, отошла в сторону, пропуская гостя в квартиру. Там пахло жареным мясом — к приходу любимого мужчины готовится нечто особенное, необычное. Запах был до того аппетитным, что Владимир невольно облизнулся.

Ольга рассмеялась еще раз, весело, открыто. К ее смеху хотелось присоединиться, даже не зная причины.

— А по телефону сказал, что не голодный! — проговорила она.

— По телефону — не голодный, — отшутился он. — А так — очень даже!

— Ну тогда, — сказала Ольга томно, глаза ее замерцали мягким светом, розовые губы чуть приоткрылись, — пойдем поедим. Или...

— Еда подождет! — прохрипел Владимир, делая шаг вперед. Руки его скользнули по плечам женщины, привлекли к себе, и спустя мгновение он забыл о голоде, да и обо всем на свете...

Спустя сорок минут они сидели со столом. Владимир жевал, а Ольга счастливыми глазами наблюдала за этим процессом. Большая тарелка пустела с пугающей быстротой, что лишний раз говорило о кулинарном мастерстве хозяйки.

— Слушай, — сказала она, когда мужчина со счастливым вздохом отодвинул опустевшую тарелку, — может, хватит тянуть с этим? Сколько мы встречаемся? Больше трех лет! Может, нам пора жить вместе? Да еще и пожениться?

— Ты знаешь, я не могу. — Владимир вытер губы салфеткой. На лицо его набежала тень. — В любой момент меня могут раскрыть. И тогда что? Смерть или в лучшем случае — пожизненное заключение. Зачем тебе мертвый муж или такой, который проживает в общей камере где-нибудь на Колыме?

Он говорил ей обо всем еще в те времена, когда не существовало никакого Российского национального комитета. Никогда не боялся, что она проговорится, скажет что-то лишнее.

— Опять ты об этом! — Ольга наморщила носик, в глазах ее мелькнуло недовольство. — И зачем тебе дался этот терроризм? Почему ты не можешь жить просто, как живут многие, для себя? Не тратя силы и жизнь на бессмысленную борьбу!

— Я уже говорил! — в глазах Владимира зажегся недобрый огонек, челюсти упрямо сдвинулись, а в голосе появились металлические, лязгающие нотки. — Для себя жить — недостойно человека! Это не жизнь, а существование животного! Свиньи, которой наплевать на сородичей, на несправедливость и зло, царящие в мире!

— А как же семья, дети, любовь? Разве человек должен быть всего этого лишен, как ты? Не слишком ли большая цена за то, чтобы именоваться настоящим человеком?

Владимир на мгновение замялся. Сам не замечал, что вертит в руках вилку. Вертит так, будто это нож, который собирается метнуть в противника.

— Я сам выбрал свою дорогу, — проговорил он угрюмо. — И не отступлю от нее. Готов заплатить любую цену! Мне нужно чувствовать, что я живу не просто так, а ради великой цели! Именно она делает мое существование осмысленным!

— Какая цель? — Ольга рассмеялась. — Возрождение русского народа? Это бред! Совершенно недостижимая перспектива! Осколки когда-то великой нации ныне вырождаются, и мне, как социологу, это известно лучше других! Среди населения «русских кварталов» аномально высок процент наркоманов, алкоголиков, просто дебилов, инвалидов, наконец! Большинство из них не желает работать, неспособно нормально адаптироваться к современному обществу! Через несколько поколений они выродятся окончательно!

— И что привело к такому состоянию? Козни врагов!

— Ерунда! — она сердито махнула рукой. — Вырождение русских началось давно, в самом конце двадцатого века. Лучшие представители погибли в войнах, в лагерях Сталина, многие уехали в другие страны. А оставшиеся не смогли даже поддержать свою численность. Постепенно деградировали из-за повального пьянства и наркомании, опустились интеллектуально и физически. Стоит ли бороться за права такого народа?

— Может, и не стоит, — сказал Владимир очень спокойно. — Я верю тебе. Но это мой народ, мои сородичи. Я люблю их всем сердцем и готов сражаться за них до последней капли крови!

— Да пойми ты, что само понятие «народ» пришло из глубокой древности, когда «чужак» — автоматически означало «враг»! Это дремучий предрассудок — делить мир на своих и чужих по крови! — Ольга почти кричала. Глаза ее

сверкали, пышные волосы растрепались. Но даже в гневе она была безумно красива, и Владимир помимо воли залюбовался ей.

— И опять ты права, — сказал он. — Я действую под влиянием предрассудков. Ну и что? Сворачивать с этого пути уже поздно. Все равно мне не простят сделанного. Ты не смогла отговорить меня полтора года назад, когда мы только начинали, не отговоришь и теперь. К чему этот разговор?

— Я просто очень хочу быть с тобой! — теперь она почти плакала, в огромных глазах стояли, не желая падать, жемчужинки слез. — И очень боюсь тебя потерять!

— Не бойся, — он привлек ее к себе, коснулся губами лба. Она прижалась к нему, обхватив руками, крепко-крепко. — Пока мы живы, надо радоваться жизни. Ведь я люблю тебя, чего еще надо?

— Я тоже люблю тебя, — ответила она и заплакала, почти беззвучно.

Он гладил ее по спине, словно ребенка, шептал на ухо ласковую успокаивающую чушь, что все будет хорошо, что ничего не случиться, а на душе было противно от собственной лжи и от тяжелых, неприятных предчувствий.

Глава 5. Двадцать третье мая

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

Николай Гумилев.

Утро началось для Виктора со звонка будильника. Майор вздохнул, перевернулся на другой бок и только тут вспомнил, что сегодня опять на работу. Суток на отдых не хватило, усталое тело требовало еще сна, а в голове чувствовалась нехорошая тяжесть.

Отшвырнув прочь соблазн поспать еще и, вцепившись в чувство долга, словно в брошенную веревку, Виктор выбрался из кровати. Поеживаясь от свежего воздуха, врывающегося через раскрытую форточку, направился на кухню. Заворочалась во сне жена — ей вставать через полчаса...

Выпив чашку кофе, обжигающего, словно лава из самогоБ жерла вулкана, Виктор оделся и вышел из дома. На улице царила прохлада, и именно она помогла проснуться куда лучше бодрящего напитка.

В момент прихода на работу он был свеж и готов ко всему. И тут его ждал сюрприз. В рабочей комнате, развалившись в кресле перед компьютером и немилосердно зевая, сидел никто иной, как капитан Асланян. Усы на его лице казались обвисшими от усталости, но темные глаза бодро блестели.

— Ба, вот это да, — сказал Виктор, ощущая, как губы его растягиваются в улыбке. — Доброе утро. Ты когда прилетел?

— Доброе утро, товарищ майор, — отозвался капитан, вставая. — Прибыл сегодня утром. Вчера звонил сюда, попал на полковника, так он велел вас не беспокоить и просто приезжать.

— И что?

— Раскрутили мы это дело со взрывчаткой, — Асланян откровенно ухмыльнулся и огладил усы. — Правда, пришлось попотеть. И не мне одному! Столько бумаги всякой перерыли, пока на след вышли!

— Ладно себя нахваливать! — прервал подчиненного майор, усаживаясь. — Ты дело говори!

— Там на заводе своя мафия, — капитан тоже сел, закряхтев точно старик. — Воруют взрывчатку много лет, по-немногу, правда. Если бы не этот случай — фиг бы мы их нашли!

— Ашот! — Виктор нахмурился, слегка картиенно. — Переходи к делу!

— Короче, сначала они там все молчали гордо, но как поняли, что дело двести седьмой поправкой пахнет, мигом заговорили. Взрывчатку у них один перекупщик брал. Наш, московский.

— Кто?

— Семен Чернов, он же Сеня Черный. Дважды судим за подпольную торговлю оружием, но в последние годы сидел тихо, — Асланян наклонился к монитору, ткнул пальцем в клавиатуру. — Вот, я на него пятнадцать минут назад запрос послал в Центральную базу данных. Ого, вот и ответ!

Он еще раз ткнул клавишу. Стоящий на столе небольшой принтер ожила, замигал лампочками, внутри него что-то тихо загудело, и из узкой щели поползла распечатка.

— Вот он, родимый! — сказал капитан, выдергивая листок из принтера жестом фокусника, извлекающего из шляпы слона.

— Давай сюда, — нетерпеливо проговорил Виктор, — и позвони в специальный отдел, попроси группу. Будем брат!

Асланян лениво подгреб к себе телефон.

— Семен Арсеньевич Чернов? — спросил Виктор, глядя прямо в глаза задержанному, жилистому мужчине неопределенного возраста. Волосы его, когда-то черные, как смоль, изрядно побила седина, а в синих, как васильки, глазах прятался страх.

— Да, — кивнул он. — По какому поводу я задержан?

Взяли Сеню Черного на собственной квартире в Свиблово, оторвав от любовных игр с молоденькой блондинкой. Жлобы-телохранители подняли руки, едва завидев нацеленные на них автоматы, сам торговец оружием сопротивления тоже не оказал.

— По какому поводу я задержан? — повторил Чернов, вытирая лоб, заблестевший вдруг каплями пота. Торговец оружием с многолетним стажем, он, скорее всего, догадывался обо всем. А спрашивал больше для вида.

— Вы, господин Чернов, — сказал Виктор жестко, глядя задержанному прямо в глаза, — должны оказать помошь следствию, и тогда суд, возможно, зачтет это как смягчающее обстоятельство.

— Суд? Какой суд? — забормотал Семен суетливо. — За что?

— За пособничество террористам. Ведь это вы продали взрывчатку, которая была использована при взрывах на Поклонной горе и на Петровке.

— У вас нет доказательств!

— Есть, — Виктор покачал головой, улыбнулся с чувством собственного превосходства. — Данные экспертизы с места взрыва и показания работников военного завода номер двадцать один, которые вели с вами дела.

Чернов побледнел, став похожим на гипсовую маску, затем позеленел и только потом обрел нормальный цвет лица. Ужас был в синих зрачках, а губы задержанный кусал, не скрываясь.

— Я... я не знал, зачем им взрывчатка... Не знал я!

— Увы, боюсь, что суд вам не поверит, — Виктор на мгновение замолчал, а потом рявкнул во весь голос: — Кому продал взрывчатку, сволочь?

Чернов сжался, словно его ударили, проговорил жалобно:

— Я скажу, скажу! Ее зовут Татьяна, у нее были рекомендации от надежных людей...

— О твоих «надежных людях» мы поговорим позже! — отрезал Виктор. — А фамилия ее как?

— Не знаю! — Чернов дергался, по лицу его градом катился пот. — Она служила в армии, где-то в Калининградской области. Ей около тридцати лет!

Виктор нажал кнопку селектора:

— Ашот!

Вошел капитан.

— Задай поиск в базе данных Министерства обороны. Имя — Татьяна, возраст — от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Демобилизованная. Проживает, вероятнее всего, в Москве.

Асланян кивнул и исчез, бесшумно, словно сказочный джинн.

— Ох, смотри, Семен, — проговорил Виктор угрожающе, наклоняясь вперед, — если обманешь или утаишь чего — гнить тебе до конца жизни в болотах Севера! И то — в лучшем случае!

Он нажал кнопку вызова охраны.

Вошел рослый сержант.

— Уведите, — проговорил Виктор, указывая на Чернова.

Дождался, когда задержанного уведут, и тут же прошел в соседнюю комнату, где у компьютера, ссутуленный, точно нахохлившийся ворон, сидел Асланян. Сходство с птицей усиливалось из-за черного цвета волос капитана.

— Ну что, нашел чего-нибудь? — спросил Виктор нетерпеливо.

— Да, — Асланян повернул голову. Глаза его были выпучены, точно у рака, на лице застыло удивление.

— Что с тобой? — изумился Виктор. — Кто она такая?

— Татьяна Нафанова, тридцать два года. Демобилизовалась в январе две тысячи сто девяносто девятого, — проговорил капитан чужим, хриплым голосом.

— Какие войска?

— Морская пехота. «Черные береты», — Асланян сделал паузу, наслаждаясь впечатлением, произведенным на старшего офицера. — Капитан. Послужной список такой, что страшно становится. Три командировки в Огненный пояс, наград столько, что на пять человек хватит.

— Ничего себе! — Виктор невольно присвистнул. — Это будет крепкий орешек! Покажи-ка фотографию.

С экрана на них смотрела невысокая плотная девушка со сжатыми губами и недобрый прищуром светлых глаз. Выглядела она опасной, точно готовая защищать детенышей волчица.

Психологическую характеристику читали вдвоем. Особенно интересные места — вслух:

— Склонна к принятию нестандартных решений... В экстремальных ситуациях чувствует себя комфортно, в спокойной обстановке теряется... Психика нестабильная, возможна немотивированная агрессия...

— Сдается мне, что это именно она звонила после каждого взрыва, — проговорил Виктор, когда они закончили чтение. Из лежащей на столе папки извлек фотографию — одну из тех, что сделали с банковской видеопленки.

— Похожа, — Асланян с хрустом почесал подбородок. — Что, опять вызывать спецназовцев?

— Да, — кивнул Виктор.

* * *

Мотор машины гневно рычал, а шины раздраженно взвизгивали на поворотах. По крайней мере, Виктору казалось именно так. За его служебной легковушкой, следовал, не отставая, неприметный грузовик, в недрах которого тряслись бойцы «Стальных когтей» во главе с капитаном, знакомым еще по штурму логова Русского Арийского Легиона.

Они мчались на восток, в Измайлово.

Еще поворот и справа открылась зеленая стена Измайловского парка, выжившего, несмотря на бурные последние столетия. Поговаривали, что некоторые деревья в нем стоят со времен чуть ли не Петра Первого, который именно в этих местах начинал формирование первых в России гвардейских полков.

Парк промелькнул мимо, точно шеренга великанов с пышными зелеными шевелюрами, и тут же Виктор тронул плечо шофера. Тот свернул к обочине, машина остановилась. Позади тихо затормозил грузовик.

Вокруг возвышались высотные дома новой постройки, отделанные по последней моде материалом, имитирующим природный камень. Солнечные блики гуляли по фальшивому граниту, куда более красивому и дешевому, чем настоящий. Здания возносились к небесам мощные, точно крепостные башни, грозя тупыми верхушками уткнуться в бирюзовый купол неба.

Виктор выбрался из машины, подождал, пока к нему подойдет капитан. Глаза того из-под прозрачного забрала шлема блестели возбужденно — вновь хороший шанс отличиться, показать себя и своих ребят в деле.

По шоссе редким потоком шли грузовики, автобусы. Но легкий гул моторов не мешал разговаривать. Он был привычен, словно снег зимой или зной в июле.

— Где она живет? — спросил капитан у Виктора.

— Сейчас посмотрим!

Зашуршал извлеченный из кармана план района. Некоторое время Виктор водил пальцем по квадратикам и прямо-

угольникам, поднимал голову, соотнося рисунок с реальностью.

— Вот тут! — сказал наконец. Рукой указал на самое мощное из окрестных зданий. Почти небоскреб, оно величаво высилось чуть дальше по проспекту, внушая трепет исполинской мощью. Окна блестели, словно сотни любопытных глаз, а псевдокаменные плиты казались чешуей огромного животного, замершего в неподвижности. — Половина здания отдана под квартиры, другая — под офисы. В каждую часть — свой, отдельный, вход.

— Какой этаж?

— Двенадцатый, — ответил Виктор, складывая план и запихивая его в карман. — Окружайте здание, а я внутрь. Там должен быть консьерж.

Дверь, подтверждая догадку, оказалась без кодового замка, а внутри, в вестибюле, где сильно пахло краской, обнаружился небольшой закуток, откуда на Виктора недружелюбно глянул старик с суровым, неулыбчивым лицом. Светлые глаза его были зорки, белоснежные волосы торчали, как иглы дикобраза.

— Что угодно? — спросил дед. Голос оказался низким, с хрипами. В нем чувствовалась привычка отдавать приказы, присущая бывшим военным.

Виктор вместо ответа ткнул в окошечко консьержа удостоверение. При его виде в глазах старика появилось изумление, сам он как-то подобрался, подтянулся, точно перед начальством.

— Чем могу быть полезен?

— Ничем, — ответил Виктор.

Хлопнула дверь, в вестибюле появился капитан «Стальных когтей». За ним поспешили, стуча ботинками по полу, солдаты. Лиц не видно, шлемы угрюмо блестят, автоматы в руках выглядят устрашающе.

Глаза старика округлились, он раскрыл рот, но сказать ничего не мог.

— Происходит задержание особенно опасной преступницы, — сказал Виктор жестко, не дожидаясь, когда консьерж оправится. — Понятно?

Ответом был судорожный кивок.

— Наверх, — бросил Виктор капитану и торопливо зашагал к малому лифту. Командир спецназа что-то отрывисто скомандовал. Часть бойцов бросилась к лестнице, а остальные направились к большому, грузовому лифту. Капитан заспешил вслед за майором.

Бесшумно открылись отделанные темным деревом створки. Так же беззвучно сошлились за спиной, и офицеры оказались в слабо освещенной кабине. Лифт двигался тихо, только мелькали цифры на индикаторе, показывая, который этаж они проезжают.

Когда зелененькие черточки высветили цифру «двенадцать», лифт остановился. Открылся коридор, длинный и узкий. Было видно, как из большого, метра в три шириной, проема грузового лифта, выбегают солдаты.

Капитан молча махнул рукой налево, сказал сухово:

— Вам лучше остаться тут, у лифта. Насколько я понимаю, она может оказать сопротивление.

— Хорошо, — кивнул майор. Боевой частью операции командует капитан, ему и решать, кого куда поставить.

Бойцы, одинаковые, точно роботы, в своих костюмах, шустро сосредоточились около искомой двери. Один из них, закинув автомат на плечо, некоторое время обследовал замок, а потом тихо доложил.

— Товарищ капитан, без шума открыть не получится. Тут запоры очень хитрые, да и сигнализация.

— Черт, — выругался капитан. — Вышибайте!

Двое солдат покрепче отошли к стене напротив двери, готовясь ударить в нее с разбега. Но сдвинуться с места они не успели. Раздался приглушенный треск и глухие удары. Спецназовцы задергались, словно их трясли, и одновременно начали падать.

Виктор в первое мгновение не понял, что произошло, а когда осознал, то похолодел. Татьяна Нафанова, бывший офицер «Черных беретов», не собираясь сдаваться просто так.

Страшно выругался капитан, крикнул яростно:

— Оттащите их! Эта сука стреляет!

Несколько бойцов бухнулись на пол. Дергая конечно-стями, поползли к раненым. Один слабо стонал, другой лежал молча. Когда пострадавших уволокли из зоны обстрела, выяснилось, что оба ранены тяжело. Одному пробило шею, другому пуля попала в пах.

— Вот стерва! — капитан зло сплюнул прямо на пол. — Откуда у нее оружие, да еще такое? Этую дверь не прострелишь из охотничьего ружья!

— Что будем делать? — спросил Виктор. — Может быть, предложим ей сдаться?

— Бесполезно! — капитан снял с пояса рацию, что-то рявкнул в нее, после чего вернулся к разговору с майором, сказал угрюмо: — Если она сразу начала стрелять, то уж точно не намерена сдаться! Нет, надо брать!

— Не уйдет?

— Исключено! Мы перекрыли все выходы из здания, включая подвалы! — капитан подозвал к себе одного из бойцов, отдал короткий приказ. Спецназовец побежал к лестнице и там исчез. — Сейчас, раненых отправим, и будем штурмовать! Дверь подорвем, а затем используем световые и шумовые гранаты.

— А откуда она узнала, что мы у ее двери?

— Наверняка, где-нибудь в косяке замаскирована камера! Эта женщина ждала чего-то подобного и хорошо подготовилась!

Подъехал лифт, из него выскочили несколько человек в белых халатах. Вытащили носилки.

В тусклом свете ламп, освещавших коридор, сверкнул извлеченный шприц. Тоненько охнул один из раненых, остро запахло спиртом.

— Уносите их! — скомандовал старший из врачей, представительный седоусый мужчина, и повернулся к капитану. — А я останусь с вами! На всякий случай!

— Хорошо, только стойте тут, у лифта, — кивнул капитан и побежал к солдатам.

Виктор извлек из кобуры пистолет, снял с предохранителя. Слышно было, как шумно дышит за спиной врач.

Сапер некоторое время возился у двери, закрепляя почти у самого пола небольшой серый брикет. Когда коснулся его

последний раз и отскочил в сторону, дверь с грохотом распахнулась, и в коридор вылетело нечто маленькое, круглое, точно теннисный мяч.

— Ложись! — крик хлестнул по ушам, заставив тело дернуться, словно от удара током.

Виктор рухнул на пол, не забоясь о последствиях для костюма, и тут же что-то грохнуло, ударило, словно рухнул и развалился некий огромный механизм. Горячая волна коснулась затылка и укатилась дальше.

Он поднял голову. Стены были все в оспинах и царапинах, за спиной что-то булькало, и серый дым затягивал коридор впереди. Из него доносились глухие стоны.

Ударил второй взрыв. Сработала размещенная на двери мина, теперь уже бесполезная. Взрывная волна от нее разогнала дым, и стал виден коридор, усеянный бойцами «Стальных когтей». Некоторые лежали в таких позах, какие находящийся в сознании человек не примет никогда, другие шевелились и стонали.

Из дверного проема, искореженного так, словно через него пытался выехать пьяный танкист, появился невысокий силуэт. Двигался он стремительно, словно атакующий гепард, и Виктор не сразу осознал, что это женщина в темном камуфляже с тяжелым автоматом в руках.

Она замерла на миг, настороженно оглянулась. Злые глаза уперлись в Виктора. Он начал поднимать пистолет, понимая, что не успеет. Женщина улыбнулась, хищно, красиво, дуло автомата начало стремительно перемещаться...

Один из спецназовцев в дальнем конце коридора сумел подняться. Лицо его корежило страданием, но он все же смог выстрелить. Но дрогнувшая рука подвела — пули бессильно вжикнули по потолку.

Это и спасло Виктора.

Она развернулась со скоростью урагана. Рявкнула короткая очередь, и живучий боец «Стальных когтей» рухнул на пол. Вместо лица его было кровавое месиво.

Не отвлекаясь больше на недобитых противников, женщина побежала к лестнице и скрылась быстрее, чем Виктор успел выстрелить ей вслед.

В коридоре кисло и противно пахло порохом.

Виктор поднялся, отряхиваясь. Со скрипом открылась дверь одной из квартир, выглянула пузатый мужик в грязной белой майке. На красном лице был написан страх, а в глазах лютым зверем ревело любопытство.

— Что происходит? — спросил он громким шепотом.

— Быстро в квартиру! — рявкнул майор так зло, что пузатый исчез мгновенно. Словно его и не было.

С лестницы доносились крики и грохот выстрелов. «Прорвется ведь! — подумал Виктор, и в мысли этой привидливо смешались ужас, досада и восхищение. — Если только патроны не кончатся!»

Он оглянулся. Усатому доктору не повезло — осколок гранаты перерубил ему горло, и жизнь истекала на пол вместе с потоком темной, точно смола, крови. Помочь ему ничем было нельзя.

Виктор медленно пошел по коридору, осматривая бойцов «Стальных когтей». Вдруг кто остался жив?

Остановился, увидев капитана. Тот лежал у стены, широко развалившись, словно отдыхая. На прочном шлеме, со-прикоснувшемся с цементом, виднелась большая вмятина.

Когда присел, стало слышно легкое дыхание. Отлегло от сердца — бравый офицер жив, только оглушен.

Рация на поясе капитана щелкнула, зашипела, из нее до-несся дрожащий от напряжения голос.

— Товарищ капитан, товарищ капитан!

Виктор взял рацию, ответил торопливо:

— Говорит майор Белкин. Что там у вас? Докладывайте!

— Товарищ майор! — радостно отозвалась рация. —

Докладывает лейтенант Лучко! Мы ее взяли!

— Потери?

— Троє убитых, пятеро раненых.

— Ясно, — кивнул майор, оглядывая коридор, более напоминающий поле боя. — Сюда к нам всех, кто есть из медперсонала, и вызывай врачей из Управления. У нас пострадавших больше десятка.

Отключившийся прибор бережно положил рядом с хозяином, а сам уселся прямо на пол, не чувствуя холода и

неудобства. Мозг отказывался думать, Виктор словно провалился в какое-то пустое пространство, лишенное даже мыслей.

Он услышал вой сирен, но не придал этому значения. А очнулся лишь тогда, когда коридор заполнили люди в белых халатах.

Кофе отдавал чем-то противным, словно в него добавили порошок для принтера. Владимир пил его только чтобы прояснить мозги, без всякой охоты, утешая себя тем, что все на кафедре вынуждены пить этот мерзкий напиток, производимый кофейным автоматом.

На столе перед ним лежали контрольные работы студентов, посвященные глобальному экономическому кризису второго-третьего десятилетий ХХII века. Вокруг сновали коллеги, мешая сосредоточиться и взяться, наконец, за проверку. Хорошо еще, что кафедральный телевизор был выключен.

Сзади донесся шум открывающейся двери, и спокойный голос произнес:

— Прошу прощения, где я могу найти Смолякова Владимира Святославовича?

— Владимир, это к тебе, — сказал Али Мехмедович, вечно готовый по интеллигентной привычке оказать помошь ближнему. Когда надо и когда не надо.

Владимир, сдерживая внутреннюю дрожь, медленно повернулся. Меньше всего он ожидал услышать этот голос здесь.

В дверном проеме стоял Николай. На лице его обнаружилась искусно наклеенная бородка, но не это приковывало взгляд. Глаза бывалого контрразведчика, обычно не выражавшие ничего, сейчас просто сочились болью. Под ними набрякли мешки, и вообще Николай выглядел каким-то постаревшим.

— Чем могу служить? — поинтересовался Владимир, поднимаясь.

— Мы можем поговорить наедине?

— Конечно, — Владимир оглянулся. Кафедра продолжала жить своей жизнью. Мало ли кто пришел и по какому вопросу — может быть, отец кого-то из нерадивых студентов явился просить за чадо?

Они вышли в коридор. Тут табунами носились студенты, слышались молодые, веселые голоса и взрывы хохота.

— Что случилось? — спросил Владимир мрачно. — Ты понимаешь, как рискуешь, придя сюда?

— Понимаю, — кивнул Николай. — Но они взяли Татьяну.

— Что? — Владимир на мгновение оглох и ослеп, по голове ударило так, словно на нее рухнул потолок.

Когда он вновь обрел способность соображать, то ощутил, что по телу гуляет озноб, а в животе словно смерзлась глыба льда.

— Сам понимаешь, в нашей Конторе следят за всеми, в том числе и за МВД, — Николай смотрел с жалостью. — Я регулярно просматриваю материалы с прослушивания их телефонов. Они взяли ее два часа назад. Сам понимаешь, она сопротивлялась. Есть жертвы.

— Так, — сказал Владимир. Мысли крутились медленно, словно заржавленные шестерни в огромном старом механизме, заросшем паутиной и пылью. — Надо что-то делать! Иначе вслед за ней возьмут и нас!

— Что мы можем сделать? — угрюмо спросил Николай. — Разве что попытаться сбежать! Куда-нибудь в Китай! Да и то — если она заговорит, не успеем.

— Не заговорит! — первый шок от страшного известия проходил, мысли становились все более четкими и ясными. — По собственной воле она никого не выдаст!

— А двести седьмая поправка?

— «Черных беретов» учат противостоять пыткам, а офицеров — еще и психообработке, — Владимир пожал плечами.

— Это ясно, — Николай помрачнел. — Но рано или поздно она может сломаться. Так что лучший вариант... устранение!

Владимир молча смотрел на контрразведчика. В этот момент он ненавидел этого человека, хотя где-то в голове копошилось гаденькое осознание его правоты.

— Хорошо, — сказал он, выдержав паузу. — Какие есть варианты?

Когда Николай ушел, и он вернулся на кафедру, то на душе было так гнусно, словно туда неделю гадили кошки. Хотелось проблеваться, вытошнить из себя мерзкое ощущение, но Владимир четко знал — это невозможно.

Только если вместе с душой.

На кафедре работал телевизор, и все столпились около него, словно утятка возле утки. Гомонили и возбужденно переговаривались.

Заглянув через плечи коллег, Владимир вздрогнул. С экрана на него смотрела Татьяна. Она стояла спокойно, и на лице ее не отражалось ничего, хотя руки были в наручниках, а под глазом наливался свежий синяк.

— ...подозревается в причастности к произошедшему недавно в Москве взрывам, — торжественно и мрачноозвучал голос за кадром, а Владимир все не мог оторвать взгляд от экрана. Казалось, что соратница смотрит прямо на него, с печалью, пониманием и немым укором: «Что же ты, старший, не досмотрел?».

— При задержании произошла перестрелка, хотя представители УВД не сообщают подробностей, есть косвенная информация о человеческих жертвах.

Камера сдвинулась, в кадр попал тот самый офицер, который несколько дней назад допрашивал Владимира. Лицо его было бледное, осунувшееся, глаза зло блестели.

— Никаких комментариев! — решительно заявил он и принялся протискиваться через суетливую толпу репортеров. Те наседали, орали, точно крачки, но майор Белкин упорно пробирался к замершему у обочины сине-белому милицейскому автомобилю. Вслед за ним вели Татьяну.

Бойцы оцепления отталкивали журналистов прикладами, за прозрачными забралами виднелись сердитые лица. Задержанная прихрамывала на левую ногу, а губу закусила, точно от сильной боли. На штанине темнели пятна, подозрительно похожие на кровь.

Майор открыл дверь, протиснулся на переднее сиденье. На заднее грубо запихнули Татьяну. За тонированными

стеклами не было видно, что происходит внутри, но Владимир был уверен — с обеих сторон от нее посадили по охраннику.

Автомобиль резко сорвался с места, словно ракета. Взвыли сирены на машинах сопровождения, и кортеж быстро удалился в сторону центра города. На экране тут же появился диктор. Он что-то говорил, но Владимир не слушал.

Из последних сил он добрел до стола и сел, обхватив голову руками.

В груди тупой занозой засела боль. Сердце стучало глухо и отчаянно.

Немилосердно болели ушибленные во время падения локти, ныли колени. Виктор старался не обращать на телесные муки внимания, но при каждом резком движении они давали о себе знать. И все же это было терпимо.

Гораздо хуже были страдания душевые. Шестеро погибших и более десятка раненых — такие потери не спишешь. Хоть и задержали опасную террористку, но какой ценой...

Неприятный разговор с полковником уже состоялся. Майор уяснил, что его не отадут под суд, что даже выговора не будет. Но на душе скребли кошки, и все вспоминался врач, хлюпающий разрубленным горлом...

Подчиненные сновали мимо тихие, словно мыши. Начальство старались не задевать, но на лицах торжество — как же, такой шаг на пути следствия! Это вам не над бумажками сидеть по ночам...

«Туда бы их, на задержание» — подумал Виктор лениво, и тут хлопнула дверь.

— Товарищ майор, задержанная доставлена, — сказал кто-то таким гулким басом, словно говорил из бочки.

Виктор поднял голову. Вот она, стоит у двери. Невысокая плотная женщина. Совсем молодая, с чистыми голубыми глазами. Беспощадная и умелая убийца, террористка.

По сторонам от нее — двое конвойных могучего сложения.

— Можете идти, — сказал Виктор. — Я вас вызову, когда понадобитесь.

Один из конвойных, лейтенант, с темными вьющимися волосами, сказал басовито:

— Может, нам остаться, товарищ майор? А то мало ли что.

— Идите, — отрезал Виктор. — Или вы думаете, что я не смогу отбиться от раненой женщины, которая, к тому же, в наручниках?

Конвойные, отдав честь, удалились, а он повернулся к задержанной и сказал:

— Садитесь.

Двигалась она легко, словно и не было раны в голени. Остановить беглянку смогли, только нанеся ей. А так — еще немного — и ушла бы.

— Нафанова Татьяна Евгеньевна? — спросил он.

— Да, — кивнула она. В голосе террористки не было страха. Хотя за одно только сопротивление органам власти, за погибших бойцов «Стальных когтей» ей светила одна мера наказания — высшая.

Он задал еще несколько дежурных вопросов. Она отвечала спокойно, и тогда он спросил про то, что интересовало его на самом деле, хотя и лежало несколько в стороне от интересов следствия:

— Почему вы встретили нас выстрелами?

— А чем я должна встречать врагов? — она усмехнулась, весело и открыто. Словно сидела не в кабинете следователя, а в компании друзей.

— С чего вы взяли, что мы вам враги? — удивился Виктор. Допрос пошел совсем не в том направлении, в каком он планировал, но это не так плохо. Главное — разговорить допрашиваемую, а потом можно задать и важные вопросы.

— Не мне лично, — она вновь улыбнулась, но на этот раз усмешка выглядела волчьим оскалом. — А русскому народу!

— Что же мы ему сделали?

— Вы служите тем, кто уничтожает его, — охотно объяснила она.

— И те молодые ребята, которых вы застрелили сегодня, тоже его уничтожали? — поинтересовался Виктор, ощущая, как глубоко в сердце начинает шевелиться гнев. — Они-то чем виноваты?

— Вы пытаетесь вызвать во мне жалость, — задержанная пожала плечами. — Совершенно напрасно. Я ее потеряла, когда моего младшего брата насмерть забили пьяные азербайджанцы. А суд дал им по три года условно, потому что судьям хорошо заплатили. Так что не надо.

— Ладно, — проговорил Виктор сквозь зубы. — Зайдем с другой стороны. Вы понимаете, что вам грозит за совершенное сегодня предумышленное убийство?

— Понимаю. Смерть.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, а голос продолжал звучать спокойно.

— Вы не хотите, чтобы вам смягчили приговор?

— Думаю, что это невозможно, — Татьяна иронически приподняла брови. — Сколько там на мне трупов? Пять?

— Неважно, — сказал Виктор мягко, но уверенно. — Если вы согласитесь сотрудничать со следствием и сообщите ему все, что вам известно о взрывах, то высшая мера может быть заменена...

— На пожизненное заключение! — она смеялась долго и со вкусом, а когда закончила, то бросила презрительно: — Уж лучше получить пулю в затылок, чем гнить сорок лет в камере! Только трусы цепляются за жизнь!

— Значит, вы отказываетесь сотрудничать со следствием?

— Смотря что называть сотрудничеством, — она вновь улыбнулась.

— Ладно, — Виктор подвинул к себе бумаги, извлек из них фотографию, сделанную с видеопленки банка, подвинул к задержанной. — Это вы?

— Да, я, — ответила она, досадливо покачав головой. — Судя по всему, звоню вам, сообщая о том, кто произвел взрыв на Поклонной горе.

— И кто?

— Я и произвела.

— В одиночку? — Виктор позволил изумлению отразиться на лице.

— Да, — Татьяна кивнула. — Российский национальный комитет — миф, придуманный мной для солидности. На самом деле все три взрыва осуществила я.

Виктор задумчиво почесал подбородок. Вроде бы все ясно — врет, выгораживая соучастников. Но доказательств причастности к террористическим актам других людей все равно нет. На заводе была она, звонила — тоже...

— Весьма оригинальная версия, — сказал он после некоторого размышления. — Но вы не находите, что для одного человека организовать столь масштабные акции несколько трудновато. Тут требуется кропотливая длительная подготовка...

— Нет ничего невозможного для человека, — Татьяна проговорила это с чувством, глаза ее сверкали, — сердце в груди которого бьется для России и русского народа!

— Так и я служу России!

— Нет, — она презрительно скривилась. — Не той фальшивой, подлой стране, которая по недоразумению продолжает носить это имя, а той, которой она должна быть, великой и могучей!

— Ладно, оставим этот спор, — Виктор откинулся в кресле, слегка покрутил головой, разминая затекшую шею. — Перейдем к деталям. Если вы сами осуществляли все теракты, то вы должны помнить кое-какие подробности...

Она чуть заметно напряглась, в глубине голубых глаз появилась неуверенность. «Ничего, — подумал Виктор с удовольствием. — Сейчас я тебя подловлю, и тогда посмотрим. Это тебе не лозунгами сыпать, фанатичка!»

Глава 6. Двадцать четвертое мая

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой
Громких подвигов?
Иван Никитин. Русь.

Утро поднималось над Москвой свежее. Воздух был чист и прохладен, почти как осенью, и Владимира время от времени пробирал озноб. Даже солнце появилось из-за горизонта какое-то бледно-желтое, замерзшее. Света его едва хватало, чтобы гасить звезды, а западная часть небосклона оставалась темно-лиловой, и там недружелюбно посверкивали белые и желтые огоньки.

Владимир ждал Николая на небольшой полянке, на окраине Лосиного острова, недалеко от Пермской улицы. В кустах боярышника немилосердно громко пел соловей, но было не до него. Николай, который ранее всегда был точен, опаздывал, и это внушало беспокойство.

Хрустнула ветка, и на поляне появился контрразведчик. Был он изможден, будто каторжник, на похудевших щеках чужеродно смотрелась совершенно седая, словно шерсть белого медведя, щетина.

— Доброе утро, — поздоровался Владимир, ощущая, как беспокойство, камнем висящее на сердце, слегка слабеет.

— Доброе, — отозвался Николай. Глаза его были воспалены, указывая на бессонную ночь, в них не угасал лихорадочный блеск.

— Все привнес?

— Да, — Николай присел на корточки, с треском расстегнул молнию на большой спортивной сумке. Зашуршали бумаги. — Вот план тюремных помещений. Крестиком помечена камера, где держат Татьяну. Тут же — схема подземных коммуникаций, ведущих к зданию. Я отметил ваш путь.

— Так, — Владимир некоторое время разглядывал бумаги, затем на лице его появилось озадаченное выражение. — Это откуда нам придется стартовать?

— Путь неблизкий, — с неохотой проговорил Николай. — От метро «Электрозводская». И еще — я принес оружие, а то в подземельях всякое случается.

В распахнутом чреве сумки тускло блестели тела нескольких пистолетов.

— Ясно, — кивнул Владимир, убирая карту в карман. — Что еще в сумке?

— Взрывчатка, — контрразведчик поморщился, словно разжевал горошинку черного перца. — Я опустошил наши запасники полностью. Но зато ее хватит, чтобы поднять на воздух половину следственного изолятора!

— Главное — дотащить все это, — сказал Владимир, пробуя приподнять сумку, которая показалась ему тяжелой, словно ее набили свинцом.

— Ничего, допрете, — невесело ухмыльнулся Николай, похлопав его по плечу. — И сделаете все, как надо. И это будет настоящим подвигом!

— Убийство соратника — не подвиг, — вздохнул Владимир, чувствуя, как сильная ладонь сжимает сердце. Грудь пронзила острые боли. — Во имя какой бы идеи оно не совершилось!

Николай лишь пожал плечами.

— Иного выхода у нас все равно нет, — сказал он глухо. — Застегивай сумку, и давай разбегаться.

Проскрежетала закрываемая молния. Владимир деловито повесил сумку на плечо, ощутил, как под тяжестью напряглись мышцы.

— Ну, я пошел!

— Успеха, — Николай воздел сжатый кулак. — Я верю, вы справитесь!

Он без звука исчез в кустах, только колыхнулись ветки. Владимир вздохнул и зашагал к автобусной остановке. Брюки намокли от росы, стали тяжелыми и липкими, в ботинках что-то хлюпало, но самое неприятное — в сердце прочно обосновалась тревога.

Издалека донесся раздраженный рев автобусного клак-сона. В столице наступал еще один день, почти неотличимый от тех, которые были; и тех, которые только будут.

* * *

Полковник Мухаметшин, несмотря на очевидные успехи возглавляемого им подразделения, был мрачен. Сигареты курил одну за другой, и дым клубился вокруг головы полковника, делая его похожим на сказочного дракона, готового сожрать храброго рыцаря или украсть принцессу...

Виктора он, тем не менее, есть не стал, а благосклонно кивнул на стул и сказал:

— Садись, майор, докладывай!

Виктор осторожно устроился на самом краешке жесткого стула, надеясь, что неудобная поза поможет бороться с сонливостью. Выспаться опять не удалось. До позднего вечера шел допрос, а затем всю ночь работал с материалами, которые доставили подчиненные.

В результате — десять страниц отчета. Изложение того, что удалось выяснить.

— Товарищ полковник, подозреваемая Нафанова признала все обвинения в совершении инкриминируемых ей преступлений.

— Вот как? — Мухаметшин приподнял левую бровь, черную и мохнатую, точно диковинная гусеница. Глаза его блеснули любопытством.

— Да, — Виктор кивнул. — Только она утверждает, что все делала в одиночку, что взрывы — исключительно ее рук дело.

— Врет!

— И я так думаю, — майор кивнул. — Это подтверждает и то, что она не может указать точного места, где установила бомбы.

— Все ясно. Выгораживает сообщников. Вы проверили ее контакты?

— Да, капитан Делиев занимался этим. Но в доме во время обыска не найдено никаких зацепок. Ни фотографий, ни телефонной книги, даже список адресов электронной почты пуст, словно его никогда и не заполняли. Или у нее очень хорошая память, или же все это хранится где-то в другом месте.

— Да, — полковник затушил сигарету, от которой остался окурок размером с ноготь. — Прямо как в шпионском фильме. А что говорят соседи и консьерж?

— Что жила одиноко. Иногда появлялись мужчины, но нерегулярно и разные. Описать ни одного из них не смогли.

— Грустно, — вздохнул Мухаметшин. — И здесь никакой зацепки! А родственники у нее есть?

— В Калининграде. Тетя и двоюродная сестра. Нафанова не общалась с ними более года.

— А что на работе?

— Туда ездил капитан Калинченко, — Виктор порылся в бумагах. — Вот запись беседы. Она работала в частном охранном агентстве «Скиф». По показаниям коллег, ни с кем особенной дружбы не водила. Общение — только в рамках служебных обязанностей. Большинство из них даже ее номера телефона не знали...

— Исключительная женщина! — с удивлением в голосе сказал Мухаметшин. — Такая сила воли и целеустремленность!

— Были бы эти качества направлены еще на что-нибудь хорошее, — покачал головой Виктор.

— Ладно, мы отвлеклись, — начальник антитеррористического отдела нахмурился. — Что ты планируешь делать дальше?

— Мероприятия предлагаются следующие...

Но договорить Виктору не дали. В приемной возник какой-то шум, донеслись возмущенные возгласы. Затем дверь распахнулась, словно ее открыли пинком, и на пороге воздвинглись две фигуры в серых одинаковых мундирах.

— Это еще что? — спросил Мухаметшин изумленно.

Полковник Бритни сделал шаг вперед. За ним, как приязанный, двигался майор Спирс. На лицах офицеров Специальной Контрольной Службы было написано мрачное торжество.

— Господа, — заявил старший из них, — позвольте предъявить вам наши полномочия.

Виктор ощущал легкое недоумение. Фраза вроде построена правильно, но смысла в ней не особенно много. Ка-

кие полномочия, зачем предъявлять? Мухаметшин вовсе выпучил глаза, став похожим на гигантскую сову.

— Какие полномочия? — спросил он, медленно багровея.

— Согласно постановлению министра внутренних дел Российской Федерации, Специальная Контрольная Служба получает исключительную юрисдикцию в проведении следственных мероприятий по взрывам, произошедшим в городе Москва.

Полковник Бритни выговорил эту чудовищную фразу без запинки, и у Виктора возникло нехорошее подозрение, что он репетировал ее заранее.

— Вот все бумаги, — добавил майор Спирс и шагнул вперед. На стол легли несколько листов, с верхнего из которых мрачно смотрел двуглавый орел герба.

— Так что, вы сами будете вести дело? — голос полковника Мухаметшина был хриплым от гнева. — После вчерашней бойни?

— Мы очень сожалеем, что погибли ваши люди, — ходно и четко сказал полковник Бритни. — И само собой, ваши следователи будут иметь доступ к задержанной Нафановой. Но в ограниченном режиме и только с моего разрешения.

— Вы что, с ума сошли? — Мухаметшин поднялся со стула. Могучий облик его дышал гневом. Он был грозен, точно Зевс, готовый метнуть в дерзких титанов молнию. — От того, насколько быстро мы добудем от нее нужную нам информацию, зависит, как скоро мы поймаем террористов!

— От того, насколько быстро мы получим нужную нам информацию, — спокойно отпарировал офицер СКС, — зависит, как скоро мы обнаружим атомную бомбу, взрыв которой, скорее всего, угрожает Москве!

Полковник задышал тяжело, словно запалившийся конь, сжал мощные кулаки. Лицо его было таким красным, что об него можно было бы зажигать сигареты. На мгновение Виктору показалось, что начальник отдела сейчас кинется на чужаков в серых мундирах с голыми руками.

Но Мухаметшин сдержался.

— Хорошо, — проговорил он после паузы и голос его скрипел, словно несмазанная дверь. — Не могу отказать вам. Но если вы будете мешать мне... — он дернул лицом, — или моим людям, то я не посмотрю на эти бумажки!

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — холодно ответил полковник Бритни. — Позвольте откланяться!

Он опустил идеально выбритый подбородок к груди, его жест повторил майор Спирс, и офицеры СКС зашагали к дверям — стройные, подтянутые, похожие на роботов.

Виктор глядел им вслед и ощущал враждебность, даже несколько большую, чем к террористам. Те враги открыты, явные, какой с них спрос? А эти называют себя коллегами, а сами изо всех сил доказывают свою исключительность и мешают работать...

Похожие чувства, судя по сердитому сопению, испытывал и полковник Мухаметшин.

Станция метро была почти пустынной. В подземелье, в отличие от поверхности, где солнце почти по-летнему прогрело землю, чувствовалась прохлада, но Владимир ощущал, как предательские струйки пота ползут по спине, щекоча кожу. Давно ему не приходилось так нервничать.

Он был одет словно для тренировки — в кроссовки и спортивный костюм, за спиной большая сумка. У касс встретились со снаряженным аналогично Иваном, спустились по эскалатору.

Встали у самого края платформы. В тех шагах начинается темный туннель, по краю которого идет огражденная перилами дорожка, ведущая к служебным помещениям станции. И не только к ним.

Прохаживающиеся по платформе милиционеры ленивыми взглядами скользнули по двум «спортсменам» и зашагали дальше. Если бы стражи порядка решили заглянуть в сумки, то их ждало бы сильное удивление.

С ревом и грохотом, толкая перед собой волну теплого воздуха, подошел поезд. Распахнулись двери вагонов.

Владимир кивнул напарнику и сдвинулся с места. В этот момент, в суете и толкотне легче всего исчезнуть так, чтобы никто ничего не заметил.

После нескольких шагов слева оказалась темная стена, а справа за тонкими перильцами, тускло блестели две змеи рельсов. Свет падал сзади, а впереди была почти полная тьма, прорезанная кое-где свечением аварийных ламп.

Из-за спины раздался грохот закрывающихся дверей, затем вой набирающего скорость поезда. Он постепенно застых вдалеке, а они все шли и шли, пока не добрались до конца карниза. Здесь была небольшая площадка, а на ней железная дверь, снабженная грозной надписью: «Вход воспрещен!».

Владимир скинул на пол надоевшую сумку, от которой плечи немилосердно ныли, бросил напарнику:

— Переодевайся пока, а я проход открою!

Иван шумно сопел, натягивая на себя темный прочный комбинезон, а Владимир ковырялся в замке, меняя одну отмычку на другую. Потом где-то в недрах двери глухо щелкнуло, и она открылась.

Владимир повернулся и невольно заулыбался. Перед ним стоял настоящий шахтер. В плотных ботинках на толстой подошве, с каской, на которой глазом циклопа торчит фонарик. На руках — перчатки. Портил впечатление мирного труженика недр только пистолет, пристроенный у пояса.

Лицо Ивана, претерпевшего столь разительные перемены во внешности, было мрачным, а глаза решительно сверкали.

— Я сейчас, — кивнул Владимир и тоже начал переодеваться. Комбинезон оказался впору, равно как и ботинки, а вот с ремешком каски пришлось повозиться. Он впивался в кожу под подбородком так, что голову невозможно было повернуть. Разобравшись с креплением, Владимир смог удлинить ремень и вскоре ощущил себя комфортно.

Из сумки извлек небольшой рюкзак, запихал в него свою долю груза.

— Ну что, пошли? — бросил весело.

Иван молча кивнул.

За вскрытой дверью была темнота. Лучи фонариков проникали в нее не более чем на несколько шагов, а дальше вязли, словно в дыму. Пахло пылью, на полу лежал ее толстый слой, показывающий, что люди не появлялись здесь очень давно.

Войдя, Владимир аккуратно закрыл за собой дверь. Щелкнул замок. Теперь снаружи никто не догадается, что сюда кто-то вошел. Ненужные пока сумки вместе с кроссовками оставили внутри, у самой двери.

В коридоре стояла тишина, и шум шагов казался оглушительней грохота прибоя. По сторонам тянулись совершен но одинаковые стены. Пыль поднималась в воздух и норовила большими клоками осесть на лицо. В носу начало чесаться, и сдерживать чих стоило некоторого труда...

Примерно через километр коридор раздвоился. Владимир остановился в некотором недоумении, полез в карман за планом.

— Ну что, куда нам? — спросил Иван почему-то шепотом.

— Налево, — ответил Владимир после некоторого размышления.

В новом коридоре почти не было пыли, и воздух был свежий. Откуда-то издалека доносился гул работы огромных двигателей.

— И кто все это построил? — спросил Иван потрясенно, когда миновали еще одну развилку: новый ход пересекал тот, по которому они шли, почти под прямым углом. Был он значительно уже, и пахло из него гадостно, как из помойки.

— Вот уж не знаю! — ответил Владимир искренне.

Коридор оборвался неожиданно, словно его обрезали. Просто внизу исчез пол, и пришлось взмахнуть руками, чтобы не свалиться в черный провал. Твердая рука Ивана ухватила за плечо, помогла удержаться.

— Спасибо, — процедил Владимир сквозь зубы. Сердце колотилось о ребра, точно обезумевший узник о стены клетки, а по телу гуляли мурашки от пережитого страха...

— Не за что, — ответил Иван. — Нам вниз?

— Да, тут должна быть лестница.

Опустился на корточки, и в свете фонаря тускло блеснул металл.

Вытерев со лба пот, Владимир перевалил через край и начал спускаться. Ступеньки лязгали под ботинками, сырой воздух холодил горло, а руки, ставшие влажными, грозили соскользнуть. Хорошо еще, что колодец оказался достаточно широким, и рюкзак не цеплялся за противоположную стену.

Наверху возился Иван, время от времени доносилось его тяжелое дыхание.

Они спускались долго. Руки онемели, налились свинцовой тяжестью, в ногах появилась ноющая боль, а груз на спине стал весить больше, чем Гималаи, когда Владимир опустил ногу и ощущил, что ступенек дальше нет, а под ступней — пол, восхитительно гладкий, с которого не упасть...

Спрятал и едва сдержал стон — в икры и бедра словно вонзили по ножу — такая была боль. Некоторое время ждал Ивана. Тот соскочил с лестницы и зашипел сквозь зубы, точно змея, которой наступили на хвост. Спуск и ему дался нелегко...

Владимир снял рюкзак, извлек из него флягу с минеральной водой. Пил жадно, точно верблюд, который неделю брел по пустыне. Когда напился, отдал флягу товарищу.

Некоторое время слышалось сочное бульканье, потом резкий голос Ивана произнес:

— Уфф, хорошо-то как! Сколько нам еще идти?

— Меньше, чем прошли, — ответил Владимир, запихивая полегчавшую флягу на место и одевая рюкзак. — Ну, двинулись. Надо идти!

Из колодца выход был один — через железную, невероятно проржавевшую дверь. Когда она распахнулась с громким, режущим слух скрипом, то в нос ударил мощный, словно спрессованный, запах нечистот. Воняло так, словно все население города справляло здесь нужду в течение сотен лет, забывая убирать за собой.

Глазам путешественников предстали несколько невероятно толстых труб, положенных на каменное основание. По-

толок нависал низко, на нем конденсировались и с тихим чмоканием падали вниз крупные капли воды.

К толстым трубам со всех сторон подходили десятки более мелких. В одной из них была дыра, откуда текла мерзостная тягучая жидкость. С той стороны вонь была всего сильнее.

Идти пришлось пригнувшись, совсем низко нависал потолок. При каждом шаге под ногами что-то чавкало, а протекающие по полу ручейки пахли совсем не водой.

— Канализация! — прошептал Иван зло, когда они проходили по особенно вонючей и большой луже. Здесь не очень давно, судя по всему, прорвало трубу. Пробоину задели, но натекшие нечистоты откачали не до конца.

Смрад постепенно слабел, вернее, нос привыкал к нему и реагировал не так остро, но проход тянулся и тянулся, пуская время от времени в стороны отнорки, узкие и столь же противно пахнущие.

Владимир считал их, и когда по левую руку появился пятый по счету, скомандовал:

— Поворачиваем!

Но не успел и шагу ступить, как замер, разом насторожившись. Спереди долетел слабый отблеск света, словно там, вдалеке, шел кто-то с мощным фонарем. Владимир спешно погасил свой фонарь, дал знак Ивану.

Они остались в полной темноте.

Свет мигнул впереди еще раз, потом появился и стало ясно, что кто-то идет, приближаясь.

— Назад, за угол! — скомандовал Владимир. — Отойдем на десяток метров и посмотрим, куда они свернут! И приготовь оружие!

Они поспешили отступили. Владимир извлек пистолет и ощущил, как его тяжесть в руке заставляет успокоиться. Выработанные в армии рефлексы брали свое. Сердце забилось ровно, как метроном, эмоции замерли, скованные железной цепью рассудка, чувства обострились. Теперь он прекрасно слышал шаги приближающихся людей и даже видел сквозь мрак.

За спиной щелкнул предохранитель. Иван готовился к бою.

На толстом лоснящемся боку канализационной трубы появилось и заплясало круглое световое пятно. Яркость его постепенно увеличивалась.

Владимир поднял пистолет, сказал шепотом:

— Прижмись к стене! Стрелять только по моей команде!

Сам прислонился к трубе, распластался вдоль нее, точно намереваясь проникнуть через железную стенку. И в этот момент в проход шагнули люди. Сколько их было — трое или четверо, нельзя было разглядеть в неверном, мечущемся свете двух фонарей.

Палец плотно лег на спусковой крючок. Одно движение и грохнет выстрел, а один из незнакомцев, которые любят гулять по подземельям, расстанется с жизнью...

Передний из появившихся в проходе людей замер, сделал странное движение, поднося руку к лицу.

— Фу, как тут воняет! — послышался молодой жизнерадостный голос.

— Ничего! — ответил голос, принадлежащий человеку постарше. — Спустимся ниже, в настоящие подземелья, там пахнет еще гаже!

Они захочатели. Свет фонарей померк, заслоненный телами и стал потихоньку слабеть. С облегчением Владимир понял, что диггеры пошли в другую сторону, а затаившихся во тьме террористов не заметили. Оно и к лучшему.

— Отбой! — сказал он, когда свет фонарей погас вдалеке. — Пронесло, слава всем богам!

Сунул пистолет на место, вновь зажег фонарь на каске.

В проходе, в который они свернули, вонь была гораздо слабее, а труба, тянувшаяся вдоль пола — нетолстой и судя по блестящей поверхности, — довольно новой.

Метров через пятьсот в стене, на уровне пола, обнаружилось квадратное отверстие толщиной в метр, забранное решеткой. Владимир еще раз сверился с планом и решительно опустился на колени.

— Нам сюда? — с изумлением спросил Иван.

— Да, — огрызнулся Владимир, изучая крепления решетки. — А ты думал, что в подземные этажи Следственного Изолятора Особого Назначения ведет отдельный коридор.

светлый и чистый? Достань лучше отвертки. Они должны быть у меня в кармане рюкзака.

Проржавевшие винты сопротивлялись, не желая вращаться. Отвертка срывалась, приходилось вставлять ее вновь и вновь. Владимир пыхтел, точно вспотевший бегемот и тихо ругался.

Когда отвинтил все, то намучился так, словно в одиночку таскал здоровенные бревна. По лицу тек пот, а руки дрожали, как у записного труса. Хотелось лечь и помереть прямо тут, на холодном и сыром полу...

В отверстие протискивался с трудом, точно червяк, разжиревший на конском навозе. Пока пролез, ободрал локти и коленки, а черта и его родственников помянул не один десяток раз. Иван подал рюкзаки, а затем полез сам. Владимир пока осматривался.

По другую сторону стены обнаружился широкий и прямой коридор. Здесь было сухо, а на полу толстым пушистым одеялом лежала серая пыль. Под потолком виднелись закрытые решетками плафоны, но ламп в них не было.

За спиной слышался скрежет и лязг — Иван подтаскивал решетку к стене, создавая видимость, что она привинчена, как и раньше. Вдруг с той стороны кто пойдет мимо.

— Что здесь такое? — спросил он изумленно, оборачиваясь и отряхивая руки. — На канализацию не похоже!

— Скорее всего, коридор ведет в бомбоубежище, — ответил Владимир, навьючивая на ноющую спину осточертевший рюкзак. — Построили его давно, более двух с половиной веков назад, когда ядерной войны боялись.

Он сверился с планом и решительно свернул направо. Пол шел чуть вверх, так что шагать приходилось почти в гору. В стенах время от времени появлялись двери, все как одна — железные, плотно пригнанные, с большими навесными замками. Скорее всего, здесь когда-то и были склады, но ими давно не пользовались.

Кончился коридор круглой площадкой, от которой вела вверх железная винтовая лестница, а люк в потолке, похоже, когда-то заварили намертво. В стенах чернели три двери, похожие друг на друга, точно близнецы.

— Мы под тюрьмой, — сказал Владимир шепотом, словно его могли услышать, и решительно направился к левой двери.

Дернул за ручку, та с треском отвалилась — за многие десятилетия металл проржавел насквозь. Замок тоже оказался трухлявым, и после попытки поковырять в нем отмычкой раздался негромкий треск, и инструмент заклинило намертво.

— Что ты будешь делать! — Владимир в ярости саданул по двери ногой. Она задребезжала, заскрипела, а затем отошла чуть в сторону.

— Смотри, открылась! — заявил Иван с такой радостью, словно нашел клад.

В узком проходе, где они оказались, было сыро. Стены бесстыдно раззявили многочисленные трещины. На полу, когда туда упал луч фонарика, оскалила зубы здоровенная, с небольшую собаку, крыса.

Сверкнули красные глаза, раздалось яростное шипение, затем цокот коготков, и зверь исчез.

Но пока шли вперед, со всех сторон доносились шорохи и попискивание. Здесь шла своя жизнь, подземная, и людям в ней не было места. Владимир чувствовал полные злобы взгляды из темноты, Иван беспокойно озирался.

Ход закончился тупиком. Дорогу путникам перегородила стена из кирпича. Красные блоки резко контрастировали с серым камнем стен, и было ясно — ход заложен гораздо позже, чем построили подземелье.

— Куда дальше? — спросил Иван, тяжело дыша.

— Никуда, — ответил Владимир, с кряхтением снимая рюкзак. — Здесь и будем закладывать! Прямо над нами, через этаж, камера, где держат Татьяну!

Каски с фонарями сняли, установив так, чтобы свет падал на нужное место. Взрывчатку прилаживали долго и тщательно, затем Владимир извлек из рюкзака детонатор с таймером.

Закрепил его, а затем нажал кнопку включения. Раздался щелчок, прозвучавший громко, словно выстрел, и на небольшом экранчике появились светящиеся зеленым цифры.

Некоторое время Владимир тупо смотрел на них, затем всхлинул с сильнейшей тревогой в голосе:

— Что за черт? Иван, погляди!

Тот подошел, некоторое время вглядывался, звучно сопя. Похоже, от путешествия по сырым подземельям у него начался насморк.

— До взрыва осталось пять минут тринадцать... двенадцать секунд, — сказал он спокойно, и тут же глаза его вытаращились, на лице проявился испуг. — Почему так мало?

— Не знаю! — зло ответил Владимир. — Я проверял его перед выходом! Час там стоял, шестьдесят минут! Что-то сбилось!

— Так отключи его!

— Не могу! — Владимир поспешил вскочил, принял судорожно натягивать на себя рюкзак. Лямки казались слишком короткими, не желали налезать. — А ты чего стоишь! Уходим, быстро! Его не отключить, не перепрограммировать!

Каску нацепил на ходу. С места рванул по коридору.

Испещренные трещинами стены побежали назад. Едва не наступил на толстую, видимо беременную, крысу. Та с визгом бросилась в сторону, Владимир от неожиданности чуть не упал. Выругался витиевато и матерно, побежал дальше, тяжело топая ботинками по сырому полу.

Пробежали проржавевшую дверь, выскочили на круглую площадку. Тут Владимир не удержался, ударился плечом о железную лестницу. Но лишь зашипел от боли, а по коридору рванул, словно заправский спринтер.

При беге пыль поднималась в воздух, норовила налипнуть на лицо, залезть в легкие. Когда добежали до отверстия в стене, то Владимир был весь в сером налете, а дышал с хрипами, сплевывая комки гадостной мокроты.

Свинченную решетку отшвырнул так, что она отлетела с грохотом. Втиснулся в отверстие, услышал треск разрывающейся материи, но не обратил внимания. Порванный комбинезон — черт с ним, главное уйти подальше от взрыва.

Он успел протащить в отверстие рюкзаки, когда бомба сработала.

Сначала докатился тягучий мощный гул, словно при землетрясении. Затем пол затрясло, точно где-то рядом плясали пьяные великаны. Стены зашатались, и Иван, наполовину втиснувшийся в отверстие, испуганно замер.

— Быстрее! — заорал Владимир зло.

Иван дернулся, тут же раздался громкий треск, и потолок развалился прямо на глазах. Огромная глыба рухнула рядом с Владимиром, засыпав ботинки каменным крошевом. Появилась трещина, большой фрагмент стены пошел вниз, словно чудовищная заслонка. Она ударила Ивана по ногам. Захрустели кости, тот дернулся и замер, закрыв глаза. Владимир похолодел. Волосы на голове встали дыбом.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, понимая, что находится в шаге от смерти. Судя по непрекращающемуся грохоту, что-то еще рушилось там, где была (да, теперь была) тюрьма. Но на том месте, где находились диверсанты, все затихло.

Он опустился на корточки, осмотрел ноги Ивана. Все ниже середины бедер скрывалось в куче каменных обломков, самый маленький из которых был размером с детскую голову.

На некоторое время Владимир замер, пытаясь решить, что делать. Непривычная растерянность овладела душой, мозг отказывался работать, и Смоляков чувствовал себя так, словно пытался поднять капельку ртути с помощью лома.

Иван дернулся и застонал. На лице его, сером от каменной пыли, открылись полные муки глаза.

— Как ты? — спросил Владимир.

Некоторое время во взгляде напарника не было ничего, кроме страдания, затем он прояснился, и сквозь боль начало пропасть знакомое упрямое выражение.

— Что там с ногами? — прошипел Иван сквозь сомкнутые зубы.

— Завалило камнями.

— Там все так болит, — по лицу Ивана пробежала судорога, на лбу выступили крупные капли пота. — Идти я не смогу. Пристрели меня!

— Как? Зачем?

— Надо! Ты же не донесешь меня по этим подземельям до станции? А если и донесешь, то что будешь делать там?

— Не донесу, — Владимир кивнул, яростно кусая губы и пытаясь найти выход из сложившегося положения.

— Если не убьешь, они найдут меня! — проговорил Иван горячо. — Ведь не дураки, догадаются, как мы бомбу заложили! И стреляй в лицо, иначе опознают! Выйдут на вас...

Голос слабел, но в нем звучала твердая решимость умереть.

Владимир вытащил пистолет и замер, будучи не в силах выстрелить в соратника. Несколько раз поднимал руку, и тут же опускал, чувствуя, как потеет ладонь и дрожь поселяется в предплечьях.

— Ну! — прохрипел Иван. — Стреляй!

— Не могу! — ответил Владимир. Его тряслось, в душе горячим варевом кипел стыд, причудливо смешанный со злостью. На себя, на судьбу, на злосчастный таймер...

— Тогда вытащи мой пистолет и дай мне! Сил на то, чтобы выстрелить, у меня хватит!

Владимир содрогнулся. Очень медленно опустился на корточки, вытащил из кармана напарника теплое, нагревшееся от тела оружие. Некоторое время подержал, словно взвешивая, затем отдал в жадно подергивающуюся ладонь Ивана.

— Иди, — сказал тот. — Я сначала отстрелю себе кончики больших пальцев, чтобы не опознали по отпечаткам! Передай привет нашим!

Лицо его исказилось. Владимир поспешил отвернуться, чтобы не видеть слез соратника. Сказал глухо:

— Русский народ не забудет тебя, — сам почувствовал, что говорит фальшиво, но остановиться не было сил. — Ты встанешь в один ряд с такими героями, как Александр Невский и президент Синев!

Раздался странный скрежещущий звук. Владимир не сразу понял, что Иван смеется.

— Не ври мне, — проговорил он. — Это будет, если только народ наш возродится... А в это даже я верю с трудом! Иди, пока я еще в сознании...

Владимир вскинул на плечи рюкзак и, не оглядываясь, пошел по коридору. Он старался идти быстро, но все же услышал, как грохнули позади три выстрела — два почти подряд, а третий — чуть позже.

Судорога сжала горло. Фонарь светил достаточно ярко, но поле зрения стало вдруг каким-то смазанным, словно шагал через густой туман...

К вечеру похолодало. Из закрывших небо серых слоистых туч посыпал мелкий, совсем не майский, дождик.

Настроение у Виктора было под стать погоде. Хотелось плюнуть на все и уйти, но сделать этого было никак нельзя. Кто еще будет ковыряться в развалинах, недавно бывших тюрьмой?

Майор стоял у самого края огороженного пространства и видел, как по ту сторону сине-белой ленты, отмечающей закрытую зону, ведет репортаж корреспондент одного из центральных телеканалов.

Перед ним застыл оператор с камерой, словно с чудовищно огромным и неудобным пистолетом, а репортер со сладкой улыбкой говорил что-то в объектив, поднеся к лицу микрофон, похожий на диковинный овощ.

Виктор невольно прислушался:

— ...совершенно уничтожили здание знаменитого следственного изолятора «Матрёсская тишина», — слова лились гладко, потоком, словно водопад, приковывали внимание, — который являлся одним из памятников старины.

«Ничего себе! — подумал Виктор. — Что это за страна, где обычный СИЗО держат за памятник старины?»

В кармане назойливо запилякал сотовый телефон.

Виктор сделал несколько шагов в сторону, чтобы не мешать репортажу, прижал к уху трубку.

— Да.

— Товарищ майор! — донесся из телефона возбужденный голос капитана Делиева. — Мы тут кое-что нашли!

— И что же? — спросил майор. Именно он два часа назад отдал приказ обследовать подземные коммуника-

ции, которыми террористы, скорее всего, проникли под тюрьму.

— Труп! Совсем свежий, сегодняшний! И недалеко от подвалов тюрьмы, на самой границе зоны разрушений.

— И что, его обломками убило? — Виктор разочарованно подумал, что в этом случае вряд ли от погибшего много осталось.

— Нет, — ответил капитан. — В руке пистолет, череп разворочен выстрелом в упор. Самоубийца! Судя по всему — один из террористов. Его завалило во время взрыва. И чтобы не достаться нам, он и убил себя.

— Ничего себе! — брови майора взлетели вверх. — Вытаскивайте его. Попробуем опознать.

— Сложно будет, — в голосе Делиева прорезалось сожаление. — Лицо изуродовано, а кончики больших пальцев он себе перед смертью аккуратно отстрелил. Безумец!

— Если смотреть с другой точки зрения, то он герой, — пробормотал Виктор глухо. — Ладно, вытаскивайте все равно. Мало ли какая зацепка найдется.

Голос капитана пропал, на смену ему явились короткие злые гудки. Виктор убрал телефон. Повернулся и лицом к лицу столкнулся с командиром подразделения МЧС, чьи подчиненные разбирали завалины. В яркой желтой куртке и мокрой от дождя каске модернового дизайна он смотрелся впечатляюще. Но на испачканном пылью усталом лице застыло угрюмое выражение.

— Пойдемте, майор, — сказал он густым, басовитым голосом, напоминающим медвежий рык. — То, что мы откопали, вас заинтересует.

Виктор поправил плащ, поплотнее нахлобучил капюшон и зашагал вслед за провожатым. Развалины ярко освещались прожекторами, за зоной действия которых начиналась темнота. Казалось, что кроме пространства, заполненного развороченными каменными плитами, обломками и кусками арматуры, которое ограничивают исполинские черные стены, в мире ничего нет.

Ощущение это было столь реальным, что Виктор на мгновение содрогнулся. По телу пробежал озноб.

Впереди открылся провал, на дне которого копошились фигуры в желтых куртках. Мелькали огни включенных фонарей, гудел мотор небольшого крана, который, словно маленький, но очень сильный слон, оттаскивал в сторону обломки.

— Вот, — сказал офицер МЧС и отошел в сторону.

На каменной плите лежали два тела. Взгляд майора сразу приковало то, на котором был испачканный и разорванный серый мундир. Словно в насмешку над погибшим, символ СКС — перечеркнутый золотистой молнией ядерный гриб виднелся отчетливо и сверкал под холодным светом прожекторов. На белом, как мел, лице полковника Бритни застыло удивленное выражение.

— Вы знаете его? — спросил офицер МЧС.

— Да, — кивнул Виктор и перевел взгляд на другое тело — маленькое, в серой арестантской одежде.

Татьяне повезло меньше — тело ее было измято, словно женщина побывала в гигантской мясорубке, руки и ноги вывернуло так, что смотреть на них было больно. Но лицо сохранилось, и на нем застыла спокойная, понимающая усмешка. Словно погибшая террористка и после смерти чувствовала превосходство.

— Ее мы заберем, — сказал майор, с трудом отведя взгляд от трупов. — А по поводу офицера СКС имеет смысл позвонить...

Из-за спины, от границы огороженной зоны донесся, какой-то шум, крики. Виктор невольно замолчал, обернулся.

Через развалины, спеша и спотыкаясь, бежал майор Спирс. Лицо его мокро блестело, а фуражка из-за спешки сбилась на бок. За ним не поспевал один из постовых, размещенных вокруг развалин. Глаза его гневно сверкали.

— Стойте! — кричал он. — Вы не имеете права здесь находиться!

— Спокойно, товарищ сержант, — сказал Виктор. — Все в порядке. Ему можно.

— А, ну раз так, — несколько растерялся милиционер, затем козырнул и отправился назад, к своему посту.

Майор, увидев погибшего полковника, замер, точно налетев на стену. На лице его медленно разливалось отчаяние. На мгновение Виктор даже ощущал жалость к ранее столь надменному и спокойному офицеру СКС.

— Не может быть, — прошептал Спирс потрясенно. Даже в эти минуты он говорил по-русски, и Виктор невольно заподозрил, что этот язык для него родной. — Это невозможно! Не верю. Не верю!

Крик взлетел к темным небесам, с которых продолжало все так же безостановочно капать, словно проходилась невообразимо огромная крыша. Эмчээсники, копошащиеся в развалинах, на мгновение замерли, а затем вновь вернулись к работе. Гулко вздохнул их командир.

— Он ведь хотел отправить на допрос меня, — проговорил Спирс с горечью, — а ехать в Санкт-Петербург сам! Как все глупо получилось! Я узнал о взрыве, только сойдя с поезда, полчаса назад! До сих пор не могу поверить!

— Придется, — жестко сказал Виктор. — Иного выхода нет.

Он повернулся к офицеру МЧС.

— Если необходимо подписать какие-либо бумаги, то лучше это сделать сейчас. Эксперты справятся без меня, а в такой дождь мне тут делать нечего. Отдам распоряжения относительно тела и поеду к себе, в управление, — он повернулся голову к эсказэснику. — Кстати, майор, если вздумаете обсудить пути более конструктивного сотрудничества наших ведомств, то сможете найти меня там же.

Спирс промолчал. Он не отрываясь смотрел на тело полковника, а по лицу майора Специальной Контрольной Службы текли совсем не дождевые струи.

Глава 7. Двадцать пятое мая

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

А. Твардовский.

От Москвы-реки тянуло холодом. Словно не май на дворе, а апрель или вовсе март, когда еще лежит снег, а весна только пробует силы на оставшемся от зимы наследстве.

Пока Владимир шел от остановки автобуса до здания речного порта, успел изрядно замерзнуть. Хорошо еще, что закончился дождь, а ясное голубое небо обещает теплый день. Правда, солнце еще невысоко поднялось над горизонтом и не успело как следует разогреть воздух.

Внутри порта оказалось тепло и сухо. По коридорам ходили деловитые люди. Владимир поначалу замер, не зная, куда обратиться. Потом остановил сурового вида девушку с огромной кипой бумаг. Та глянула с неудовольствием, но подсказала, в какой кабинет обратиться.

Он поднялся на пятый этаж и оказался перед дверью, увенчанной большой табличкой, буквы на которой гордо горели золотом: «Начальник отдела транспортных перевозок».

Взялся за ручку, повернул. Дверь послушно отъехала в сторону.

Взгляду предстала обширная приемная. Стены украшены специальными полочками, на которых стоят горшки с цветущими и вьющимися растениями. Свет падает через огромное окно, в воздухе — тонкий, приятный аромат зелени. За столом — секретарша, почти точная копия той девушки, что подсказала дорогу.

— Что вам угодно? — спросила она, оторвав взгляд от монитора.

— Мне необходимо получить груз, прибывший сегодня ночью из Санкт-Петербурга.

— Секундочку, — секретарша вскочила, цокая каблучками, подошла к двери, ведущей непосредственно в кабинет.

Заглянула внутрь так, чтобы попка в короткой юбочке со-
блазнительно выпятилась.

Владимир невольно усмехнулся.

— Заходите, — проговорила секретарша, поворачиваясь
к посетителю. — Вагиз Назарбекович примет вас.

Кабинет оказался обставлен в том же стиле, что и при-
емная. Зеленый плющ на стенах, много света и воздуха. Не-
высокий мужчина, напоминающий внешностью хана из
фильмов про средневековую Бухару, плохо вписывался в та-
кую обстановку.

«Ему бы халат и кальян! — невольно подумал Владимир,
усаживаясь на предложенный хозяином стул. — По
сторонам — пару телохранителей с саблями, а перед ним
чтобы полуоголые красавицы плясали!»

— Чем могу служить? — голос у «хана» оказался не-
ожиданно писклявым.

— Сегодня ночью из Питера должен был прибыть мой
груз, — Владимир щелкнул застежками кейса, вытащил бу-
маги. — Хотелось бы получить!

Начальник транспортного отдела принял документы, не-
которое время их рассматривал. Защелкал клавишами ком-
пьютера, а на монитор уставился с таким вниманием, словно
рассматривал порнографические картинки.

— Вашу идентификационную карту, — попросил он,
протягивая руку с толстыми, как сосиски, пальцами.

Вставил квадратик величиной с ладонь в считающее
устройство, вновь бросил взгляд на монитор. В темных,
словно вишни, глазах, медленно проступило изумление.

— Груз прибыл на имя Пороховщика Игоря Геннади-
евича, — сказал Вагиз Назарбекович подозрительно. — Это
не вы!

— Господин Пороховщиков — инвалид, и ему добраться сюда трудно, — сказал Владимир. — А среди бумаг, что я
отдал вам, есть доверенность на мое имя.

— Ах, да-да...

Чиновник еще некоторое время рылся в бумагах. Затем
еще раз прикоснулся к клавиатуре, и из узкого рта принтера
кополз белый язык распечатки.

— Берите накладную, — начальник отдела транспортных перевозок протянул посетителю его идентификационную карту и широко улыбнулся. — Проходите в отдел доставки. Это на первом этаже, от лестницы направо. Можете забирать свою «художественную помощь». Что там, кстати?

— Статуй, наверное, — пожал плечами Владимир, поднимаясь со стула.

«Знал бы ты, что там за помощь — не сидел бы так спокойно», — пришла мысль, полная какой-то затаенной злости. Вспомнился Иван, погибший вчера, и из кабинета начальника транспортного отдела Владимир вышел в отвратительном настроении...

Шестеро здоровенных грузчиков, пыхтя и матерясь, вытаскивали огромный ящик из кузова грузовика. Синие форменные робы, украшенные знаком транспортного агентства, промокли от пота, от работяг валил пар, хорошо заметный в прохладном воздухе.

— Что там такое? — спросил старший из грузчиков, дыша, словно выброшенный на берег сом, когда груз оказался на асфальте.

— Художественные ценности, — проговорил Владимир веско, глядя в горбоносое, типично кавказское, лицо грузчика.

— Культура, мать ее, — ответил тот, а другой грузчик выразительно сплюнул.

— Куда тащить-то? В дверь точно не пролезет!

— А там, сбоку, есть вход в подвал, — Владимир показал. — Он широкий, как раз для таких грузов. Несите туда. И осторожно!

— Ладно-ладно, — буркнул старший грузчик, утирая лоб грязным рукавом. — Не учил бы ты нас, командир, а лучше бы помог!

Присоединяться к рабочим Владимир, естественно, не стал. Дошел вместе с ними до широких дверей, ведущих в подвал, и набрал код на панели замка. Створки с тихим гулом отъехали в стороны.

Обнажились ведущие вниз ступени, полозья для спуска грузов.

Установленный на них ящик поехал вниз гораздо быстрее, чем Владимир ожидал. Сердце екнуло, но могучие руки грузчиков в нужный момент подхватили, не дали упасть.

Работяги напряглись, закряхтели, и вскоре ящик с «художественной помощью» стоял у стены.

— Ну что, командир, дело сделано, — сказал старший из грузчиков, подходя к Владимиру. Лицо его блестело, а дыхание было тяжелым. — Не угостишь ли чем, по обычаю?

— Водкой? — поинтересовался Владимир.

На лицах грузчиков образовались брезгливо одинаковые улыбки.

— Мы не какие-нибудь пьяницы из русского квартала, — проговорил старший раздельно. — Мы — честные аварцы. Нам надо кормить семьи! По десятке на каждого будет достаточно!

Владимир сдержал гнев, вспыхнувший в душе при слове «пьяницы», полез в карман. Наличных денег оказалось как раз достаточно.

— Благодарствуем, — старший из грузчиков оскалился в улыбке. — Пошли, ребята.

Они один за другим выбрались из подвала, оставив после себя запах крепкого мужского пота. Заревел мотор грузовика, послышался шорох шин по асфальту.

Владимир дождался, когда все стихло, нажал кнопку на вмонтированном в стену пульте. Двери подвала закрылись. Слабенькая лампочка под потолком силилась разогнать полумрак, но удавалось это ей с большим трудом. В углах подвала царствовала тьма, превращая сваленные там кучи хлама в нечто страшное и непонятное.

С тихим шипением распахнулась дверь лифта, приехавшего сверху. В его кабине обнаружился Игорь Пороховщикov. Зажужжал мотор инвалидной коляски, и вскоре хозяин мастерской оказался рядом с Владимиром.

— Это она? — спросил он, указывая на ящик, который огромным гробом возвышался около стены.

— Она, — кивнул Владимир, почти физически чувствуя, как резкий голос художника скребет по ушным перепонкам, словно наждак.

— Открой, посмотрим, — Пороховщиков двинул коляску чуть вперед. Поднялась его худая рука, указывая на одну из стен. — Там должен быть топор. Возьми.

На пожарном щите действительно нашелся топор. Лезвие было тупым, словно его никогда не точили, а на рукояти сохранились следы красной краски. Но для того, чтобы вскрыть ящик, он вполне сгодился.

Доски трещали; скрипели, не желая поддаваться, гвозди; в стороны летели щепки и опилки. Владимир слегка вспотел, орудуя топором, а когда прочная крышка наконец поддалась, вздохнул с облегчением.

Внутри, маслянисто отблескивая серебристым металлом, на специальных распорках, исключающих контакт со стенками, лежала бомба. Она не выглядела грозно или опасно. Обычный цилиндр — высотой в человеческий рост и толщиной в метр.

Сверху был закреплен пульт дистанционного подрыва в виде сотового телефона.

Владимир протянул руку и взял его. Прибор удобно лег в ладонь, при нажатии клавиши включения на панели замигали огоньки, похожие на маленькие злые глаза.

— И вот это, — спросил Игорь, и голос его был хриплым, — способно уничтожить всю Москву?

— Не всю, — ответил Владимир, изучая пульт. — Но большую часть — точно.

— Да, — художник усмехнулся. — Когда одним движением пальца ты способен убить такую прорву народа, то невольно чувствуешь себя богом.

— Скорее — дьяволом! — ответил Владимир мрачно.

— Неважно, — Пороховщиков махнул рукой, затем замолчал на мгновение, а когда заговорил вновь, то в голосе его была горечь. — Ты знаешь, Володя, мне кажется, мы слишком далеко зашли...

— И ты, Брут? — усмехнулся Владимир, чувствуя, как поднимается из глубины души злость. — И ты готов пойти за Станиславом?

— Нет, — покачал головой художник. — Ты меня не так понял. Я не сомневаюсь в нашем деле, в том, что мы должны сражаться за свои права, пусть даже с помощью терроризма! Но ядерная бомба...

Вновь наступила пауза. Слышно было, как жужжит залетевшая в подвал муха.

— Мы вместе служили, — Пороховщиков опустил голову. — Вместе воевали. Ты меня знаешь. Я не предатель. Но хотя китайцы виноваты в том, что я остался без ног, я не обрадуюсь, если в Пекине или Шанхае сработает ядерная бомба. А ты хочешь взорвать ее в Москве. Сердце России надолго окажется необитаемым...

— Да, я готов пойти на это! — сказал Владимир зло, ощущая, что невольно сжимает ладони в кулаки. — Лучше пусть здесь будет ядерная пустыня, чем город, принадлежащий азиатам и кавказцам!

— Я понимаю тебя, — художник печально вздохнул. — И не буду отговаривать. Ведь если ты взорвешь бомбу, то я погибну одним из первых...

На узких губах Пороховщикова появилась улыбка, бледная, словно ночная бабочка.

— Мы все умрем, — проговорил Владимир без прежнего пыла. — Раньше или позже. Вопрос лишь в том — как? С честью, или словно смердящие псы, в сточной канаве...

Он замолчал, бросил взгляд на часы.

— Мне пора на занятия! Потом еще поговорим!

— Конечно, — ответил Игорь, включая мотор коляски и направляя ее к лифту. — Пойдем, провожу тебя.

Парадный мундир, идеально погнанный по фигуре, в то же самое время нещадно жал, а ботинки казались настолько неудобными, словно были на два размера меньше. Чувствовал Виктор себя крайне неуютно.

Помимо всего прочего, в приемной министра внутренних дел было очень жарко, и хотелось выйти и глотнуть свежего воздуха.

Сидящий рядом полковник Мухаметшин выглядел мрачнее тучи. Свежевыбритый подбородок блестел, точно смаэзанный маслом, а глаза начальника антитеррористического отдела были красными, словно у кролика. Давала знать о себе бессонная ночь.

Вызов к министру последовал неожиданно, и собираясь пришлось в спешке. Виктор держал на коленях тонкую папочку с материалами, которые могут заинтересовать высокое начальство, и она все время норовила выскользнуть из мокрых от пота рук.

Несмотря на срочность вызова, в приемной их продержали почти полчаса. Полковник уже начал беспокойно шевелиться, проявляя желание покурить, когда секретарша медовым голосом проговорила:

— Господин министр готов принять вас. Проходите.

Полковник тяжко вздохнул, а поднимался со стула с такой натугой, словно на плечах у него покоилась тяжеленная штанга. Виктор ощущил, как сердце тревожно забилось.

Тяжелая дверь темного дерева распахнулась беззвучно. За ней кабинет — размером с хорошую залу. Через большие окна падает яркий дневной свет, стены отделаны резными панелями. Над головой хозяина, восседающего за огромным черным столом, выточенным словно из каменной глыбы, — портрет президента.

— Прошу вас, — министр, подтянутый и элегантный, поднялся навстречу гостям. На лице его играла дружелюбная улыбка, но глаза были холодные, изучающие.

Виктор сел на предложенный стул, чувствуя себя змеей под взглядом заклинателя. Рядом умостился тяжело пыхтящий полковник. От него несло потом, словно от пахотного коня.

— Итак, господа, — проговорил министр, и тут же улыбку словно сдуло с его лица, — я весьма недоволен вами.

Сказано это было таким тоном, что Виктор напрягся, ожидая, что последует немедленное распоряжение о снятии с должности, понижении в чине, переводе на Чукотку, суде, расстреле...

— Да, я недоволен, — повторил министр. — Террористы взрывают тюрьму, следственный изолятор специального на-

значения! И как я, например, могу чувствовать себя после этого в безопасности?

— Никто не может чувствовать себя в безопасности там, где есть терроризм, — сказал Мухаметшин твердо.

— Верно, — неожиданно легко согласился министр. — Так что президент готов пойти на крайние меры. Терроризм жестко завязан на националистическое движение, и такая ситуация уже была в нашей стране. В конце двадцатого — первой половине двадцать первого века. Но с ней удалось справиться.

— Вы имеете в виду действия генерала Суханова? — звенившим от напряжения голосом спросил Виктор. — Который сумел организовать тотальное истребление целого народа в течение двух недель? И какой же народ вы хотите уничтожать на этот раз? Если русский, то вам придется отправить на расстрел и меня!

— Ну, не принимайте все так буквально, — министр улыбнулся. — Бряд ли мы пойдем на такие меры. Расскажите лучше о взрыве. Молчите, полковник, я хочу послушать майора Белкина!

— Несомненно, его осуществили представители Российского национального комитета, — проговорил Виктор осторожно, глядя на министра. В голове зашевелилась злая мысль: «А ты сам-то какой национальности? Судя по фамилии, уж точно не русский...», — с целью уничтожения попавшей в наши руки террористки Нафановой. И цели своей они, к сожалению, достигли.

— Это я понял, — иронично усмехнулся министр. — Дальше!

— При взрыве также погиб полковник СКС Бритни.

Министр помрачнел, на лицо его набежала тень.

— Это я тоже знаю. Жаль, жаль...

— Кстати, — вмешался полковник Мухаметшин. — Почему поисками ядерной бомбы занимается не местное отделение Службы, а приехавшие офицеры со своим персоналом?

— Это необходимо, — министр зачем-то оглянулся, словно взглядом мог обнаружить подслушивающие устройства.

ва. — В штаб-квартире СКС подозревают, что в местном отделении есть осведомитель, работающий на террористов. Если вести работы обычным порядком, то злоумышленники будут знать о ней все и легко уйдут от тех, кто их будет ловить.

— Ничего себе, — протянул полковник. — Кто бы мог подумать...

— Так что, господа, — министр глянул сурово, — хотите вы или нет, но сотрудничать с майором Спирсом вам придется.

Мухаметшин протестующе засопел, но выразить возмущение ему не дали.

— Никаких возражений, — министр поднял руку. На запястье блеснули дорогие часы, — лучше расскажите мне о том, что вы планируете делать. Через час мне ехать к президенту, и я хочу обладать всей информацией!

На кафедре царила спокойная, расслабляющая атмосфера. Исходил паром на столе вскипевший чайник, пахло лимоном и свежей заваркой. Владимир, совершенно опустошенный после трех пар лекций, сидел в углу и смотрел, как в комнате один за другим появляются коллеги, закончившие занятия.

Зазвенели извлекаемые из шкафа чашки и Зара Асламовна, секретарь кафедры, принялась разливать чай. Посыпалось легкое журчание, аромат заварки стал сильнее.

Первую чашку ухватил, как обычно, нетерпеливый Али Мехмедович. Глотнул и тут же скривился — жидкость оказалась слишком горячей.

— Вперед батьки в пекло не суйся, — с улыбкой заметил доцент Осипенко. — Куда торопишься-то?

Пили чай, в коридоре было тихо — студенты дневного отделения покинули институт, вечерники еще не появились, и сама собой завязалась беседа.

— Нет, не могу я понять терроризм, — сказал Али Мехмедович, протирая вспотевший лоб носовым платком. — С точки зрения потомственного интеллигента — не могу. Зачем взрывать тюрьму?

— Говорят, что в ней содержался опасный для них свидетель, — осторожно заметил ассистент Назарбаев. — Вот и убили его.

— Что, разве нет других способов это сделать? — Али Мехмедович всплеснул руками. Весь вид его выражал крайнее негодование. — Нет, надо уничтожить древнее здание, убить несколько десятков человек!

— Попробовали бы вы сами, Али Мехмедович, — сказал Владимир с улыбкой, — проникнуть в хорошо охраняемое здание, в камеру, убить свидетеля и после этого еще и выбраться оттуда живым, не оставив следов! Я не представляю, кому это под силу. Разве что суперменам, героям романов писателя Головачидзе!

— Да, задачка непростая, — Али Мехмедович слегка смущился, но тут же вновь затараторил, как ни в чем не было. — Но стоит отметить, что эти террористы ведут борьбу за национальные интересы русских! Такое в мировой истории мы видим впервые — чтобы представители титульной национальности прибегали к террору!

— Так и не было такого в новой истории, чтобы представители титульной национальности оказывались в собственной стране в меньшинстве, — проговорил Владимир, отставляя опустевшую чашку.

— Подобная ситуация, что бы мы о ней ни думали, привела к нестабильности государства! — вмешался в беседу Моисей Аронович, самый старший из работников кафедры. Ему давно перевалило за семьдесят, но он сохранял ясность и подвижность ума. — И я думаю, что дальнеше ситуация будет только хуже! Тяжелого политического кризиса не миновать.

— Это еще почему? — вскинулся Али Мехмедович.

— Ни одна империя... не кривитесь, Али! Империя не означает формы правления, а всего лишь определенный тип государственного мышления! Россия всегда была империей! — Моисей Аронович оглядел собеседников, словно выискивая оппонентов, но никто не стал возражать. — Так вот, ни одна империя, не сумевшая сохранить ядро — титульную народность, ее создавшую — не выжила! Вспомним Рим. Как

только римляне растворились среди других народов, потеряли самосознание и доминирующее положение, громадная держава рухнула! Точно так же — империя Чингизидов. Тураецкая держава выродилась, когда ядром ее армии стали славяне-янычары! Последний пример — Соединенные Штаты Америки. Уж на что могучее было государство — почти весь земной шар под себя подмяло! А когда этнос англоамериканцев, выходцев из восточных штатов, затерялся среди негров, латиноамериканцев, итальянцев и китайских эмигрантов — тут же вам гражданская война и распад государства! Как мне кажется, то же ждет и нас, причем довольно скоро...

— Так что, у России нет будущего? — охрипшим голосом спросил Осипенко.

— Когда-то президент Путин сказал, — проговорил Владимир негромко, но все сразу повернулись к нему. В глазах — жадное внимание, — «Или Россия будет великой, или ее не будет вовсе». Если русский народ не возродится во всем величии, то гибель державы неизбежна. А то, что рождается на ее обломках, уже не будет Россией.

В комнате наступила гробовая тишина. Слышно было, как топает кто-то в коридоре, как грохочет ведрами уборщица в расположеннном за стеной актовом зале.

Звонок телефона хлестнул по нервам, словно электрический разряд. Все одновременно вздрогнули, а Зара Асламовна, едва не опрокинув чайник, поспешила взять трубку.

— Владимир Святославович, это вас!

Он ощутил некоторое удивление — кто бы это мог быть, но трубку взял.

— Я слушаю.

С другого конца провода донесся напряженный, словно тетива, голос Николая:

— Привет. Станислав только что позвонил.

— Куда? — задал дурацкий вопрос Владимир, ощущая, как сердце начинает колотиться все чаще, а рука невольно тянутся к карману, в котором лежит предмет, лишь внешне похожий на сотовый телефон.

— Сам понимаешь, куда, — контрразведчик сочно выругался. — Быстрее к нему на квартиру. Тебе ближе — может,

еще успеешь их опередить. В любом случае, что бы ни произошло там, жди меня в кафе «Бегония». Оно в квартале от дома Станислава. Понял?

— Да, — Владимир положил трубку на место, а затем, стараясь двигаться неторопливо, поднялся. — Вынужден вас покинуть, коллеги. Я пойду.

— Счастливчик, — с улыбкой пробурчал Осипенко. — Мне еще две пары отрабатывать!

Владимир вышел в пустынный коридор. У расписания толклись студенты. Не стесняясь их, он побежал. Так, как не бегал, наверное, со времен службы в армии.

Вихрем промчался по коридору. Ботинки простучали по мрамору лестницы, ладонь скользнула по лакированным перилам, и вот он уже в вестибюле первого этажа.

Охранник посмотрел изумленно на бегущего преподавателя, но Владимиру было не до него. Он пробежал через вертушку с такой скоростью, что та закрутилась с недовольным гулом.

На улице прохладный воздух попал в разгоряченное горло. Владимир закашлялся, но не замедлил шага. Бросился к вечно стоящим чуть в стороне от здания университета светло-желтым машинам такси.

— На Чертановскую, быстро! — сказал он, открывая дверцу.

Не привыкшее к тому, что на него шмякаются со всей силы, сиденье жалобно заскрипело, взревел мотор, и машина рванула с места. Таксист не стал спрашивать — что да как. Видно, что торопится пассажир. Глядишь, за скорость еще доплатит.

Ветер шелестел в полуоткрытом окне, неся запахи листьев и мокрого асфальта, негромко играла магнитола, по сторонам стремительно проносились дома. Шофер ехал рискованно, но правил не нарушал, настороженно зыркал в зеркальце заднего обзора большими темными глазами.

А Владимир все не мог отдохнуться. Грудь ходила ходуном, в ней что-то хрипело и хлюпало. Воздух вырывался изо рта горячий, словно из топки. «Да, запустил я себя!» — подумал он невольно.

— Куда точно ехать? — спросил водитель, когда машина с визгом и лязгом выметнулась на Симферопольский бульвар.

— На Черноморском бульваре остановите, — буркнул Владимир, извлекая идентификационную карту и вставляя ее в считающее устройство. — Прямо на перекрестке.

Таксист удовлетворенно улыбнулся, когда со счета клиента на его перетекло денег в полтора раза больше, чем полагалось по счетчику. Когда машина остановилась, сказал приветливо:

— Счастливого пути!

Но Владимир его не слушал. Он выскочил на тротуар и скорым шагом двинулся на запад, к Азовской улице.

Пройдя два квартала, Владимир свернул. Прошел небольшой скверик, где на скамейках чинно сидели бабушки, а посередке высился памятник президенту Синеву, творцу экономического чуда середины XXI века.

Сразу за сквером начинался огромный дом типа «китайская стена», построенный еще в середине прошлого века и населенный в основном небогатыми людьми. В нем-то и жил Станислав.

Владимир свернул за угол и едва не споткнулся на ровном месте. У третьего подъезда, который ему как раз и был нужен, стояли сине-белые милиционские машины. Расположившиеся вокруг них сумрачные парни, в форме и с автоматами, глядели сурово и решительно, и чтобы не вызывать подозрения, Владимир прошел мимо и зашел в соседний подъезд.

Кулаки сжимались, в груди клокотала ярость. «Опоздал, опоздал! — ругался мысленно Владимир, поднимаясь по лестнице. — И зачем мы только ждали? Надо было его ликвидировать еще тогда!»

По телу растекалось липкое ощущение страха.

Устроившись у окна на лестничной площадке, он видел, как из подъезда вышел Станислав в сопровождении двух милиционеров. Шел предатель медленно, сгорбившись и опустив голову.

При взгляде на него Владимир сжал зубы, чтобы сдержать рвущиеся с языка ругательства. Руки молили об ору-

жии, о снайперской винтовке, из которой с такого расстояния просто невозможно промахнуться...

Станислава посадили в одну из машин. Милиционеры споро заняли места, взревели моторы и милицейская кавалькада скрылась в отдалении. Только в этот миг Владимир ощутил, что на площадке, на которой он стоит, резко воняет кошачьей мочой, а в углу высится куча разнообразного мусора...

Хлопнула дверь, на пролет выше появилась дородная светловолосая тетка в цветастом платье. При виде чужака взгляд ее стал подозрительным.

— Ходят тут всякие, — сказала она суворо. — И зачем? Позвать, что ли, Ивана? Он чужаков не любит, особенно евреев...

Кипя, точно перегревшийся самовар, Владимир поспешил вниз. Еще не хватало, чтобы его здесь запомнили! Вонь шибала в нос и заставляла прибавлять шаг. Наверху ругалась местная жительница.

В кафе «Бегония» было почти пусто. В углу компания молодых людей в черных куртках потребляла пиво. Слышались сильные голоса и взрывы хохота, сверкали бритые головы.

Владимир сел подальше от них, за столик рядом со стойкой. Едва успели принести заказ — черный кофе, как хлопнула дверь и появился Николай. Лицо его было осунувшимся, глаза глядели тревожно.

— Ну что? — спросил он, подсаживаясь к Владимиру. — Опоздал?

— Да, — кивнул тот убито и отхлебнул из чашки. Напиток оказался неожиданно хорошим, но даже вкус кофе не мог смыть горечь неудачи. — Перед самым носом увезли!

— Ясно, — кивнул контрразведчик. — Что думаешь делать?

— Не знаю, — пожал плечами Владимир. — Он ведь выложит все на первом же допросе. И про тебя и про меня.

— Я знаю, — брови Николая сошлись к переносице, а лицо словно окаменело. — И допрос этот состоится очень скоро...

Сбоку послышались тяжелые шаги, носа коснулся запах пивного перегара. Владимир поднял голову.

Двое крепких ребят из той компании, что сидела в углу, топтались у самого столика. Лица их были одинаково невыразительными, на них застыла гримаса злого упрямства.

— Чего надо? — недружелюбно поинтересовался Николай.

— Валите отсюда, жиды пархатые, — заявил тот из парней, что слева, с пронзительно синими, словно сапфиры, глазами. — Вам тут, в русском квартале, не место!

— А вы кто такие? — спросил Владимир, а про себя подумал с горечью: «Понятно, почему в том подъезде так грязно. Там живут мои соплеменники!»

— Мы, — гордо выпятил грудь синеглазый, — русские националисты!

— А с чего вы взяли, что мы евреи? — спросил Николай. По его лицу было видно, что контрразведчик несколько опешил.

— А все, кто нам не нравится — жиды, — медленно, рокочущим голосом проговорил второй из парней, с толстой шеей и квадратной челюстью киногероя.

— Мы с ними боремся, отстаиваем права русского народа! — торопливо сказал второй.

— И как же? — поинтересовался Владимир. Страха не было, лишь злость на «националистов», которые только и способны хлестать пиво по кабакам и издеваться над теми, кто слабее.

— Мы их бьем! — рявкнул парень с квадратной челюстью и шагнул к сидящим, намереваясь перейти к практике «борьбы за интересы русского народа». Но неожиданно он сбежал на полу шаге, занесенная рука замерла, а взгляд прикипел к раскрытыму удостоверению, которое появилось в руках Николая.

— Э, просим прощения, — поспешил заговорил синеглазый, на лице его появился страх. — Господин майор, мы просто пошутили... Надеюсь, вы...

— Убирайтесь! — сказал Николай тихо. Борцов с жидкими словно ветром сдуло. Контрразведчик убрал удостоверение майора милиции и невесело улыбнулся.

— Вот твари!

— Да, — согласился Владимир. — Так что делать будем?

— Есть один вариант, — Николай вздохнул, в глазах его мелькнула нерешительность. — Я смогу пройти в здание УВД и убить предателя.

— Так тебя схватят!

— Не успеют, — контрразведчик неожиданно посмотрел на Владимира с такой грустью, что того пробрала дрожь. — Время на то, чтобы пустить пулю в лоб, у меня останется!

— Ты думаешь, это стоит того?

Николай молча кивнул. Лицо его было решительным.

— Татьяна, Иван, теперь ты... — сказал Владимир, чувствуя, что грудь готова лопнуть от боли. — Зачем жить, если вы все уходите?

— Кто-то должен продолжать борьбу! И лучше всего, если это будешь ты. Твоя смерть была бы невосполнима, а ты найдешь новых лучших людей!

— Это вряд ли! — заявил Владимир убежденно.

— Ладно, времени нет, — контрразведчик бросил взгляд на часы и поднялся. — Они уже довезли его.

— Успеешь? — спросил Владимир, вставая.

— У меня машина с мигалкой.

Они вышли из кафе, обнялись. Лицо контрразведчика было спокойным, просветленным, словно неизбежная смерть не пугала его.

— Прощай! — сказал он, садясь в серый, обтекаемой формы автомобиль.

— Прощай! — ответил Владимир, глядя, как машина с ревом исчезает за поворотом.

После поездки к министру у Виктора страшно разболелась голова. Целый день он мучился, пока не выкроил время зайти в медицинский центр управления. Провел там час вда-

ли от телефонов, компьютера и суеты расследования, вышел отдохнувшим и посвежевшим.

После процедур голова была приятно легкой, в ней не чувствовалось напряжения, а тело слегка покалывало, словно по нему бегали электрические заряды.

Но блаженное состояние продолжалось недолго. У самого входа в кабинет Виктора поймал капитан Асланян. Глаза его были вытаращенными, усы топорщились, точно у испуганного кота.

— Товарищ майор, товарищ майор, привезли! — затараторил он.

— Кого? — недоуменно спросил Виктор, с ужасом чувствуя, как череп наливается хорошо знакомой свинцовой тяжестью, а из тела уходит приятная истома.

— Без вас позвонил человек! — от возбуждения капитан едва не подпрыгивал, а в правильной всегда речи неожиданно прорезался кавказский акцент. — Он сообщил, что обладает данными относительно террористов, что сам из них!

— Когда его привезли?

— Только что! — Асланян преданно ел глазами начальство.

— Хорошо, — Виктор похлопал подчиненного по плечу. — Ведите его ко мне.

Он вошел в кабинет. Тут пахло остывшим кофе, а за окном сгущался майский вечер. На темно-фиолетовом небосклоне зажглись желтые и белые глаза звезд. Виктор отгородился от их пристальных взглядов шторой и включил свет.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Виктор, устраиваясь в кресле.

В кабинете появился Асланян, а за ним, сопровождаемый конвойным, высокий мужчина с широкими плечами борца. Голова была опущена, а сильное тело казалось больным.

— Присаживайтесь, — сказал Виктор. — Вы, капитан, останьтесь.

Здоровяк опустился на стул, который заскрипел под его могучим телом. А когда пришедший поднял глаза, то Виктор

едва не отшатнулся — такая в них была боль. Да, непросто далось ему решение позвонить сюда...

Асланян устроился чуть в стороне.

— Как вас зовут? — спросил Виктор как можно мягче. Любой нажим сейчас будет губителен.

— Станислав, — ответил здоровяк и тяжело вздохнул. — Станислав Мержевский.

— И что вы хотите нам сообщить? — поинтересовался Виктор.

— Я... это, хотел! Ну рассказать... как и кто взрывал!

Закончив эту сложную фразу, Станислав замолчал. Видно было, что он сильно нервничает. Слова лезли из него с трудом, точно им приходилось протискиваться через узкое и неудобное отверстие.

— Рассказывайте, — подбодрил собеседника Виктор. — Мы вас очень внимательно слушаем...

Но не успел Станислав раскрыть рта, как резким и неприятным звонком разразился телефон экстренного вызова, связывающий майора Белкина с общей приемной отдела.

Виктор схватился за трубку, словно смертельного врага за шею, прорычал сердито:

— Майор Белкин слушает!

— Товарищ майор, — в голосе дежурного офицера угадывалось неподобающее по уставу удивление. — К вам прошел полковник Васильев из ФСБ. Сказал, что по делу о взрывах...

— Хорошо, спасибо, — ответил Виктор и положил трубку. Теперь он понимал удивление дежурного. ФСБ приходилось крайне редко работать вместе с МВД, и офицеры двух ведомств практически не пересекались. А тут — старший по званию, пришел лично, вместо того, чтобы позвонить!

Дверь открылась бесшумно, и в помещении появился плотный невысокий человек. Волосы, торчащие ежиком, се ребрились сединой, а в глазах застыло какое-то странное выражение.

— Добрый вечер, товарищ полковник, — сказал Виктор, поднимаясь из-за стола и протягивая руку гостю.

— Вечер добрый, — отозвался полковник, но руки не пожал, а вместо этого зачем-то полез во внутренний карман пиджака.

При звуках его голоса Станислав едва не подскочил на стуле. Плечи его напряглись, голова резко повернулась. На лице мелькнуло выражение страха, мгновенно сменившееся облегчением.

Рука Васильева вынырнула на свет. В ней блеснул металлом небольшой пистолет.

— Стой! — успел крикнуть Виктор. — Зачем?

Грохнул выстрел, в самой середине лба Станислава образовалась круглая аккуратная дырочка, и он с глухим стуком упал со стула.

Ахнул и выругался капитан Асланян.

Виктор очень остро пожалел, что стоя не сможет дотянуться до ящика стола, в котором лежит пистолет.

Из коридора доносился топот и испуганные крики — там услышали выстрел.

— Зачем? — спросил грустно полковник, поднося дуло ко лбу. — А затем, что иначе нельзя!

Грохнуло еще раз.

Глава 8. Двадцать шестое мая

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте.

Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

С. Есенин. Русь уходящая.

На фотографии погибший вчера вечером Мережевский выглядел моложе, чем в жизни. Собранная на него за ночь капитаном Делиевым информация оказалась не так обширна — не состоял, не привлекался, не участвовал, и Виктор просмотрел ее бегло, не надеясь найти что-либо ценное.

Но какая-то деталь зацепила глаз, не давая попросту закрыть файл. Некоторое время Виктор не мог осознать, что же его заинтересовало, и для очистки совести взялся просматривать информацию еще раз.

После вчерашнего ЧП пришлось написать несколько рапортов, выслушать разнос от начальства и испытать массу разнообразных эмоций, так что голова работала не лучшим образом. Поэтому читал он медленно, стараясь не пропустить ни единой запятой. Мысли текли вяло, неторопливо, словно воды равнинной реки: «Так, проходил службу в Вооруженных силах Российской Федерации... так, в такой-то период... так, в специальном подразделении «Амурские тигры». Где же я встречал это название?»

Некоторое время напряженно размышлял, не обращая внимания на назойливое чирканье телефона на столе. Аппарат смолк, и тут же вспомнился человек из этих самых «Амурских тигров», побывавший в этом кабинете совсем недавно...

«Как же его звали? Точно — Владимир Смоляков! В прошлом — один из участников русского националистического движения...»

Виктор вылетел из кресла, словно его укололи в седалище. Хлопнула непочтительно распахнутая дверь, в изумлении выпустили глаза подчиненные, а он уже почти бежал по коридору к кабинету полковника Мухаметшина.

Тот, к счастью, оказался на месте.

Слушал он майора, не перебивая, а когда тот замолчал, сказал:

— У тебя нет никаких доказательств! Ты основываешься только на интуиции и догадках! Ну и что, что они служили вместе? Этого мало!

— Кто еще мог повести за собой таких людей, как Мережевский, Нафанова, контрразведчик Васильев?

При упоминании последнего полковник скривился. То, что один из офицеров ФСБ оказался вероятным членом террористической организации (ничем иным его поступок просто не объяснялся!) вызвало немалый переполох.

— Кто еще? — повторил Виктор. — Они все — военные. Гражданскому они просто не поверили бы!

— Может быть, есть националисты-военные, о которых мы не знаем? — предположил полковник, неуверенно морща лоб. На лице Мухаметшина было написано сомнение.

— Вполне, — кивнул Виктор и тут же заговорил горячо, убедительно. — Но пока самая вероятная кандидатура организатора взрывов — Смоляков! Нужно его брать! Если ошибемся — извинимся и отпустим, зато если окажемся правы...

— Хорошо, — после минутного размышления кивнул полковник. — Я достану ордер на его задержание. Бери группу и выезжайте.

Ночевал Владимир не у себя. Приехал к Ольге, довольной таким оборотом дела, и остался у нее.

Хозяйка ранним утром ушла на работу, а он начал с того, что включил телевизор. По центральному каналу шли новости. Толстый пожилой журналист на фоне памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади рассказывал о том, что произошло вчера в здании УВД Москвы, пытаясь из слухов и обрывков информации составить верную картину случившегося.

Показали отрывок пресс-конференции полковника Мухаметшина. Тот был мрачен, на вопросы отвечал неохотно, больше уходил в сторону. Определенно сказал лишь, что да, имеются два трупа, и что для всех было бы лучше, если бы их не было...

При этой новости Владимир ощущал, что его охватывают противоречивые чувства — радость и грусть. С одной стороны — Николай сделал все как хотел, и разоблачение Российскому национальному комитету пока не грозит, а с другой — погиб человек, с которым рука об руку трудились несколько лет, работая на благо общей идеи...

Пребывая в непонятном настроении, Владимир выбрался из квартиры Ольги и направился к себе. На сегодня планировались лекции, и кое-какие материалы остались дома.

Метро быстро перенесло его с одного конца Москвы на другой, а когда выбрался на поверхность, то там царил сол-

нечный и теплый, почти летний день. Солнце ласково лучилось среди бирюзы неба, а ветер поглаживал по лицу, словно добрые и нежные руки.

Поддавшись очарованию момента, Владимир решил пройти две остановки пешком, вместо того, чтобы ехать на автобусе.

Вероятнее всего, именно это его и спасло.

Когда впереди из зелени деревьев выросла серая громада дома, интуиция, не раз спасавшая Владимиру жизнь еще во времена армейской службы, тронула сердце холодной лапкой.

На мгновение он остановился, даже сбившись с шага, а дальше пошел настороженно, оглядываясь по сторонам. Благодушное настроение улетучилось, сменившись холодной сосредоточенностью.

Едва из-за кустов стал виден подъезд, Владимир остановился.

И тут же мимо него по дороге пронеслись три одинаковые машины. Раздался визг тормозов, автомобили остановились, и из них, точно горошины из стручка, посыпались спецназовцы с автоматами.

Последним на улицу выбрался смутно знакомый офицер. Тот самый, что допрашивал Владимира неделю назад. По его команде автоматчики окружили дом, часть из них рванула в подъезд.

Владимир замер за кустами, стараясь не шевелиться и даже не дышать. В голове белкой в колесе крутилась одна мысль: «Откуда? Откуда они все же узнали? Или Станислав перед смертью успел рассказать? Но тогда за мной пришли бы еще ночью!»

В подъезде что-то глохнуло — взорвали дверь. От ярости Владимир сжал кулаки: сейчас грязными ботинками топчут его ковер, стволами автоматов тычут во все шели...

Холодной волной нахлынуло осознание: в эту квартиру ему больше не вернуться.

Он сгорбился, словно древний старик, и побрел назад, к станции метро. Скоро они начнут отслеживать его иденти-

ификационную карточку, и надо использовать немногое оставшееся время.

У самой станции обнаружилась синяя будка телефона-автомата, похожая на гигантскую упаковочную коробку для подарков. Владимир проник внутрь и набрал телефон мастерской Пороховщика.

— Привет, Игорь, — сказал он, когда на том конце провода сняли трубку. — Меня раскрыли. Да, они уже у меня в доме. До тебя вряд ли доберутся — никакой информации о тебе у меня дома нет. Свидимся вряд ли. Что? Может быть, и взорву. Увидим. Прощай!

Он повесил трубку. Некоторое время постоял, прислонившись лбом к холодной стенке. Сердце билось тяжело и глоухо, словно строительный молот, а в животе нарастало отвратительное, мерзкое ощущение — страх.

Обозлившись на себя, Владимир набрал еще один номер.

После первого же гудка ответил приятный женский голос.

— Да?

— Ольга, это я, — проговорил он, чувствуя, что произносить слова отчего-то тяжело, а сердце начинает сбоить, словно в его идеальный мотор попала песчинка.

— В чем дело? — с тревогой спросила она.

— Случилось то, чего ты так боялась, — выдавил он из себя. — Похоже, что мы больше не увидимся...

— Что? — голос ее сломался, в нем появились жалобные нотки. — Как? Может быть, что-то еще можно исправить? Ты где сейчас?

— Не могу тебе сказать, — ответил он. — И исправлять уже поздно. Я тебя люблю. Спасибо за все. Беги из Москвы как можно скорее и как можно дальше, и прощай!

Он отнял трубку от уха, при этом показалось, что она сделана из раскаленного чугуна. Некоторое время подержал на весу, скрипя зубами и слушая, как на том конце провода плачет любимая женщина.

Чувствуя, как что-то рвет в себе, что-то важное, необходимо, повесил трубку на рычаги.

— Ну твари, вы мне за это еще заплатите! — эти слова он почти прорычал и поспешно вышел из телефонной будки.

В кармане уютным зверьком устроился прибор, лишь внешне похожий на аппарат сотовой связи, а в кейсе затаился пистолет. Все, что необходимо, если ты собираешься шантажировать целую страну.

В управление Виктор вернулся в расстроенных чувствах. Смолякова в квартире не оказалось, и стремительный ее штурм лишь озадачил соседей.

На квартире остались специалисты, которым предстоит обшарить каждый ее сантиметр, да несколько бойцов спецназа — на случай, если хозяин вернется. Дверь восстановили, и теперь по ее виду не скажешь, что ее совсем недавно взламывали не самым аккуратным образом.

Едва Виктор оказался в кабинете, как требовательно зазвонил телефон экстренной связи.

— Слушаю, товарищ полковник! — ухватив трубку, сказал майор.

— Телевизор включи! — прорычал Мухаметшин, и в голосе его было столько злости, что Виктор ни на мгновение не озадачился необычностью приказа.

Поспешно ухватил пульт и нажал кнопку.

Экран озарился с чмокающим звуком. На нем появилась ухоженная дикторша, звезда первого канала. Но сейчас ее хорошененькая мордашка была не столь безмятежна, как обычно, а в умело подведенных глазах плескался страх.

— ... вам запись звонка, поступившего на наш телеканал, — проговорила она и застыла, глядя куда-то в угол экрана.

Из динамиков полился ровный, хорошо знакомый Виктору голос, принадлежащий Владимиру Смолякову.

— Говорит представитель Российского национального комитета, — сказал он. — Официально сообщаю, что в нашем распоряжении имеется готовый к использованию ядерный заряд. Он расположен на территории Москвы и может быть приведен в действие в любой момент. Это не блеф, и не советую вам мне не верить. Я требую — прежде всего личной безопасности. При малейшей угрозе моему здоро-

вью либо свободе со стороны правоохранительных органов я нажимаю на кнопку. Моя неприкосновенность должна быть гарантирована официальными лицами в течение двух часов по вашему же каналу! Кроме того, Дума должна до вечера отклонить закон о переименовании государства! Пока это все.

Мягкий щелчок — положена трубка.

Дикторша ожила — словно кто-то включил куклу.

— В настоящий момент, — произнесла она, тщетно стараясь скрыть дрожь в голосе, — мы пытаемся получить комментарии от правоохранительных органов. Но...

Виктор отключил изображение.

— Я видел, — проговорил он в трубку, которую все время держал у уха.

— Это дермо! — воскликнул полковник с таким напором, что Виктор невольно вздрогнул. — Это такое дермо, в котором мы еще никогда не были! И я боюсь, что в будущем мы окажемся в еще большем дерме! Всех быстро ко мне!

— Есть! — ответил Виктор и положил трубку. На душе было гадостно, не давала покоя мысль, что именно он, майор Белкин, недоглядел, не смог распознать опасного террориста, а нынешняя ситуация — плод его ошибки.

В рабочей комнате Виктор застал включенный телевизор, лица у подчиненных были ошеломленные.

— Все в кабинет полковника! Срочный вызов!

Он первым, подавая пример подчиненным, выбрался в коридор. За спиной слышался полный смятения гомон.

Полковник встретил их, сидя во главе длинного Т-образного стола, предназначенного для совещаний. Лицо Мухаметшина было багровым, а большие кулаки грозно лежали на столешнице.

— Явились! — приветствовал он вошедших. — Рассаживайтесь по местам! У нас есть пятнадцать минут, чтобы выработать план действий. Потом мне докладывать министру. Уж он-то не пожалеет моей задницы! У кого есть что сказать?

— Может быть, этот тип блефует? — предположил кто-то робко.

— Может быть! — рявкнул полковник и грохнул кулаками так, что массивный стол подпрыгнул. — Но мы должны рассчитывать на худший вариант, на то, что ядерная бомба у него действительно есть, и он сможет ее взорвать!

— Сверху пришел приказ готовить выступление по телевизору, — продолжил он, немного успокоившись. — Сообщить, что все его требования будут выполнены, дать контактный телефон, по которому он сможет связаться с кем-то из нас. Одновременно — попробовать найти его. По идентификационной карточке, через пеленгацию телефона. Если получится, взять его под наблюдение. Но не попадаться на глаза, а просто следить. Рано или поздно он ошибется, и тогда мы сможем его взять. Текст сообщения для телевидения поручаю готовить вам, майор Сайфуллин.

Пожилой офицер, с черными как смоль волосами и резкими чертами азиатского лица, сдержанно кивнул. Сказал спокойно:

— Заготовка будет в течение двадцати минут!

— Очень хорошо, — полковник оглядел собравшихся, взгляд его задержался на Викторе. — Вы же, майор Белкин, пойдете на контакт. Вы уже встречались с этим негодяем, работали с его личным делом и знаете, на что он способен... Так, что еще?

Договорить полковнику не дали. Дверь с грохотом распахнулась, и в помещение вошел майор СКС Спирс. Глаза его горели, а лицо корежила яростная улыбка.

— Добрый день, господа, — проговорил он. — Не помешал?

— Что вам угодно, майор? — Мухаметшин медленно поднимался из-за стола, напоминая встающего на задние лапы медведя.

— В связи с тем, что имеется угроза применения ядерного оружия, руководство вашим отделом переходит ко мне! Вот приказ министра, читайте! — Спирс оскалился на-гло и торжествующе. Блеснули острые зубы, похожие на волчьи.

В руке офицера СКС оказалась бумага, украшенная синими кругами печатей и геральдическим орлом.

— Так, — проговорил полковник. По налившимся кровью глазам было видно, до чего ему трудно сдерживать себя. — Так. Что же, господин майор, ослушаться приказа я не могу. Жду ваших распоряжений.

— Так-то лучше, — усмехнулся Спирс, но на лице его уже не было торжества. — Тогда садитесь и докладывайте, что вы намереваетесь предпринять в настоящий момент!

Майор слушал внимательно, не перебивал, при словах «взять под наблюдение» лицо его на мгновение исказилось. А когда Мухаметшин закончил, Спирс проговорил ровным голосом, словно только что не было словесной схватки:

— Все продумано хорошо. Но каждый этап будет осуществляться под контролем офицеров СКС. С вашего позволения, полковник, я расположусь у вас.

Мухаметшин кивнул, а Спирс бросил: «Все за работу», после чего вытащил из кармана мобильный телефон и принялся отдавать какие-то распоряжения.

Сотрудники отдела по одному покидали помещение.

Виктора у самой двери догнал полковник. Буркнул мрачно:

— Поговорить надо!

Вместе вышли в приемную, где обнаружились несколько человек в серых мундирах Службы. Один что-то втолковывал секретарю, тот сидел с обалдевшим видом и только кивал. Второй установил на столе ноутбук и тянул от него к окну провода, намереваясь подключиться к телефонной линии. Третий просто стоял и внимательнейшим образом рассматривал каждого из проходящих. Под этим взглядом становилось неуютно. Виктор ощутил, как внутренности пугливо сжались, а по позвоночнику пробежал холодок.

В коридоре вздохнул с облегчением.

— Что вы хотели, товарищ полковник?

— Эти засранцы взяли нас за задницу, — в обычной манере сообщил Мухаметшин. — И держат за нее очень крепко. Но я не верю им. Они ведут свою игру и вовсе не в том направлении, которое нам показывают. Так что ты должен быть готовым в любой момент выйти из-под контроля и действовать вопреки их приказам и инструкциям. Понял?

— Понял, — чуть охрипшим голосом ответил Виктор. Его подбивали, ни много ни мало, на открытое противостояние СКС — одной из самых могущественных спецслужб земного шара! И кто — собственный начальник!

— Я прикрою тебя, если смогу, — полковник говорил тихо, постоянно оглядываясь. — Но помни о том, что не все и в моих силах...

— Я понял, — кивнул Виктор.

— Тогда иди, — полковник похлопал подчиненного по плечу, и майор невольно покачнулся под могучей дланью.

Кондиционер натужно гудел, словно огромная ленивая муха, и Владимира все подмывало оглянуться и посмотреть, где же кружит надоедливое насекомое? С назойливым иррациональным желанием справляться удавалось не без труда.

Он сидел в небольшом баре. В зале было прохладно, а посетителей по раннему времени не было вовсе. За стойкой суетился бармен, иногда поглядывая на щедрого клиента, который сидит почти час, не забывая время от времени делать заказы.

Есть уже не хотелось, и Владимир лишь лениво прихлебывал кофе да посматривал на часы. До назначенного им самим срока оставалось не так много, и чем ближе он подходил, тем сильнее ощущалось внутреннее напряжение.

— Нельзя ли включить телевизор? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Конечно, — несколько удивленно ответил бармен.

Некоторое время он искал пульт. Затем экран озарился. На нем появились финальные титры какой-то «мыльной оперы». Жанр этот пользовался популярностью более двух столетий и сдавать позиции не собирался.

Под веселую музыку пробежали фамилии операторов, ассистентов и прочей кинематографической мелочи. Виктор напрягся, но после пошли рекламные ролики — один глупее другого...

Он сглотнул, ощущив, что в горле сухо, словно в Карамуках.

«Что они скажут? Как дальше вести себя? Или, может быть, не мучиться выбором и просто взорвать бомбу? — Он посмотрел на карман, в котором лежал пульт, похожий на сотовый телефон. — Нажать кнопку и... Нет. Ольга еще не успела отъехать достаточно далеко. Надо дать ей время».

Он ощущал, что сидит весь мокрый от пота, словно после интенсивного бега, когда реклама закончилась. Резко и сразу, без обычных заставок и затягивания.

На экране возник диктор. Спокойный, сосредоточенный мужчина. На висках седина, взгляд острый, пристальный. Этот не будет дрожать от страха, как та куколка, которая читала новости утром...

Вспомнив ее, Владимир зло усмехнулся.

— Передаем сообщение для Российского национального комитета, — проговорил диктор звучным баритоном. — От лица МВД лично министр гарантирует вам безопасность и свободу передвижений. Сообщаем, что начато экстренное заседание Государственной Думы по отклонению упомянутого вами закона. Дальнейшие требования можете излагать по номеру ноль два. Это сообщение будет повторено через десять минут.

Владимир удовлетворенно вздохнул. Они поддались на угрозы — и это хорошо. Значит, можно будет выторговать у них еще что-нибудь, прежде чем бомба будет приведена в действие...

— Вот гады! — проговорил бармен с чувством. — Террористы проклятые!

Владимир посмотрел на него почти с ненавистью, но быстро опустил взгляд, не желая выдавать своих чувств.

Допил кофе и поднялся, медленно и лениво.

— Спасибо, — сказал бармену. — Сколько с меня всего?

Рассчитавшись наличными, вышел из бара. На улице было жарко. От нагретого асфальта поднимались волны горячего воздуха, машины проносились через него раскаленными болидами, а подошвы прилипали к расплавившейся поверхности. Солнце, отражающееся от окон, слепило глаза.

После первых же шагов захотелось раздеться и нырнуть куда-нибудь в бассейн с ледяной водой. Владимир остро пожалел, что не успел переодеться во что-нибудь более легкое и вынужден париться в костюме.

Руку постоянно держал в кармане, рядом с взрывателем. На всякий случай.

Свернул в узкий переулок. Здесь очень кстати обнаружился магазин, торгующий бытовой техникой. В отделе сотовой связи Владимир приобрел одноразовый телефон. Когда извлек из кармана пачку купюр, лицо молоденькой продавщицы удивленно вытянулось.

— Что-то не так? — спросил Владимир, внутренне напрягаясь.

— Нет, просто у нас очень давно никто не расплачивался наличными, — девушка улыбнулась. — Это так необычно.

Она стрельнула глазками, а он улыбнулся в ответ. Но несвоевременная мысль: «Если я нажму кнопку, то от этой молодой и красивой женщины останется кучка пепла» испортила улыбку, превратив ее в вымученную гримасу...

Выйдя на улицу, он тут же набрал ноль два.

— Дежурный слушает, — отозвался все тот же голос.

— Это из РНК, — сказал Владимир угрюмо, — кто будет со мной говорить?

В трубке что-то всхлипнуло, словно милиционер разрыдался рыданиями. Затем последовала серия коротких щелчков, из которых выплыл знакомый Владимиру баритон.

— Белкин у телефона, — произнес он.

— Ты знаешь, кто я, — Владимир улыбнулся, представив, как сейчас напряжен майор, как дрожит, боясь совершил ошибку, из-за которой погибнет огромный город.

— Знаю, — ответил Белкин, тем не менее, твердо. В голосе его не было нерешительности. — Чего ты хочешь?

— Сейчас — только того, чтобы в Думе поторопились, отклоняя закон. Передай им, что у них есть час. Я перезвоню. Диктуй свой прямой номер.

Он нажал «отбой», спрятал трубку в карман. Миновал расположившийся на углу газетный лоток и свернул в пере-

улок. Здесь было темновато и мрачно, старинные дома нависали, словно готовые рухнуть скалы.

Соответствующие обстановке рождались и мысли. «Ну и что, даже если они отклонят закон? — подумал Владимир, минуя хлебный магазин, из которого доносился аппетитный запах свежих булок. — Что им помешает принять его потом, когда я не смогу их больше шантажировать?»

Нахлынуло чувство бесполезности происходящего.

«Может взорвать все прямо сейчас?» — мысль показалась спасительной.

В отчаянии он полез в карман, вытащил взрыватель и замер, не решаясь привести бомбу в действие. Сердце прыгало, словно взбесившийся кенгуру, лицо корежили судороги, а горло сжимала такая тоска, что хотелось выть...

«Неужели все зря?» — подумал он, поднося палец к кнопке.

— Вовка! — раздавшийся из-за спины звонкий и пронзительный голос заставил террориста вздрогнуть. — Айда в футбол! Выходи! Покажем этим с Шибаевского!

Владимир оглянулся. За его спиной, в пяти шагах, присыпал на асфальте белобрысый пацан лет двенадцати. В руках он держал черно-белый футбольный мяч, а на лице застыло упрямое выражение.

— Вовка! — возопил он еще раз, отчаянно подпрыгивая на месте.

В ответ распахнулось окно, оттуда высунулась лохматая рыжая голова.

— Сейчас выйду! — крикнула она. — Ты за Муратом заходил?

— Нет! Бместе зайдем!

Владимир неожиданно ощущил, что не решится спустить с цепи саму смерть, пока рядом эти мальчишки, полные жизни. Кто он такой, чтобы лишать их ее?

Взрыватель перекочевал в карман, а рука сама потянулась туда, где лежит успокаивающая холодная тяжесть. Пистолет. Последний штрих, чтобы расписаться в собственном бессилии...

Невесело усмехнувшись, Владимир зашагал дальше и вскоре вышел к небольшому парку. Тут успокаивающие шумели высокие старые вязы, могучие зеленые великаны, которые могли помнить еще ХХI век.

Некоторое время он стоял и смотрел, будучи не в силах оторвать взгляд от мельтешения листьев в голубой вышине, а когда развернулся, чтобы уйти, то прозвучал выстрел.

Что это был именно выстрел, он понял потом. В этот же момент тело, повинуясь неясному импульсу, резко дернулось в сторону, а по ушам хлестнул хорошо знакомый еще со времен службы звук.

Владимир метнулся в сторону деревьев. Перебросил тело через лавочку, перекатился по упругой и кочковатой земле. Сделал ложное движение, отвлекая стрелка, и затаился за стволом, толстым, точно железнодорожная цистерна.

Посланная вдогонку пуля бессильно вспахала траву. С всполошенными криками взвились с дерева галки. Где-то далеко, на самом краю слышимости, взвизгнула женщина.

Стреляли со стороны высотного дома. Владимир проходил мимо него пять минут назад. Палили, не особенно стесняясь. Даже глушителем не пользовались...

Владимир ощущал прилив гнева: «Кто решился на такое? Кто?»

В ярости выдернул из кармана трубку телефона.

Белкин ответил сразу.

— Слушаю?

— Вы что там, охренели, козлы вонючие? — прокричал Владимир. — Совсем с катушек съехали? Еще мгновение — и от всего вашего сраного города только пепел и останется!

— Спокойнее, — сказал майор, и в голосе его было искреннее удивление. — Что происходит?

— В меня только что стреляли!

Белкин выругался так, что ему позавидовал бы и пьяный матрос.

— Это СКС! — сказал он зло. — Они сейчас всем тут заправляют...

«СКС? Еще и эти на мою голову!» — от этой мысли Владимиру стало нехорошо.

— Я попробую прояснить ситуацию! — проговорил майор быстро. — А ты не подставляйся под пули и не нажимай кнопку! Слышишь?

«Как же, так я тебя и послушался!» — подумал Владимир, но вслух отвечать ничего не стал. Просто отключил связь.

Убрал телефон, а на смену ему вытащил пистолет.

«Ну ладно, давай поиграем!» — подумал он, ощущая прилив настоящего, злого азарта. В таком ты готов обмануть соперника, даже убить, лишь бы только победить. А уж если ставкой является твоя собственная жизнь, то тем лучше!

«Хоть в бою сдохну!» — решил Владимир и слегка высунулся из-за дерева.

Грохнул выстрел, взвизгнувшая пуля оцарапала кору.

Высунулся с другой стороны, для чего пришлось пройти несколько метров. Снайпер и тут не дремал, оставил отметину на стволе. Если так и сидеть за деревом, то его скоро обойдут и запросто пристрелят.

Остается бегство.

Он вдохнул и выдохнул несколько раз, готовя тело к бегу. Остро пожалел, что он в неудобном костюме, в котором трудно перемещаться с нужной скоростью.

Тем не менее, стартовал так резво, что снайпер его рывком прозевал.

Запоздало выстрелил, но не попал.

А Владимир пробежал полосу деревьев и стремительно сокращал расстояние до спасительного угла. Тут было открытое пространство, и он бежал рывками, меняя направление.

Но выстрелов почему-то больше не было.

Но он не думал об этом, а когда выскочил из зоны обстрела, облегченно вытер мокрый лоб.

Когда Виктор услышал короткие гудки отбоя, то готов был раздавить трубку от ярости.

«Как же так? Кто-то рискует ядерной катастрофой, идет против всех инструкций и приказов, провоцируя Смолякова».

Версия была всего одна.

Виктор оглянулся на офицера СКС, который серой тенью сопровождал его не первый час, и заторопился к выходу из комнаты. Вихрем пролетел коридор и, не обращая внимания на протесты сидящих в приемной, ворвался в кабинет полковника Мухаметшина. Бывший его кабинет...

Майор Спирс был здесь. Развалившись на стуле, он лениво потягивал что-то из высокого бокала, вглядываясь одновременно в экран ноутбука. На лице его была недовольно-брзгливая гримаса. Полковника, который час назад уехал в министерство, в кабинете не было.

— Это вы отдали приказ стрелять в Смолякова? — напрямую спросил Виктор, с трудом сдерживая кипящую внутри злость. — И как вы его обнаружили?

— У нас есть свои способы поиска людей, — ответил Спирс высокомерно, глядя на Белкина, словно на надоедливое насекомое. — Например, висящий над городом дирижабль, снабженный самой современной следящей аппаратурой. Мы запеленговали телефонный звонок Смолякова. Дальше все было делом техники. А убить злодея — разве не лучший способ с ним покончить?

— Вы хоть понимаете, чем рискуете? — заорал Виктор, не заботясь более о приличиях. — Ваш снайпер промазал! Что, если бы террорист нажал кнопку?

— Что же, — равнодушно пожал плечами Спирс, но глаза его полыхнули злобой. — Мир еще раз убедился бы, что Специальная Контрольная Служба нужна.

— И ради этого вы готовы погубить почти десять миллионов человек? — спросил Виктор тихо. — Немедленно отдайте приказ о прекращении стрельбы!

— Вы забываетесь, — издевательски улыбнулся Спирс. — Еще слово — и я отстраню вас от следствия...

— Слов не будет! — Виктор на мгновение ощущил себя на краю пропасти. Еще шаг — и дороги назад точно не бу-

дет. Вспомнился полковник, его распоряжение «действовать вопреки приказам и инструкциям»...

Шаг в сторону. Поднятый локоть. И резкий удар. Влажный хруст и сопровождающий офицер, который стоял за спиной, с мягким стуком падает на землю.

Еще одно быстрое движение, и зрачки майора Спирса расширяются, глядя в черное отверстие пистолетного дула.

— Отдавай приказ, — проговорил Виктор тихо. — А не то я прострелю тебе голову... Нет, лучше другое место. Не умрешь, но мужчиной быть перестанешь. Понял?

«Что я делаю? — пришла мысль, окрашенная страхом и неуверенностью. — Ведь за это — под суд!»

«Я спасаю жену и сына! Свой город и свою страну! — ответил сам себе и ощущил прилив твердости. — И сделаю для этого все, что понадобится!»

Лицо офицера СКС покраснело, а когда он заговорил, то в горле его слышалось гневное клокотание.

— Девятый, я первый, — сказал он в мембрану устройства связи. — По объекту больше не стрелять. Как поняли?

— Это девятый. Поняли хорошо, — отозвался басистый голос, в котором звучало удивление. — Слежение продолжать?

— Да, — проговорил Спирс и бросил на Виктора взгляд, полный ненависти.

— Очень хорошо, — сказал тот и показал на устройство связи, похожее на большой и уродливый сотовый телефон. — Дайте это сюда.

— Зачем? — удивился майор СКС.

— Надо, — коротко ответил Виктор, принимая в руку тяжелый прибор.

Спирс не успел ни увернуться, ни защититься, когда рукоятка пистолета въехала ему в затылок. Он просто упал вперед, уткнувшись лицом в столешницу.

Виктор поспешил раздел его и связал собственной одеждой. Привязал к стулу, а в рот вставил хороший, прочный кляп.

«Пусть отдохнет, — подумал майор, любуясь на творение своих рук. — А то нервный какой-то стал, агрессивный!».

Он проверил того, которого сразил ударом локтя. Тот лежал без сознания, а из сломанного носа сочилась ярко-алая, как морс, кровь.

Теперь у него было время. Не очень много — до тех пор, пока подчиненные майора не обнаружат его.

Пистолет Виктор убрал на место, а в приемную вышел спокойный, с серьезным лицом.

— Майор просил не беспокоить его, — сказал он сурово, обведя взглядом эсэсников. — Срочные вызовы можете направлять ко мне...

В коридор вышел не спеша, а уж тут припустил изо всех сил. Высунувшемуся из двери Делиеву бросил: «Замной!»

Словно два скаковых жеребца, промчались они по управлению. В гараже Виктор впрыгнул в дежурную машину, всегда стоявшую с включенным мотором, приказал водителю: «Выезжай!»

Сам же с замиранием сердца приник к отобранному у Спирса устройству связи.

— Девятый, я первый, — сказал он, ощущая, что отчаянно хочет проснуться. — Где объект сейчас?

— Первый, я девятый, — быстро пришел ответ. — На улице Льва Толстого. Двигается в сторону улицы Россолимо.

— Слышал? — спросил Виктор шофера. Тот кивнул. — Тогда давай туда. Как можно быстрее!

На заднем сидении изумленно сопел капитан Делиев.

Ноги после пробежки болели, а дыхание стало хрипящим. Он брел из последних сил, сжимая правую руку на оружии. Левая ладонь тесно обхватывала пульт дистанционного взрыва. Одно нажатие — осознанное или судорожное — и все...

Ему было плевать, что при виде грязного человека с пистолетом в руке и безумным взглядом люди шарахаются и спешат исчезнуть. Он чувствовал, что за ним следят, ощущал на затылке внимательные глаза — это было главное.

Но вот откуда они смотрят на него, он не мог догадаться.

Хотелось побежать, найти укрытие, спрятаться куда-то под землю, но он знал, что это не поможет. Просто нервы не выдерживали страшной нагрузки, вот и все.

Он пересек поперечную улицу, не обращая внимания, что идет на красный свет. Визжали шины, скрипели тормоза, матерились водители, а он все шел. Сам не зная куда. Словно загнанное животное, которое из последних сил тащится, окропляя снег кровью, в страстном желании жить пытаясь уйти от охотника...

Он не был ранен, но все равно чувствовал, что силы иссякают из него.

Он вышел еще к одной улице, на мгновение остановился. На другой ее стороне виднелся сквер. Большой, засаженный березами. Белели стволы, желтые пятна солнечного света лежали на изумрудной мягкой траве. Доносилось игривое птичье щебетание.

Ему вдруг очень захотелось туда.

Машин не было, и он безвоздорно перешел на другую сторону. Словно в облако, окунулся в запахи свежей молодой зелени. От них закружилась голова, захотелось лечь прямо на траву и уснуть, чтобы проснуться совсем в другом мире...

Но голос, прозвучавший сбоку, принадлежал миру этому.

— Господин Смоляков, давайте поговорим, — произнес он.

Владимир быстро развернулся, вскинул пистолет.

В трех шагах от него, демонстративно разведя в сторону руки, стоял майор Белкин. Вид у него был измотанный, лицо блестело от пота, а на ладони темнел свежий порез.

— О чём нам говорить? — прохрипел Владимир, чувствуя, как саднит горло. Поднял левую руку, демонстрируя за jakiy в ней взрыватель. — Одно нажатие, и нам не о чём будет говорить!

— Тогда поговорим так, чтобы этого нажатия не было, — Белкин бросил быстрый взгляд на взрыватель, в глазах его на мгновение мелькнул страх.

«Боится, — подумал Владимир, не чувствуя удовлетворения, лишь страшную, невыносимую усталость. — Все они боятся. И я боюсь».

— Я должен... взорвать это, — сказал он, не чувствуя убежденности и злясь от этого. — Это последний аргумент в пользу того, что русский народ достоин жизни...

— Нет, — покачал головой майор. — Это аргумент в пользу того, что русских надо уничтожать, точно бешеных собак! Что они не способны ни на что, кроме массовых убийств!

— Вот как? — спросил Владимир глухо, не замечая, как опускается пистолет в его руке.

Повисла пауза. Белкин стоял неподвижно, а Владимир ощущал, что сердце, придавленное страшной правдой, бьется все реже и реже. Ведь так оно и есть, взорви он бомбу — ничего не изменится, только к русским начнут относиться по всему миру так, как к арабам в начале XXI века.

Виктор вздохнул с облегчением, когда тон террориста из агрессивного, каркающего, стал обычным, почти человеческим. Смоляков расслабился, пистолет чуть опустился.

— Да, — сказал он после паузы, и на лице его вдруг возникла странная решимость, — но у меня еще есть свой личный последний аргумент!

Виктор дернулся, намереваясь что-либо сказать, но тут же замер, будучи не в силах вымолвить ни слова. Смоляков улыбнулся, грустно и страшно, молниеносным движением поднес пистолет к виску.

— Все было зря, — сказал он спокойно и четко. — Мы все равно обречены...

Хлопнул выстрел. Брызнула кровь. То, что недавно было человеком, упало на траву.

Виктор ощущал в ногах внезапную слабость. Не в силах стоять, он сел на землю. Не было желаний, даже мыслей, только непонятное чувство горечи, словно лишился чего-то очень близкого, дорогоого...

Все громче звучали, перекрывая чириканье птиц, сирены милицейских машин.

Эпилог. Двенадцатое июня

— Сегодня, в День Независимости нашей страны, мы чествуем людей, которые сделали все, чтобы она оставалась могучей и прекрасной, богатой и свободной! — голос президента, красивый и сильный, перекатывался под сводами огромного зала. Казалось, что говорит исполин, и чувствовал себя Виктор в такой обстановке неловко. — И то, что таких людей много, позволяет мне ощущать надежду, что у России есть будущее, и оно будет светлым!

Вокруг все сияло пышностью. Отделанные позолоченными барельефами стены, лепнина, мраморные колонны, роскошные, украшенные шитьем, занавеси. Виктор даже боялся представить, сколько все это может стоить.

Сам он в парадном мундире сидел на кресле рядом с другими отличившимися за прошедший год. Недалеко, на небольшом столике рядом с президентом, его ждал орден «За мужество» и приказ о присвоении очередного звания.

Но на душе было отнюдь не радостно.

Да, опасность полностью ликвидирована, организация, называвшаяся Российский национальный комитет, уничтожена. Ядерная бомба отправлена за океан, в хранилище.

Майор Спирс тоже получил свое. Он был снят с занимаемой должности и скоро подвергнется суду внутреннего трибунала Специальной Контрольной Службы.

Все произошло наилучшим образом.

Но почему тогда все время встает перед внутренним взором лицо Владимира Смолякова, почему постоянно вспоминаются его слова, а в сердце все сильнее стучится ощущение собственной неправоты?

ПЕРСОНАЛИИ
(В порядке рассказов в сборнике)

Афанасьев Роман

Родился в 1976 году, в подмосковном городе Наро-Фоминске. Сейчас проживает в Подмосковье, в поселке Кокошко-кино. Образование высшее, закончил Московский Открытый Социальный Университет, юрист. В настоящее время работает в коммерческой организации системным администратором.

Первая публикация состоялась в 2000 году: рассказ «Эбелин» вышел в кировоградском журнале «Порог». Дебютная книга «Астрал» вышла в апреле 2003 года, в сентябре книга получила приз Фестиваля фантастики «Звездный Мост» — второе место (серебряный кадуцей) в номинации «Дебютная книга». Автор романов: «Астрал», «Вторжение», «Источник Зла», «Огнерожденный».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/afanasev_r_s/index.html

Уланов Андрей

Родился в 1976 году, в Киеве. В настоящее время проживает в Риге. Образование неоконченное высшее, профессия — программист. Увлекается военной историей, интересуется оружием, в основном огнестрельным, и всем, что с ним связано. «Уланов» — это псевдоним.

Дебютная книга «Из Америки с любовью», написанная в соавторстве с В. Серебряковым, вышла в 2001 году. Автор романов: «Из Америки — с любовью», «Серебро и Свинец», «Раз герой, два герой», «Оборотень в погонах», «Додж по имени «Аризона», «На всех хватит!», «Серебряные пули с урановым сердечником», «Крест на башне», «Колдуны и капуста».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/ulanov_a_a/index.html

Погуляй Юрий

Родился в 1979 году в Ленинграде, где и проживает до сих пор. Образование — школа, Политехнический техникум (СПб), Лесотехническая Академия. В настоящее время работает инженером в Конструкторском Бюро.

Первая публикация состоялась в газете «Просто Фантастика» № 4(155) 2003 год — рассказ «Герои». Дебютная книга «Команда» вышла в 2004 году.

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/pogulay_j_a/index.html

Романов Виталий

Родился в 1978 году в Ленинграде, где и проживает в настоящее время. Образование высшее, закончил СПГУАП (Санкт-Петербургский Государственный Университет аэрокосмического приборостроения). По диплому — радиотехник. Служил в рядах Российской Армии на Северном Флоте. В настоящее время трудовая деятельность связана с ИТ — настройкой компьютеров, локальных сетей. Первая публикация состоялась в 2002 году. Рассказ «Сказка» был опубликован в журнале «Порог». Дебютная книга «Время пауков» вышла в 2003 году. Автор романов: «Время пауков», «Звездный Надзор», «Чужие в доме», «След черной кошки». Кроме художественных произведений опубликовал ряд статей по фантастике.

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/romanov_v_e/index.html

Ревва Игорь

Родился в 1965 году в Баку, где и проживает в настоящее время. Образование среднее техническое, в настоящее время работает журналистом. Много путешествовал и достаточно долго жил и в других городах.

Первые публикация появилась в 2002 году. Рассказ «Побег» стал победителем конкурса «Альтернативная реальность», проводимым журналом «Если». В этом же году вышла дебютная книга — роман «Последнее заклятье».

Автор романов: «Последнее заклятие», «Возвращение», «Сила Бессмертных», «Бессмертный принц», «Выбор», «Зона Власти».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/rewwa_i_j/index.html

Кликин Михаил

Родился в 1973 году в с. Лазарцево-Фомино Ильинского района Ивановской обл. Образование высшее, закончил Ивановский Государственный Энергетический Университет. Отслужил два года в армии. В настоящий момент проживает в г. Иваново, работает системным администратором.

Первая публикация в жанре фантастики состоялась в 2000 году. Рассказ «Мужик» был напечатан в Екатеринбургском малотиражном сборнике «Последний звонок». В этом же году в журнале «Техника — молодежи» был опубликован рассказ «Мозаика». Дебютная книга «Личный враг Бога» вышла в 2001 году.

Автор романов: «Личный враг Бога», «Три легенды», «Ни слова о магах», «Малыш и Буйвол», «Идеальный враг», «Страж Могил».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/klikin_m_g/index.html

Галихин Сергей

Родился 1973 году в Москве, где и проживает в настоящее время. По образованию — слесарь контрольно-измерительных приборов и автоматики. Сменил множество мест и направлений работы.

Дебют состоялся в 2001 году, когда повесть «Последний хранитель вечности» была опубликована издательством «АиФ-Принт» (в сборнике).

Автор романов: «Эра водолея или каждый имеет право знать», «Кольцо времени».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/galihin_s_v/index.html

Чекмаев Сергей

Родился в 1973 году в Москве, где и проживает в настоящее время. Образование высшее техническое. Литературной деятельностью занялся в конце 2001 года, дебютная публикация — рассказ «Драконьер» в мае 2002 года в журнале «Ф-хобби». На сегодняшний день рассказы автора напечатаны почти в сорока журналах. Несколько раз занимал призовые места на литературных конкурсах.

Автор романов: «Везуха», «Анафема», «Носители Совести».

Подробнее об авторе: <http://chekmaev.belomors.ru>

Казаков Дмитрий

Родился в 1976 году в Нижнем Новгороде, где и проживает в настоящее время. Образование высшее. Сменил множество мест и направлений работы. В настоящее время — профессиональный литератор.

Литературный дебют состоялся в 1999 году: рассказ «Легенда о ловце ветра» был опубликован в альманахе «Фантастика 21 В». Дебютный роман «Я — маг!» вышел в 2002 году и получил приз на Фестивале фантастики «Звездный Мост» — второе место (серебряный кадуцей) в номинации «Дебютная книга». В 2003 году роман «Истребитель магов» занял третье место (диплом) на Фестивале фантастики «Звездный Мост» в номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями».

Автор романов: «Я, маг!», «Истребитель магов», «Mag без магии», «Солнце цвета крови», «Солнце цвета стали», «Ночь судьбы», «Укротители демонов», «Война призраков», «Высшая раса».

Подробнее об авторе:

http://erasers.pp.ru/kazakov_d_l/index.html

СОДЕРЖАНИЕ

<i>B. Камила. Все началось в Харькове...</i>	5
--	---

Покой нам только снится

Роман Афанасьев. Анимация	11
Андрей Уланов. Заполните бланк заказа...	44
Юрий Погуляй. Экоцентр	68

Новые люди

Виталий Романов. A presto, caro mio	87
Виталий Романов. Поцелуй серебристой дымки	93
Игорь Ревва. Мы — первые!	100

Мы, роботы...

Михаил Кликин. Небеса для роботов	115
Михаил Кликин. Самый лучший внук	127
Михаил Кликин. Последний солдат последней войны	140

Наш дивный, новый мир

Сергей Галихин. Улыбка Сатаны	161
Сергей Чекмаев. Когда исчезли деревья	227
Дмитрий Казаков. Последний аргумент	239

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

Книжный ряд: Рецензии на фантастические книги, обзоры жанров и грандиозных авторских вселенных.

Контакт: Интереснейшие беседы с писателями-фантастами, редакторами издательств и другими деятелями фантастической культуры.

Машина времени: Популярные статьи о средневековом быте, оружии, о передовых технологиях и науке завтрашнего дня.

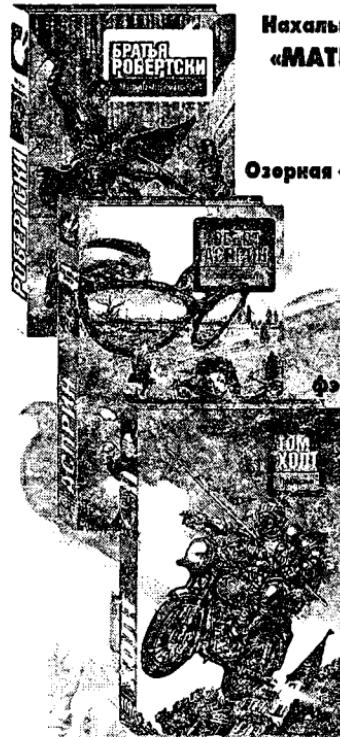
Бестиарий: Чудовища и разумные расы фэнтези и научной фантастики.

А также: Рассказы известных авторов, Видеодром, Игровой клуб, Врата миров, В центре вселенных, Комната смеха и другие рубрики!

Часть тиража журнала комплектуется компакт-диском с оригинальными материалами.

www.mirf.ru

ЛУЧШАЯ юмористическая фантастика – ВО ВСЕХ ЕЕ ВИДАХ И ЖАНРАХ!

Нахальная до гениальности пародия
«МАТРИЦА÷ПЕРЕМАТРИЦА»

Братья Робертски
против братьев Вачовски!

Озорная «производственная комедия»
из жизни ДЕМОНОВ АДА
«СВЯТОЙ ДЕСАНТ» –
воклюзники МИФической
эпохи, не пропустите!

Разгулялся ироническая
фэнтези «ГРААЛЬЩИКИ» –
Маги Пятого ХХI века!

Вы думаете, Астрий и Сашеф –
«это начало ВСЕ»?!
ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – "Книги по почте".
Справки по телефону: (095) 744 2917.
Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АСТ**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95

- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Новое тысячелетие

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Книжная фабрика № 1»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

ISBN 5-17-031392-6

9 785170 313921

«Стиратели-2000».

Литературный клуб МОЛОДЫХ ФАНТАСТОВ,
которые начали публиковаться НЕ РАНЬШЕ 2000
года.

Они гордятся тем, что не принадлежат ни к од-
ной школе или группе отечественной фантастики.

Они пришли в жанр КАЖДЫЙ СВОЕЙ ДОРОГОЙ
и дорожат своим «лица необщим выраженьем».

Их объединяет одно – все они, по словам осно-
вателя клуба Романа Афанасьева, «любят фанта-
стику ради фантастики, а не ради себя».

Добро пожаловать в клуб «Стиратели-2000»!

Роман Афанасьев и Сергей Чекмаев!

Игорь Ревва и Дмитрий Казаков!

Михаил Кликин и Андрей Уланов!

И многие, многие другие...

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ